

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 5(24)' 2011

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России
Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике
РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ДАНИЛОВ Александр Анатольевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории факультета социологии, экономики и права ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

БОРИСОВ Валерий Михайлович – Зам. Председателя Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории ГОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, проректор, зав. кафедрой всеобщей истории ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

АКУЛЬШИН Пётр Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и философии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой истории науки и техники ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ»

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор психологических наук

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, рук. Центра духовно-нравственного воспитания ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогических технологий ГОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экопсихологии развития Психологического института РАО

СТРЕЛКОВ Юрий Константинович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, зав. кафедрой труда и инженерной психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник НИИ психологии и развития способностей

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агенства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

РЫСКИН Николай Николаевич – член Совета, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института общей физики РАН, г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Рындин И. Ж. Русские княжества в первой трети XV в. в правление Витовта и Василия Тёмного (1400-1430 гг.) [Ч.17]...3
Головина Н. В. Монастырское землевладение Рязанско-Муромской епископии в период самостоятельности Рязанского княжества по актовым материалам XIV – первой четверти XVI вв.....14
Евстратов А. Е. Введение в действие Городового Положения от 16 июня 1870 года в городе Рязани.....21
Прончатова В. П. «Русское воспитание» Т. И. Филиппова.....27
Рафалюк О. Е. Проблема формирования системы ценностей русских писателей-модернистов на рубеже XIX-XX вв. (теоретико-методологическое обоснование).....33
Ковалев И. Г. Межпартийное противостояние в период разработки законопроекта о Парламенте 1911 года.....39
Соколов Е. Н. Принятие бюджета РСФСР на июль-декабрь 1919 года.....51
Соколов Е. Н. Попытка введения единого прогрессивного подоходно-поимущественного налога и её итоги.....56
Глухарев Н. Н. Деятельность Учёного Комитета при ЦИК СССР по регулированию международных научных связей (1930-1936).....62
Мостяев Ю. Н. Участие индийских войск в Араканской наступательной операции «Анаким».....69
Сафронов Б. В. Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Пусане (Республика Корея) в ноябре 2005 года.....76
Храмчихин А. А. Проблема китайской миграции на территорию России в аспекте расширения жизненного пространства Китая.....82
Анисимова С. Г. Социально-психологические аспекты девиантности в аномическом обществе: тренды и проявления.....89

II. ФИЛОСОФИЯ

Агапов Ю. В. Культура образования: идентификация предметной области и содержание понятия.....98

III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Илькевич Б. В., Никонов В. В. Становление художественно-промышленного образования в Гжельском регионе в первые годы Советской власти.....104
Митина Л. М., Кузьменкова О. В. Внутриличностные противоречия профессионального развития учителей.....110
Василенко Т. Д. Ситуация бесплодия как фактор трансформации жизненного пути личности.....118
Денисова Т. Н. Образ времени у лиц пенсионного возраста, продолжающих трудовую деятельность.....124
Константинов С. А. Комплексная технология патриотического воспитания молодёжи в системе образования.....129
Копылова Т. Ю. Особенности развития некоторых профессионально значимых качеств у студентов, обучающихся техническим специальностям.....135
Копысова Л. А. Концепция развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов.....141
Кочеткова С. В. Психическая саморегуляция в экстремальных видах деятельности.....147
Марков А. С., Сыркин Л. Д., Усов В. М. Сравнительная характеристика факторов риска психическому здоровью студентов и курсантов.....153
Ослон В. Н. Особенности психосоциального развития подростков-сирот в замещающей семье.....163
Раздорская О. В. Дидактический спектакль как технология развития рефлексивно-креативных навыков студентов.....171
Симоненко И. А. Изучение привязанности и её влияния на психическое развитие детей раннего возраста.....177
Соколов В. Н., Коротеев Г. Л. Методологические вопросы оценки качества групповой деятельности на тренажерах.....183
Урубкова Л. М. Интерсубъективность и переводческая деятельность.....191
Аборина М. В. Социально-психологические факторы типов субъект-субъектного взаимодействия.....210
Вепренцова С. Ю. Особенности воздействия старших подростков на эффективность первичной профилактики употребления младшими подростками психоактивных веществ.....218
Долгополов С. М. Развитие теории и практики адаптивного обучения и педагогического контроля в военных вузах.....224
Казарихина Т. Н. Реализация компетентностного подхода при подготовке будущих учителей математики.....230
Орлова И. Н. Соображения студентов Москвы и Омска о создании семьи и о будущих супружеских отношениях...235
Перекальский С. А. Концептуальная модель подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения).....241
Прохоров Р. Е. Психологические особенности старших школьников и их влияние на результаты государственного экзамена.....247

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Ленкова Т. А. Функции категории ретроспекции в медиалингвистике (на материале современной прессы Германии).....253

V. ЭКОНОМИКА

Афанасьев М. А. В поисках оптимальной модели государственного информационно-аналитического сопровождения предприятий национального внешнеэкономического комплекса.....260

VI. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии. Ч. 2. Динамика духовной заболеваемости криминального характера (Эпидемиологический анализ и математическое моделирование на примере преступности военнослужащих).....268
Темежникова Н. Д. Актуальные вопросы профилактики легионеллеза, связанного с путешествиями (Системный подход, оценка риска и практические рекомендации).....283
Шуматова Т. А., Приходченко Н. Г. Нутритивная недостаточность в патогенезе пищевой непереносимости у детей.....290
Summary.....298
Authors.....308

РЯЗАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ



УДК 94(47).035
ББК 63.3(2)42+63.214-1
Отечественная история, генеалогия правящих династий

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XV В. В ПРАВЛЕНИЕ ВИТОВТА И ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО (1400 – 1430 ГГ.) [Часть 17]

И. Ж. Рындин

Рассмотрение политической ситуации на Руси после битвы на Ворскле и до смерти великого князя Витовта Кейстутовича. Анализ прав престолонаследия Юрия Дмитриевича Звенигородского и его племянника Василия Васильевича Темного.

Ключевые слова
Ханский ярлык, великое княжение, княжеская корпорация, великокняжеский домен, Московский княжеский Дом, Великое княжество Литовское, Московское государство, майорат, родовое княжеское право

В 1399 г. умер старейший русский князь Михаил Александрович Тверской, оставив княжество сыну Ивану. Таким образом, старейшинство среди русских князей перешло в следующее поколение к Владимиру Андреевичу Серпуховскому (ум. в 1410 г.). Следом за ним по старшинству следовали: князь городецкий Василий Дмитриевич Кирдяпа (ум. в 1403 г.) с братом Семеном (ум. в 1402 г.) и их двоюродные братья Даниил Борисович (ум. после 1425 г.) и Иван Борисович Тугой Лук (ум. в 1418 г.). О Юрии Дмитриевиче Ногтеве никаких сведений, кроме упоминаний в родословцах, не сохранилось.

После суздальско-нижегородских князей следовали: Иван Всеволодович Псковский (ум. в 1402 г.), осенью 1399 г. выехавший из Пскова, и его брат Юрий Всеволодович Холмский (ум. в 1410 г.). Затем шел великий князь Иван Михайлович Тверской (ум. в 1425 г.) с братьями Василием Михайловичем Кашинским (ум. в 1426 г.) и Федором Михайловичем Микулинским (ум. в 1426 г.). За ними следовали Дмитрий Еремеевич Клинский (ум. в 1406/07 г.) с братом Иваном (ум. после 1406 г.), Федор Андреевич Стародубский (ум. после 1427 г.), Иван Андреевич Ногавица Ряполовский и Давыд Андреевич Палецкий.

В следующем колене находились: Андрей Федорович Ростовский-Борисоглебский (ум. в 1409 г.), Александр Константинович Ростовский-Сретенский (ум. в 1404 г.) с братом Владимиром. Далее шли белозерские князья: Юрий Васильевич Белосельский, Афанасий Васильевич Шелешпанский, Семен Васильевич Кемский и Сугорский, Иван Васильевич Карголомский.

Далее по родовому счету следовал великий князь Василий Дмитриевич со своими братьями: Юрием Галицко-Звенигородским, Андреем Можайским, Петром Дмитровским, Константином Углицким. В 1399 г. Андрей Дмитриевич сменил в Новгороде князя Патрикея Наримунтовича и Новгород вновь оказался под властью Москвы. В этом же колене находились: Иван Борисович Кснятинский (ум. после 1412 г.) и Даниил Васильевич Пожарский.

Ярославским княжеством в 1400 г. управлял князь Иван Васильевич (1373-1426 гг.) с братьями Федором Васильевичем Кубенским (ум. в 1434 г.), Семеном Васильевичем Новленским, Дмитрием Васильевичем Заозерским и Иваном-Воином Васильевичем Курбским. Моложским князем в это время был их двоюродный брат Федор Михайлович (ум. в 1408 г.). Его племянники Андрей Иванович, Глеб Иванович Шуморовский, Федор Иванович Ушатый и Андрей Львович Дуло также имели свои уделы.

Великим князем рязанским в 1400 г. продолжал оставаться Олег Иванович (ум. в 1402 г.), пронским – Иван Владимирович (ум. ок. 1430 г.).

Из верховских княжеств Москве в это время подчинялись Оболенское и Тарусское, благодаря тому, что Дмитрий Донской в 1392 г. купил у татарского хана ярлыки на эти княжества. В это время оболенским князем, вероятно, был Семен Константинович, его брат Иван владел Тарусой [8. С. 95]. Неизвестно, чем владел князь Андрей Константинович, родоначальник князей Долгоруковых и Щербатовых. В дальнейшем оболенские и тарусские князья перешли на службу к великим князьям московским. Конинскими князьями были Константин и Иван Федоровичи, спажскими – Борис и Михаил Мстиславичи.

По сведениям М.М. Крома, до 1425 г. московским князьям служили новосильские князья во главе с Романом Семеновичем (ум. после 1402 г.), который перенес столицу в г. Одоев [6. С. 36-37]. Вполне возможно, что еще при жизни отца его старший сын Василий стал князем белевским, а следующий по старшинству, Юрий, воротынским. Возможно также, что Василий Романович умер раньше отца и Одоев унаследовал Юрий (Василий в родословцах не называется одоевским князем). Следуя выводам по родословию новосильских князей, сделанных Ю. Вольфом, можно предположить, что младший сын Романа – Лев – получил от старшего брата Юрия Воротынск, после того, как последний стал одоевским князем. Воротынским князем значится и сын Льва – Федор [7. С. 278 - 280], от которого происходят князья Воротынские.

Остальные княжества подчинялись Витовту. Смоленским князем-наместником в это время был Роман Михайлович Брянский (ум. в 1401 г.), хотетовским - Михаил Иванович (упомянут в 1408 г.), мезецким – Андрей Всеволодович Шутиха, барятинским – его сын Александр Андреевич, звенигородским – Александр Федорович, болховским – Иван Иванович Адаш, карачевским – Святослав Титович, мосальским – его сын Юрий Святославич, перемышльским – Иван Титович, козельским – Федор Титович, елецким – Иван Федорович.

В отличие от Одоевских, Белевских и Воротынских князей, Мезецкие и Барятинские князья владели своими вотчинами как пожалованными от великого князя литовского. Очевидно, на таких условиях они получили свои княжества от Витовта [6. С. 48-49].

Мосальские князья также не сохранили владетельных прав на Мосальск, который находился в их совместном владении [Там же. С. 50-51].

Смоленские князья почти полностью утратили свои уделы на территории Смоленского княжества и перешли в разряд служилых князей московского и литовского великих князей. Продолжали владеть своим уделом лишь вяземские князья. В

1403 г. вяземскими князьями были Иван Святославич и Александр Михайлович.

Среди Рюриковичей, упоминаемых в это время, состояли: Василий Андреевич Вруцкий, Федор Данилович Острожский (ум. в 1403 г.), Семен Дмитриевич Друцкий (ум. в 1422 г.), Александр Четвертинский. Необходимо отметить, что Н.Н. Яковенко считает князей Друцких Гедиминовичами [5. С. 52-53].

Среди Гедиминовичей в 1400 г. старшим по возрасту и родовому счету был стародубский князь Патрикей Наримунтович (ум. после 1408 г.). Среди Ольгердовичей после битвы на Ворскле старшим остался Федор Ратненский (ум. ок. 1404 г.). Затем следовали: польский король Владислав II Ягайло (ум. в 1434 г.), новгород-северский князь Дмитрий-Корибут (ум. после 1404 г.), мстиславский – Семен-Лугвень (ум. в 1431 г.), брянский – Свидригайло (ум. в 1452 г.).

За Ольгердовичами следовали Кейстутовичи: великий князь литовский Витовт (ум. в 1430 г.), Сигизмунд (1365 - 1440 гг.); Кориятовичи: Федор Новогрудский (ум. в 1403 г.); Любартовичи: Федор Волынский (ум. в 1431 г.), Лазарь, Семен.

В следующем колене литовских князей находились сыновья Дмитрия Наримунтовича: Давыд Городецкий и Дмитрий Головня Острожецкий; сыновья Патрикея Наримунтовича: Федор, Юрий и Александр Корецкий (ум. в 1402 г.) [1. С. 29]; Андрея Ольгердовича – Иван Псковский; Дмитрия Ольгердовича – Михаил Трубчевский; Владимира Ольгердовича: Александр (Олелько) Киевский (ок. 1380 г. - 1455 г.), Иван Бельский (ок. 1385 г. - до 1450 г.), Андрей (ок. 1390 г. - 1457 г.); Константина Ольгердовича - Василий Чарторыйский (ок. 1370 г. - после 1417 г.); сыновья Федора Ольгердовича: Роман Кобринский (ок. 1360 г. - 1417 г.), Юрий (Гурко) Красницынский (ок. 1370 г. - после 1430 г.), Сангушко Каширский (ок. 1380 г. - после 1455 г.).

Следствием поражения литовцев на Ворскле стало вокняжение в Смоленске при помощи Олега Рязанского князя Юрия Святославича в 1401 г. Помимо рязанского князя в походе на Смоленск участвовали князья пронский, муромский и козельский. В Смоленске в это время правил князь Роман Михайлович Брянский, которого Юрий приказал убить вместе с пролитовски настроенными боярами.

Иван Михайлович Тверской, добившись от хана ярлыка на Тверское княжество, начал укреплять свою власть за счет младших братьев Василия Кашинского и Федора Микулинского. В частности, в 1401 г. он отобрал у Василия часть его удела и отдал его их племяннику Ивану Борисовичу. В то же время, он заключил договор со своим двоюродным братом Иваном Всеволодовичем, которому, очевидно, вернул Старицу (Городеск, как тогда ее называли). Примечателен тот факт, что Иван Всеволодович, будучи бездетным, завещал свой удел не родному брату Юрию, а двоюродному племяннику Александру Ивановичу, который в марте 1403 г. и стал старицким князем.

В 1402 г. скончался великий князь рязанский Олег Иванович, передав княжение сыну Федору. В том же году великий князь московский Василий Дмитриевич примирился с дядей своим, по матери, шуйским князем Семеном Дмитриевичем. Хотя Семен с братом своим Василием Кирдяпой в летописях называются князьями суздальскими и нижегородскими, таковыми они уже давно не являлись, поскольку ярлыком на Нижний и Суздаль владел московский князь. Оба князя не хотели смириться с потерей своей отчины, что и привело их к конфликту с Василием Дмитриевичем. Известно, что после примирения князь Семен отправился на Вятку, где вскоре умер (21.12.1402 г.). Возможно, что Вятка ему была дана в кормление московским князем. В следующем году скончался Василий Кирдяпа. Городецкое княжество было передано его двоюродному брату Ивану Борисовичу [3. С.

347].

В 1403 г. Витовт послал мстиславского князя Семена Лугвеня к Вязьме на князей Ивана Святославича и Александра Михайловича, которые были захвачены в плен и приведены к литовскому князю.

В том же году Иван Михайлович Тверской послал сына своего Александра на брата Василия Кашинского и изгнал последнего из его княжества. Василию Московскому с большим трудом удалось их примирить.

В 1404 г. Витовт «со всей силою литовской» пришел к Смоленску. Ему на помощь прибыл сын тверского князя Александр Иванович, но Юрию Святославичу удалось отстоять Смоленск. Не надеясь устоять против следующего прихода литовцев, Юрий отправился в Москву искать поддержки у Василия Дмитриевича. Но московский князь не счел нужным ссориться с тестем из-за Смоленска. Федор Ольгович Рязанский также ничем не помог смоленскому князю. В том же году Смоленск перешел под власть Витовта. Очевидно, договоренность о Смоленске была достигнута на совещании князей Витовта, Василия Дмитриевича Московского и Ивана Михайловича Тверского в 1401 г.

Юрий Святославич с братом Владимиром, сыном Федором и князем вяземским Семеном Мстиславичем пошел из Москвы в Новгород, где получил от новгородцев 13 городов, в том числе Русу, Ладогу и Орешек.

В 1405 г. великий князь тверской Иван Михайлович начал новую кампанию по укреплению Тверского княжества. Он захватил прибывшего к нему в Тверь брата Василия Кашинского, посадив в Кашине сына Александра. Вскоре после этого князь Юрий Всеволодович Холмский отъехал в Москву, боясь той же участи. В апреле следующего года Иван Тверской и Василий Кашинский заключили мир между собой, но последний, едва вернувшись в Кашин, вскоре также бежал в Москву, где получил в кормление от Василия Дмитриевича Переяславль-Залесский. Тверской князь направил в Кашин своих наместников, которые начали притеснять местное население. Вскоре в Кашин был направлен сын тверского князя Александр Иванович.

Зимой 1406 г. Витовт неожиданно взял на псковский город Коложу и осадил Вороноч. Московский князь направил на помощь псковичам своего брата Петра Дмитриевича. Иван Михайлович Тверской также выступил на стороне московского князя против Витовта. В том же году московское войско ходило на Вязьму, Серпейск и Козельск, но вернулось «не успеша ничтоже».

В разгар русско-литовской войны в Москву прибыл на службу князь Александр Нелюб, сын литовского князя Ивана Альгимантовича, приведя с собой «много литвы и ляхов». Обрадованный Василий Дмитриевич дал ему Переяславль-Залесский с волостью в кормление. Василий Кашинский в это время уже заключил мир с братом и вернулся в Кашин.

В 1407 г. Василий Дмитриевич выступил с московским войском против Витовта. Иван Михайлович Тверской прислал ему в помощь своих братьев Василия Кашинского, Федора Микулинского, сына Ивана и князя Ивана Еремеевича Клинского. В помощь русским полкам хан Шадибек прислал татарское войско. Витовту на помощь прибыло польское войско. Но до решающей битвы дело не дошло. Василий и Витовт, заключив перемирие, «разъехались разно».

Вскоре литовцы взяли Одоев. В ответ на это московский князь взял и сжег Дмитровец, но встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие.

В том же году Юрий Святославич Смоленский получил от московского князя в наместничество Торжок, где вскоре и скончался.

Осенью 1407 г. сообщается о походе псковичей против немцев во главе с кня-

зем Даниилом Александровичем, двоюродным племянником Юрия Святославича [2. С. 207]. Вскоре после этого Даниил с братом Юрием были приглашены новгородцами в качестве наместников города Порхова. В следующем году поход псковичей на Полоцк возглавлял Константин Дмитриевич Углицкий.

В 1408 г. в Москву отъехал от Витовта брянский князь Свидригайло Ольгердович с князьями: Патрикеем Звенигородским, Александром Путивльским, Федором Александровичем (очевидно, сыном предыдущего), Семеном Перемышльским, Михаилом Хотетовским и Урустаем Минским. Василий Дмитриевич дал ему в кормление город Владимир с волостью, а также Переяславль-Залесский (взятый, видимо, у Александра Нелюба), Юрьев-Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны. В сентябре 1408 г. Витовт и Василий Дмитриевич вновь стояли с войсками друг против друга на противоположных берегах р. Угры. Как и в прошлый раз, до битвы дело не дошло: тесть и зять вновь заключили мир между собой.

Все это время Новгород, держал у себя князем Семена Лугвеня Ольгердовича, тем не менее, не отступалась от Москвы.

В том же 1408 г. князь Юрий Всеволодович Холмский «пошел» в Орду искать великого княжения Тверского под двоюродным братом своим Иваном Михайловичем. По родовому праву он имел больше прав на Тверь, будучи сыном старшего брата, бывшего, кроме того, на тверском княжении. Однако по возрасту старшим, по-видимому, был все же Иван Михайлович, родившийся около 1358 г., несмотря на то, что он был лишь третьим сыном князя Михаила Александровича. Новый татарский хан Булат-Салтан оставил Тверское княжение за Иваном Михайловичем.

В том же году Василий Дмитриевич послал в Новгород наместником своего брата Константина.

В 1408 г. неожиданно на Русь нагрянула татарская рать Едигея. Василий Дмитриевич, оставив защищать Москву дядю Владимира Андреевича и братьев Андрея и Петра, а сам ушел в Кострому. Татары опустошили Переяславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, Клин. По пути обратно в Орду Едигей взял и Рязань.

Свидригайло во время нашествия Едигея не оказал действенной помощи великому князю московскому и в следующем году отъехал назад в Литву, ограбив по дороге Серпухов.

В 1409 г. Иван Владимирович Пронский, «пришед с татарами безвестно», выбил с Рязанского великого княжения Федора Ольговича, который вскоре с помощью московских войск вернул себе его обратно. Несмотря на то, что пронскому князю удалось разбить войско Федора Ольговича и москвичей, видя поддержку московского князя, Иван Владимирович решил вернуть рязанский престол сопернику и заключить с ним мир.

В 1409 г. новгородцы вновь пригласили к себе на княжение Семена Лугвеня Ольгердовича. В том же году Василий Дмитриевич послал воеводой в Ржев князя Юрия Федоровича Козельского, уже давно утратившего Козельск, который был захвачен Витовтом.

В 1410 г. Василий Дмитриевич и Витовт вновь стояли друг против друга на Угре и вновь разошлись, заключив мир.

В том же году Иван Михайлович Тверской изгнал из своего удела своего племянника Ивана Борисовича Кснятинского и заключил мир с братом своим Василием Кашинским.

В 1410 г. Ягайла с Витовтом разбили Тевтонский орден при Грюнвальде. В их войске, помимо поляков и литовцев, находились русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. Особая заслуга в разгроме рыцарей принадлежит смолянам, которые выдержали натиск немцев, чем обеспечили перелом в сражении в пользу Ягайла и Витовта.

В том же году скончался старейший князь на Руси Владимир Андреевич Серпуховской. Серпуховским князем стал его старший сын Иван (род. в 1381 г.). Семен Владимирович получил Боровск, Ярослав Владимирович – Малоярославец, Андрей Владимирович – Радонеж, Василий Владимирович – Перемышль.

В 1411 г. князь Даниил Борисович с помощью татар захватил Нижний Новгород. Брат великого князя Петр Дмитриевич, попытавшийся вместе с ростовскими и ярославскими князьями выбить его из города, был разбит. В битве погиб младший сын Василия Кирдяпы – Даниил. В том же году боярин Даниила Семен Карамышев с татарами взял и разграбил Владимир. В следующем году Борисовичи выхлопотали в Орде себе ярлыки на Нижний Новгород и Городец.

В 1413 г. Иван Михайлович Тверской вновь велел схватить брата своего Василия, а в Кашин послал своего наместника. Василию удалось бежать в Москву, откуда он поехал в Орду жаловаться на старшего брата.

В том же году отправился в Орду великий князь Василий Дмитриевич с князем Иваном Васильевичем Ярославским. За ними вскоре последовал Иван Михайлович Тверской. Русские князья хотели поклониться новому хану – Зелени-Салтану, который вскоре был убит своим братом Керим-Бердеем. Василий Дмитриевич хотел вернуть себе Нижний Новгород и Городец, а Иван Михайлович удержать за собой Кашин, но из-за усобицы в Орде оба князя вернулись домой ни с чем. В декабре Василий Михайлович с татарской помощью попытался вернуть себе Кашин, но его племянник Иван Борисович не пустил его в город. Из этого сообщения можно сделать вывод, что Иван Михайлович Тверской отдал Кашин своему племяннику Ивану Борисовичу.

В 1413 г. Семен Лугвень Ольгердович ушел вместе со своими наместниками из Новгородской земли. Новгородцы приняли у себя князем сына Юрия Святославича Смоленского – Федора, который вскоре вынужден был покинуть Новгород под давлением Ягайлы и Витовта.

В 1415 г. отъехал в Литву Ярослав Владимирович Малоярославский.

В 1416 г. в Москву к Василию Дмитриевичу приехал брат его двоюродный по матери Иван Васильевич, сын Кирдяпин, вместе с племянником князем Иваном Борисовичем. За два дня до этого в Москву прибыл сын Ивана Васильевича – Александр Брюхатый. В следующем году Иван Васильевич скончался, «едучи с Коломны». Похоронен он был в Москве. Вскоре в Москву прибыл мириться и Даниил Борисович Нижегородский. Однако в следующем году он вновь бежал вместе с братом Иваном.

В 1418 г. князь острожский Даниил Федорович Дашко взял Кременец и освободил заключенного там князя Свидригайлу, который вскоре с венгерской помощью утвердился в Луцке.

В 1419 г. новгородцы взяли себе князем Андрея Дмитриевича Клинского. Между тем Василий Дмитриевич стал вынуждать братьев признать своим наследником сына Василия, родившегося в 1415 г. Начать он решил с младшего брата Константина Углицкого. Когда тот отказался быть под властью племянника, Василий Дмитриевич отнял у него удел. Константин отъехал в Новгород, где был принят новгородцами на княжение в начале 1420 г. Он получил те же города, которыми владел когда-то Семен Лугвень. В следующем году, однако, Константин Дмитриевич вернулся в Москву. Помирился с великим князем и Ярослав Владимирович Малоярославский, вернувшийся из Литвы.

В 1423 г. упоминается князь Юрий Романович Одоевский, отбивший вместе с мценским воеводой Григорьем Протасьевичем набег татар на Одоев. В следующем году к Одоеву пришел хан Куйдадат со своим войском. Витовт послал на по-

мощь Юрию Романовичу друцких князей: Андрея Михайловича, Ивана Бабича с братом Путятой, Андрея Всеволодича Мезецкого с братом Дмитрием и воеводой Григорием Протасьевичем, одновременно обратившись за помощью к своему зятю Василию Дмитриевичу, который также послал против татар своих воевод.

7 февраля 1425 г. скончался великий князь Василий Дмитриевич, завещав престол своему десятилетнему сыну Василию, сделав его главным опекуном своего тестя Витовта Кейстутовича.

На момент вокняжения Василия Васильевича старшим в роде русских князей был Иван Михайлович Тверской, который вскоре также скончался от морового поветрия, отдав престол сыну Александру, умершему в том же году, завещавшего тверское княжество сыну Юрию. Следующим по старшинству был Василий Михайлович Кашинский, умерший после 1426 г. Федор Михайлович Микулинский умер задолго до этого. Далее следовал Федор Андреевич Стародубский (ум. после 1427 г.). Неизвестно, были ли живы в это время его младшие братья Иван Ногавица Ряполовский и Давыд Палецкий.

В следующем колене самым старшим был брат умершего великого князя Юрий Дмитриевич Звенигородский (1374 - 1434 гг.). За ним следовали его родные братья: Андрей Можайский (1382 - 1432 гг.), Петр Дмитровский (1385 - 1428 гг.) и Константин Углицкий (1389 - 1433 гг.); двоюродные: Семен Владимирович Серпуховско-Боровской (ум. в 1426 г.), Ярослав Владимирович Малоярославский (1388 - 1426 г.), Андрей Владимирович Радонежский (1392 - 1426 гг.). Все три брата умерут в следующем году от мора и весь удел Владимира Храброго окажется у его внука Василия Ярославича (ум. в 1483 г.), сестра которого Мария станет супругой великого князя московского Василия Васильевича (в 1433 г.).

За московскими князьями следовал микулинский князь Александр Федорович, родившийся ок. 1392 г., последний раз упоминаемый в 1415 г. В 1453 г. микулинским князем назван его брат Федор Федорович. Клинским князем был Андрей Дмитриевич, чернятинским – его брат Иван.

В следующем колене находились: Иван Андреевич Ростовский с братом Федором, Иван Александрович Пужбольский, Иван Владимирович Бычок, Давыд Юрьевич Белозерский с братьями Романом Белосельским и Андреем Андожским, Иван Афанасьевич Шелешпанский, Владимир и Дмитрий Семеновичи Сугорские с братьями Давыдом и Константином Кемскими, Иван Иванович Ухтомский с братом Федором Карголомским.

Лишь после ростовских князей по родовому княжескому старшинству следовал новый великий князь Василий Васильевич (род. в 1415 г.). За ним по старшинству шли Василий Ярославич Серпуховской (ум. в 1453 г.), Василий Юрьевич Шуйский (ум. в 1450 г.) с братьями Федором и Иваном, Александр Васильевич Глазатый-Шуйский с братьями: Иваном Горбатым, Романом, Андреем Лугвицей, Борисом и Василием Гребенкой, Андрей Юрьевич Ногтев. Затем следовал новый тверской князь Юрий Александрович (ум. в 1426 г.) с братьями Борисом и Ярославом Городенским.

Ярославским князем был Иван Васильевич (1373 - 1426 гг.), вскоре умерший от морового поветрия. За ним следовали его братья: Федор Кубенский (ум. в 1434 г.), Семен Новленский, Дмитрий Заозерский и Иван-Воин Курбский; двоюродные братья: Иван, Федор и Константин Глебовичи Шаховские, Василий, Даниил, Илья, Андрей Романовичи Шехонские с племянниками Романом, Александром, Василием-Воином, Яковом-Воином и Семеном Ивановичами.

В следующем колене располагались: Василий Федорович Моложский с братьями Дмитрием Периной, Семеном Сицким и Иваном Прозоровским; потомки их

двоюродного брата Андрея Львовича Дуло, очевидно, перешли на московскую службу. Сведений об их уделах не имеется. Так же нет сведений о владениях князей Шумаровских, Ушатых и Голыгиных.

Великим князем рязанским в 1425 г. был Федор Ольгович (ум. в 1427 г.), пронским – Иван Владимирович (ум. ок. 1430 г.). Оболенские князья к этому времени стали служилыми князьями великого князя московского.

Оболенским князем в это время, вероятно, был Никита Иванович. Его братья Василий Косой и Семен служили московскому великому князю боярами. Их брат Владимир владел селом Спасское Загорье в Оболенске [8. С. 96]. Их племянник Дмитрий Семенович был князем конинским [9. Таб. 4]. Тарусским князем был Федор Федорович, убитый в 1437 г. под Белевым, волконским – Василий Константинович.

Остальные княжества подчинялись Витовту. Одоевским князем в 1425 г. был Юрий Романович. Его племянник Михаил Васильевич управлял Белевским княжеством, другой племянник, Федор Львович, управлял Воротынском. Мезецким князем был Андрей Всеволодович Шутиха, барятинским – его сын Александр, хотетовским – Михаил Иванович, звенигородским – Александр Федорович, болховским – Иван Иванович Адаш.

После смерти Святослава Титовича Карачев, по всей видимости, отошел под юрисдикцию литовского князя. В Мосальске на правах держания правил его сын Юрий Святославич. Елецким князем был Юрий Иванович.

Среди Гедиминовичей в 1425 г. старшим по возрасту и родовому счету был польский король Владислав II Ягайло (ум. в 1434 г.). За ним следовали мстиславский князь Семен-Лугвень (ум. в 1431 г.) и луцкий – Свидригайло (ум. в 1452 г.).

За Ольгердовичами следовали Кейстутовичи: великий князь литовский Витовт (ум. в 1430 г.), его брат Сигизмунд (1365 - 1440 гг.); Любартовичи: Федор Волынский (ум. в 1431 г.) с братьями Лазарем и Семеном.

В следующем колене литовских князей находились: князь Федор Патрикеевич Хованский с братом Юрием, московским боярином и зятем Василия I. Далее следовали: бывший князь псковский Иван Андреевич (ум. после 1431 г.), Александр (Олелько) Киевский (ок. 1380 г. - 1455 г.) с братьями Иваном Бельским (ок. 1385 г. - до 1450 г.) и Андреем (ок. 1390 г. - 1457 г.), Юрий (Гурко) Федорович Красницынский (ок. 1370 г. - после 1430 г.) с братом Сангушком Каширским (ок. 1380 г. - после 1455 г.), наместник Чешского королевства Сигизмунд Корибутович (ум. в 1435 г.), его брат Федор Корибутович, ставший с 1430 г. князем несвижским.

Единственным из братьев Василия I, кто не согласился с вокняжением его сына Василия Васильевича, был Юрий Звенигородско-Галицкий. По древнему княжескому родовому праву и по завещанию Дмитрия Донского наследовать старшему брату должен был именно он.

Опасаясь Витовта, деда и опекуна нового великого князя, Юрий переехал из подмосковного Звенигорода в Галич-Мерский, где стал собирать верных ему людей. Василий Васильевич с другими братьями своего отца: Андреем, Петром и Константином, двинулся к Костроме. Юрий Дмитриевич отъехал в Нижний Новгород со всеми своими людьми. Василий Васильевич послал против него дядю Константина Дмитриевича с основными силами. Юрий отошел на противоположный берег р. Суры. Константин вернулся обратно, не желая, видимо, биться со старшим братом. Юрий Дмитриевич возвратился, сначала в Нижний Новгород, затем в Галич и запросил мира у племянника на год, отдавая решения о великом княжении на суд татарского хана.

В 1426 г. моровое поветрие унесло значительную часть княжеской прослойки Московского государства. Скончался и

ярославский князь Иван Васильевич. Ему наследовал брат Федор Васильевич. Однако, как наглядно показал В. А. Кучкин, Ярославль и его окрестности находились в общем владении всех ярославских князей [4. С. 300-301].

Между тем, великий князь литовский и русский Витовт продолжал брать под свою руку русские земли. То, что принадлежало его зятю, а теперь внуку, московскому князю, он не трогал, а обратил свои взоры на Псковскую землю. В 1426 г. со всей силой литовской, а также полками польскими, чешскими и «воложскими», под которыми можно понимать как валашские полки, так и полки Священной Римской империи, приступил к Опочке и Воронечу. Потерпев неудачу под Опочкой, он отошел и от Воронеча, после того, как к нему пришли послы от внука Василия Васильевича, который, как оказалось, считал и Псковскую землю своей отчиной. Взяв с псковичей откуп, Витовт ушел обратно в Литву.

В 1426 - 1428 гг. в землях Северо-Восточной Руси продолжал свирепствовать мор. За это время умерли все сыновья Владимира Храброго. После смерти тверского князя Юрия Александровича, княжеский престол перешел к его брату Борису. Сын Юрия - Иван владел Зубцовым, младший брат Юрия и Бориса Александровичей - Ярослав – Городенью. Как видим, в Тверском княжестве вновь произошел возврат к родовой системе наследования княжеских столов. Скорее всего, это связано с тем, что в северо-восточных русских княжествах в этот период укоренилась система наследования, по которой доли в столичном городе получали все сыновья умершего князя, но старшинство принадлежало самому старшему из них. Так великий князь тверской Михаил Александрович завещал Тверь всем своим сыновьям, о чем взял крестное целования со своих бояр. После его смерти Иван Михайлович стал требовать от тверских бояр, чтобы они сложили с себя крестное целование его младшим братьям. Это явилось причиной затяжной междоусобной войны в Тверском княжестве. Сам Иван Михайлович, умирая, также отдал Тверь обоим своим сыновьям: Александру и Юрию. Последний, очевидно, умер раньше брата и, кроме того, не оставил потомства. Александр Иванович также завещал тверской княжеский престол всем своим сыновьям: Юрию, Борису и Ярославу. Поэтому после смерти Юрия старшинство среди тверских князей безболезненно перешло к его брату.

По такой же схеме, очевидно, должно было происходить и наследование московского престола. Однако волей Василия Дмитриевича, Софьи Витовтовны, самого Витовта и большинства московских бояр наследником был объявлен малолетний Василий Васильевич.

Таким образом, хотя легитимным наследником Василия I являлся, безусловно, его брат Юрий Дмитриевич, в условиях складывания централизованного Московского государства процесс наследования престола неминуемо должно был бы перейти на принцип майората, как это было в большинстве сложившихся государств Европы.

В 1428 г. скончался дядя великого князя Петр Дмитриевич Дмитровский. Его удел, согласно завещанию Дмитрия Донского поделили между собой его братья: Андрей и Константин. Юрию же ничего не досталось. Впоследствии Дмитров отошел к Юрию Дмитриевичу (1433 г.).

В том же 1428 году Витовт пришел на Новгородскую землю и осадил Порхов. Новгородцы запросили мира. За большой откуп Витовт согласился снять осаду и уйти с новгородской земли.

В том же году пришли татары на Юрия Дмитриевича под Галич-Мерский и стояли под ним целый месяц. За это время они взяли Кострому, Плес и Луг. После чего стали отходить. Великий князь послал за ними в погоню дядей своих Андрея и Константина. Дойдя до Нижнего Новго-

рода, русская рать остановилась, не догнав татар. Тогда князь палецкий Федор Давыдович Пестрый с воеводой московским Константином Федоровичем Добрынским, тайком от основного войска, догнал татарский отряд под предводительством Алибабы и разгромили его.

В 1430 г. Витовт находился на пике своего могущества. Большая часть Русской и вся Литовская земля находились под его властью. В условиях, когда в оставшейся части Руси правил его внук, он вполне мог бы осуществить объединение всех русских земель под эгидой Вильны. Однако этому мешала все более явно проявляющаяся ориентация литовских князей на Запад. Перед Литвой стоял сложный выбор: либо объединяться с Московской Русью, либо с католической Польшей. Дальнейшие события показали, что был сделан выбор в пользу католической Польши.

В 1430 г. Витовт готовился принять корону из рук папских легатов. Однако он скончался в октябре того же года так и не успев короноваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России. – М.: «Наука», 1988.

2. *Татищев В. Н.* История Российская. – Т. V-VI. – М.: «Ладомир», 1996.

3. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. – Кн. 2. – М.: «Мысль», 1988.

4. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X-XIV вв. – М.: Наука, 1984.

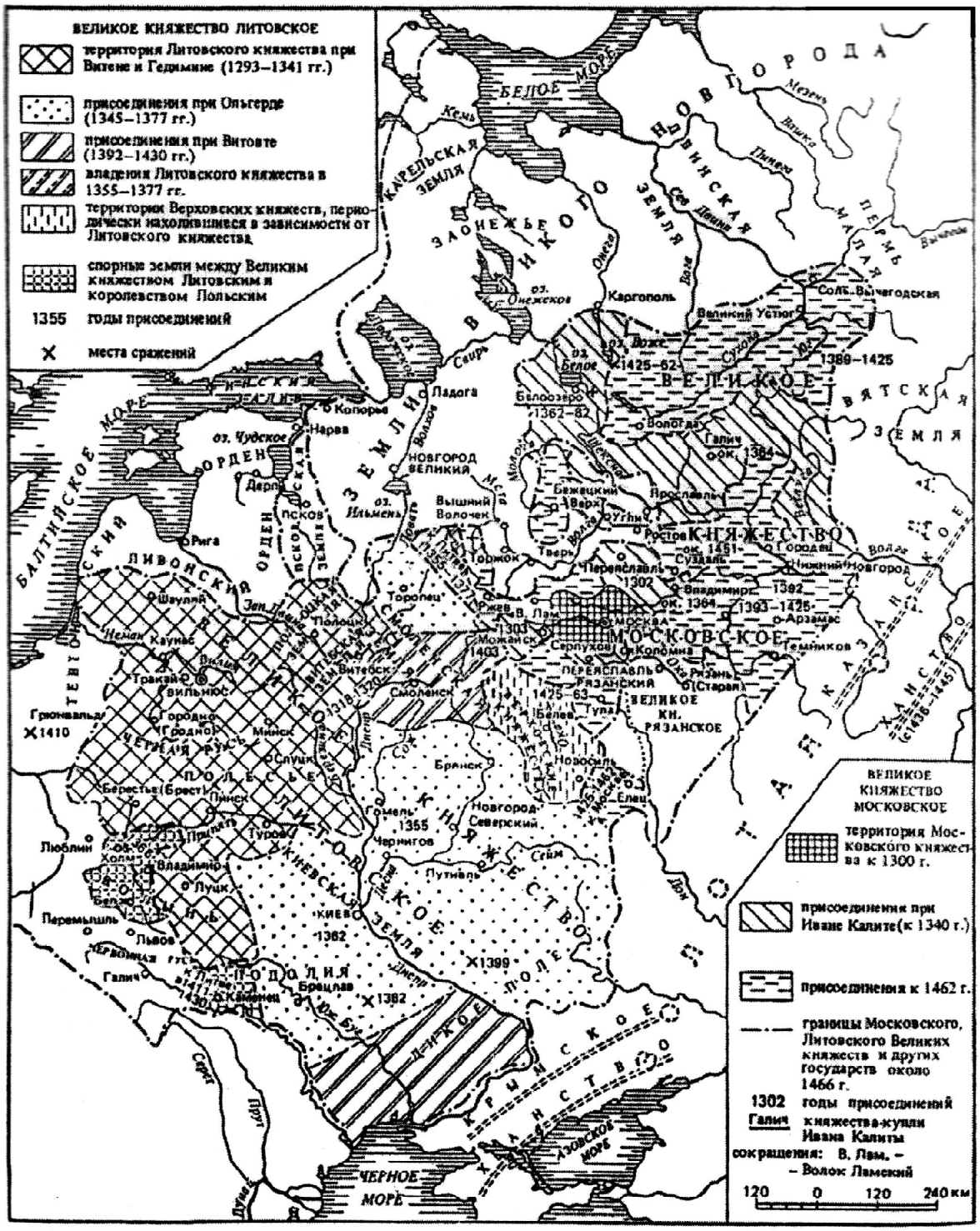
5. *Яковенко Н. Н.* Персональный состав княжеской прослойки // Историческая генеалогия (Екатеринбург). – 1994.– № 1.

6. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. – М.: Археографический центр, 1995.

7. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieka. – Warszawa, 1895.

8. *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV-XVI вв. – М., 1995.

9. Генеалогические таблицы по истории европейских государств. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1993.



Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское в XIV – 60-е годы XV в.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 94(47).03/04
ББК 63.3(2)43

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ РЯЗАНСКО-МУРОМСКОЙ ЕПИСКОПИИ В ПЕРИОД САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА ПО АКТОВЫМ МАТЕРИАЛАМ XIV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВВ.

Н. В. Головина

Настоящая статья посвящена истории монастырского землевладения Рязанской епархии в XIV – первой четверти XVI веков. Исследование основано на широком круге актового материала, который раскрывает его основные особенности и характерные черты. Анализ также подчеркивает большое значение этого вида источников в научном исследовании истории средневековой Рязанской епархии.

Ключевые слова
Исторические источники, акты, монастырское землевладение, Рязанская епархия

В XIV-XV вв. церковь, особенно в Северо-Восточной Руси, стала крупнейшим собственником земли на территории всего средневекового государства. Уже со второй половины XIV в. значительное распространение получили монастыри нового типа – с крупным землевладением и хозяйством, основанном на труде зависимого населения. К концу XIV в. таковых, по подсчетам исследователей, было 42, а в XV в. – 57[1]. В это общее количество вошли и некоторые монастыри Рязанско-Муромской епископии.

История монастырского землевладения XIV – первой четверти XVI вв. представляет собой большой научный интерес, поскольку именно монастыри являлись основным хозяйственно-экономическим звеном рязанской епархии в этот период. Они обладали существенными привилегиями и льготами, которые изначально даровали им великие и удельные князья и княгини, а также обширными территориями, способ приобретения которых был различен: от всевозможных пожалований (большей частью – великокняжеских) до самостоятельного освоения прилегающих земель. Согласно исследованиям С. И. Сметаниной, оформление основного монастырского земельного комплекса и наращивание его объемов фактически полностью завершились с вхождением Рязанского княжества в состав единого централизованного государства в 1521 г.[2] Целью настоящей работы является попытка проследить источниковую базу истории землевладения рязанско-муромских монастырей в XIV – первой четверти XVI вв.

Главным источником, раскрывающим этот аспект в истории Рязанско-Муромской епископии указанного периода, является актовый материал, представленный небольшим количеством сохранившихся оригиналов грамот, их более поздними

списками, либо их упоминаниями в других документах. Для изучения особенностей монастырского землевладения в период княжеской власти акты служат основным историческим источником и, несмотря на сложность в исследовании, обусловленную малым количеством сохранившихся грамот (за исключением, пожалуй, архива Солотчинского монастыря), этот вид письменных памятников позволяет вполне осветить процесс первичного накопления земельной собственности рязанскими монастырями в XIV– первой четверти XVI вв.

Одним из наиболее древних на территории епархии является Успенский Ольгов монастырь. Именно к истории его землевладения относятся и наиболее ранние по времени возникновения документы о великокняжеских земельных пожалованиях. Такова жалованная грамота Олега Ивановича 1371 г. с подтверждением права на владение всеми угодьями, прежде его данными сему монастырю: ок. 1371 г. декабря Жалованная данная (подтвердительная), тарханно-несудимая грамота рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению на село Арестовское (Аристово)[3]. Это единственная известная княжеская жалованная грамота Ольгову монастырю XIV в. Однако детальное ее прочтение позволяет утверждать, что первые земельные пожалования (как княжеские, так и частные) произошли вскоре после основания монастыря (1-ая четверть XIII в.): «и што прадеды наши подавали которые места и люди, и што бояре подавали дому святой Богородицы, того хочу боронити, а не обидити ничим дому святой Богородицы»[4]. Следовательно, к 70-м гг. XIV в. село Арестовское (с погостами, землями и угодьями) было далеко не единственным владением Ольгова монастыря.

Большая часть актов по истории землевладения Ольгова монастыря известна ввиду того, что вошла в состав копийной книги 1682-1683 гг., найденной и хранящейся сейчас в Российском государственном архиве древних актов (далее РГАДА), в фонде Савво-Сторожевского монастыря[5], к которому Ольгов монастырь был приписан в 1651 г. Основное количество этих документов, за исключением приведенной выше жалованной грамоты рязанского князя Олега Ивановича, касается разграничения спорных границ частных и монастырских владений, что, само по себе, свидетельствует о наличии большого земельного комплекса у монастыря, несмотря на отсутствие жалованных (или подтвердительных) грамот на эти территории. Таковой, к примеру, является грамота Василия Ивановича, датируемая временем его княжения 1464-1483 гг.: Жалованная подтвердительная грамота рязанского великого князя Василия Ивановича Федору Курдумову на бывшее селище Григория Сопчакова и конюха Митуса на р. Грязной, в Сапожковском уезде[6]. Запись из нее вошла в текст правой грамоты 1524 г. игумену Ольгова монастыря Кассиану по тяжбе между прежним ольговским игуменом Инокентием и Федором Карцовым сыном Курдумовым о земле д. Рупосово в Рязанском уезде. Интересно, что в состав правой грамоты был включен текст судопроизводственного документа, содержащий обыскные речи рязанских детей боярских, крестьян и духовенства о принадлежности Ольгову монастырю земли д. Рупосово[7]. Документами схожего (судного) характера являются и другие акты по истории землевладения Ольгова монастыря: 1483-1500 гг. Правая судная грамота (упоминание), данная с суда Федора Григорьевича (Вердеревского) по тяжбе Рязанского Богоявленского монастыря игумена Ионы о земле сщ. Отабеево на рч. Тюшевке в Первецком стане Рязанского княжества[8]; 1483-1500 гг. Разъезжая боярина и дворецкого рязанского третного князя Федора Васильевича Матвея Денисьевича Булгака княжеской бортной земли с бортной землей Ольгова монастыря с. Аристово в Рязанском княжестве[9].

Эта особенность – наличие значительного (в сравнении с другими рязанскими духовными корпорациями) количества частных поземельных актов внутри всего комплекса актового материала, так или иначе касающегося истории Ольгова монастыря, – отражает, в определенной степени, правовое оформление решений по возникавшим земельным спорам между духовными и светскими феодалами средневекового государства. С другой стороны, она свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития системы монастырского землевладения уже в XIV– начале XVI вв.

Крупнейшим монастырем Рязанско-Муромской епископии и духовным землевладельцем (если говорить более точно, – вторым после рязанского архиерейского дома) в этот период являлся Солотчинский Рождество-Богородицкий монастырь. Количество вотчин и зависимого населения, несущего тягло в пользу монастыря, к началу XVI в. было вполне сопоставимым с этими же показателями по крупнейшим московским и северо-западным монастырям. Именно эта обитель сохранила для науки наибольшее количество документальных источников. Всего архив Солотчинского монастыря, по подсчетам исследователей, оставил свыше 70 источников актового характера. Из них только 26 сохранились в подлинниках или копиях[10], остальные известны по подтвердительным грамотам более позднего времени, вкладной книге 1691 г., отражающей практически все вклады и пожалования монастырю, и описи монастырского архива 1722 г., найденной и опубликованной первым историком Солотчинского монастыря А. Доброклонским.

Главным источником накопления земельной собственности обители в княжеский период были пожалования князей и княгинь. Основные тенденции этого процесса (обширность и частота пожалований) были заложены рязанским князем Олегом Ивановичем, что подтверждают и сохранившиеся письменные памятники. Первые жалованные грамоты Солотчинскому монастырю датируются промежутком времени между датами его основания (1390 г.) и смерти Олега Ивановича (1402 г.). В их число входит несколько документов этого периода: 1390-1401 гг. Жалованная данная, льготная и несудимая грамота рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Солотчинского монастыря Феодориту на сщ. Федорково[11]; 1390-1401 гг. Жалованная данная тарханно-несудимая грамота рязанского великого князя Олега Ивановича Солотчинскому монастырю на остров Савицкой с Холковскою лукою и оз. Тишью[12]; 1390-1401 гг. Жалованная данная тарханная грамота рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Солотчинского монастыря Антонию на Рыкову заводь и оз. Мощеное с угодьями[13]. К рубежу XIV-XV вв. относятся еще 8 известных жалованных грамот Солотчинскому монастырю, 5 из которых были даны непосредственно Олегом Ивановичем, 2 – его вдовой великой княгиней Евпраксией (датируемые уже 1402-1405 гг.) и одно пожалование – на территории «возле Морозовой земли» – поступило от частного лица Парфения Сочитера[14]. Все это, безусловно, свидетельствует о том, что именно князь-основатель Олег Иванович стал первым и основным дарителем обширных земельных владений монастырю.

На протяжении всего XV столетия тенденция накопления новых территорий монастырем сохранялась. Зачастую бывшие уже в собственности этой духовной корпорации земельные владения подтверждались сменявшими друг друга преемниками княжеской власти. Так, ко времени правления Федора Ольговича относится несколько жалованных подтвердительных грамот («по слову отца своего») на территории, данные Олегом Ивановичем Солотчинскому монастырю: 1402-1427 гг. Жалованная данная подтвердительная грамота рязанского великого кня-

зя Федора Ольговича Солотчинского монастыря игумену Мартирию на Холковскою луку и перекоп с оз. Тишью[15]; 1402-1427 гг. Жалованная данная подтвердительная тарханная грамота рязанского великого князя Федора Ольговича Солотчинского монастыря игумену Мартирию на бортную землю Бортино в Рязанском княжестве[16]. Важным является тот факт, что подтвердительные грамоты, выдававшиеся практически всеми рязанскими князьями в их правления, свидетельствуют о более ранних пожалованиях, документальные свидетельства о которых могли не сохраниться. Естественно, были и собственные дарения Федора Ольговича, которые, безусловно, значительно расширили земельный фонд Солотчинского монастыря. Существенное количество актов (первичных жалований, либо их подтверждений) относится и ко времени правления Ивана Федоровича.

Одними из последних в период самостоятельности Рязанского княжества стали великие пожалования Солотчинскому монастырю княгини Анны, вдовы великого князя рязанского Василия Ивановича: 1483-1501 гг. Жалованная льготная и несудимая грамота рязанской великой княгини Анны Солотчинскому монастырю на с. Чешуевское в Романовской волости Рязанского княжества[17]; 1483-1501 гг. Жалованная грамота великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Антонию о восстановлении прав монастыря на борть на Михайлове горе, отданную великой княгиней Софьей женскому Зачатьевскому монастырю[18]. Обе приведенные в качестве примера грамоты подчеркивают не только территориальный масштаб получаемых земель, но и указывают на вновь приобретенные монастырем привилегии: Жалованная льготная и несудимая грамота 1483-1501 гг. рязанской великой княгини Анны Солотчинскому монастырю на село Чешуевское в Романовской волости Рязанского княжества – с дозволением призывать к себе людей с иных сторон и с освобождением тех зазывных людей от повинностей: «и тем людем тягость моя никоторая не надобе на пять лет»[19]; Жалованная грамота 1483-1501 гг. великой княгини рязанской Анны игумену Солотчинского монастыря Антонию о восстановлении прав монастыря на борть на Михайлове горе, отданную великой княгиней Софьей женскому Зачатьевскому монастырю, с поставкой этому монастырю ежегодно меда и рыбы на праздник: «Игумену Антонию или кто после него будет борть на Михайлове горе к Святому Зачатью…ведать игумену с братией, а каждый год отдавать Игуменье на праздник на Зачатье по осми пуд резанских, а и рыбою подымать праздник Игумену ж»[20].

Сохранились и документальные свидетельства рубежа XV-XVI вв. о некоторых пожалованиях рязанского третного князя Федора Васильевича, а также великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича[21], что стало, своего рода, итогом формирования первичного земельного комплекса Солотчинского монастыря.

Процесс накопления основного монастырского земельного фонда в период самостоятельности Рязанского княжества можно проследить и на основе великокняжеских пожалований другим монастырям. Так, некоторые земельные территории на рубеже XV-XVI вв. были переданы рязанским великим князем Иваном Васильевичем, рязанской великой княгиней Аграфеной, рязанским третным князем Федором Васильевичем в монастырское владение. Об этом сохранились документальные свидетельства из архивов рязанско-муромских монастырей: 1483-1500 гг. Жалованная данная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича Спасо-Преображенскому Переславль-Рязанскому монастырю «на вотчины» (с. Гавриловское на р. Мече?) в Рязанском княжестве[22], передававшая земли Спасо-Преображенскому Переславль-Рязанскому монастырю. Однако уже спустя

несколько лет эта территория отошла в пользу Спасо-Преображенского Зарецкого монастыря на основе Жалованной данной грамоты рязанского третного князя Федора Васильевича 1501-1503 гг. Спасо-Преображенскому Зарецкому монастырю на (бывшую вотчину Спасо-Преображенского Переславль-Рязанского монастыря) с. Гавриловское на р. Мече в Рязанском княжестве[23].

Существенное количество земель за сравнительно небольшой отрезок времени было пожаловано монастырям епархии вдовой Ивана Васильевича, великой княгиней Аграфеной (например, 1505 г. января 6 Данная с отводом рязанской великой княгини Аграфены, вдовы великого князя рязанского Ивана Васильевича, игумену Духова монастыря Макарию на «села и деревни» Затишье, Дурклово, Спасский Клин и Утешенское с угодьями [24]). Большая часть новых приобретений принадлежала Покровской Аграфенинской женской пустыни (например, 1506 г. декабря 1 Данная с отводом рязанской великой княгини Аграфены, вдовы великого князя рязанского Ивана Васильевича, игуменье Покровской пустыни Аграфене на с. Белыничи-Татариново с дд. и землями по р. Осетр, близ Зарайска[25]; 1509/10 г. Данная рязанской великой княгини Аграфены, вдовы великого князя рязанского Ивана Васильевича, игуменье Покровской пустыни Аграфене на сщ. в устье Волчьей оттоки и оз. Вострое в Окологородном стане Рязанского уезда[26]).

Приведенные примеры актов из монастырских фондов рассматриваемого периода XIV – первой четверти XVI вв. позволяют утверждать, что именно княжеская власть стала главным источником формирования монастырского земельного комплекса Рязанско-Муромской епископии, а также накопления других льгот и привилегий (на беспошлинную торговлю, бобровые гоны, рыбные ловли, борти и иные промыслы). При этом именно грамоты более раннего периода (XIV-XV вв.) дают наибольшую автономию монастырю при осуществлении своего права собственности на те или иные территории. Как правило, при жаловании земли в пользу монастыря княжеским чиновникам запрещался въезд на эти территории и сбор каких-либо податей; монастырь получал право судить население, проживавшее на этих землях по всем или некоторым делам, а также полностью или частично, но бессрочно освобождался от уплаты всех повинностей[27]. Разница в общем характере получаемых привилегий при великокняжеском пожаловании отражена в самом названии этих актовых документов – большую их часть вплоть до 1521 г. составляли именно тарханные и несудимые жалованные грамоты.

Изучив актовый материал XIV– первой четверти XVI вв. по истории монастырского землевладения рязанской епархии, можно убедиться в том, что крупнейшими землевладельцами в период великокняжеской власти (за исключением Рязанского архиерейского дома и Солотчинского монастыря) являлись: Успенский Ольгов монастырь, Покровская Аграфенинская пустынь и Иоанно-Богословский монастырь (несмотря на то, что наиболее ранние акты по истории землевладения Иоанно-Богословского монастыря относятся к 30-м гг. XVI в., формирование его земельного комплекса происходило в значительно более ранний период, о чем говорят сохранившиеся писцовые выписи рязанских писцов середины XVI в. на вотчины Богословского монастыря, а также само основание обители еще до татаро-монгольского нашествия 1237 г.[28]). Именно они, согласно письменным свидетельствам, были наделены наибольшим количеством земельных владений с проживающим на них зависимым населением, несущим определенный объем экономических и внеэкономических повинностей.

Остальные рязанско-муромские духовные корпорации в этот отрезок времени не являлись крупными земельными соб-

ственниками; они сохранили незначительное количество документов актового характера. Среди них Воскресенский Терехов монастырь, Благовещенская Федосеева пустынь, Спасо-Преображенский Переславль-Рязанский монастырь, Духов, Богоявленский Борковский, Покровский Нищевский и Спасо-Преображенский Зарецкий монастыри, а также некоторые другие обители, основанные или впервые упоминаемые в источниках XVI-XVI вв. В этой связи участие их в формировании земельного комплекса в великокняжеский период представляется малозначительным. О некоторых рязанских монастырях сведения актовых материалов не обнаружены вообще: это Зачатьевский, Горетов Ильинский, Дмитриевский, Успенский Казанский и Пречистинский Казарский монастыри.

В целом, как свидетельствуют актовые материалы, практически все монастыри Рязанско-Муромской епископии (основанные ранее начала XVI в.), включая некоторые пустыни, в этот период имели земельные владения различного объема, а многие – и крепостных крестьян, живших, как правило, на подвластных монастырю территориях. Причем, по источникам, крепостные крестьяне, находясь в полной зависимости от монастыря, могли освобождаться от княжеской дани, яма, мыта, тамги, городового дела, строения княжеского двора, кормления княжеских коней, княжеского сенокоса и других видов повинностей[29]. Иногда этот факт играл решающую роль при заселении монастырских земель частновладельческими крестьянами (если говорить о XIV-XV вв.).

Итак, основным историческим источником в изучении начальной истории монастырского землевладения Рязанско-Муромской епископии в период самостоятельности Рязанского княжества стал весомый пласт актового материала, и в большей степени, княжеские грамоты, которые либо жаловали монастырю новые территории, либо, во многих случаях, лишь оформляли право монастыря на ранее подчиненные земли. Рязанско-муромские монастыри уже в этот период представляют собой самостоятельный субъект феодально-экономических отношений. Практически, полностью сформированный обширный земельный комплекс позволил этим духовным корпорациям стоять наравне с крупными светскими феодалами в вопросе экономического благосостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Русское православие: вехи истории. Под ред. Клибанова А. И. – М., 1989. – С. 84.

[2] Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – н. XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 251.

[3] РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 118. Л. 30 об.-33. Публ.: Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. (далее АСЭИ). Т. III. № 322. – М., 1964. – С. 350-352.

[4] АСЭИ. Т. III. М., 1964. С. 351.

[5] РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 118.

[6] АСЭИ. Т. III. № 323. М., 1964. С. 352.

[7] Там же.

[8] Публ.: Морозов Б. Н. Грамоты XIV-XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987. – М., 1988. – С. 300-301.

[9] РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 118. Л. 198 об.-199 об. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 323а. М., 1964. С. 353.

[10] Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – н.

XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 250.

[11] Публ.: АСЭИ. Т. III. № 324. М., 1964. С. 353-354.

[12] ГАРО. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 2348 (список XVII в.). Публ.: АСЭИ. Т. III. № 325. М., 1964. С. 354-355.

[13] См., например: Сметанина С.И. Вотчинные архивы Рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – № 69. – С. 263.

[14] Там же. С.263-264.

[15] ГАРО. Ф. № 1750. Оп. 1. Д. 2352 (список XVII в.). Публ.: АСЭИ. Т. III. № 326. М., 1964. С. 355.

[16] См., например: Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII - н. XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – №78. – С. 264.

[17] ГАРО. Ф. № 1750. Оп. 1. Д. 2346. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 333. М., 1964. С. 360.

[18] ГАРО. Ф. № 1750. Оп. 1. Д. 2349. Публ.: АСЭИ. Т. III. № 334. М., 1964. С. 360-361.

[19] Пискарев А. Н. Древние грамоты и акты Рязанского края. – СПб., 1854. – С. 9.

[20] Там же. – С. 8.

[21] См. подробнее: Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – н. XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 268-269.

[22] См., например: Сметанина С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – н. XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – № 67. – С. 263.

[23] Публ.: АСЭИ. Т. III. № 344. М., 1964. С. 370.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 371-372.

[26] См., например: Сметанина С.И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – н. XVII века // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000. – № 158. – С. 276.

[27] Русское православие: вехи истории. Под ред. Клибанова А. И. – М., 1989. – С. 116.

[28] Макарий (Булгаков) митрополит московский и коломенский. История Русской церкви. – М., 1994. – Кн. 2. – С. 673.

[29] Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. – Вып.1-2. – Изд. 2-е. – Рязань, 1889. – С. 347.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА
КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47).081
ББК 63.3(2)522-334

ВВЕДЕНИЕ В ДЕЙСТВИЕ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОТ 16 ИЮНЯ 1870 ГОДА В ГОРОДЕ РЯЗАНИ

А. Е. Евстратов

В статье рассматривается процесс введения нового института государственного управления Городской Думы в Рязанской Губернии. Работа освещает ход городской реформы 1870 г., как развитие общественного и государственного строя. Данная проблема актуальна, поскольку именно эти изменения заложили основу для эволюционного развития страны.

Ключевые слова
Городская реформа, Городовое Положение, Городская Дума, Городская Управа, Городской Голова, Губернатор, Государственный Совет

Во второй половине XIX столетия Россия вступила на путь буржуазных реформ общественного и государственного строя. Проведенные преобразования носили прогрессивный характер, они заложили прочную основу для эволюционного развития страны. Россия в определенной степени приблизилась к передовой для того времени европейской социально-политической модели. Был сделан первый шаг по расширению роли общественной жизни страны и превращении России в буржуазную монархию. Именно в этот период была проведена городская реформа. Её концепция основывалась на понятиях и категориях, сложившихся в результате многовековой истории: развития идеи городского самоуправления, как способа организации управления территориями города.

В июле 1862 года последовало высочайшее повеление начать подготовку новой регламентации системы управления всех городов России. Реализуя это указание, министерство внутренних дел образовало специальные комиссии во всех крупных городах России, где с участием городского населения обсуждалась будущая реформа [1. С. 35]. Естественно, что большинство комиссий высказалось в пользу того, чтобы избирательные права были доступны всем слоям городского населения. Однако так называемый принцип «всесословности» не устраивал правительство, что существенно затягивало процесс рассмотрения проекта городового положения [2. С. 8]. С 1866 по 1869 годы проект Городового положения обсуждался в Министерстве внутренних дел и в Сенате.

В виду того, что в течение семилетней обработки проекта и, в особенности, при последней стадии его вопросы были обсуждены подробно, обсуждение проекта, на которое были приглашены и столичные городские головы, Погребов и кн. Черкасский, заняло в Государственном Совете всего два заседания (15-го и 16-го апреля 1870 г.). При обсуждении соединенные департаменты вместо предлагавшегося «Городского Положения» назвали новый закон «Городовым Положением» в память Екатерининской грамоты. Они же изменили к лучшему наименования городских учреждений, приняв, вместо городского общественного собрания и городской думы, более соответственные названия: для исполнительного органа – городская управа (как в первом проекте), для совещательного – городская дума [2. С. 10]. В ходе обсуждений в Общем Собрании Государственного Совета по проекту городового положения были приняты следующие решения:

I. Проекты:

а) городового положения;

б) Высочайшего указа Правительствующему Сенату о порядке приведения сего положения в действие поднести к Высочайшему Его Императорского Величества утверждению и подписанию [3. Л. 8].

II. При введении городового положения в действие, соблюдать следующие временные правила:

1. Впредь до образования городских дум на указанных в положении основаниях и до установлении ими в доход города сбора с недвижимых имуществ, право голоса при избрании гласных предоставляется, из владельцев недвижимых имуществ (ст. 17. п. 3), лишь тем, которые уплачивают с них налог в пользу казны.

2. На первый раз, при введении в городе положения, разделение избирателей на установленные статьею 24-ю разряды, утверждается, вместо городской думы, губернатором [3. Л. 8].

В итоге проделанной работы, 16 июня 1870 года император Александр II утвердил Городовое Положение, которое внесло кардинальные перемены в городское хозяйство, позволило ему преодолеть отсталость и начать развиваться.

Следующим шагом правительства после принятия городового положения становится доведения его до сведения властей на местах: «…положение, Именной указ и Высочайше утвержденные мнения государственного Совета напечатать потребное число экземпляров, разослать таковые, для сведения и должного, до кого касаться будет, исполнения, Его Императорскому Высочеству Наместнику Кавказскому, наместнику в Царстве Польском, Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, одним при указах, а другим через передачу к Обер-прокурорским делам 1-го Департамента Правительствующего Сената копий с определения Сената; равным образом разослать при указах: учредительному в Царстве Польском Комитету, всем Генерал Губернаторам, Военным Губернаторам, Губернаторам…Градоначальникам…» [3. Л. 7]. 18 августа 1870 года Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Рязанского Губернского Правления был направлен к немедленному исполнению Рязанской городской Думе: «Губернское правление слушав Указ Правительствующего Сената по Департаменту от 15 Июля 1870 года за № 33699, о Высочайше утвержденном городовом положении с следующими к оному приложениями. Приказали: экземпляры указа Правительствующего Сената по Департаменту, от 15 Июля 1870 года № 33699, о Высочайше утвержденном Городовом Положении с следующими к оному приложениями, разослать во все Полицейские Управления и Городские думы Рязанской Губернии, при сем рязанской думе предписать немедленно приступить ко введению в действие Городового Положения в городе Рязани» [3. Л. 6].

28 августа 1870 года Рязанской городс-

кой Думе был направлен экземпляр формы, составленной в Министерстве Внутренних Дел, для разделения городских избирателей на указанные в статье 24 Городового положения разряды или избирательные собрания [3. Л. 12]. (См. Табл.).

№№ По порядку	Звание, имя и фамилия избирателей	Количество сборов уплаченных в доход города		
		По недвижимому имуществу	По производству промыслов	Всего
1	№…….	1500 руб.	-	1500 руб.
2-38	Купцы 1й гильди и от 150 -1200 руб.	15800 руб.	695 руб.	16495 руб.
39-428	Купцы 2й гильди и от 40 – 12о руб.	20310 руб.	1799 руб.	22109 руб.
429-1200	Остальные жители			20100 руб.
	Уплачивают вместе			60240 руб.

Согласно статье 16 Городового Положения к выборам допускались городские обыватели, к какому бы состоянию они ни принадлежали, и имели право голоса в избрании гласных при следующих условиях:

1) если он русский подданный;

2) если ему не менее двадцати пяти лет от рождения;

3) если он, при этих двух условиях, владеет в городских пределах на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же, прожив в городе в течение двух лет сряду пред производством выборов, хотя бы и с временными отлучками, уплачивает в пользу города установленный сбор со свидетельств: купеческого, или промыслового на мелочный торг, или приказчичьего 1 разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений;

4) если на нем не числится недоимок по городским сборам.

По статье 17 Городового положения к выборам не допускались лица:

1) подвергшиеся суду за преступления и проступки, влекущие за собою лишение или ограничение прав состояния, или же исключение из службы, а равно за проступки, предусмотренные в статьях 169-177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, когда они судебными приговорами не оправданы;

2) отрешенные от должности (в течение трех лет со времени отрешения);

3) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных действиях, означенных в пункте 1, или влекущих за собою наказания, указанные в пункте 2;

4) подвергшиеся несостоятельности, впредь до определения свойства ее, а из лиц, о которых дела сего рода приведены уже к окончанию, все несостоятельные, кроме признанных несчастными;

5) лишенные духовного сана или звания за пороки, или же исключенные из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат [4. С. 821-831] .

Избиратели делились на три группы в зависимости от количества уплачиваемых налогов. Каждая группа избирала одинаковое количество депутатов. Получалось, что сравнительно небольшие по численности группы плательщиков высоких налогов (богатые купцы и промышленники) имели столько же гласных, сколько и многотысячная группа мелких торговцев, ре-

месленников, приказчиков.

Систему органов городского общественного управления составляли городское избирательное собрание для избрания раз в четыре года гласных, городская дума (распорядительный орган) и городская управа (исполнительный орган) [5. С. 78] .

Главным органом городского общественного управления была Городская Дума, которая представляла собой все городское общество. На этом основании она ведала делами, касающимися всего городского общества, и действовала от его имени. Ее председателем был Городской Голова, одновременно являвшийся и председателем управы, что нарушало принцип разделения представительной и исполнительно-распорядительной властей. Правда, такое совмещение было гарантией от возможных противозаконных постановлений думы. Городской Голова избирался думой и утверждался министром внутренних дел в губернских городах, а в других – губернатором. Городские Думы имели право собираться в течение всего года по мере накопления дел.

В ведении Рязанской городской Думы были дела по внешнему благоустройству города, попечение об устроении города согласие утвержденному плану; заведывание устройством и содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, гатей и переправ, и равно и освещением города. Дела, касающиеся благосостояния городского населения: меры к обеспечению народного продовольствия, устройство рынков и базаров; попечение об охранении народного здравия, о принятии мер предосторожности против пожаров и других бедствий и об обеспечении от причиняемых ими убытков; попечение об учреждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных учреждений; устройство на счет города благотворительных заведений и больниц и заведывание ими на основаниях, указанных для земских учреждений [6. Л. 4-32об.].

Городская Управа была исполнительным органом, ее члены избирались городской думой и были подотчетны ей. Отчеты управы печатались для всеобщего сведения [6. Л. 122]. На Городскую Управу возлагалось непосредственное заведывание делами городского хозяйства и общественного управления, поэтому, она занималась текущими делами по городскому хозяйству, изыскивала меры к его улучшению, исполняла определения думы, собирая нужные ей сведения, составляла проекты городских смет, взимала и расходовала городские сборы на установленных думой основаниях и представляла в назначенные думой сроки отчеты о своей деятельности [6. Л. 72]. Члены Городской Управы могли присутствовать на заседаниях думы, участвовать в прениях, но пользовались правом голоса только в случае, если являлись гласными.

Властные полномочия городского самоуправления были ограничены: все постановления Городской Думы, касающиеся населения, просматривались губернатором, который мог в двухнедельный срок остановить их исполнение, как незаконных. «Более того, важнейшие из постановлений, касавшиеся, например, изменений планов городов, отчуждения принадлежащих городу земель, получения крупнейших займов, поручительства от имени города и установления новых сборов, утверждались центральным правительством или соответствующим министерством» [7. С. 160]. Также контроль распространялся и на сметы городского управления, которые утверждались губернатором:

«Канцелярия по поручению Господина Губернатора имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, ускорить уведомление на отношение от минувшего марта по делу о доходах, действи-

тельно поступивших и о расходах, действительно произведенных» [8. Л. 118] . (См. приложение 1 и приложение 2)

Для рассмотрения губернаторских протестов, а также споров между городскими общественными управлениями и правительственными, земскими и сословными учреждениями был создан коллегиальный орган – губернское по городским делам присутствие. Оно состояло из представителей губернской администрации, городского самоуправления и чиновников судебного ведомства [5. С. 79] . Высшей инстанцией контроля над всеми городскими органами и губернаторами являлся Сенат. В него подавались жалобы на незаконность постановлений городской думы, уже утверждённых министром внутренних дел или губернатором, а также жалобы на неправильные распоряжения губернатора или высших административных властей.

Таким образом, согласно реформе, в ведении городского самоуправления города Рязани находились в основном культурно-хозяйственные дела: внешнее благоустройство города, содержание городских коммуникаций, попечение о благосостоянии городского населения (народное продовольствие, здравоохранение, принятие мер против пожаров, содержание больниц, театров, библиотек, музеев и т. д.), забота о народном образовании и прочее.

Городовое Положение 1870 года далеко ушло от первоначальных замыслов правительства. Тем не менее опыт деятельности Петербургской думы, пробудившей общественный интерес к проблеме самоуправления, и даже дискуссия в правительственных инстанциях по поводу столичной думы, о допустимых формах представительства в самодержавном государстве – всё это, безусловно, сыграло важную роль в формировании политической культуры общества [9. С. 215]. Городовое положение 1870 г. является прогрессивной реформой, вызванной внутренним развитием страны. И хотя этот закон с точки зрения права имел ряд недостатков (например, отсутствие у дум принудительной власти, совмещение должностей Городским головой по руководству и думой, и управой), все же в известной мере он удовлетворял капиталистические потребности страны в данный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тюрин В. А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX веков. – Самара: Изд. «Самарский университет», 2007.

2. Джаншиев Г. А. Городское самоуправление (Городовое положение 1870 года). Эпоха великих реформ. – М., 1900.

3. Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО) Ф. 49. Оп. 1. Д. 845.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Том XLV. Отд-ние 1-е. – СПб., 1874. Ст. 48498. С. 821-831.

5. Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России. (Вторая половина XIX века). – М., 1998. – 151 с.

6. ГАРО Ф. 5. Оп. 1. Д. 3845.

7. Еремян В. В., Федоров М. В. Местное самоуправление в России XII-XX века. – М., 1998. – 176 с.

8. ГАРО Ф. 19. Оп. 1. Д. 23.

9. Нардова В. А. Правительство и проблема городского самоуправления в России середины XIX в. – СПб., 1996.

Приложение 1. Ведомость о доходах действительно поступивших в 1870 г. по городу Рязани [6. Л. 121]

№ по порядку	Название города	Доходы обыкновенные																Чрезвычайные		ИТОГО	
		От городских недвижимых имуществ и оброчных от вод		За проход и проезд по городским сооружениям и стоянку судов		Оценочного сбора с недвижимых имуществ		С документов на право производства торговли и промыслов		С трактир. заведений, постоялых дворов и съестн. Лавочек		С извозного и перевозного промысло в		С лошадей и экипажей содержимыми частными лицами		С собак		С засвидетельствования протеста и пректав. К взысканию различных актов		За кислимение мер и весов		С акцизонных продаж движимого имущества		С привозимых в город и вывозимых из него товаров		Мелочные и ст ушные		Из неложков			
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
	Рязань	6671	10			2556	87	4951	51	5300		543	25							7698	17			4530	29			70	85	7175	18	39497	22

Приложение 2. Ведомость о расходах действительно произведенных в 1870 году по городу Рязани [6. Л. 123]

| Рязань | Название города | Предметы расходов | | | | | | | | | | | | | | | |

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ



УДК 94(47).08
ББК 63.3(2)52

«РУССКОЕ ВОСПИТАНИЕ» Т. И. ФИЛИППОВА

В. П. Прончатова

Тертий Иванович Филиппов (1825-1899) – государственный и общественный деятель, мыслитель и публицист, представитель консервативного направления общественного движения второй половины XIX в. В 2008 году, после более чем векового перерыва, были переизданы его основные труды, которые составили сборник «Русское воспитание». В данной статье рассмотрено содержание сборника, проанализированы вехи жизненного пути Филиппова и его идеи, которые на сегодняшний момент представляются особенно актуальными.

Ключевые слова
Сборник «Русское воспитание», проблема воспитания и образования в России, церковный раскол, движение единоверия, христианские ценности, православная вера

Имя Тертия Ивановича Филиппова, самобытного представителя консервативного направления русской общественной мысли, соединившего в себе таланты литератора и публициста, богослова и собирателя русского песенного фольклора, недостаточно известно не только широкой читательской аудитории, но и специалистам.

Т. И. Филиппов (1825-1899) был видным представителем отечественной дореволюционной бюрократической элиты, государственным контролером России. Современники видели в нём государственно мыслящего человека, не лишенного склонности к литературному труду. И все же, его работы едва ли представляли бы сегодня интерес и переиздавались, если бы Филиппов не обладал важным и ныне редким для государственного чиновника его ранга качеством – бережного отношения к народу, деятельного поиска путей помощи ему, и, в первую очередь, путей к созданию условий для беспрепятственного получения народного образования. Свои идеи он озвучивал задолго до ставших известным русскому обществу идей К. П. Победоносцева о церковно-приходских школах. Наблюдая за основными тенденциями развития российского государства и анализируя изменения, происходящие в русском обществе, Филиппов не только ощущал внутреннюю потребность высказать принципиальные соображения, но и умело отстаивал свою позицию в печати, а также в многочисленных обществах, членом которых он состоял, и в коридорах власти, представителем которой он являлся.

В конце XX – начале XXI вв. имя Тертия Ивановича начинает все чаще упоминаться в работах о видных представителях традиционно мыслящей дореволюционной элиты – таких как К. П. Победоносцев, Иоанн Кронштадский, К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов [1-2]. Исследователи вводят в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы, характеризующие творчество Филиппов. Интерес к его работам, публиковавшимся до революции и давно уже ставшими библиографической редкостью, проявляется с новой силой, о чем свидетельствует современная издательская политика.

Современное явление творчества Т. И. Филиппова

Публикации работ Т. И. Филиппова в наши дни имеют принципиальные отличия от дореволюционных изданий. Чаще всего, они выходят в сборниках статей, собранных составителями, название которым дается уже современными редакторами. Так сборник литературных работ Филиппова под общим названием «Русское воспитание» [3] был составлен в Институте русской цивилизации [4] в рамках реализации новейшего масштабного проекта – создания Большой энциклопедии русского народа. Одним из направлений создания этой Энциклопедии является издание серии книг «Русская цивилизация». В ее состав предполагается включение литературных трудов наиболее выдающихся русских мыслителей, «отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения» [5, с. 2], в том числе и малоизвестных. В сборник «Русское воспитание» вошли наиболее, с точки зрения составителей, влиятельные и известные прижизненные работы Филиппова.

Опубликованный в 2008 г. сборник статей Филиппова заслуживает пристального внимания современного читателя уже потому, что сам Тертий Иванович был социально значимым в глазах современников публицистом. Со свойственной ему энергией он настойчиво развивал в периодической печати темы, которые считал для России социально значимыми, возвращаясь к ним настойчиво и регулярно, как в своих устных, так и письменных выступлениях, всеми средствами пытаясь донести их до общества и власти, надеясь на реализацию. Вера в жизненность социально созидательных идей была для Филиппова характерна.

Современный сборник работ Филиппова, к сожалению, не передает всю силу мощи и воли автора, его целеустремленности, поскольку составители не ставили перед собой задачи публикации источников, показывающих реализацию идей государственным чиновником. Но составители сборника поставили перед собой не менее важную задачу, а именно: знакомство современного читателя собственно с оригинальными идеями Т. И. Филиппова, которые в начале XXI века прозвучали вновь свежо и актуально. В сборник вошли его знаковые работы: речь «О началах русского воспитания» и «Записка о народных училищах», в которых выражена концепция уже зрелого автора на проблемы российского просвещения, и подводится итог многолетним размышлениям.

Исповедуя взгляды христианского просвещения, Тертий Иванович уделял внимание постановке в России дела воспитания и образования, будучи еще совсем молодым человеком. Он считал, что основой формирования личности является понятие воспитания, под которым понимал масштабный, всеобъемлющий процесс становления человека, гражданина и патриота. Возможность достижения высокой просветительской цели виделась ему, с одной стороны, во всеобъемлющем нравственном воспитании на основе христианских начал, а с другой, в выведении дела «образования», то есть получении определённого набора знаний, применимых в конкретных условиях, на качественно новый уровень и его распространение

на весь русский народ. На достижение положительного результата, по мнению Филиппова, можно было бы рассчитывать только при взаимодействии двух названных направлений. Христианские ценности автор считал обязательными для всех, вне зависимости от конкретных обстоятельств жизни, возможностей и способностей конкретного лица, попадающего в поле педагогического воздействия.

Он не разделял понятий «образование» и «воспитание», но синтезируя их, подчёркивал преимущество нравственного, религиозного развития человека и только на этой твердой основе полагал возможным ожидать эффекта развития, для которого полагал рациональным подключение ресурса освоенных конкретных научных знаний. Так аксиологический подход помогал Филиппову целенаправить прагматические резервы познания в созидательное и нравственное русло.

И хотя в одном современном издании оказались соединены разные по тематике и жанру статьи Филиппова, при всём их разнообразии, что само по себе может представлять интерес, материал группируется по нескольким блокам. В равной мере с постановкой проблемы воспитания Филиппова волновал вопрос о характере семейных отношений в русском обществе и положении института брака, особенно в связи с усиливающимся влиянием западных традиций на эту область жизни россиян. Позднее, эту тему развивал его младший современник и одно время подчиненный по службе в Госконтроле В. В. Розанов.

Статья Филиппова «Не так живи, как хочется», увидевшая свет в 1855 г., оказалась не только рецензией на пьесу А. Н. Островского, но и очерком, в котором автор высказал собственную позицию по вопросам брака и семьи [6]. Опираясь на сюжет пьесы, Филиппов с горечью отметил резкое падение нравственности среди людей, осудил нарастающую тенденцию европеизации русского общества, в очередной раз подчёркнув, что «любовь к отечеству требует любви ко всему отечественному, ко всему, что относится к целости отечества» [7, с. 33].

Христианские ценности, безусловно, играли в мировоззрении Филиппова первостепенную роль, а в православной вере он видел «единственную сокровищницу истинного разумения вещей и чистых нравственных понятий», объединяющей и поддерживающей русский народ на протяжении веков [7, с. 29]. Однако Тертий Иванович понимал всю сложность своего положения христианского мыслителя-просветителя в условиях набиравшей силу демократизации русского общества и роста атеистических настроений. К анализу современного состояния нравов он подходил исторически, выявляя его глубинные корни, которые усматривал в XVII в. Произошедший тогда раскол, по мнению Филиппова, не только ослабил влияние религии на общество и имел долго действующие последствия, продолжая дестабилизировать православную церковь. Концепция Филиппова объясняет логику составления сборника его статей в наши дни. Неслучайно ряд статей в «Русском воспитании» посвящён исследованию вопросов старообрядчества и единоверия.

В сообщении «О нуждах единоверия», впервые прочитанном Филипповым в 1873 г. в Санкт-Петербургском отделении Общества любителей духовного просвещения, им были подробно проанализированы истоки раскола, а также его последующее развитие на протяжении двух следующих столетий [8]. Содействие движению единоверия, которым был известен современникам Тертий Иванович, объяснялось его настойчивым стремлением консолидировать верующих, ликвидировать раскол, в котором он видел основной источник, подрывающий авторитет православной церкви.

Изучая разные стороны жизни старообрядцев и вникая в суть исследуемого вопроса, Филиппов отстаивал свою позицию.

Так, в дискуссии с И. Ф. Нильским [9] по поводу его очерка, посвящённого изучению раскольнического учения о браке, Филиппов, демонстрируя глубокое знания вопроса, высказал ряд замечаний. Он обратил внимание Нильского на отсутствие в его очерке «полного и ясного определения… православного понятия о таинстве брака» [10, с. 203] и описания «ясной руководительной схемы брака» старообрядцев [10, с. 205]. Разногласия Филиппова и Нильского вылились в публичную полемику, происходившую в Обществе любителей духовного просвещения и изложенную в «Чтениях» общества за 1873-74 гг. Получившее общественный резонанс «Письмо к Ивану Фёдоровичу Нильскому» (1869) составители правомерно включили в сборник «Русское воспитание».

Вехи жизненного пути Т. И. Филиппова

Отечественный традиционализм исповедовали представители разных сословий. Так, родившийся в 24 декабря 1825 г. в г. Ржеве Тверской губернии Т. И. Филиппов происходил из семьи аптекаря. Его мировоззренческое становление и значимый для дальнейшей жизни круг общения формируется во второй половине 1840-х гг. В годы правления императора Николая I он не только получил образование в Тверской гимназии, но и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который благополучно окончил в 1848 г. Это год революций в Европе и споров славянофилов и западников.

В 1850 г. Филиппов был определён на службу старшим учителем словесности в первую московскую гимназию. Поскольку Тертий Иванович был знаковой и известной фигурой, то в воспоминаниях современников нашли отражения сведения о нем, в том числе, и характере его бытия. Хорошо его знавший князь В. П. Мещерский отмечал, что после окончания университетского курса Филиппов жил довольно бедно и «поддерживал своё существование частными уроками и, затем, литературной работой» [11, с. 363]. Предметом углубленного интереса молодого выпускника Московского университета стали богословские науки, церковное право, греческий язык и история старообрядчества. Важное место в жизни Филиппова занимали собирание и популяризация народных песен. Его репутация знатока словесности и церковных вопросов в России свидетельствует об определенной общественной значимости усилий и их направленности. В эти же годы, чрезвычайно плодотворные для Филиппова, расцвела его литературная деятельность. Он сотрудничал с известным в свое время журналом «Москвитянин», энергично содействовал его обновлению.

Филиппова считали своим в литературном кружке или «молодой редакции» А. Н. Островский, Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, А. А. Григорьев. Он общался и наблюдал за творчеством К. С. Аксакова, А. Ф. Писемского, П. М. Садовского, И. Ф. Горбунова. Его организаторские способности позволили не только познакомиться с этими замечательными представителями отечественной культуры, но и соорганизовать в кружок писателей, которому, правда, ненадолго, но все же, было суждено оказать известное влияние на развитие русской литературы. К сожалению, сотрудничество двух редакций («старой» и «молодой») в журнале «Москвитянин» продолжалось недолго – с 1850 по 1856 гг. Возникнув, разногласия усиливались, в том числе и по материальным вопросам. Обличение средневековых «темных» нравов, характерное для творчества А. Н. Островского, претило стремлению молодых людей в их идеализации патриархального уклада общества. Отсутствие идейного единства внутри «молодой редакции», ее пестрота предопределили нежизнеспособность дела. Славянофильские симпатии Филиппов постарался реализовать во вновь им созданном

журнале «Русская беседа», работа в редакции которого привела к обратному от ожидаемого результату, вызвав переоценку им мировоззренческих ценностей.

Идейный разрыв Филиппова со славянофилами спровоцировало его стремительное вхождение в синодальную службу по приглашению обер-прокурора А. П. Толстого. Перейдя в 1864 г. на службу в государственный контроль, которую он не оставлял до конца жизни, и дослужившись в 1889 г. до чина государственного контролёра, Филиппов нашел для себя твердую почву, опираясь на которую не прервал общественных занятий. Именно в эти годы он и проявил себя самобытным мыслителем и выдающимся общественным деятелем. Непривычное для нашего времени сочетание бескорыстия представителя высшего чиновничества и его народолюбие нашли выражение в оформлении конкретных подходов к совершенствованию дела народного образования.

«Русское воспитание»

Пафосу синтеза христианства, патриотизма и демократизма Филиппов посвящал свое творчество, центральным нервом которого полагал тему «русского воспитания». Являясь сложным, всеобъемлющем процессом становления личности понятие воспитание для Филиппова могло быть реализовано только в «национальной личности». Под определением «русское» он подразумевал не просто национальную принадлежность, а образ жизни, систему ценностей, присущую определённому кругу людей.

Филиппов видел особое предназначение русского народа в сохранении и распространении православных идей, так как «русский народ облечён силою и могуществом, одарён обильными и разнообразными средствами для защиты православия… от нападения настойчивых и хитрых врагов» [12, с. 324]. На этом основании цель русского воспитания Филиппов видел в пробуждении тех единых, общечеловеческих начал, которые были заложены в русском народе исторически.

Уникальность русской нации Филиппов доказывал, опираясь на исторический контекст, что было для него характерно. Выступая в 1882 г. на заседании Православного Палестинского общества, он обратил внимание слушателей на совпадение летописной даты возникновения государства на Руси и первого конфликта между Римом и православной Церковью на Востоке. Филиппов предположил, что возникшее государство появилось в качестве «утешения церкви за великую постигшую её утрату» [12, с. 324]. Еще одно доказательство особого предназначения России Филиппов видел в совпадении времени падения Константинополя и освобождения России от монгольского ига. Последующий далее территориальный рост и укрепление государственных основ России, по его мнению, соответствовали «высоте и тяготам её призвания» [12, с. 324]. Таким образом, Филиппов подводил слушателей и читателей к мысли о высокой миссии, возложенной на русский народ, которая требует пристального внимания со стороны власти, а также и русского общества к формированию личности каждого отдельного человека. Все эти мысли и нашли отражение в современном издании статей Т. И. Филиппова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – М., 2010.

2. Киценко Н. Святой нашего времени: Отец Иоанн Кронштадский и русский народ. – М., 2006.

3. Филиппов Т. И. Русское воспитание. – М., 2008.

4. Институт русской цивилизации – автономная некоммерческая организация, созданная в октябре 2003 г. Основная цель Института – объединение учёных и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных конференций, семинаров и других мероприятий для систематизации знаний по всем вопросам русской истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей.

5. Филиппов Т. И. Русское воспитание. – М., 2008.

6. Филиппов Т. И. Не так живи, как хочется // Русское воспитание. – М., 2008.

7. Филиппов Т. И. О началах русского воспитания // Русское воспитание. – М., 2008.

8. Филиппов Т. И. О нуждах Единоверия // Русское воспитание. – М., 2008.

9. Нильский Иван Фёдорович (1831-1891) – писатель. По окончании курса в Санкт-Петербургской духовной академии, занял кафедру русского раскола и оставался на ней до конца жизни. Главный его труд (докторская диссертация): «Семейная жизнь в русском расколе» (СПб., 1869) основан на изучении богатого рукописного материала и посвящен изложению раскольничьего учения о браке от начала раскола до конца царствования Николая I. Исследование занимает одно из видных мест в литературе по расколу и вызвало в свое время обширные критические статьи и исследования.

10. Филиппов Т. И. Письмо к Ивану Фёдоровичу Нильскому // Там же.

11. Мещерский В. П. Мои воспоминания. – М., 2003.

12. Филиппов Т. И. Речь, произнесённая в заседании Православного Палестинского общества // Русское воспитание. – М., 2008.

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)53-7

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МОДЕРНИСТОВ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)

О. Е. Рафалюк

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование изучения системы ценностей русской интеллектуальной элиты на примере писателей-модернистов рубежа XIX-XX вв. Выделяются основные факторы, влияющие на процесс формирования картины мира творческой интеллигенции.

Ключевые слова
Интеллигенция, писатели-модернисты, система ценностей, сознание, культура, переходная эпоха, картина мира, «Я-концепция», персональная история, социокультурный контекст, культурные практики, психобиография

«Не вокруг творцов нового шума,
а вокруг творцов новых ценностей вращается мир...»
Ф. Ницше

Проблема человеческих ценностей принадлежит к числу вечных, следовательно, неразрешимых, философией и наукой. Однако философская или теоретическая неразрешимость проблемы ценностей не является препятствием ее практического решения и конкретного обсуждения.

Современные тенденции жизни российского общества, характеризующиеся сменой векторов социокультурного развития и трансформацией ценностей и идеалов, наделяют проблему ценностных ориентаций особыми смыслами и делают особенно актуальной. Исследование механизма формирования системы ценностей, выявление особенностей функционирования ценностного сознания позволит создать теоретическую и практическую основу для плодотворного изучения различных периодов развития культуры, особенно так называемых переходных эпох, одной из которых был рубеж XIX-XX вв., характеризующихся повышенной изменчивостью большинства явлений, высокой степенью неопределенности и фрагментарности, изменением господствующего мировоззрения.

Ценности, трактуемые как смыслы и через них (или напрямую) как стратегии жизни, деятельности, поступков, решений, наряду с нормами и идеалами являются важнейшими компонентами человеческой культуры [1. С. 455].

Известно, что каждая историческая эпоха предлагает свой набор ценностей, который носит культурно-исторический, т. е. по необходимости частный и преходящий, но не абсолютный характер. Эволюцию ценностных установок, как правило, связывают с экономическими, социальными, политическими изменениями, не указывая при этом на изменения в сознании общества. В рамках данного подхода речь идет об уже созданных, «готовых» ценностях. Процесс их формирования и трансформации, как и личность самого создателя, творца ценностей, остаются невостребованными. Важно отметить, что процесс создания ценностей персонифицирован и является имманентно присущей функцией интеллигенции, ее системообразующим признаком [2. С. 86-87].

Механизмы формирования системы ценностей могут быть изучены посредством «Я-концепци» на примере жизни русских писателей-модернистов рубежа XIX-XX вв. Творческая интеллигенция рассматривается в данном случае как важнейший элемент в системе субъектно-объектных отношений в культуре, фактор, оказывающий существенное влияние на формирование картины мира, как у отдельных людей, так и целых социальных групп.

Изучение истории культуры через историю личности является сегодня одним из важнейших направлений современного социогуманитарного знания. Персональная история, для которой «история одной жизни во всей ее уникальности и полноте» [3. С. 265] является главной исследовательской задачей, становится органичной частью истории культуры. Данная тенденция связана с современной ситуацией в гуманитарных науках, для которых характерны историко-культурный и антропологический повороты, междисциплинарность подходов, обращение к истории малых общественных групп и частной жизни отдельной личности [4. С. 8].

Для изучения этого круга проблем нового и новейшего времени, как правило, используют источники личного происхождения – мемуары, письма, дневники, которые позволяют глубже реконструировать процессы, протекавшие в сознании людей прошлых эпох, и извлечь сведения, как о неповторимой индивидуальности каждого автора, так и о массовых социально-психологических явлениях [4. С. 8].

Писатели-модернисты – часть интеллектуальной элиты страны – обладали, вследствие своих социально-профессиональных, а также психологических особенностей особой «духовной чувствительностью», раньше других социальных групп улавливая и формулируя изменения в социокультурной ситуации. Неслучайно А. Белый, тонко чувствовавший и отмечавший «все, что творилось в те канунные годы, как в русской, так и в мировой культуре», образно называл себя сейсмографом [5. С. 193].

Чувствуя настроения эпохи, представители творческой интеллигенции выстраивают свою картину мира, служащую ответом на искания людьми смысла своей жизни, формулируют новую идеологическую систему, диктующую новый образ жизни, более конструктивный в данных условиях, особенно в переходные эпохи.

Существует также и обратная связь, воздействие литературы, философии, изобразительного искусства на процесс формирования картины мира. Она является и своеобразным результатом, и формой взаимодействия различных сфер культуры как элементов единой системы [2. С. 86]. С этой точки зрения сама творческая среда является произведением культуры. Модернистская система взглядов на мир дала о себе знать уже в том, что представляли собой сами модернисты и какое существование они вели или, по крайней мере, старались вести, чтобы привести его в соответствие с ритаулизированными жизненными установками. Если это так, то можно ожидать, что в биографиях модернистов, в их творческой деятельности, застольях и прогулках, в их перепис-

ке, дружбе и ссорах, в речах и повадках обнаружится тот же общий смысл, те же проблемы и противоречия, что и в литературных произведениях, художественных образах: типологические качества культуры в целом. Установка на эпоху, изучение мировоззрения и культурных практик писателей-модернистов в социокультурном контексте закладывает определенную методологическую основу, формирует программу исследования этого периода в истории русской культуры.

Разработанный на примере изучения жизни писателей-модернистов комплексный метод интегрирует в себе разнообразные способы исследования и включает следующие приемы:

1) изучение биографий с целью:

– воссоздания картины прошлого и проведения событийного анализа жизненного пути писателей;

– выделения факторов, повлиявших на их становление и развитие на всем протяжении их биографий (определение референтной группы и оппонентного круга, ближайшего окружения – семьи, женщин, детей);

– выделения кризисных моментов в жизни личности, как источников кристаллизации их ценностей и идеалов;

2) воспоминания современников и ближайшего окружения писателей для отражения различных аспектов их личности: особенностей характера, когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер;

3) эпистолярное наследие и дневники писателей-модернистов как источники, отражающие особенности их внутреннего мира, самооценочные компоненты, их жизненную позицию, внутренние противоречия, взгляды, установки и идеалы;

4) изучение медико-клинических данных о состоянии здоровья, фактора оказывающего влияние и на саму личность, и на ее деятельность, и на продукты деятельности.

5) реконструкция социокультурных и психологических характеристик особенностей личности писателей-модернистов на основании обобщения полученных данных с позиции современной науки.

Данный метод предполагает рассмотрение личности творца в различных аспектах ее жизнедеятельности, в контексте истории и культуры, объединенных в различных источниках, что соответствует принципу системности в исторической науке.

Разработка новых методологических подходов в изучении ментальных явлений прошлого, совмещение методов, обращение к различным источникам (историческим, литературным, философским и т. д.) позволяет рассмотреть человека истории с различных позиций, как с точки зрения его внутренних переживаний, так и в контексте тех внешних влияний, которые он претерпевает на себе. И уже с его позиций понять современного человека в его целостном и динамическом развитии.

В рамках приведенного подхода, в биографиях писателей-модернистов были изучены три важнейшие стадии формирования системы ценностей: детство – период адаптации, подростковый возраст – период социализации, юношеские годы – период индивидуализации.

Теория жизненного цикла, впервые использованная американским антропологом и психологом Э. Г. Эриксоном для изучения биографий М. Лютером и М. Ганди, описывая основные психологические события в процессе социализации индивида, задает параметры для психобиографического метода, который в свою очередь позволяет создать биографии людей для понимания социально-исторических событий.

Психобиография личности (а особенно выдающей личности), позволяет понять особенности формирования системы ценностей (персональной идентичности) в условиях конкретной исторической эпохи, – механизмы социальных изменений, некоторые стороны повседневности соответствующего, по выражению Эриксона, «исторического момента» [6].

Использование указанных методов по-

зволило сформулировать следующие выводы.

Процесс становления писателей-модернистов и формирования их мировоззрения социально и культурно детерминирован. Огромную роль в складывании их базовой системы ценности играли семейные традиции, воспитательные практики, отражающие устремления родителей – «передовых интеллигентов конца века» [7. С.204].

Перефразируя Андрея Белого, можно сказать, что модернисты были детьми дворян, давно забывших о своем дворянстве, купцов, «разложившихся» как «купцы» и крестьян, утративших связь с крестьянством. Они были «детьми рубежа» (А. Белый), не только в хронологическом, но и философском смысле, росшими, по выражению Анны Ахматовой, в «прохладной детской молодого века». На их глазах менялись традиционные поведенческие и культурные практики, изживал себя старый быт и социальный прядок. Как писал Алексей Крученых, «деятелей каждого литературного направления – реалистов ли, символистов ли, романтиков и т. п. – отбирают, в конечном счете, экономические и социальные факторы. Это они подготовляют ту или иную группу писателей или художников к ее роли в искусстве. Вот почему мы часто наблюдаем сходство биографий участников подобных групп, хотя бы эти люди выросли далеко друг от друга, ничего не зная о своих будущих друзьях и даже не осознавая себя зачинателями определенного направления» [8. С. 31].

Несмотря на разное социальное происхождение и условия формирования, личный опыт каждого писателя-модерниста перекликался с общим путем развития русской культуры. В предреволюционные годы она переживала подъем романтических настроений, связанных с критикой позитивизма, буржуазности, с интересом к разнообразным утопиям, с мечтой о героическом преобразовании мира. Отход Виктора Хлебникова, Алексея Крученых, Валерия Брюсова от культурной среды, к которой принадлежали их семьи, был воспринят ими как разрыв, как ее преодоление. Этот же путь проделал Александр Блок, порвавший с «бекетовской» культурой, и Андрей Белый, студент физико-математического факультета. Все они независимо друг от друга пошли по одному пути к «новому строю слов и вещей», к «новому зрению» (Юрий Тынянов).

Влияние идей 60-х гг., компонента традиционной культуры, а также новых веяний рубежа XIX-XX вв. обусловили амбивалентность и двойственность сознания писателей-модернистов, которые, с одной стороны, были наследниками культуры XIX столетия, с другой стороны, предприняли переоценку ценностей, вызванную глобальными изменениями в экономической, социальной, политической жизни России в начале XX в.

Становление писателей-модернистов усложнялось специфическими особенностями психики, свойственными гениальным (resp. одаренным) личностям. По ярко выраженному оригинальному психическому складу изучаемых писателей-модернистов можно отнести к акцентуированным личностям. Личности, обозначаемые как акцентуированные, не являются патологическими [9. С. 351]. Это люди со странностями, не страдающие явными психическими заболеваниями, но проявляющие несомненную склонность к аффектной неустойчивости и истероидному поведению, то есть к неординарным, экстравагантным и часто саморазрушительным действиям [10. С. 421]. Людей с подобным (акцентуированным) складом личности иначе называют «аномальными личностями» или «индивидами с личностными нарушениями». На бытовом языке, с различной степенью толерантности, – «чудаками», «большими оригиналами», «эксцентричными», «взбалмошными» и т. д. [10. С. 421].

«Расхождение с трафаретом» (А. Крученых), непохожесть на большинство, отклонение от нормы (норма в понимании

середины) проявлялась в феноменологии личности писателей-модернистов с детства. Они отличались чрезмерной впечатлительностью и ранимостью.

Помимо уже названных внешних факторов, важную роль в становлении писателей-модернистов и формировании их системы ценностей играли «веяния», по выражению Аполлона Григорьева, которые принято называть «духом времени» (Zeitgeist).

Человек модернизма существовал в историческом контексте, отмеченном достижениями психологии и психиатрии в изучении сновидений, гипноза, «природы страстей», памяти, воображения. К этому времени относятся исследования невропатолога Ж.-М. Шарко гипнотических состояний и открытие феномена «la grande hysterie» и концепта «истерическая женщина» [11. С. 15-23]. Происходит открытие бессознательного, что выносит на поверхность – обнажает – «потаенное»: аффекты, инстинкты, сексуальную жизнь человека. Именно в это время начинает свою деятельность З. Фрейд, постепенно складывается практика психоанализа [12. С. 14]. Все эти факты научного знания важны для понимания психоидеологии эпохи и специфики возникающих и циркулирующих в ней художественных форм и жизненных практик [13].

Нет сомнений в том, что психологические идеи рубежа XIX-XX вв. оказывали значительное влияние на мироощущение модернистов. «Физиологическая мистика наследственности» [15. С. 7] окрашивала мрачным колоритом психологический ландшафт современности. В частности, как реакцию на кризис наследственности в рамках вырождения следует трактовать, по мнению Ольги Матич, полемику о браке и деторождении в России 1890-х – начала 1900-х гг. [16. С. 15].

Одержимостью страхом болезненного наследия, во многом, объясняется позиция по отношению к браку, которой придерживались многие модернисты, в особенности, Александр Блок [17]. Поэт без иронии проецировал на себя судьбу «последнего отпрыска рода» [18. С. 51]. Целомудренный союз с Любовью Дмитриевной не только возвещал апокалиптическое преображение, но и становился способом избежать дурной наследственности.

О том, что ранние модернисты были хорошо знакомы с психологическим дискурсом своего времени, свидетельствуют их упоминания в источниках ведущих европейских психопатологов второй половины XIX столетия. Андрей Белый пишет в мемуарах, что в 1906 г. Гиппиус с большим интересом читала Рихарда фон Крафта-Эбинга [19. С. 158], Александр Блок и Андрей Белый читали сочинения Макса Нордау [20. С. 23].

Более того, ранние модернисты не только знакомились с трудами по психопатологии и психиатрии, но и черпали оттуда вдохновение. Г. Ф. Элленбергер, историк медицины, автор классического труда «Открытие бессознательного», указывает на взаимовлияние медицинского (психоаналитического) и литературного дискурсов как на характерную черту эпохи [21. С. 343]. Многие модернисты выстраивали свои автобиографии по аналогии с «человеческим документом»: стараясь не утаивать ни малейших деталей, подвергая себя изощренному интимному самоанализу. Особенно показательны в этом отношении тексты Андрея Белого, которые, по выражению Моники Спивак, столь очевидно пригодны для психоаналитических штудий, что без какого-либо насилия могут быть помещены в учебные хрестоматии [22].

Проведенный анализ не говорят о том, что психологические веяния детерминировали «ментальную карту» эпохи. Все зависит от того, на какую почву они накладывались. У писателей-модернистов с тонкой душевной организацией и обнаженными нервами подобные теории только усиливали внутреннюю тревогу и давали мощный импульс их воображению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Проскурякова Н. А. Проблемы формирования гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. (теоретико-методологический аспект) // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008.

2. Сабурова Т. А. Интеллигенция и формирование картины мира в России на рубеже XIX-XX вв. (Проблема кризиса личности и культуры) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества / под ред. В. В. Керова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

3. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М., 2006.

4. Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. Социокультурный аспект. – М., 2008.

5. Степун Ф. Памяти Андрея Белого // Воспоминания о серебряном веке. – М., 1993.

6. Erikson E.H. Life History and Historical Moment. – N.Y., 1975.

7. Белый А. На рубеже двух столетий. – М., 1989.

8. Крученых А. Наш выход. К истории русского футуризма. – М., 1996.

9. Леонгард К. Акцентуированные личности. – М., 1981.

10. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. – М., 2008.

11. См.: Шахадат Ш. Инсценированные страсти // Логос. – 1999. – № 2.

12. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. – СПб., 2008. См. также: Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика: От Месмера до Фрейда. – М., 1991; Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. – СПб., 1993.

13. Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. – СПб., 2008. См. также: Смирнов И. П. . Психодиахронологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М., 1994; Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. – М., 1996.

14. Элленбергер Генри Ф. Открытие бессознательного. – СПб., 2001. См. также: Degeneration: The Dark Side of Progress / Ed. By E. J. Chamberlin, S. L. Gilman. – New York, 1985.

15. Евлахов А. М. Лекции по истории всеобщей литературы XIX века. – Варшава, 1914.

16. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin fe siecle в России. – М,, 2008.

17. См.: Матич О. Поздний Толстой и Блок: попутчики по вырождению // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика. – М., 2006.

18. Блок А. Записные книжки: 1901-1920. – М., 1965.

19. Белый А. Между двух революций. – М., 1990.

20. Блок А. А. Искусство и революция (По поводу творения Рихарда Вагнера) // Собрание сочинений в восьми томах. – М.-Л., 1962. – Т. 6.

21. Элленбергер Генри Ф. Открытие бессознательного. – СПб., 2001.

22. Спивак М. Мать, жена, сестра, дочь? (Объект влечения Андрея Белого) // http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_24.htm

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
г. МОСКВА



УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)52

МЕЖПАРТИЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПЕРИОД РАЗРАБОТКИ ЗАКОНОПРОЕКТА О ПАРЛАМЕНТЕ 1911 ГОДА

Кандидат исторических наук И. Г. Ковалев

В статье исследуется противоборство Консервативной и Либеральной партий Великобритании по проблеме реформирования Палаты лордов на этапе подготовки Законопроекта о Парламенте. Выявляется связь этого вопроса с другими актуальными аспектами тогдашней социальной, финансовой и конституционно-правовой политики. Анализируются причины начала межпартийного диалога, ход секретных переговоров в рамках Конституционной конференции, обстоятельства, не позволившие партийным лидерам достичь согласия.

Ключевые слова
Реформа Палаты лордов, Консервативная партия, Либеральная партия, Законопроект о Парламенте 1911 г., отлагательное вето, пожалование пэрских титулов, Конституционная конференция, королевские гарантии

Важнейшим и во многом решающим этапом подготовки первой в XX в. реформы Палаты лордов в Великобритании стал период между двумя всеобщими парламентскими выборами 1910 г. По итогам волеизъявления избирателей в январе 1910 г. либералы сохранили относительное большинство в Палате общин. Более того, они считали, что получили «народный мандат» не только на реализацию своих финансовых и налоговых инициатив, но и на ликвидацию «всевластия пэров». Кроме этого Кабинет Г. Асквита в своих политических планах, по-прежнему мог рассчитывать на поддержку союзников из малых парламентских фракций – ирландских националистов и лейбористов.

Консерваторы и юнионисты вынуждены были признать, что их политические оппоненты победили в битве за «народный бюджет» Д. Ллойд Джорджа, который верхняя палата в итоге одобрила 28 апреля 1910 г. Своей приоритетной задачей теперь они считали противодействие попыткам либералов ограничить прерогативы пэров в области законотворчества. После всеобщих выборов в Консервативной партии произошло укрепление позиций приверженцев протекционизма и «непримиримых», для которых Палата лордов стала «…цитаделью их дела, символом истинных британских ценностей и традиций, которые стоило защищать до последнего окопа против социалистических демагогов и случайного большинства в Парламенте» [1. P. 294-295].

С другой стороны, все очевиднее становилась перспектива преодоления былых внутрипартийных разногласий в рядах оппозиции. «Нам необходимо, – под-

черкивал 29 января 1910 г. О. Чемберлен в письме к лидеру консерваторов А. Бэлфуру, –- иметь за собой единую партию, и мы сможем показать и в ходе обсуждения (проекта реформирования Палаты лордов – И. К.), и при голосовании лучшие результаты, нежели в течение прошлой сессии Парламента» [2. P. 199-200]. Сплоченность тори казалась особенно насущной задачей в первые месяцы 1910 г., когда положение либерального Правительства было крайне неустойчивым и его падения ожидали буквально со дня на день. Дело дошло до того, что А. Бэлфур в этот период времени вполне серьезно рассматривал перспективу занять пост премьер-министра после, как многим казалось, неминуемой отставки Г. Асквита [3. P. 112].

В этих непростых политических условиях проблема реформирования Палаты лордов с самого начала новой парламентской сессии стала центральным вопросом повестки дня. Дебаты, последовавшие после тронной речи в Парламенте, со всей очевидностью выявили всю глубину межпартийных разногласий по этому вопросу. Наиболее последовательную и радикальную позицию занимали лейбористы. Один из лидеров их фракции – Дж. Барнс потребовал ликвидировать верхнюю палату и отметил, что: «…Палата лордов – это бесполезный и ничего кроме раздражения не вызывающий барьер на пути прогресса демократии» [4. Col. 89]. При этом лейбористы готовы были поддержать намечавшиеся инициативы Правительства, но требовали, чтобы они были оформлены в виде билля, а не отдельных резолюций. Благожелательно отнеслись к планируемому ограничению права абсолютного вето пэров и ирландские националисты, рассчитывавшие, что после устранения всевластия лордов, Кабинет установит-таки давно обещанную систему самоуправления в Ирландии. «Я утверждаю, – с воодушевлением говорил их лидер Дж. Редмонд, – что ни часа не должно быть потеряно для выработки этих резолюций» [5. Col. 69]. После этого он решительно потребовал от Правительства использовать для достижения заявленной цели все возможности и инструменты, включая прерогативы короны.

Официальная позиция Либеральной партии по-прежнему была достаточно умеренной. Г. Асквит в своем выступлении ратовал за восстановление главенства Палаты общин в финансовых вопросах, уничтожение права абсолютного вето и проведение всех этих изменений законодательным порядком в ходе текущей сессии. Вместе с тем, пытаясь успокоить оппозицию и сэкономить время, премьер-министр предлагал предварительно обсудить инициативы Правительства в форме резолюций, а затем оформить их в законопроект. К иным мерам, например, к использованию прерогатив короны и назначению необходимого количества либеральных членов Палаты лордов, лидер либералов был намерен обратиться лишь в случае, если торийские пэры снова воспротивятся воле нижней палаты Парламента [6. Col. 55].

Консерваторы и юнионисты в Палате общин предпочли не отвергать саму идею о необходимости реформирования верхней палаты Парламента. В своем выступлении 21 февраля А. Бэлфур лишь призвал проводить все изменения с учетом, прежде всего интересов самой Англии, а не оглядываясь на ирландцев и сторонников гомруля [7. Col. 48]. Лидер тори явно не хотел обострять непростую политическую ситуацию и демонстрировал готовность к определенным компромиссам. Кроме того, он явно рассчитывал разрушить союз либералов и ирландских националистов и тем самым ослабить позиции Правительства в Палате общин.

Совсем иной характер обсуждение проблемы приобрело в Палате лордов, где планировавшиеся мероприятия Кабинета подверглись самой суровой критике со стороны консервативного большинства. Так, например, маркиз Лэнсдаун охарактеризовал их как попытку установления прямого

диктата нижней палаты и автоматическое устранение пэров от решения каких бы то ни было важных вопросов. «Я не знаю, – вопрошал он, – будут ли члены Палаты лордов благодарны Правительству за разрешение вносить предложения, которые Палата общин может спокойно опустить в корзину для мусора? Я не имею представления, насколько вы заинтересованы в праве исправлять законопроекты, если оно может оказаться совершенно неэффективным?» [8. Col. 24]. Совершенно очевидно, что для «непримиримых» идея создания «бутафорской», как они выражались, и фактически бесправной верхней палаты была совершенно неприемлема.

Сторонникам сохранения прежних прерогатив пэров удалось добиться ужесточения позиции партийного руководства тори. Выступая 23 февраля 1910 г. в Консервативном юнионистском клубе, А. Бэлфур говорил уже несколько в ином ключе, нежели всего за два дня до этого в стенах Вестминстера. В частности, он заявил, что по вопросу прерогатив пэров «не может быть никакого компромисса с откровенно революционным Правительством, которое желает не реформы, а разрушения» [9. P. 31]. Еще более определенно лидер тори выразил точку зрения своей партии по проблеме полномочий верхней палаты Парламента 4 марта 1910 г. в речи перед членами Ассоциации консерваторов лондонского Сити. «Я не желаю лучшей палаты, – сказал он, – я хочу иметь более сильную вторую палату» [10. P. 97-98].

Неожиданную и весьма существенную поддержку оппозиция получила от порвавшего с либералами бывшего премьер-министра – графа Розбери, который 9 марта 1910 г. в верхней палате внес три резолюции, в которых затрагивалась проблема реформирования верхней палаты. По его мнению:

«1. Сильная и эффективная вторая палата является не только составной частью британской конституции, но и необходима для обеспечения благополучия государства и сбалансированного Парламента;

2. Такая палата может быть создана путем реформирования и реконструкции Палаты лордов;

3. Прежде чем приступать к такому реформированию и реконструкции необходимо утвердить принцип, согласно которому наследование пэрского титула не должно больше быть связано с правом заседать и голосовать в Палате лордов» [11. Col. 122]. Аргументируя свою позицию, граф Розбери произнес 14 марта 1910 г блестящую речь, в которой упрекал Правительство Г. Асквита в желании превратить Палату лордов в недееспособный орган. При этом он откровенно указывал на то, что его резолюции направлены против инициатив правящей партии по ограничению права вето лордов, что, по его мнению, означало бы окончательное лишение верхней палаты властных полномочий [12. Col. 141]. Взамен граф Розбери рекомендовал предпринять меры, направленные на устранение основных, по его мнению, недостатков непредставительной палаты: ее многочисленности, исключительной консервативности и, главное, преимущественно наследственного принципа формирования. Такие предложения вполне соответствовали планам консерваторов, стремившихся подменить намерение либерального Кабинета серьезно изменить законотворческие прерогативы верхней палаты пересмотром лишь принципов формирования ее состава.

В ходе дебатов по инициативам графа Розбери мнения пэров разделились. Позицию Кабинета отстаивал министр по делам Индии виконт Морли, заявивший, что «…требование великой, сильной и эффективной второй палаты в действительности является попыткой повернуть вспять то расширение избирательных прав населения, которое составило славу Либеральной партии» [13. Col. 179]. Тем самым Кабинет четко давал понять, что «косметические»

реформы и тем более усиление законотворческих прерогатив пэров, не решат проблем во взаимоотношениях палат Парламента, а скорее лишь усугубят их.

Непримиримые члены консервативной фракции решительно выступили против любых реформ. В частности, лорд Ньютон и граф Онслоу объявили пэрство «одним из важнейших институтов в истории страны» и призвали организовать «…единую и прочную оборону против тех опасностей, которые угрожают не только конституции, но и свободам Великобритании» [14. Col. 185, 266]. Большинство же торийских пэров во главе с маркизом Лэнсдауном поддержало инициативы графа Розбери, рассматривая их как альтернативу намерениям либерального Кабинета, и одобрило 21 марта 1910 г. формулировки первых двух резолюций практически без прений. Третья резолюция была принята подавляющим большинством в 175 голосов против 17 [15. Col. 490]. Таким образом, консерваторы давали четко понять, что готовы пойти на определенные уступки и отказаться от ряда отживших привилегий, включая преимущественно наследственный принцип формирования Палаты лордов, с целью сохранения ее прав и законотворческих прерогатив.

Тем временем, в рядах правящей партии, сторонникам решительной борьбы с пэрами все же удалось развеять сомнения Г. Асквита. Во время обсуждения готовящегося законопроекта в Кабинете, несколько влиятельных либеральных политиков, среди которых были Э. Грей, Р. Холдейн, У. Черчилль и Г. Сэмюэль, высказались за одновременное проведение серьезной реформы Палаты лордов и ограничение ее права абсолютного вето. Премьер-министр придерживался той точки зрения, что прежде необходимо ограничить полномочия пэров, и лишь затем приступать к разработке проектов коренной реорганизации верхней палаты Парламента [16. P. 188-189]. Несмотря на то, что Г. Асквита поддержало большинство членов Кабинета, в итоге все же было принято компромиссное решение. В преамбулу готовящегося Законопроекта о Парламенте добавили упоминание, о необходимости реформирования верхней палаты в целом [17. P. 189].

Пытаясь более точно определить отношение политических оппонентов к планам Кабинета, премьер-министр 29 марта 1910 г. внес на рассмотрение депутатов Палаты общин несколько резолюций, отражавших суть готовящейся реформы. В первой из них отмечалось, что если финансовый законопроект, одобренный Палатой общин и переданный пэрам не менее чем за месяц до окончания парламентской сессии, не принят без поправок Палатой лордов, то он подлежит передаче для санкционирования монарху и превращается в закон, несмотря на то, что верхняя палата не согласилась с ним. Во второй резолюции подробно прописывалась процедура применения отлагательного вето пэров в отношении нефинансовых биллей. Такие законопроекты, одобренные Палатой общин в течение трех последовательных парламентских сессий, и переданные в Палату лордов не менее чем за месяц до окончания текущей сессии, и отвергнутые пэрами в третий раз, тоже могли стать законом без санкции верхней палаты [18. Col. 1168-70]. Таким образом, можно констатировать, что после более чем двухлетнего обсуждения различных вариантов модернизации Палаты лордов, острых внутрипартийных дискуссий, столкновений с политическими оппонентами, обсуждения в обществе, либералы смогли выработать и сформулировать согласованную программу реформы, предусматривавшую существенное ограничение законодательных полномочий пэров.

Примечательно, что внеся указанные резолюции, Г. Асквит в качестве главного аргумента в пользу необходимости быстрых и решительных преобразований использовал тезис о том, что британский Парламент фактически превратился в однопалатный законодательный орган. Если

у власти находятся консерваторы, утверждал он, все полномочия сосредотачиваются в Палате общин, а в случае победы на выборах либералов – то одна Палата лордов определяет судьбу законодательства. Таким образом, заключал премьер-министр: «В настоящее время у нас совсем не двухпартийная система, а только пародия и карикатура на нее» [19. Col. 1165]. Главной целью Правительства провозглашалось упрочение главенства выборной палаты во всех вопросах законодательства, при этом вторая палата сохранялась, но ставилась в зависимость от «мнения и воли нации».

Одновременно с этим, Г. Асквит отметил, что в его распоряжении практически нет эффективных мер воздействия на верхнюю палату, поскольку наиболее действенная из них – назначение новых пэров монархом, могла потерять свою силу в случае претворения в жизнь третьей резолюции графа Розбери, уже одобренной в верхней палате. «Палата лордов, – отмечал премьер-министр, – впервые в английской истории становится автономным и неконтролируемым органом, вне досягаемости короля и его министров, и надежно укрепляет свою абсолютную конституционную независимость» [20. Col. 1173].

В начале апреля 1910 г. работа над законопроектом, основное содержание которого базировалось на резолюциях Г. Асквита, вступила в завершающую фазу. На заседании Кабинета 13 апреля, которое предшествовало внесению билля в Палату общин, с учетом шаткости положения Правительства и решительного настроя тори, было принято решение о том, что следует использовать все имеющиеся политические и административные механизмы для достижения конечной цели. Среди них были: королевские гарантии, уступки союзникам, референдум и как самый крайний шаг – отставка и очередной роспуск Парламента [21. P. 209].

Тем не менее, сомнения в итоговом успехе явно ощущались. В день представления законопроекта в Палате общин Г. Асквит сделал важное заявление. «Мы ни в коем случае, – обещал премьер-министр, не станем рекомендовать роспуск Парламента за исключением ситуации, когда необходимо гарантировать, что в новом Парламенте воля народа, выраженная на выборах, будет воплощена в законе» [22. Col. 1548]. Это означало, что лидер либералов прочно увязывал проблему реформирования Палаты лордов с проведением новых всеобщих выборов и необходимостью получения народного мандата на осуществление планируемых перемен. С одной стороны, стало ясно, что вопрос откладывался на некоторое время, поскольку проведение новых выборов спустя всего два месяца после предыдущих не имело никакого смысла. С другой стороны, правящая партия пошла на серьезный риск. Бесспорно, что гарантировать победу ей никто не мог, однако в случае успеха у либералов появлялся очень весомый аргумент. Они спокойно могли апеллировать к мнению избирателей и тем самым окончательно отметали все доводы и предложения оппозиции.

Ожидалось, что после возобновления парламентской сессии осенью 1910 г. Палата общин начнет обсуждение законопроекта по существу, однако эти расчеты спутало непредвиденное событие – смерть короля Эдуарда VII 6 мая 1910 г. На престоле оказался его сын – Георг V, не обладавший необходимым политическим и государственным опытом. Ситуация серьезно осложнялась еще и тем, что правящая партия, имела серьезные внутренние разногласия и опиралась на крайне шаткое большинство в Палате общин. Оппозиция, выигравшая недавние выборы по количеству проголосовавших за нее избирателей, но так и не пришедшая к власти, всеми силами стремилась не допустить реформы Палаты лордов. Сочетание этих факторов в условиях обострившейся межпартийной борьбы вполне реально могло привести к острейшему политическому кризису. Однако на деле слу-

чилось прямо противоположное – возникла идея создания коалиции.

Первые симптомы того, что ведущие политические партии могут попытаться договориться и разрешить имеющиеся между ними противоречия, появились сразу после январских выборов. Авторитетная и информированная «Таймс» тогда отмечала, что в новой политической ситуации у Кабинета «остается, однако, превосходный и конституционный метод уладить разногласия путем соглашения двух великих партий, умеренные круги которых придерживаются сходных взглядов на проблемы, требующие урегулирования» [23]. Помимо отсутствия у старейших политических партий необходимого для самостоятельной реализации своих программных установок парламентского большинства, были и другие факторы, толкавшие либералов и консерваторов к поискам компромисса.

В стране нарастало стачечное движение. Большой общественный резонанс вызвали забастовки железнодорожников Ньюкасла, докеров Клайда и Тайда, шахтеров Южного Уэльса. Профсоюзы все решительнее требовали отмены решения по делу Осборна, запрещавшего использовать фонды тред-юнионов на политические цели. Осложнилась и международная ситуация. Англо-германские противоречия продолжали углубляться, тревогу вызывал кризис на Балканском полуострове, возможность вооруженного конфликта становилась все более очевидной. Все это объективно требовало сплочения основных политических сил. Как следствие, в мае 1910 г. близкая к консерваторам газета «Обсервер» выступила с очередной инициативой, предложив организовать межпартийную конференцию для разрешения проблемы Палаты лордов и достижения «божественного перемирия» [24].

На самом деле идея прекращения непримиримого противоборства исходила от либеральных политиков, которые считали, что им необходима передышка для восстановления сил и повышения популярности среди избирателей. К этому времени разногласия по бюджету остались в прошлом, непреклонная позиция тори по вопросу самоуправления для Ирландии ни у кого не вызывала сомнения, поэтому единственной актуальной проблемой политической повестки дня, по которой можно было организовать межпартийное обсуждение, оставалась реформа Палаты лордов. Некоторые либеральные лидеры, в частности, Д. Ллойд Джордж при активном участии У. Черчилля провели в течение весны 1910 г. ряд встреч с представителями консерваторов, в ходе которых они предлагали на «солидной общепартийной базе» решить наиболее острые проблемы и сформировать прочное правительство бизнесменов. Канцлер Казначейства даже разработал меморандум о проведении межпартийной согласительной конференции старейших британских политических партий и представил его рассмотрение Г. Асквиту и А. Бэлфуру, которые в принципе одобрили эту идею [25. P. 192].

Перемены во взаимоотношениях между основными политическими силами в этот период отметил и только входивший в курс дела новый монарх. Георг V 18 мая 1910 г. зафиксировал в своем дневнике: «Я дал аудиенцию премьер-министру. Мы долго беседовали. Он сказал, что для предотвращения всеобщих выборов будет стремиться к некоторому взаимопониманию с оппозицией и не станет обращать внимание на то, что скажет Редмонт (лидер ирландских националистов – И. К.)» [26. P. 191]. Вместе с тем, это вовсе не означало, что Г. Асквит решил отказаться от идеи ограничения полномочий пэров, он всего лишь предпринял обходной маневр. Премьер-министр прекрасно понимал, что неискушенный в политических баталиях новый монарх вряд ли окажет ему поддержку в этом вопросе, а без этого добиться успеха будет практически невозможно. Поэтому вполне логичным выглядело намерение потянуть время и усыпить бдительность оппонентов.

Первым свидетельством того, что Георг

V не собирался поддерживать либералов в их намерении реформировать Палату лордов, стала его просьба к премьер-министру не предлагать ежегодные рекомендации пожалования пэрских титулов в день рождения монарха. В письме Г. Асквиту от 28 мая 1910 г. монарх так аргументировал свою позицию: «Поскольку в том переходном состоянии, в котором находится Палата лордов, мне не хотелось бы их одобрять» [27. P. 192]. Несмотря на то, что в итоге лидер либералов добился необходимых ему назначений, суверен явно неодобрительно отнесся к стремлению Кабинета увеличить количество своих сторонников в верхней палате в тот самый момент, когда речь шла об ослаблении ее роли.

В этих условиях Г. Асквит попытался разрешить проблему путем кулуарных закрытых переговоров, что позволило бы избежать новых всеобщих выборов и возобновить либеральную программу законодательной деятельности. Для участия в обсуждении проблемы полномочий пэров были сформированы делегации, состоявшие из четырех человек от каждой стороны и включавшие наиболее влиятельных членов фракций в обеих палатах. Либералов представляли Г. Асквит, Д. Ллойд Джордж, А. Биррелл и граф Крю, занимавший пост лорда-председателя Тайного совета. От оппозиции в переговорах участвовали А. Бэлфур, О. Чемберлен, лорд Коудор и маркиз Лэнсдаун – тогдашний лидер тори в верхней палате [28. P. 522-23].

Работа Конституционной конференции по времени практически совпала с летними парламентскими каникулами. Всего с 17 июня по 10 ноября 1910 г. было проведено 22 заседания, на которых стороны представляли свои аргументы и пытались прийти к консенсусу по проблеме реформирования Палаты лордов. В связке с этим ключевым вопросом обсуждались и другие наиболее острые аспекты тогдашней политической повестки дня. Официальных стенограмм во время дискуссий участников конференции не велось, поэтому об их содержании мы можем судить лишь из сохранившихся в архивах записей О. Чемберлена и маркиза Лэнсдауна, а также опубликованных воспоминаний Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа.

Если анализировать предложения сторон по основному вопросу закрытых переговоров, то либеральная делегация неожиданно выдвинула упоминавшийся ранее и крайне несовершенный «план Рипона». Объяснить это можно тем, что по сравнению с уже внесенным Законопроектом о Парламенте, он содержал пункты, которые могли привлечь внимание консерваторов, например, положение о том, что успех гарантировался только в том случае, если Правительство опиралось на большинство в 70 голосов и более. Фактически тори делалось предложение следующего плана – мы готовы отказаться от более радикального билля, обсуждение которого началось в Парламенте, и представить более мягкий вариант реформы.

Консервативные лидеры не поддались на эту уловку и по-прежнему пытались вместо изменения функций палаты сделать главным вопросом обсуждения проблему формирования ее состава. Такая позиция была близка и Георгу V, который в самом начале работы Конституционной конференции выступил с интересной инициативой. В письме от 18 июня 1910 г. Г. Асквиту личный секретарь суверена барон Ноллис информировал: «Король выражает надежду, что на конференции может быть поставлен вопрос о пожизненном звании пэра. Он решительно, как, наверное, и большинство разумных людей высказывается в пользу этого института» [29. P. 192]. Однако очевидно, что при таком расхождении в определении цели реформы, намерение достичь компромисса и выработать устраивающий обе партии вариант решения проблемы оказалось трудно реализуемым. К тому же, чем дальше, тем больше обсуждение проблемы увязывалось с другими спорными

вопросами – самоуправлением для Ирландии, дальнейшими социальными реформами, возможностью формирования коалиционного правительства и т. д.

Столкнувшись с настойчивым стремлением правящей партии обсуждать все же проблему властных полномочий пэров, оппозиция вынуждена была обозначить свою позицию по этому вопросу. В специально подготовленном меморандуме предлагалось разделить все законодательные инициативы на три категории: финансовые, обычные и конституционные. Принадлежность того или иного билля к какой-либо из указанных групп должна была определяться спикером Палаты общин и комиссией из представителей обеих палат [30. P. 195]. Предполагалось, что Палата лордов лишится права вмешиваться в финансовое законодательство, за исключением тех случаев, когда такие билли влекли за собой «социальные или политические последствия» или искусственно подводились под категорию финансовых законопроектов с целью обеспечить беспрепятственное прохождение в верхней палате. Если спорный билль относился ко второй категории и дважды отклонялся пэрами, его планировалось передавать на рассмотрение совместного заседания палат, в работе которого должны были принимать участие все депутаты Палаты общин и сто пэров, двадцать из которых представляли правящую партию, а остальные избирались по системе пропорционального представительства [31. P. 195]. Такие предложения консерваторов были очень настороженно встречены либералами. Действительно ни один бюджет не мог быть чисто финансовым документом и неизбежно затрагивал социально-политические проблемы. Предлагаемая система совместных заседаний только усложняла и делала более громоздкой процедуру принятия законопроектов. Намерение выносить на всенародное обсуждение и голосование билли конституционного характера для лидеров правящей партии было абсолютно неприемлемо.

Несмотря на это, переговорщики со стороны оппозиции все настойчивее стремились свести дискуссию к так называемой «теории референдума». Данная теория была логическим развитием «доктрины мандата» или конституционного соглашения, возникшего в 1868-1869 гг. во время острых дискуссий по вопросу о положении англиканской церкви в Ирландии. Один из тогдашних лидеров консерваторов и будущий премьер-министр – третий маркиз Солзбери высказался за то, чтобы Палата лордов играла особую роль в решении острых и спорных политических вопросов. Соглашение, получившее позже его имя, предусматривало право пэров отвергать такие правительственные инициативы, принятые Палатой общин, и добиваться того, чтобы своё мнение по ним на ближайших всеобщих выборах высказали избиратели.

Спустя некоторое время, с «доктриной Солзбери» стали связывать появление у верхней палаты Парламента новой функции. Ее стали воспринимать как инициатора обращений к нации в случаях возникновения проблем, вызвавших серьезные разногласия в обществе и между палатами. Сторонники «теории референдума» считали, что пэры просто обязаны противостоять всем спорным законопроектам до тех пор, пока окончательно не стало ясно мнение народа [32. P. 10]. Очевидно, что консерваторы намеревались при помощи «доктрина Солзбери» не допустить принятия наиболее неприемлемых для них законодательных инициатив либералов, прежде всего, возможного предоставления самоуправления для Ирландии. Как отмечал в своих воспоминаниях О. Чемберлен: «Временами нам казалось очень возможным соглашение по отдельным аспектам, таким как, например, финансовое и общее законодательство, но тень споров по гомрулю висела над всеми нами» [33. P. 190-191].

Переговоры затягивались, а возможность достижения соглашения становилась

все менее реальной. Осенью 1910 г. спасти ситуацию попытался Д. Ллойд Джордж, предложивший меморандум о создании коалиционного правительства. Он убеждал участников конференции сформировать новый Кабинет, в котором пост премьер-министра оставался бы за Г. Асквитом, который при этом должен был перейти в Палату лордов. Сам автор идеи планировал сохранить за собой должность канцлера Казначейства. Лидерам консерваторов предлагались остальные ведущие министерские посты. А. Бэлфур должен был возглавить Комитет обороны и Палату общин, а маркиз Лэнсдаун – министерство иностранных дел [34. P. 162]. Аргументируя свою инициативу, Д. Ллойд Джордж, прежде всего, указывал на обострение социально-экономической и политической ситуации в стране. «Я абсолютно уверен, – отмечал он, – что настало время для заключения перемирия, чтобы направить ресурсы двух партий в единый фонд с целью ликвидации проблем, которые, если ими пренебрегать и далее, могут привести к обнищанию нации или ее полному банкротству» [35. P. 150].

С этого момента секретность и без того тайных переговоров заметно возросла, а тематика вышла далеко за рамки первоначального обсуждения конституционных проблем. Фактически переговорщики перешли к попыткам выработать совместный политический курс возможной коалиции, приоритетными задачами которого были определены: восстановление конкурентоспособности Британии на внешних рынках, проведение ряда радикальных реформ и обеспечение социальной стабильности. Ради этого либералы были готовы пойти на уступки консерваторам в вопросах социального реформизма, национальной обороны и даже отказаться от своей базовой экономической доктрины – свободы торговли и согласиться на частичное введение протекционизма. Взамен они требовали от консерваторов одобрения введения самоуправления в Ирландии и отделения церкви от государства в Уэльсе [36. P. 193]. Однако для руководства тори уступки в отношении гомруля были абсолютно неприемлемы. А. Бэлфур больше всего боялся очередного раскола в своей партии и поэтому на предложенные условия создания коалиции ответил решительным отказом.

К началу ноября 1910 г. всем участникам переговоров по конституционным проблемам стало совершенно ясно, что конференция закончится ничем. Премьер-министр Г. Асквит 11 ноября 1910 г. посетил Георга V в поместье Сандригэм, и доложил, что переговоры зашли в тупик. Монарх зафиксировал в своем дневнике: «Он сообщил, что Конференция провалилась, и предложил провести всеобщие выборы еще до Рождества. Никаких гарантий он у меня не просил» [37. P. 193]. Полуторагодичная пауза ничего не изменила. Достичь компромисса двум ведущим политическим партиям не удалось. В этих условиях давление радикального крыла Либеральной партии на партийное руководство с требованием наказать неуступчивых пэров вновь начало усиливаться. Этого же хотели лейбористы и ирландские националисты. Но как добиться капитуляции Палаты лордов без поддержки со стороны короля?

Никаких новых решений найдено не было. Спустя всего три дня после визита в Сандригэм, Г. Асквит пригласил на Даунинг-стрит 10 барона Ноллиса и через него передал Георгу V просьбу о представлении королевских гарантий для следующего Парламента. Крайне удивленный таким резким и неожиданным поворотом событий, монарх распорядился ответить телеграммой. «Его Величество сожалеет, – указывалось в ней, – что не сможет дать никаких предварительных гарантий, и напоминает господину Асквиту о его обещании не требовать никаких гарантий в течение сроков полномочий нынешнего Парламента» [38]. Тем не менее, в тот же день суверену был отправлен специальный меморандум, в котором прямо говорилось: «Кабинет

очень тщательно рассмотрел ситуацию, возникшую в связи с провалом Конференции в свете политической декларации, сделанной от его имени премьер-министром в Палате общин 14 апреля 1910 г., и считает необходимым рекомендовать Его Величеству следующее:

Немедленный роспуск Парламента, как только будет покончено с самыми необходимыми разделами бюджета, законом о пенсиях по старости для бедняков и еще одним или двумя вопросами…

Однако министры Его Величества не могут взять на себя ответственность и советовать распустить Парламент до тех пор, пока не поймут, что Его Величество будет готов использовать свои конституционные права (возможно, включая прерогативу назначения новых пэров), в том случае если политику Правительства одобрит адекватное большинство в новой Палате общин» [39].

Фактически либеральный Кабинет заранее требовал от Георга V гарантий по вопросу, который прошел лишь первую стадию обсуждения в нижней палате, вовсе не рассматривался и тем более не отвергался пэрами, а также еще не был вынесен на суд избирателей. Это принципиально противоречило тем принципам, которые были озвучены премьер-министром в его речи в феврале 1910 г., но только однозначная поддержка монарха могла обеспечить либералам прохождение их варианта реформы Палаты лордов.

Добиться необходимых обещаний от короля, чьи консервативные взгляды были широко известны, было непросто и решающую роль в этом сыграли два опытных личных секретаря суверена – барон Ноллис и сэр А. Дж. Бигге. Первоначально они оба поддерживали монарха в его стремлении демонстрировать традиционную беспристрастность в политических делах, и чаще всего их мнения и советы суверену совпадали. Также следует напомнить, что во время борьбы за бюджет Д. Ллойд Джорджа, будучи секретарями Эдуарда VII, они единодушно советовали отвергнуть требования Г. Асквита о назначении большого количества пэров-либералов. Однако, осенью 1910 г. главные помощники Георга V неожиданно заняли противоположные позиции. Барон Ноллис, который осуществлял общий контроль над отношениями короля с премьер-министром и отвечал за переписку со всеми правительственными ведомствами кроме военного министерства, встал на сторону Правительства. В сопроводительном письме к меморандуму Кабинета от 15 ноября 1910 г. он давал следующие рекомендации Георгу V: «Я совершенно уверен, что Вы без всякого риска и в полном соответствии с конституцией можете принять то, что предлагает Кабинет, поэтому рискну настоятельно Вам советовать так и сделать» [40. P. 197].

Сразу убедить короля ему, впрочем, не удалось. Георг V решил отправиться из Сандригема в Лондон для переговоров с Г. Асквитом и поручил находившемуся с ним сэру А. Дж. Бигге подготовить ответный меморандум. В этом документе второй личный секретарь монарха решительно отверг требования Правительства. «Позиция короля, – отмечалось в нем, – такова: он не может дать соответствующих гарантий. Если он так сделает, то станет приверженцем одной из партий, тем самым вложит мощное оружие в руки ирландцев и социалистов, которые будучи уверенными в устранении права вето Палаты лордов, станут доказывать своим избирателям неизбежность максимального самоуправления для Ирландии и полного выполнения социалистической программы. Юнионисты же заявят, что Его Величество благоволит к либералам и ставит их (юнионистов) в неблагоприятное положение в собственных избирательных округах. Есть большие сомнения в том, насколько конституционными будут подобные действия короля. В обязанности Его Величества не входит спасение премьер-министра после неосторожных слов, сказанных им 14 апреля» [41. P. 199]. Как

видим, сэр А. Дж. Бигге не только однозначно и настойчиво рекомендовал Георгу V отклонить требование либерального руководства, но и обращал его внимание на то, что поддержка в этом вопросе правящей партии может обернуться обострением политической борьбы и увязкой проблемы полномочий пэров с другими спорными вопросами.

На встрече с Г. Асквитом и лидером Палаты лордов графом Крю, состоявшейся в Букингемском дворце 16 ноября 1910 г., монарх подвергся беспрецедентному давлению. Спустя некоторое время Георг V в разговоре со своим другом графом Дерби вспоминал, что в течение полутора часов его пугали неустойчивостью тронов в ряде европейских государств, убеждали, что его отец в аналогичной ситуации принял бы условия Правительства, угрожали немедленной отставкой и выборами под лозунгом «король и пэры против народа» [42. P. 200-201]. В итоге, суверен вынужден был принять почти все условия Кабинета. Георгу V, удалось добиться от Кабинета лишь двух уступок. Либералы пообещали представить Законопроект о Парламенте в Палату лордов еще до всеобщих выборов, а также согласились не разглашать гарантии, данные королем, до созыва нового Парламента и дать тем самым пэрам возможность спокойно, и без давления с какой бы то ни было стороны, обсудить правительственные инициативы [43. P. 117].

Почему же монарх, который накануне этой встречи намеревался отвергнуть требования Г. Асквита, изменил свою позицию и согласился с условиями Кабинета? Только ли высочайший кредит доверия неопытного монарха советам своего искушенного в политических вопросах личного секретаря стал тому причиной? Безусловно, нет. Решающую роль в данном случае сыграли напор лидеров либералов и разнообразие их аргументов. Действительно, в случае отставки Кабинета Г. Асквита, монарх в условиях «подвешенного Парламента» вынужден был бы предложить сформировать новое Правительство лидеру консерваторов А. Бэлфуру. Последний если бы и согласился занять премьерское кресло, то исходя из того, что тори и юнионисты не обладали большинством в Палате общин, безусловно, потребовал бы роспуска Парламента. В этом случае монарх прочно ассоциировался в глазах избирателей как сторонник тори, а его прерогативы наряду с реформой Палаты лордов автоматически становились бы центральными вопросами предвыборной кампании.

Примечательно, что Г. Асквит, добившись необходимых ему гарантий, в то время искренне считал, что к ним вряд ли придется прибегнуть. В беседе с женой 16 ноября, которая состоялась сразу после встречи с Георгом V, он вполне логично рассуждал о возможных вариантах развития событий: «…если мы проиграем всеобщие выборы, то вопрос никогда не будет поднят, а если мы получим большинство мест, то лорды сдадутся и таким образом вмешательство короля не потребуется» [44. P. 109]. Гарантии монарха, таким образом, необходимы были ему лишь как дополнительный, решающий и непреодолимый аргумент на тот случай если консерваторы решат бороться до конца и попытаются отказаться признать вердикт избирателей, которые сохранив у власти либеральный Кабинет, дадут тем самым и согласие на [illegible] реформы Палаты лордов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Frazer P. Joseph Chamberlain. Radicalism and Empire. 1868-1914. L., 1966. – P. 294-295.

2. Chamberlain A. Politics from Inside. An Epistolary Chronicle. 1906-1914. – L., 1936. – P. 199-200.

3. Cross C. The Liberals in Power. 1905-1914. – L., 1963. – P. 112.

4. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol. 14. – Col. 89.

5. Ibid. – Col. 69.
6. Ibid. – Col. 55.
7. Ibid. – Col. 48.
8. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Lords Debates. – Vol. 5. – Col. 24.
9. The Annual Register. A review of public affairs at home and abroad for the Year 1910. – L., 1942. – P.31.
10. Balfour A.J. Opinions and Arguments from Speeches and Addresses of the Earl of Balfour, 1910-1911. – L., 1927. – P. 97-98.
11. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Lords Debates. – Vol. 5. – Col. 122.
12. Ibid. – Col. 141.
13. Ibid. – Col. 179.
14. Ibid. – Col. 185, 266.
15. Ibid. – Col. 490.
16. Carter V. B. Winston Churchill as I knew him. – L., 1963. – P. 188-189.
17. Ibidem.
18. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. Vol. 15. – Col. 1168-70.
19. Ibid. – Col. 1165.
20. Ibid. – Col. 1173.
21. Jenkins R. Asquith. – L., 1964. – P. 209.
22. Great Britain. The Parliamentary Debates. 5-th Series. House of Commons Debates. – Vol. 16. – Col. 1548.
23. The Times. – 31 January 1910.
24. The Observer. – 15 May 1910.
25. Owen F. Tempestuous Journey. Lloyd George, his Life and Times. – L., 1954. – P. 192.
26. Цит. по: Rose K. King George V. – N-Y., 1984. – P. 191.
27. Ibid. – P. 192.
28. Weston C. C. The Liberal Leadership and the Lord's Veto 1907-1910 // The Historical Journal. – 1968. – Vol. 11. – № 3. – P. 522-523.
29. Цит. по: Rose K. Op. cit. – P. 192.
30. Hanham H. J. The XIX Century Constitution. 1815-1914. Documents and Commentary. – Cambridge, 1969. – P. 195.
31. Ibid. – P. 195.
32. Shell D. The House of Lords. – L., 1992. – P. 10.
33. Chamberlain A. Op. cit. – P. 190-191.
34. Zebel S. H. Balfour. A Political Biography. – Cambridge, 1973. – P. 162.
35. Цит. по: Morgan K. O. Op. cit. – P. 150.
36. Chamberlain A. Op. cit. – P. 193.
37. Цит. по: Rose K. Op. cit. – P. 193.
38. Цит. по: Ibidem.
39. Цит. по: Ibidem.
40. Цит. по: Ibid. – P. 197.
41. Цит. по: Ibid. – P. 199.
42. Ibid. – P. 200-201.
43. Bogdanor V. The Monarchy and the Constitution. – Oxford, 1997. – P. 117.
44. Asquith M. Autobiography. – Vol. 2. – P. 109.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612-2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ПРИНЯТИЕ БЮДЖЕТА РСФСР НА ИЮЛЬ – ДЕКАБРЬ 1919 ГОДА

Кандидат исторических наук Е. Н. Соколов

Статья посвящена особенностям составления и принятия бюджета Советской республики на июль-декабрь 1919 г. Раскрываются те проблемы, с которыми столкнулось большевистское правительство в ходе работы над четвертым революционным бюджетом.

Ключевые слова
Бюджет, Народный комиссариат финансов, доходы, расходы, дефицит

Пришедшие к власти в России в октябре 1917 г. большевики своей стратегической целью провозгласили построение нового общественно-политического строя, основанного на плановых началах. Большая роль в этом отводилась созданию государственного бюджета. Однако разработка первых «финансовых планов» РСФСР столкнулась с рядом серьезных проблем. Оказалось, что в условиях революции и Гражданской войны бюджеты не могли составляться всецело на основании правил, применявшихся к предыдущей росписи доходов и расходов вследствие социально-экономических и внутриполитических особенностей каждого полугодия существования Советской республики. Поэтому в 1918 – 1919 гг. приходилось несколько раз разрабатывать новые сметные правила, в которые вносились существенные изменения. Проект очередных правил составления и прохождения смет на вторую половину 1919 г. подготовил Департамент государственного казначейства[1]. Их главной особенностью стало введение деления доходов и расходов на прямые и оборотные.

Выступая на съезде заведующих финансовыми отделами местных советов, проходившем с 21 по 25 мая 1919 г. в Москве, нарком финансов Н. Н. Крестинский заявил, что помимо теоретической Наркомфин рассчитывает достигнуть и практической унификации бюджета на июль - декабрь 1919 г. Этого, по мнению наркома, удастся добиться введением деления доходов и расходов на оборотные и прямые. Прямые доходы должны были включить в себя все, что государство получает. Прямые расходы – суммы, которые государство выплачивает всем и в любой форме. Оборотные расходы и доходы – это поставка товаров и оказание услуг одним предприятием другому, а также кредиты, отпущенные на расплату между учреждениями. В результате не происходит ни оплаты наличными, ни даже перечисле-

ниями, а лишь возврат в казну специально отпущенного для этого кредита. Нарком надеялся, что после проведения такого деления в жизнь при составлении бюджета НКФ не нужно будет вести работу по уменьшению сумм, ассигнуемых на оборотные доходы и расходы, а борьба пойдет только по суммам, выделяемым на прямые расходы[2].

Новые сметные правила подробно рассматривались на бюджетно-сметной секции финансового съезда. В выступлении представителя НКФ по этому вопросу раскрывалась и еще одна важнейшая причина их принятия. В докладе о сметных правилах на вторую половину 1919 г. отмечалось, что во всех предыдущих революционных бюджетах нарушался принцип единства кассы. По некоторым ведомствам значительная часть поступлений не передавалась в доход казны, а зачислялась на текущие счета учреждений и предприятий или даже хранилась в самих учреждениях, а затем обращалась на покрытие их расходов. Такая картина особенно часто наблюдалась в национализированной промышленности, на флоте, железных дорогах, в наркоматах продовольствия и социального обеспечения. В новых сметных правилах, чтобы устранить саму возможность зачисления сумм на текущие счета, они упраздняются. Остаются лишь счета, составленные из средств, отпускаемых ведомствам по действующим сметам, которые закрываются одновременно с прекращением срока действий кредитов.

В новых сметных правилах появился особый отдел о сверхсметных кредитах. Для их получения ведомства должны были обязательно указывать источник, за счет которого предполагается покрытие данного незапланированного расхода. Кроме того, теперь требования на сверхсметные кредиты рассматривались СНК только после предварительного их обсуждения с наркоматами финансов и государственного контроля.

Представитель НКФ отметил, что введение деления бюджета на прямые и оборотные доходы и расходы самым непосредственным образом связано с декретом СНК от 23 января 1919 г. о расчетных операциях. Этот декрет ввел новую систему расчетов между ведомствами без участия денег. В заключении докладчик заявил, что новые сметные правила предусматривают переход к годовой продолжительности бюджетного периода в 1920 г.

В ходе подробного рассмотрения сметных правил, представители НКФ информировали делегатов о том, что имеются разногласия с ВСНХ. Это ведомство предлагало отложить деление на прямые и оборотные средства до 1920 г. Делегаты поддержали НКФ и проголосовали за введение нового деления бюджета с 1 июля 1919 г.[3]

Параллельно с работой финансового съезда шел процесс принятия сметных правил на вторую половину 1919 г. 21 мая они были единогласно одобрены на заседании Малого СНК, однако ввиду разногласий по сроку введения их в действие, вопрос был перенесен в Совнарком[4]. 24 мая СНК утвердил декрет о сметных правилах. Однако правительство пошло навстречу ВСНХ. В. И. Ленин внес поправки в декрет, которые сводились к тому, что те статьи сметных правил, которые касались деления бюджета на прямые и оборотные доходы и расходы, вводились в действие со следующего сметного периода[5]. Таким образом, Наркомфину, несмотря на поддержку съезда финотделов, не удалось добиться немедленного введения деления бюджета на прямые и оборотные средства.

Делегаты съезда финотделов на втором заседании бюджетно-сметной секции 24 мая 1919 г. подробно разбирали новые сметные правила. Особое внимание было обращено на порядок прохождения смет. Делегаты указали НКФ на то, что новые правила предусматривают порядок сметной работы для центральных ведомств, не

определяя подробно условия составления смет на местах. Они отметили, что это может вызвать значительные трудности у провинциальных советских органов[6].

Сметные правила 24 мая 1919 г. оказались последними, принятыми в период «военного коммунизма». Хотя некоторые статьи этих правил впоследствии подверглись корректировке, это существенно не повлияло на бюджетную работу в 1919-начале 1921 гг.[7]

Ведомства должны были внести свои предложения по доходам и расходам в совещания с участием представителей НКФ, Госконтроля и ВСНХ не позднее 10 июня 1919 г., а народные комиссариаты путей сообщения, по военным и морским делам и ВСНХ не позже 25 июня 1919 г.[8]

При работе над новым бюджетом, учитывая опыт составления предыдущих росписей, НКФ стремился всячески урезать расходы ведомств. Особое совещание под председательством А. И. Потяева разработало специальную инструкцию для представителей Наркомфина в совещаниях по рассмотрению смет на июль-декабрь 1919 г. Основной принцип, которому должны были следовать члены наркомата финансов, не допустить преувеличения ведомствами расходов. Инструкция требовала от представителей НКФ добиваться их максимального уменьшения на первичной стадии рассмотрения смет. При сокращении кредитов предлагалось главным образом обращать внимание на результаты предыдущей росписи с целью выяснения, в какой степени данный расход фактически соответствовал размеру ассигнованного на него кредита. Чем больше будет несоответствие между ассигнованием и расходом, тем большему сокращению подлежало сметное предложение ведомства. Представители НКФ обязаны были следить за тем, чтобы в сметах не было расходов на мероприятия, выполнение которых в полном объеме могло потребовать нескольких сметных периодов. В таких случаях предложение ведомств в совещании не рассматривалось и возвращалось на доработку. Инструкция требовала внимательно рассматривать кредиты, планируемые на содержание личного состава, особенно центральных учреждений. Члены НКФ должны были наблюдать за доходными исчислениями и сокращать их в случае очевидного преувеличения. Особенно это требование относилось к местным советам, которые завышали суммы доходов в целях соответствующего повышения расходных назначений.

По инструкции во всех случаях, когда ведомства будут не согласны с предлагаемыми сокращениями, представителям НКФ предлагалось оставаться при особом мнении. Оно доводилось до сведения руководителей Наркомфина, а затем совещания по сметным вопросам. Одним из главных оснований для разногласий с ведомствами должно было служить отсутствие материалов по сметам. От представителей НКФ требовалось оказывать воздействие на наркоматы для ускорения работ по рассмотрению сметных предложений[9].

Но процесс составления новой росписи продвигался медленно. Многие ведомства к августу 1919 г. еще не представили на утверждение сметы за первое полугодие 1919 г. Наркоматы постоянно просили выделить им авансы в счет будущей росписи, что создавало лишнюю работу для НКФ и состоящей при нем междуведомственной комиссии и СНК.

С другой стороны, местные учреждения, не получая своевременно кредитов, прибегали для получения денег к разнообразным нарушениям, внося дезорганизацию в сметно-кассовый порядок и деятельность провинциальных органов Наркомфина. Губисполкомы и уисполкомы делали распоряжения казначействам об открытии кредитов на содержание различных учреждений без разрешения и даже без ведома НКФ и подлежащих центральных ведомств. Часто губернские и уездные власти черпали средства прямо

из наличности казначейств без открытия кредитов, или обращали на расходы контрибуции, налагаемые на буржуазию, а также использовали иные поступления, которые должны были идти в доход казны. Чтобы устранить такое положение НКФ предложил СНК временно установить упрощенный порядок отпуска ведомствам двухмесячных авансов в счет смет второго полугодия 1919 г.[10]

Наркоматы по сметным правилам 24 мая 1919 г. имели возможность получать кредиты без окончательного утверждения своих сметных предложений. В случае недоставления каким-либо ведомством своевременно кассовых расходных расписаний на июль-декабрь 1919 г. кредиты ему открывались распоряжением Сметного отдела Народного банка в размерах, не превышающих 1\6 части соответствующих назначений по росписи на январь- июль 1919 г.[11]

11 июля 1919 г. Бюджетный отдел Центрального управления Нарбанка разослал по всем центральным учреждениям циркуляр, разъяснявший порядок рассылки на места временных расходных расписаний, по которым проводились ассигнования кредитов на общегосударственные расходы до составления бюджета на июль-декабрь 1919 г. За основу для составления этих документов наркоматы должны были взять сметы на январь-июнь 1919 г. Временные расписания рассматривались в междуведомственных совещаниях при каждом ведомстве с участием представителей НКФ и Госконтроля, а затем заблаговременно доставлялись в Сметный отдел Нарбанка, чтобы их можно было отослать на места до начала каждого месяца. Одновременно наркоматам направили формы расходных расписаний на август-сентябрь 1919 г.[12]

Майский 1919 г. съезд заведующих финотделами внес дезорганизацию в бюджетную работу. Провинциальные власти ждали немедленного исполнения его решения о слиянии местных и государственных средств[13]. 11 июля 1919 г. Бюджетный отдел Центрального управления Нарбанка, отвечая на многочисленные запросы по поводу порядка применения сметных правил 24 мая 1919 г., направил губфинотделам циркуляр, который требовал продолжения работы с местными средствами на прежних основаниях до разрешения в законодательном порядке вопроса об их слиянии с государственными[14].

3 октября 1919 г. коллегия НКФ обсуждала вопросы, связанные с составлением бюджета. Заместитель наркома финансов С. Е. Чуцкаев доложил присутствующим, что комиссариаты представили большую часть своих смет. Судя по ним, расходная часть росписи может достигнуть 150 000 000 000 руб. Чуцкаев отметил, что по опыту предыдущих бюджетов у комиссариатов в большинстве случаев остаются неиспользованные средства даже в пределах сокращенных смет. Он поставил вопрос: должен ли НКФ настаивать на уменьшении представленных сметных предложений или принимать их без изменений с тем, чтобы получить картину планов работ отдельных наркоматов. Коллегия постановила поручить сметному совещанию добиваться сокращения смет, так как испрашиваемые многими комиссариатами суммы не вызваны действительной потребностью[15].

Правительство старалось ускорить работу по составлению росписи на июль-декабрь 1919 г. 24 октября 1919 г. Малый СНК обсуждал вопрос о рассмотрении бюджета на вторую половину 1919 г.[16]

2 ноября 1919 г. Малый Совнарком заслушал вопрос о непредставлении народными комиссариатами смет на июль-декабрь 1919 г. С целью ускорения работы было решено предложить всем наркоматам по прохождении их основных смет через бюджетное совещание представлять сводку своих доходных и расходных смет в Малый СНК. В сводке необходимо было указать по каждой статье разницу между суммой испрашиваемой ведомством и от-

пущенной бюджетным совещанием[17]. 23 декабря 1919 г. Малый СНК рассматривал проект постановления о росписи доходов и расходов на июль-декабрь 1919 г., а также вопрос о продлении льготного срока действия расходных смет на вторую половину 1919 г.[18]

Однако, несмотря на все усилия, Бюджетный отдел Центрального бюджетно-расчетного управления получил последние поправки Совнаркома к бюджету на июль-декабрь 1919 г. только в 20-х числах января 1920 г. 16 февраля 1920 г. в «Известиях НКФ» были опубликованы предварительные данные по росписи на вторую половину 1919 г. Доходы бюджета составили 28.605 млн. руб., расходы – 164.694 млн., дефицит – 136.089 млн. руб.[19] Итоговые цифры росписи доходов и расходов на июль-декабрь 1919 г. изменились незначительно: доходы 28.609 млн. руб., расходы 164.699 млн. руб., дефицит 136.090 млн. руб.[20]

Бюджет на вторую половину 1919 г. так и не был принят правительством в течение всего 1920 г. Только 21 августа 1921 г. Совнарком утвердил одновременно две последние росписи доходов и расходов Советской республики эпохи «военного коммунизма» на июль-декабрь 1919 г. и на весь 1920 г.[21]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 95 – 96.

[2] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 26 – 27.

[3] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 96 – 98, 100, 106 – 107.

[4] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 64. Л. 223.

[5] Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971. С. 216 - 231; Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1, 2; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 42. Л. 1; Д. 113. Л. 14 – 15.

[6] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 107 – 108.

[7] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 890. Л. 181; Оп. 4. Д. 120. Л. 16; Д. 207. Л. 425, 426.

[8] Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971. С. 223.

[9] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 165. Л. 10 – 14об.

[10] Там же. Д. 178. Л. 1.

[11] Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971. С. 224.

[12] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 150. Л. 23 – 26.

[13] Там же. Д. 1038. Л. 1 – 3, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 23, 24, 44, 46 – 50.

[14] Там же. Д. 150. Л. 22.

[15] Там же. Д. 148. Л. 25.

[16] ГАРФ. Ф. 130 СНК. Оп. 3. Д. 65. Л. 197об.

[17] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 150. Л. 84.

[18] ГАРФ. Ф. 130 СНК. Оп. 3. Д. 65. Л. 329.

[19] Известия Народного комиссариата финансов. № 2 (18). 1920. С. 1.

[20] Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921. С. 94; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 4. Л. 2 – 128, 130 – 212.

[21] История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 60.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)612-2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ПОПЫТКА ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОГО ПРОГРЕССИВНОГО ПОДОХОДНО-ПОИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГА И ЕЕ ИТОГИ

Кандидат исторических наук Е. Н. Соколов

В статье рассматривается попытка большевиков реформировать систему прямого обложения. Основное внимание уделено подготовке к введению единого прогрессивного подоходно-поимущественного налога. Анализируются причины отказа Советского правительства от налоговой реформы.

Ключевые слова
Налоги, Народный комиссариат финансов, декрет, деньги

К моменту прихода к власти большевиков фискальная система России находилась в состоянии разложения. Доходы казны от денежных налогов быстро сокращались. После установления Советского режима этот процесс приобрел обвальный характер. Большевики пытались наладить налоговый механизм, но безрезультатно. В конечном итоге усилия Советского правительства привели к тому, что сложилась громоздкая система обложения, включавшая в себя большое количество всевозможных сборов, финансовый эффект от которых, вследствие катастрофического обесценения денег, стремительно приближался к нулю. Большевики приходят к мысли о необходимости введения единого прямого налога. Он должен был реанимировать денежную фискальную систему и уничтожить ту пестроту обложения, которая уже показала свою крайне низкую эффективность. Так зарождается идея единого прогрессивного подоходно-поимущественного налога. Толчком к ее реализации послужил съезд заведующих финансовыми отделами советов, проходивший в конце мая 1919 г. в Москве. На нем активно обсуждалась проблема подоходно-поимущественного налога[1]. В резолюции съезда говорилось, что проведение подоходного и поимущественного обложения с устранением других налогов является идеалом советской налоговой системы для переходного к коммунизму периода, и выдвигалось предложение, как можно быстрее ввести прогрессивный поимущественный налог[2].

После съезда эта идея получила широкую поддержку на местах. В резолюции четвертого Вятского губернского съезда Советов, проходившего в июле 1919 г., говорилось о недопустимости проведения разнообразных и многочисленных налогов местных и государственных. Делегаты высказались за введение в общегосударственном масштабе подоходно-прогрессивного, поимущественного и натурального налогов. В мае 1920 г. Бузулукский съезд Советов просил центр о замене всех сборов одним поимущественно подоходным налогом[3].

Заручившись поддержкой местных вла-

стей и опираясь на требование программы РКП(б) о переходе к прогрессивному подоходному и поимущественному налогу, Народный комиссариат финансов (НКФ) приступил к разработке реформы прямого обложения. В июне 1919 г. при Отделе прямых налогов и пошлин Центрального налогового управления (ЦНУ) была создана особая комиссия под председательством Л. Л. Оболенского[4].

28 июля 1919 г. коллегия НКФ одобрила ее работу и приняла «Постановление о главных основаниях реформы прямого обложения». Отделу прямых налогов и пошлин поручалась разработка проекта реформы. Проект должен был предусмотреть: 1. взимание налога не только деньгами, но и натурой; 2. приближение к плательщикам налоговых органов; 3. приближение сроков взимания налога по времени получения доходов плательщиками. Для выполнения поручения, по распоряжению заведующего Центральным налоговым управлением Л. Л. Оболенского, образовали особое совещание под председательством заведующего Отделом прямых налогов и пошлин Н. А. Добросмыслова. По указанию коллегии НКФ реформа должна была начаться в 1920 г.[5]

С августа 1919 г. Наркомфин приступает к подготовке введения единого подоходно-поимущественного налога. 7 августа 1919 г. специальным циркуляром Отдела прямых налогов и пошлин Центрального налогового управления НКФ губфинотделы были оповещены о главных основаниях реформы прямого обложения. Затем последовали циркуляры 23/24 октября и 4 декабря 1919 г. Они предписывали местным финотделам приостановить сбор сведений для составления списков плательщиков подоходного налога на 1920 г.[6] Циркуляр 20-25 марта 1920 г. Отдела прямых налогов и пошлин ЦНУ потребовал от губфинотделов срочно начать работу по подготовке к взиманию подоходно-поимущественного налога в 1920 г.[7]

В НКФ знали о крайнем недостатке опытных финансовых работников на местах. Руководители налоговой реформы понимали, что это может свести на нет все усилия по введению новой системы обложения. Чтобы найти выход из создавшегося положения, 14 августа 1920 г. Центральное налоговое управление предложило образовать в каждой губернии особую ударную группу для подготовительных работ по единому подоходно-поимущественному налогу из 3-х человек, наиболее опытных губернских финансовых работников. Они должны были объехать все уезды и инструктировать уфинотделы и волисполкомы по проведению в жизнь налоговой реформы[8].

В период активной подготовки к введению новой системы прямого обложения НКФ не отказался и от сбора старых налогов. В наркомате считали ликвидацию недоимок важнейшим моментом готовившейся реформы. Циркуляр Отдела прямых налогов и пошлин ЦНУ от 6 февраля 1920 г. потребовал от губфинотделов в преддверии введения подоходно-поимущественного налога принять решительные меры к ликвидации недоимок по прямым налогам за прежние годы[9].

Распоряжения Наркомфина поставили местные финотделы в затруднительное положение. При крайней бедности не только квалифицированным, но и вообще личным составом, они должны были выполнять одновременно сложную работу по подготовке к введению подоходно-поимущественного налога и по сбору недоимок.

18 июня 1920 г. по докладу Наркомфина II сессия ВЦИК принимает обширную резолюцию «О финансовой политике». В налоговой области НКФ поручалось заменить многообразные государственные и местные денежные налоги, пошлины и сборы одним или двумя прямыми денежными налогами, падающими исключительно на самостоятельные частные хозяйства[10]. В НКФ резолюция ВЦИК воспринималась, как поддержка наркомата в коренном преобразовании всего налого-

вого дела[11].

Подготовленный Центральным налоговым управлением проект единого подоходно-поимущественного налога, одобренный НКФ, предполагал: 1. отменить все без исключения прежние налоги; 2. привлечь к обложению все городское и сельское население (кроме лиц, имеющих исключительно трудовой тарифицированный заработок); 3. теснейшим образом сблизить подоходно-поимущественный налог с натуральным налогом.

Важной составляющей успеха в НКФ считали техническую подготовку реформы прямого обложения. Она должна была проводиться таким образом, чтобы новый налог «не только был быстро исчислен и наложен на плательщиков, но и без замедления и недоимок, и по возможности без применения принудительных мер взыскания внесен в народную казну»[13].

Однако в рядах правящей партии не существовало единства по вопросу о будущей системе налогообложения Советской республики. Среди большевиков все более усиливались настроения отказаться от денежного налогообложения вообще. В феврале 1920 г. «Правда» писала, что ввиду катастрофического обесценения денежных знаков «необходим переход к системе натурализованной оплаты». В связи с этим вставал и другой вопрос – «об изменении нашей НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ». В условиях товарного голода, по мнению автора статьи, налоговая система становилась бессмыслицей, и она должна рано или поздно через натуральные виды налога замениться трудовой повинностью. Одновременно вставал вопрос о ликвидации огромного, дорогостоящего финансово-налогового аппарата, «который стоит дороже, чем те суммы, которые он собирает»[14].

Такие же настроения охватили и руководство НКФ. Несмотря на значительные усилия по подготовке к введению единого подоходно-поимущественного налога, в наркомате считали, что это мероприятие не принесет существенных финансовых результатов. В официальном органе Наркомфина «Известиях Народного комиссариата финансов», вышедшем 16 июня 1920 г., в статье «О работах НКФ в налоговой области» говорилось: «Не возлагая надежду на то, что новый налог способен дать серьезные фискальные результаты, Народный Комиссариат Финансов полагает необходимым в чисто политических видах сохранить на некоторое время прямое обложение населения в новом, реформированном виде»[15].

С конца июля 1920 г. вопрос о новом налоге неоднократно обсуждался в Малом и Большом Совнаркоме[16]. 15 октября 1920 г. проект «Положения о едином подоходно-имущественном налоге» был одобрен Малым СНК[17]. Однако реформы налогообложения не последовало.

3 ноября 1920 г. при рассмотрении проекта постановления о порядке взимания прямых налогов в Совнаркоме возник вопрос о необходимости сохранения денежного обложения вообще. После обсуждения СНК постановил: а\ Решение Малого Совета отклонить; б\ Сдать проект постановления в Комиссию в составе тт. С. Чуцкаева, Н. Крестинского, Д. Курского, Ф. Сыромолотова, С. Середы, О. Шмидта и Н. Бухарина, поручив ей: 1\ Дать точные фактические сведения поступления налогов за 1919 – 1920 гг. в отношении к смете; 2\ Доложить СНК соображения об условиях исполнения резолюции ВЦИК о налоге; 3\ Рассмотреть проект постановления о едином подоходном налоге, выработанном НКФ; 4\ Представить итоговые данные о применении натурального налога; 5\ Представить общие соображения о роли денежных налогов, при настоящих условиях. Через две недели С. Е. Чуцкаев должен был доложить о результатах работы комиссии[18].

Доклад был представлен в Совнаркоме 30 ноября 1920 г. Выполняя постановление СНК от 3 ноября 1920 г., комиссия подготовила таблицы с данными о поступлении денежных и натурального на-

логов за 1919-1920 гг. по губерниям[19].

По докладу С. Е. Чуцкаева Совнарком принял постановление, составленное В. И. Лениным. В нем говорилось: поручить комиссии, назначенной 3. 11. 1920 г., по вопросу о прямых налогах дополнительно рассмотреть в течение одной недели вопрос, во-первых, о возможности отмены местных денежных налогов и собрать точные данные как по Петроградской и Московской губерниям, так по возможности и по другим губерниям. Во-вторых, о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог. Дополнить комиссию Цюрупой и Владимирским с правом замены другими членами коллегии.

Поручить НКВД обратиться в президиум ВЦИК с просьбой затребовать от всех местных исполкомов сведений и материалов к съезду Советов по всем затронутым в §1 вопросам.

Поручить НКФ внести в Совнарком проект постановления СНК по вопросам, указанным в §1, в зависимости от решения комиссии.

Поручить ЦСУ организовать ежегодно бюджетное обследование крестьянских хозяйств.

Утвердить п. 3 тезисов т. Чуцкаева: признать желательным образование на местах натуральных продовольственных фондов для удовлетворения местных потребностей (школ, больниц и пр.) и предложить Наркомпроду в 2-х недельный срок представить в СНК проект образования таких фондов путем включения их в общую разверстку, взимаемую продовольственными органами[20].

Несомненно, постановление явилось результатом серьезной дискуссии, развернувшейся в СНК по докладу комиссии С. Е. Чуцкаева. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что обсуждение вышло далеко за рамки вопроса о будущем налоговой системы в Советской республике. Сохранилась записка, направленная В. И. Лениным 30 ноября 1920 г. в комиссию, образованную 3 ноября 1920 г.: «Надо побольше вдуматься /и детально изучить соответствующие факты/ в условиях переходной эпохи.

Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершен, надо, чтобы был осуществлен продуктообмен /не товарообмен/.

Пока мы не в силах осуществить товарообмен, т. е. давать крестьянину продукты – до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного /а следовательно, денежного/ обращения при суррогате его.

Отменив суррогат /деньги/ пока крестьянину не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, ЭКОНОМИЧЕСКИ неправильно.

Надо это обдумать очень серьезно»[21].

Эта записка большевистского лидера говорит о том, что в СНК 30 ноября 1920 г. дискутировалась не только проблема налогообложения, но и обсуждался вопрос об отмене денежного обращения в Советской республике. Из приведенных документов следует, что В. И. Ленин не разделял идеи немедленного уничтожения налогов и денег. Но большевистский лидер оказался в меньшинстве.

18 декабря 1920 г. С. Е. Чуцкаев представил в Совнарком проект декрета об отмене денежных налогов. СНК постановил принять в принципе предложенный документ и передать его в комиссию в составе Чуцкаева, Курского и Сапронова. Ей поручалось переработать декрет на основании указаний, сделанных в СНК, и в случае единогласия передать его на подпись В. И. Ленину, а затем внести в Президиум ВЦИК[22].

Одновременно Совнарком принимает подготовленное НКФ постановление об отмене денежных налогов, которое подписал В. И. Ленин, для внесения через Президиум ВЦИК на рассмотрение VIII Всероссийского съезда Советов. В нем говорилось, что существующие разнообразные денежные

налоги, вследствие уничтожения в РСФСР крупной буржуазии, уплачиваются в настоящее время средними слоями крестьянского и промыслового городского населения, до сих пор еще живущего в условиях частного единоличного хозяйства. Однако эти группы населения частично уже отдают советскому хозяйственному строительству свою рабочую силу, в форме трудовой повинности, и участвуют в содержании Советского государства путем передачи ему части получаемых от земледелия продуктов по общегосударственным разверсткам. «Признавая в этом безденежном продуктообмене между крестьянскими единоличными хозяйствами и государством непосредственный переход к осуществлению социалистического строительства, исключающий необходимость существования налоговой системы, Всероссийский Съезд Советов ПОСТАНОВИЛ: 1. Взимание всех существующих до настоящего времени государственных и местных прямых налогов отменить. 2. Все недоимки по государственным и местным денежным налогам сложить. 3. Предложить сельским, волостным и поселковым советам право установления для покрытия исключительно местных потребностей единовременные денежные сборы и поручить СНК разработать порядок взимания таких сборов. 4. Прекратить в 1920-1921 сельскохозяйственном году взыскание натурального налога и недоимок по нему. 5. Образовать на съезде от автономных областей и самостоятельных Советских республик особую комиссию, которой предложить срочно рассмотреть и провести через ВЦИК или его Президиум изъятие из настоящего постановления для тех частей федерации, степень хозяйственного развития которых еще не дает возможности отказаться от взимания денежных налогов[23].

Принятие решения об отмене денежных налогов явилось прямым следствием экономической ситуации, сложившейся в республике к концу 1920 г. Чрезвычайные условия, в которых оказалась Россия в Гражданскую войну, вели к натурализации хозяйства страны, что в свою очередь резко сокращало базу налогообложения. Однако среди большевиков широко распространилось мнение, что это происходит не под воздействием экстраординарных обстоятельств, а является закономерным результатом построения нового общества. Поэтому большинство руководителей советского государства полагали, что «не было определенного смысла держаться за бумажно-денежный налог»[24].

«Антиналоговые» настроения охватили и провинциальные власти. Например, 27 января 1921 г. президиум уисполкома Богородского уездного совета Московской губернии постановил: признать всю существующую систему многообразных государственных налогов с трудящегося населения нецелесообразной с экономической и технической точек зрения, не отвечающей духу времени, отсталой и неоправдывающей расходов по их взиманию, на содержание громадного штата, канцелярские расходы и т. д. Обратить внимание исполкома Моссовета на ненормальные явления и просить ускорить разрешение вопроса о пересмотре всей системы в плане или полного уничтожения государственных налогов, или сведения их к одному. Уисполком ходатайствовал перед Президиумом Московского совета о полной отмене погубернских налогов, потому что «размер их поступления не оправдывает расходов по их взиманию, создает волокиту и канцелярщину и вызывает недовольство трудящегося населения»[25].

Прямым следствием таких настроений становится принятие 3 февраля 1921 г. Президиумом ВЦИК постановления о приостановке взимания всех денежных налогов[26].

Одновременно с процессом «отмирания» системы налогообложения шла агония фискального аппарата. Сотрудники как центральных, так и местных налоговых органов уходили в другие ведомства и организации (Наркомпрод, ВСНХ, советы, Красную Армию и т. д.). К концу 1920 г. весь наличный состав Централь-

ного налогового управления насчитывал 12 человек, которые приказом заместителя наркома финансов С. Е. Чуцкаева были направлены на работу в Центральную канцелярию НКФ[27]. После постановления Президиума ВЦИК 3 февраля 1921 г. начался процесс целенаправленного расформирования налогового аппарата.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 127, 130-132.

[2] Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 129.

[3] Советы в эпоху военного коммунизма (1918-1921): Сб. док-тов. Под ред. В. П. Антонова-Саратовского. Ч. II. М., 1929. С. 262, 278.

[4] Известия Народного комиссариата финансов (далее Известия НКФ). 1919. № 1-2. С. 10.

[5] История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 396; Известия НКФ. 1919. № 1-2. С. 10; Экономическая жизнь. 1919. 5 августа.

[6] Известия НКФ. 1920. № 3 (19). С. 14.

[7] Там же. № 6-7 (22-23). С. 16-29.

[8] Там же. № 16-17 (32-33). С. 15.

[9] Там же. № 3 (19). С. 14-15.

[10] Известия НКФ. 1920. № 12-13 (28-29). С. 1; История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 82.

[11] Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 334.

[12] Известия НКФ. 1920. № 10-11 (26-27). С. 17.

[13] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 334.

[14] Правда. 1920. 14 февраля. № 33.

[15] Известия НКФ. 1920. № 10 - 11 (26 - 27). С. 17.

[16] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 130. Оп. 4. Д. 73. Л. 20; Д. 93. Л. 1; Д. 206. Л. 293; Д. 207. Л. 7; Д. 733. Л. 2; Д. 739. Л. 2; Д. 744. Л. 2об, 51-110.

[17] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 115. Л. 1а, 9, 106-113об; Д. 207. Л. 310; История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 85.

[18] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 19. Оп.1. Д. 397. Л. 3; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 57; Ф. 130. Оп. 4. Д. 115. Л. 117.

[19] РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 402. Л. 42-44.

[20] РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 402. Л. 4-5; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 51; Ленинский сборник XXXV. М.– Л., 1945. С. 176-179.

[21] Ленинский сборник XXXIV. М., 1959. С. 383-384.

[22] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 406. Л. 2.

[23] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 406. Л. 44; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 208. Л. 506; Ф. 1235. Оп. 38. Д. 13. Л. 15; Оп. 7. Д. 8. Л. 188 - 193; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 303. Л. 7; Известия НКФ. 1920. № 19 (35). С 8.

[24] Преображенский Е. Финансы и новая экономическая политика. М., 1921. С. 14-15.

[25] Советы в эпоху военного коммунизма (1918 – 1921): Сб. док-тов. Под ред. В.П. Антонова-Саратовского. Ч. II. М., 1929. С. 280.

[26] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 8. Л. 2; Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917 – 1927). М., 1928. С. 65.

[27] История Министерства финансов России. В 4 т. Т. II. М., 2002. С. 71, 85.

УДК 94(47).084.6
ББК 63.3(2)614

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНОГО КОМИТЕТА ПРИ ЦИК СССР ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ (1930-1936)

Н. Н. Глухарев

В статье автором раскрывается механизм регулирования международных научных связей СССР в 1930-1936 и место в нем Ученого Комитета при Центральном Исполнительном Комитете СССР. В развитии научных связей СССР в данный период наблюдаются противоречивые тенденции: от расширения международных контактов и повышения авторитетности советской науки в мире – до усиления ее изоляции.

Ключевые слова
Наука, международные научные связи, советская наука, Ученый Комитет при ЦИК СССР

Ученый Комитет при Центральном Исполнительном Комитете (ЦИК) СССР получил новые для себя функции по регулированию международных научных связей в 1930 г. вместе с передачей в его ведение Академии наук СССР и ликвидации Комиссии по содействию работам Академии наук и Отдела научных учреждений (ОНУ) Совета Народных Комиссаров (СНК).

Организаторами науки и учеными подчеркивалась необходимость планомерного развития научных контактов с западными странами как в собственно научных интересах, так и в соответствии с их политической, идеологической или экономической целесообразностью. Академик С. Ф. Ольденбург в 1929 г. называл вопрос о международных сношениях «вопросом дня во всем мире», указывая, что «редкость приездов наших ученых теперь за границу вызывает здесь полное недоумение и искреннее огорчение» [15. С. 343-345]. Председатель Ученого Комитета при ЦИК А. В. Луначарский также являлся сторонником расширения международного научного обмена, в т. ч. с целью идеологического влияния «на колеблющиеся слои европейских ученых» [6. Л. 3.]. В отличие от многих деятелей науки чиновники обращали главное внимание исключительно на политико-идеологическую составляющую научных связей СССР с заграницей. Заведующий ОНУ СНК, а затем секретарь Комиссии содействия ученым при СНК СССР Е. П. Воронов указывал в 1929 г., что советские «идеологические публичные вылазки на международной арене сравнительно ничтожны» [4. Л. 30 об.].

Подобные вопросы находились под пристальным вниманием партийных органов. Согласно специальному решению Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке раз-

решения вопроса об участии делегаций СССР в международных научных съездах и о составе этих делегаций», принятому 7 июня 1929 г., «вопросы об участии СССР в созываемых за границей или на территории Союза международных научных съездах и конференциях» разрешались «непосредственно СНК СССР или совещанием председателя СНК СССР с его заместителями». Там же указывалось, что персональный состав делегаций определяется решениями Комиссии ЦК по выездам за границу, а в случае разногласий с СНК – рассматриваются в ЦК [20. Л. 37].

Во время обсуждения нового порядка принятия решений по данным вопросам, коллегия Наркомата иностранных дел (НКИД), например, не рекомендовала переносить эти вопросы в компетенцию Президиума ЦИК СССР, оставив главную роль за СНК, как органа меньшего внешнеполитического значения. «…Можно иметь нежелательные практические последствия, как несомненно придающие (с т.н. буржуазными странами) политический характер всякого участия наших научных учреждений в международных собраниях», – говорилось в заключении НКИД [5. Л. 1].

В результате длительного обсуждения новый порядок регулирования международных научных связей СССР был зафиксирован постановлением Секретариата ЦИК СССР от 16 августа 1930 г. Обязанность «предварительно прорабатывать и рассматривать по существу» все дела, «связанные с участием ученых представителей СССР в международных съездах, конгрессах и конференциях» возлагалась на Ученый Комитет при ЦИК СССР. После положительного заключения Ученого Комитета вопросы переходили на согласование с СНК в «междуведомственную комиссию по выездам», а формальное утверждение закреплялось за Секретариатом и Президиумом ЦИК СССР [3. Л. 15]. В роли «междуведомственной» выступала комиссия по выездам ЦК ВКП(б). Окончательные решения, связанные с заграничными командировками ученых, принимались данной комиссией, часто по согласованию с Оргбюро и Политбюро ЦК. Постановлением Секретариата ЦИК от 6 мая 1931 г. процедура предварительного рассмотрения в Ученом Комитете была распространена также на дела, связанные с участием представителей СССР в постоянных научных международных ассоциациях, комиссиях и обществах, а также на дела, связанные с созывом международных и всесоюзных научных съездов, конгрессов и конференций на территории СССР [3. Л. 17].

В организацию международных научных связей Ученый комитет пытался внести плановые начала. Центральные органы и научные учреждения СССР и союзных республик должны были представлять в Ученый Комитет со своими заключениями все материалы, касающиеся международных научных связей, целесообразность которых рассматривалась и обосновывалась специальной постоянной комиссией Ученого Комитета, образованной 15 декабря 1930 г. Состав комиссии отличался широким представительством от различных организаций (Госплан, Наркомат просвещения РСФСР, НКИД, Академия наук, Коммунистическая академия, Наркомат финансов, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, Центральное бюро Секции научных работников, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) [17. С. 68]. С 1932 г. вопросы международных научных связей СССР обсуждались также на Научном совещании Ученого Комитета по представлению специальной комиссии. До 1933 г. председателем комиссии являлся С. И. Мицкевич (директор Музея Революции), затем – Ю. М. Стеклов (заместитель председателя Ученого Комитета), членами комиссии являлись Ф. Н. Петров, В. Т. Тер-Оганезов, а также академики В. П. Волгин, К. В. Островитянов и др. [11. Л. 6-7].

Были установлены жесткие требования

к выездным документам по их составу, содержанию и срокам представления в Комитет. Составлялся ежегодный план заграничных командировок ученых и участия советских представителей в международных научных мероприятиях, утверждаемый Пленумом (заседанием) Ученого Комитета и направляемый на согласование в ЦК ВКП(б). При составлении первого плана на 1931 г. Ученый Комитет определил следующие критерии необходимости той или иной заграничной командировки:

«1. Заграничную командировку предоставлять с целью обогащения в области научных знаний и освоения опыта иностранной науки, прежде всего молодым ученым.

2. Направлять делегатов на те международные конгрессы, съезды и проч., участие в которых вызывается мотивами политической необходимости, возможности серьезного идеологического и методологического влияния на работу съезда….

3. Иметь в виду в первую очередь вопросы прикладного практического характера с целью максимального приложения иностранного опыта к конкретным актуальным проблемам социалистического строительства Союза ССР» [21. Л. 7].

На 1931 г. было запланировано участие СССР в 11 международных научных конгрессах, однако советские ученые приняли участие лишь в 7 из них. В стольких же международных научных форумах советские ученые участвовали и в 1932 и 1933 гг. [7. Л. 1]. Обсуждение целесообразности отправки советской делегации на тот или иной форум проходило в Ученом Комитете при участии представителей заинтересованных научных учреждений, а также и самих ученых. На заседаниях устанавливались примерные темы выступления докладчиков, кандидатуры делегатов, размер ассигнований на поездку. Ученый Комитет рекомендовал научным учреждениям обращать внимание на предварительную проработку конкретного плана их научной работы заграницей, ставить на широкое обсуждение институтов детальные доклады командированных и сообщать в печати о результатах поездок [9. Л. 6]. Доклады о проведенных командировках также заслушивались в Ученом Комитете, на основе которых Комитетом составлялись общие отчеты для ЦК ВКП(б), носившие политизированный характер.

Ученый Комитет с 1932 г. регулярно напоминал партийным и советским органам о нежелательности затягивания вынесений решений относительно заграничных научных командировок, так как представители СССР часто приезжали или после начала, а иногда и окончания конгресса. Выдвигались также предложения о пересмотре установленного порядка в целях ускорения прохождения вопроса о загранкомандировках [9. Л. 1]. Однако просьбы Комитета не имели должного действия. В частности, представляя план на рассмотрение в ЦК ВКП(б) за 1936 г., Ученый Комитет по прежнему высказывал озабоченность о том, что в большинстве случаев выезд делегатов на конгрессы затягивался по причине задержки разрешения вопросов об участии в конгрессе и утверждении делегатов со стороны партии, а Ученый Комитет получал информацию об этом всего за несколько дней до выезда делегации [14. Л. 53].

При решении вопросов, связанных с командированием ученого за границу, часто малую роль играла квалификация самого ученого, его профессиональный авторитет и реальный вклад в развитие той или иной отрасли наук, конкретной научной проблемы. Чиновники старались «перестраховаться», рекомендуя к отправлению благонадежных ученых [18. С. 5]. Например, для участия в IV Международном съезде физиологов в августе-начале сентября 1932 г. в Риме Ученый Комитет считал необходимым направление «возможно сильной и многочисленной советской делегации» на съезд, так как «прихо-

дится ожидать серьезной идеологической борьбы как при защите принципиальных установок … докладов, так и при защите предложения созыва следующего конгресса на территории Союза ССР». В этих целях предлагалось направить имеющего напряженные отношения с советской властью, но являвшегося выдающимся ученым с мировым именем, академика И. П. Павлова, и «для уравновешивания» еще пятерых ученых-членов ВКП(б), в том числе представителя Коммунистической академии [2. Л. С.121-122]. Несмотря на то, что съезд прошел в «обстановке фашизма», советская делегация имела успех и ей было оказано особое внимание [8. Л. 5]. В ответе на отчет об участии в съезде физиологов, Ученый Комитет выразил «особое удовлетворение» лично И. П. Павлову по поводу того, что при содействии ученого созыв следующего международного конгресса физиологов, назначенного на 1935 год, должен состояться в СССР [19. С. 41].

Однако, несмотря даже на серьезное научное и политическое обоснование положительного заключения Ученого Комитета о той или иной планируемой командировке, стопроцентное ее осуществление не было гарантировано. Например, Ученый Комитет признал «совершенно необходимым» участие советских представителей в V Международном Тихоокеанском конгрессе в Ванкувере в 1933 г., «чтобы выявить свою заинтересованность и показать мощь советской науки и новые применяемые ею методы». При участии В. Л. Комарова и О. Ю. Шмидта Ученый Комитет утвердил тематику советских докладов: планирование научных исследований на Тихом океане, океанографические и научно-промысловые исследования, состояние сельского хозяйства в Союзе и на берегах Тихого океана, картография областей, прилегающих к океану, геофизические и метеорологические задачи, проблема нацкультур и ее разрешение на берегах Тихого океана [15. С. 168-171]. Однако принять участие в конгрессе советские ученые не смогли из-за неясной позиции ЦК ВКП(б) и В. П. Волгин был вынужден уведомить Оргкомитет Конгресса о невозможности выезда делегации в связи «с истечением срока» [14. Л. 26]. Тем не менее, при участии СССР был создан Международный тихоокеанский комитет, разработавший обширную программу исследований на Тихом океане и его побережье. Угроза срыва существовала и в отношении поездки делегации на XVI Международный Геологический конгресс в июле 1933 г. в США [14. Л.24]. Но в этом случае вопрос успел решиться положительно, и советская делегация во главе с академиком И. М. Губкиным даже вошла в совет конгресса, а советские доклады оказались восприняты с большим интересом. Было принято решение о проведении следующего конгресса в Советском Союзе [22. С.50].

Успехи советских ученых в целом ряде научных форумах были учтены Ученым Комитетом при составлении плана участия СССР в международных научных конгрессах, съездах и конференциях на 1934 г., которых было первоначально запланировано 14 [10. Л.10]. Затем план был сокращен до 12, при этом необходимыми для участия из них были признаны снова лишь 7 конгрессов. В список были включены те форумы, которые были определены как имеющие «действительно международный характер» и представляющие «большое значение для дальнейшего развития советской науки и техники», на которых будет возможность «советским ученым противопоставить идеологические основы советской науки основам буржуазной науки» [14. Л. 27].

Кроме заграничных командировок с целью участия в конференциях и конгрессах, предусматривались также командировки для повышения квалификации и ознакомления с новейшими методами научных исследований. Так, на 1933 г. с этими целями Ученый Комитет одобрил по-

ездки за границу 8 человек от Коммунистической Академии (В Германию и США), 9 человек от Академии Наук, 1 сотрудника Биологического музея им. К. А. Тимирязева, 2 сотрудников Института Востоковедения им. Нариманова, 2 сотрудника Ленинградского Восточного Института им. А. С. Енукидзе (Китай и Турция). Поданные заявки на командировки от Музея Революции СССР и Институтов красной профессуры Ученый Комитет отклонил [10. Л.1]. Со следующего года число командировок от Коммунистической академии значительно сократилось. Характерными для периода первой половины 1930-х гг. являлись также выезды ученых за границу с целью лечения, замаскированные под командировки.

Председатель Ученого Комитета В. П. Милютин неоднократно пытался добиться окончательного оформления роли Ученого Комитета в области международных научных связей СССР, с целью улучшения их планирования. В июне 1934 г предлагал внести изменения в общую инструкцию по разрешению выезда заграницу в части научных командировок на международные научные конференции и конгрессы, чтобы все заинтересованные организации направляли соответствующие заявки только в Ученый Комитет для обсуждения на его заседаниях и представления на утверждение в ЦК ВКП(б). Комиссия ЦК по выездам признала предложения В. П. Милютина нецелесообразными, посчитав, что концентрация всех заявок в Ученом Комитете для участия в международных научных конгрессах создаст для ряда ведомств, представлявших заявки непосредственно в комиссию ЦК (Наркомат обороны, Наркомат тяжелой промышленности и др.), «лишнюю инстанцию и затянет оформление командировок» [14. Л. 43-44]. В конце 1935 - начале 1936 гг. председатель Ученого Комитета при ЦИК СССР В. П. Милютин, при обсуждении путей реорганизации Комитета и выработке нового положения о нем, предлагал преобразовать Ученый Комитет во Всесоюзный комитет по науке, наделив его широкими функциями, в том числе и по регулированию международных научных связей СССР [12. Л. 35]. В итоге и эти предложения не были реализованы.

Особое политическое значение имел созыв международных научных съездов и конференций на территории Союза. Предварительный состав их оргкомитетов также устанавливался Ученым Комитетом ЦИК СССР. Следует особо отметить прошедший в Ленинграде в сентябре 1934 г. Менделеевский съезд, в день открытия которого в передовой статье «Правды» было заявлено: «Все лучшее, что есть в рядах ученых мира, тяготеет к нашей стране, осваивающей культурное наследство... Мировой научный центр все более перемещается в СССР...» [16. С. 736].

План на 1935 г. включал 8 конгрессов, отвечающих ранее обозначенным критериям, при наличии приглашений на 25 международных конгрессов. В план не включались конгрессы, «участие в которых не является желательным с точки зрения международных отношений» (например, конгресс по научной организации управления производством в Англии) [14. Л. 115а-115а об.]. В 1936 г. из 26 зарубежных научных конгрессов участие представителей СССР было одобрено в 19-ти, среди которых отсутствовали конгрессы по генетике, по философии, по истории науки [13. Л. 54-55]. В следующем 1937 г. все научные связи прекратились полностью [1].

Важную роль играли политические обстоятельства. Уже с 1933 г. начинается постепенное свертывание международных контактов. Например, Ученый Комитет по своей инициативе снял вопрос об участии ученых представителей СССР в праздновании 200-летия Лондонского энтомологического общества, «учитывая произошедшие изменения в наших взаимоотношениях с Англией» [14. Л. 17]. В 1934 г. Ученым Комитетом была призна-

на нецелесообразной экспедиция на Каролинские острова для наблюдения солнечного затмения, в результате чего директору обсерватории Ацабу (Япония) была отправлена телеграмма о том, что делегация не прибудет ввиду болезни ее членов [15. С. 225]. В действительности, причиной отказа от приглашения стала расценка дискриминационной мерой запроса со стороны Японии подробных биографических сведений только на ученых советской делегации [22. С. 142].

Прекращение научных связей к концу 1930-х гг. и становление изоляции советской науки обычно связывается как с ростом политического национализма в СССР, так и с начавшимися политическими чистками второй половины 1930-х гг., когда любые связи с иностранными гражданами и учреждениями могли быть опасны [1]. Отмечается также, что к середине 1930-х гг. отечественная наука стала самодостаточной, и ее лидеры, встроившиеся в государственную систему и получившие мощную поддержку со стороны властей, мало нуждались в международном признании [16. С. 746].

В области международных научных связей СССР, активно развивающихся в 1930-1936 гг., наблюдается ряд противоречивых тенденций. С одной стороны, курс на экономическую модернизацию, требующий интеграцию науки и проблем производства, требовал, в том числе, использование, и зарубежных научных достижений. С другой стороны, в рамках культурной революции на замену «пролетарской» и «марксистской», формировалась концепция «советской науки» как отличной от буржуазной и являющейся самой передовой в мире. Идеологическая пропаганда достижений советской науки заграницей, создание на территории СССР мирового центра науки – занимали все большее место в научной политике властей. При этом усиливался политический контроль над заграничными командировками ученых, многие из которых становились «невыездными», приоритет отдавался молодым ученым-коммунистам.

Ученый Комитет при ЦИК СССР являлся проводником партийно-государственной политики в области международных научных связей. Если окончательные решения принимались партийными органами, то Ученый Комитет проводил основную подготовительную работу, от которой зависело какие именно вопросы будут вынесены на рассмотрение в ЦК ВКП(б), привлекая для этого различные научные учреждения, а также известных ученых, вставших на путь сотрудничества с советской властью. Внедрение общесоветских методов планирования в области международных научных связей способствовало лучшей их организации, однако имело и серьезные трудности, особенно в части участия в зарубежных научных конгрессах, съездах и конференциях. Несомненные научные успехи СССР на международной арене сочетались с бюрократическими препятствиями, а также политико-идеологическими ограничениями, что в немалой степени повлияло на торможение развития науки в отдельных ее областях. Расширение научных связей и усиление мирового научного авторитета СССР в начале 1930-х гг. столкнулось с противоположной тенденцией к изоляции советской науки и к 1937 г. функции Ученого Комитета по регулированию международных научных связей СССР были утрачены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки. 1914-1940 / / ВИЕТ. 1996. № 3. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/alex93v.htm.

2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС 1922-1991: сб. док. / Сост. В. Д. Есаков. – Т. 1.– М., 2000.
3. ГАРФ. Ф. Р. 3316. Оп. 27. Д. 135.
4. ГАРФ. Ф. Р. 3316. Оп. 64. Д. 578.
5. ГАРФ. Ф. Р. 3316. Оп. 64. Д. 983.
6. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 360.
7. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 373.
8. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 467.
9. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 548.
10. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 876.
11. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 877.
12. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 1262.
13. ГАРФ. Ф. Р. 7668. Оп. 1. Д. 1747.
14. ГАРФ. Ф. Р.7668. Оп. 2. Д. 82.
15. Международные научные связи Академии наук СССР, 1917-1941: сб. док. / Сост. Ю. А. Панцирев. – М.: Наука, 1992.
16. Наука и кризисы / Под ред. Э. И. Колчинского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
17. Организация советской науки (1926-1932): сб. док. / Отв. ред. Б. Е. Быховский. – Л.: Наука, 1974.
18. Панцирев Ю. А. Международные связи Академии Наук СССР в межвоенный период: Автореф. дис. … д-ра истор. наук. – М., 1991.
19. Переписка И. П. Павлова: сб. док. / Сост. Н. М. Гуреева и др. – Л.: Наука, 1970.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746.
21. РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 469.
22. Фокин В. И. Международный культурный обмен и СССР в 20-30-е годы. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ



УДК 94(410)+94(54).035
ББК 63.3(0)62,19+63.3(55)

УЧАСТИЕ ИНДИЙСКИХ ВОЙСК В АРАКАНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ «АНАКИМ»

Ю. Н. Мостяев

Статья посвящена боевым действиям индийских войск во второй мировой войне. В частности участию в операции «Анаким», которая должна была помочь в разгроме японских войск в Бирме.

Ключевые слова
Вторая мировая война, индо-китайско-бирманский фронт, Великобритания, Аракан, индийские войска, японцы, сражения, чиндиты

Ещё во время японского наступления в Бирме в марте 1942 г. союзники разрабатывали планы различных контрнаступательных операций, которые по мере развития событий постоянно менялись.[4. С.14] Летом 1942 г. одна английская и шесть индийских дивизий были сведены в Восточную армию под командованием генерал-лейтенанта Ирвина. 6-й корпус находился в Ассаме, а 15-й охранял Араканское побережье. Их позиции от остальных сил армии, находившихся в Бенгалии, отделяла река Брахмапутра, на которой действовало два парома с крайне ограниченной грузоподъёмностью. Дорог, соединяющих западный берег Брахмапутры с остальными районами Индии не имелось, а те, которые соединяли восточный берег реки с передовыми базами под Кохимой и Импхалом, не были до конца оборудованы и при интенсивном движении могли совершенно выйти из строя [10. С. 70]. К тому же японцы, вытеснив британские войска из Бирмы через горы в Индию, обеспечили этим свой западный фланг надёжным естественным прикрытием.

Трудности проведения операций на суше, соответственно, привели к планированию операций по освобождению Бирмы с помощью морских десантов. С точки зрения английского комитета по планированию, действия в Ассаме и Аракане могли играть только вспомогательную роль и проводиться с целью отвлечения сил противника, особенно его авиации, и захвата передовых баз для собственной авиации [10. С. 71]. При этом серьёзные десанты с моря были невозможны до тех пор, пока не завоёвано господство в Бенгальском заливе, не достигнуто превосходство в воздухе в Южной Бирме, не сосредоточены значительные силы для наступления в глубь страны, а также необходимые транспортно-десантные средства. Однако крупных военно-морских сил у Великобритании здесь не было.

Трудно согласиться с рядом американских историков, утверждавших, что даже в такой ситуации «Уэйвелл, главнокомандующий в Индии, прилагал все усилия для организации наступления с целью освобождения Бирмы как можно скорее» и что дело было только в отсутствии необходи-

мых войск и вооружения [1. С. 303], так как тот в это время в своей записке планирующим органам писал: «Совершенно очевидно, что естественные трудности таковы, что даже в том случае, если японцы и не усилят свои гарнизоны в Бирме, всё равно нам придётся искать какое-то другое место для нанесения быстрого и действенного удара по японским позициям…целью такого удара могло бы стать установление контроля над Зондским проливом между Суматрой и Явой» [10. С. 282].

Политическая ситуация в Индии оставалась крайне напряжённой, и Черчилль полагал, что удачные действия союзников в Бирме смогут разрешить её. Некоторые историки пытаются представить Черчилля противником наступления в Бирме и сторонником нанесения удара на Суматре или Яве, считая, что он был вынужден следовать рекомендациям американцев и китайцев, горевших желанием как можно быстрее отвоевать и вновь использовать Бирманскую дорогу, по которой шли поставки в Китай.

Планируя предстоящую кампанию, английское командование в Индии предполагало начать небольшого масштаба операции в Ассаме с тем, чтобы выйти вновь к верховьям Чиндуина у Калевы в сухой период с декабря 1942 г. по май 1943 г.[13. С. 220] Главная задача с военной точки зрения заключалась в снятии угрозы японского вторжения. Но премьер-министр, исходя из политических соображений, настаивал на проведении крупной операции под кодовым названием «Анаким» для поднятия престижа английской армии, считая, что после поражения японского флота у Мидуэя, у англичан появилась возможность массированным ударом из Индии в Аракан выйти к Рангуну и Моулмейну, отрезать японские войска от моря и затем совершить рейд к Бангкоку [2. С. 235].

В ответ Уэйвелл информировал Лондон, что никакая крупная операция не будет успешной, если он не получит достаточной авиационной поддержки. В противном случае наступление провалиться, что приведёт к крайне негативным последствиям, а не к успокоению Индии [2. С. 236]. Он предложил использовать дивизию, укомплектованную подразделениями глубокого прорыва, так называемыми «чиндитами» («чинте» – бирманский мифический лев), которые прошли специальную подготовку под руководством бригадира Уингейта. Сковав силы противника на севере страны, она должна была затем захватить аэродромы на Араканском побережье в Акьябе и Сандоуэйе, обеспечивая таким образом нанесение удара на Рангун силами двух дивизий. Для этого требовалось, чтобы войска получили необходимую подготовку, соответствующее количество самолётов и десантных средств, а также отвлечь силы японской авиации и флота действиями на Тихом океане. Рассчитывать на всё это осенью 1942 г. было просто нереально.

В начале июля английское командование поставило следующие задачи операции: восстановление коммуникаций с Китаем, организация баз для наступательных операций против японцев с дальнейшим видом на освобождение района Рангуна и Моулмейна [4. С. 19].

Ситуация на Ближнем и Среднем Востоке не способствовала успешному проведению операции «Анаким». В Северной Африке в июне 1942 г. итало-немецким войскам удалось взять Тобрук и оттеснить англичан в Египет, немцам также удалось продвинуться к Волге и на Кавказ. В ответ часть сил была переброшена из Индии в Ирак для отражения возможной угрозы со стороны Германии. В самой Индии разразилась знаменитая «августовская революция», в ходе которой большинство из и так малочисленных коммуникаций оказались выведенными из строя. В Восточной армии свирепствовала малярия, (потери доходили до 40% личного состава), а большинство машин быстро выходили из строя на плохих дорогах.[10. С.73] Однако от операции не отказались, а лишь уменьшили её масштаб и ус-

корили, решив овладеть портом Ситуэ (Акьяб), расположенным на побережье Аракана. Сам полуостров Маю был весь заросшим труднопроходимыми лесами, располагавшимися на высоте около 700 метров. Зная обо всех трудностях, Уэйвелл планировал начать своё наступление одновременно с китайскими войсками, действовавшими в Юньнани [5. С. 336-338].

21 сентября 1942 г. 14-я индийская дивизия двинулась вперёд на юг от Читтагонга с целью освободить полуостров Маю и вместе со специально подготовленной 6-й британской бригадой захватить Акьяб. 123-я индийская бригада должна была двинуться первой. На её место передвинули 55-ю пехотную бригаду из 7-й индийской дивизии [6. С. 176]. Вскоре выяснилось, что дороги к границе с Бирмой нет, и почти месяц ушёл на то, чтобы проложить путь для повозок и лёгких машин. Лишь 17 октября дивизия, усиленная тремя штабными батальонами и 88-й индийской пехотной бригадой для охраны коммуникаций, получила распоряжение наступать в южном направлении [4. С. 26].

В распоряжении японского командования в Аракане находился всего лишь 213-й пехотный полк и то без одного батальона. Поэтому 123-й индийской бригаде уже 17 октября удалось занять деревни Маунгдау и Батхидаунг, ставшие оперативной базой для дальнейшего наступления в южном направлении. Однако далее японцы, искусно маневрируя, так умело оборонялись, что 14-я дивизия в течение ноября смогла продвинуться только до середины намеченного пути. К тому же японские самолёты начали регулярные налёты на Калькутту и Читтагонг. Хотя разрушения оказались невелики, вновь возникла паника. Почти полмиллиона жителей в течение нескольких дней покинули Калькутту, что осложнило работу порта и снабжение войск. Только в конце декабря, когда из-за ухудшения положения на Тихом океане японское командование отозвало из Бирмы основную часть самолётов, преимущество в воздухе пе-решло к союзникам [2. С. 259-260].

Японцам удалось даже вытеснить индийские части из Маунгдау и Батхидаунга. Только в ночь с 16 на 17 декабря при поддержке флотилии небольших кораблей дозоры 14-й дивизии вновь вступили в эти деревни. 47-я индийская бригада двинулась к побережью в направлении Фаул Пойнта, а 123-я – на восток от реки Маю к Ратхедаунгу. Вплоть до начала января наступавшие не встречали практически никакого сопротивления, и к концу первой недели 1943 г. индийские части заняли полуостров Маю к северу от Лаунг Чаунга и местность к северу от Ратхедаунга [6. С. 182-183].

На первых порах генерал Иида спокойно наблюдал за военными действиями в Аракане и только, получив разведданные о новых силах, направляемых на помощь 14й индийской дивизии, приказал перебросить сюда через хребет Ракхайн-Йома свою 55-ю дивизию. Командование индийской армии в это время двинуло две колонны в долину Каладана с целью обеспечения левого фланга своей 14-й дивизии. Прикрыв свой левый фланг, командующий Восточной армией генерал Ирвинг 9 января отдал приказ 14-й дивизии штурмовать японские позиции в лоб. Последние упорно оборонялись, и ни одна атака не увенчалась успехом. Наступавшие потеряли почти все танки, так как японцам удалось создать целую систему узлов сопротивления, в которых находились небольшие хорошо вооружённые автономные группы солдат [2. С. 265].

Только перегруппировавшись, 18 января передовые части 47-й индийской бригады вновь атаковали Донбейк. Хотя на следующий день им удалось захватить возвышенности на подступах к деревне, японцы открыли такой плотный огонь, что на этом наступление остановилось. Понеся серьёзные потери, 47-я бригада 24 января была отведена в район Укхия для переформирования и отдыха, уступив место 55-й индийской пехотной бригаде [4. С. 36-40].

1 февраля 55-я индийская бригада при

поддержке артиллерии и нескольких танков перешла в атаку на хорошо укреплённые японские позиции, но после некоторого первоначального успеха и это наступление захлебнулось. Тогда генерал Ллойд, командующий 14-й дивизии, решил попытаться прорвать японскую оборону в другом месте – в районе Ратхедаунга. 3 февраля 123-я индийская бригада атаковала позиции противника, но и здесь, потеряв более 200 человек, вынуждена была остановиться [6. С.186].

Наступило двухнедельное затишье, сопровождаемое редкой артиллерийской перестрелкой. Японцы продолжали укреплять свои и без того сильные позиции, усиливая разведывательную активность. Невзирая на протесты Ирвина, утверждавшего, что войска измучены малярией и их моральный дух падает, Уэйвелл настаивал на продолжении наступления [12. С. 348]. 18 февраля 55-я индийская бригада предприняла очередные безрезультативные атаки на Донбейк, продолжавшиеся до конца месяца. В итоге 71-я индийская бригада получила приказ действовать в районе Донбейка, 123-я – в районе Ратхедаунга вплоть до замены 55-й бригадой, а 47-я – в районе между горами и рекой Маю.

К началу марта расположение индийских войск было следующим:

– 26-я дивизия получила ещё в конце февраля приказ двинуться в Аракан, 71-я бригада заменила 55-ю в районе Донбейка;

– 47-я бригада после отдыха перебазировалась в горные районы области Маю для прикрытия коммуникаций 71-й бригады;

– 55-я бригада передвинулась к Батхидаунгу, сменив 123-ю бригаду, отправленную на отдых [4. С. 54].

В начале марта к Донбейку также подошла 6-я британская бригада, а 4-я индийская из 23-й дивизии выдвинулась к Каладану. К японцам стали прибывать части 55-й дивизии. В начале марта три японских батальона при поддержке артиллерии двинулись из Акьяба в долину Каладана и вынудили отступить небольшие передовые отряды индийских войск, тем самым создав реальную угрозу левому флангу 123-й бригады. Однако от операции, которая фактически уже стала мясорубкой для индийских и английских войск, никто не желал отказываться. Черчилль настаивал на её продолжении, как и прежде, из политических соображений. Последнее наступление на Акьяб было предпринято 18 марта и, как и все предыдущие, провалилось [13. С. 221].

Уже начиная с середины февраля японское командование стало разрабатывать свои планы наступления в этом районе. С конца марта оно приступило к воплощению этого плана, получившего кодовое название «Операция №31», перейдя в наступление во всех секторах. Наземные японские части получили мощную поддержку с воздуха. К тому же вскоре 55-я японская дивизия, действовавшая здесь, усилилась частями 33-й дивизии.

Японцам удалось нанести удар в тыл 14-й индийской дивизии и выйти к г. Хтизва на р. Маю. Затем они начали уничтожать отдельные индийские бригады: 6 апреля – 6-ю, а на следующий день – 47-ю. Генерал Ллойд, командовавший дивизией, отказался ввести в бой оставшиеся свои силы. Ирвин сместил его, приняв командование на себя, что, однако, не улучшило положения [3. С. 122]. 14-я дивизия понесла такие тяжёлые потери, что была заменена 26-й индийской дивизией.

Японцы продолжили продвижение вдоль р. Маю и вскоре вышли на побережье у Индина. Затем они двинулись в северном направлении, чтобы к маю, к началу сезона муссонов, прорвать оборону противника на рубеже Маунгдау, Бутидаунг и тем самым расстроить английские планы возобновления на Бирму в течение следующего сухого сезона [12. С. 348-349].

Серьёзной проблемой для английских и индийских войск стало отсутствие тесной связи между частями, а также слабая орга-

низация дозорной службы, что приводило к неразберихе и возможности небольшим японским отрядам постоянно появляться в тылу и на флангах противника.

14 апреля генерал Слим, командовавший XV Корпусом, принял руководство на себя общим оперативным контролем над англо-индийскими войсками в районе Аракана и Читтагонга. Для него сразу стало ясно, что японское контрнаступление идёт по направлению дороги Маунгдау – Бутидаунг, которая являлась главной артерией снабжения его войск в долине Маю [4. С.80-81].

Индийские бригады, большинство их которых вели боевые действия на протяжении длительного времени, были крайне измотаны, неся тяжёлые потери в первую очередь не в сражениях, а от малярии и лихорадки, перед которыми оказались абсолютно неподготовленными. К тому же прибывающие подкрепления не имели ни достаточного опыта, ни соответствующей тренировки.

Понимая значение дороги и надеясь удержать рубеж Маунгдау – Бутидаунг, Слим всё же предполагал в случае необходимости отвести войска в глубь страны от Кокс-Базара ещё на 50 миль севернее. Местность там была сравнительно открытая, что создавало условия для использования превосходства англичан в артиллерии и танках, чем в джунглях и болотах на полуострове Маю. Кроме того, коммуникации японцев вдоль побережья растянулись бы ещё больше, и, следовательно, стали бы более уязвимыми.

Слим в своём докладе Ирвину сообщил, что «войска были в боях уже много недель и настолько потрёпаны, что нельзя надеяться с их помощью удержать что бы то ни стало» [3. С. 123]. В ответ Ирвин прислал ему телеграмму, в которой объявлял, что тот лишается командования и будет отдан под суд. Однако Слим не успел вернуться в штаб армии, как пришла другая телеграмма, сообщавшая, что именно генерал Ирвин снят со своей должности [13. С. 222].

Тем временем события продолжали развиваться крайне неблагоприятно для англо-индийских войск. Было решено сконцентрировать оборонительные усилия в районе Туннеля. Занятые позиции располагались в виде подковы, открытой к югу. Английское командование самоуверенно ожидало, что японцы войдут внутрь подковы и будут разгромлены.

Но уже 1 мая японские самолёты приступили к бомбардировке Маунгдау, Бутидаунга и моста Боли. 4 мая японские пехотные части заняли высоту 551, которая находилась к востоку от Туннеля и полностью господствовала над дорогой из Маунгдау в Бутидаунг. Попытки прибывшей в конце апреля 36-й индийской бригады выбить противника с занятых позиций не увенчались успехом, и на следующий день японцы перерезали дорогу в 3-4 милях к западу от Бутидаунга. Таким образом, индийские части, находившиеся к востоку от Туннеля, в долине Маю и в Бутидаунге, оказались отрезанными от своей главной базы снабжения в Маунгдау. 55-я индийская бригада и все другие войска, сражавшиеся к востоку от хребта Маю, получили приказ отступить. Но при этом было принято решение попытаться сохранить Маунгдау, так как вскоре ожидался приход муссона, а с ним и конец военных действий [6. С. 190-191].

Японцы также принимали в расчёт начало сезона дождей и старались побыстрее создать для себя благоприятные условия. Ситуация для индийских войск складывалась крайне сложно. Возникла угроза обхода их оборонительных рубежей с восточного фланга. Не хватало подкреплений, а прибывавшие оказывались практически не подготовленными к боевым действиям, имевшиеся же части были полностью измотаны. Японцы продолжали свою излюбленную тактику просачивания против передовых позиций и коммуникаций противника. В этих условиях командование наконец отдало приказ об

отступлении из Маунгдау. 12 мая были эвакуированы последние войска, однако большая часть снаряжения из-за нехватки транспортных средств досталась японцам [4. С. 84-85].

К маю 1943 г. англо-индийские войска вновь находились на том же рубеже, который занимали осенью минувшего года. Японцы незначительными силами попытались продолжить наступление, но и их силы оказались уставшими и нуждавшимися в отдыхе и переформировании. В этих условиях, учитывая скорый приход муссона, японское командование также приняло решение остановиться на достигнутом.

В исторической литературе даются различные оценки данной операции. По мнению английского военного историка Лиддела Гарта, данная попытка занять Акьяб путём наступления на суше закончилась полной катастрофой для англо-индийских войск [12. С. 349].

И. В. Можейко вслед за ним подходит ещё более критически, считая, что «Санкции, последовавшие за провалом операции «Анаким», явились её единственным положительным итогом. Естественный процесс устранения командиров, не соответствовавших новым условиям был ускорен тем, что «Анакиму» придавалось большое политическое значение. Перемены в командовании прошли на всех уровнях. Дошла очередь и до Уэйвелла, с именем которого были связаны поражения первых месяцев войны. В октябре 1943 г. истекал срок правления очередного вице-короля Индии. Уже в июле было объявлено, что Уэйвелл получает титул виконта и с октября займёт пост вице-короля в звании фельдмаршала» [13. С. 222].

По мнению В.Я. Аварина, хотя англо-американская печать расценивала эту операцию как начало борьбы за возврат бирмано-китайской дороги, но на самом деле две дивизии, наступавшие на Акьяб не могли преследовать такую цель. Это наступление было предпринято в качестве диверсии, имевшей целью отвлечь часть японских сил от китайской границы, и как диверсия она в известной мере себя оправдала. Хотя, по японским данным, из двух дивизий, действовавших против них на Акьябском направлении, им удалось уничтожить 6 400 человек и 570 взять в плен [9. С. 309].

В дни, когда в Аракане ещё продолжалась операция «Анаким», английское командование предприняло отвлекающий манёвр в Северной Бирме, проведённый отрядом чиндитов. Данный манёвр характеризовался от «единственного луча света в этой мрачной фазе войны» [12. С. 349] до авантюры [13. С. 222].

Для проведения операции 77-ю бригаду, состоящую из семи колонн, каждой из которых было придано небольшое подразделение английской авиации, разделили на две группы, которые в ночь на 14 февраля 1943 г. переправились через Чиндуин [6. С. 197]. Японцы, полагая, что имеют дело с небольшими группами разведчиков, поначалу не обращали особого внимания на появление диверсантов в их тылу. Однако постепенно они поняли, что это армейская операция, снабжение которой происходит по воздуху, и достаточно крупными силами предприняли ряд карательных акций против чиндитов. К середине апреля последние были вынуждены вернуться в Индию, потеряв треть своего состава и большую часть снаряжения.

Успехи операции оказались незначительными, и японцы смогли быстро устранить все повреждения и последствия. Итоги этих действий имели своеобразный характер. С одной стороны, они не принесли никаких стратегических выгод, и потери у японцев были невелики. Кроме того, из побочных результатов стало то, что японцы смогли из допросов многочисленных пленных составить представление о положении дел в Восточной Индии и состоянии подготовки англо-индийских войск и понять, что имеется ещё, по крайней мере, полгода спокойной жизни [12. С. 351; 13. С. 226-227]. При этом японскому командованию стало ясно,

что нельзя считать р. Чиндуин надёжным препятствием, и что единственный путь к срыву наступления противника – переход от пассивной обороны к упреждающим ударам, с тем, чтобы в следующем сухом сезоне разгромить базы союзников. Именно эта операция во многом повлекла за собой наступление японцев в пределы Индии и сражение при Импхале [2. С. 329].

С другой стороны, операция показала, что английские и индийские войска способны действовать в джунглях, и как важно завоевать превосходство в воздухе. Крайне сильным оказался пропагандистский эффект данной операции, особенно на фоне полного провала наступления в Аракане. Уингейт был встречен в Индии как герой, где стал уверять, что с помощью нескольких таких бригад он отвоюет Бирму. Данные заявления встретили активную поддержку и в Англии, и в США, но вызвало крайне негативное отношение со стороны многих военных специалистов. Даже Стилуэлл был вынужден признать, что «после неоднократных попыток заполучить сюда хоть сколько-нибудь американских войск мы их, наверное, получим, но только для того, чтобы они воевали под началом Уингейта!…(который) попался японцам на восточном берегу Иравади и выбрался с потерей 40% личного состава» [8. С. 385]. Одним из главных побочных результатов набега Уингейта стало осознание обеими сторонами факта изменения общественного мнения в Бирме. Выяснилось, что многие бирманцы охотно дают приют чиндитам и ждут прихода англичан, считая их меньшим злом.

Сама Араканская операция вызвала негативный отклик у высшего руководства союзников. Президент Рузвельт «не был удовлетворён войной в Бирме, больше чем где бы то ни было» [7. С. 164]. Аналогичной точки зрения придерживался и генерал Маршалл, который указывал, что «из всех действующих фронтов второй мировой войны положение в Юго-Восточной Азии в 1943 г. было для нас самым мрачным» [11. С. 65]. Даже Черчилль был вынужден назвать араканский провал одним из самых разочаровывающих [2. С. 382].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. A concise history of World War II. – N.Y.: Praeger, 1964. – 434 p.
2. Kirby S.W. The war against Japan. – L.: HMSO, 1958. – Vol. III. – 541 p.
3. Lewin R. Slim: The Standartbearer. – L., 1978.
4. Madan N. N. The Arakan operations 1942-1945. The official History of the Indian Armed forces in the Second World War, 1939-1945. – Calcutta-Delhi: Orient Longmans private Ltd., 1954. – 371 p.
5. Maule H. The Great battles of World War II. The story of 13 crucial engagements with over 400 ill. incl. maps. – L.: Hamlyn, 1972. – 448 p.
6. Raina B. L. Campaigns in the Eastern Theatre. Medical Services. The official History of the Indian Armed forces in the Second World War, 1939-1945. – Kanpur: Job Press Private Ltd., 1964. – 525 p.
7. Romanus C. F., Sunderland R. Stilwell's command problems. – Washington: Office of the Chief of Military History Department of the Army, 1956. – 518 p.
8. Tuchman B. W. Stilwell and the American Experience in China. 1941-1945. – N. Y.: Macmillan, 1971. – 621 p.
9. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. – М.: Госполитиздат, 1947. – 467 с.
10. Говард М. Большая стратегия. Авг. 1942 – сент. 1943. – М.: Воениздат, 1980. – 464 с.
11. Котляров В. С. Политика США и гоминьдановская агрессия против Бирмы. – М., 1964.
12. Лиддел Г. Б. Х. Вторая мировая война: очерк. – М.: Воениздат, 1976. – 679 с.
13. Можейко И. В. «Западный ветер – ясная погода». Юго-Восточная Азия во второй мировой войне. – М.: Наука, 1984. – 352 с.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 94(470) + 94(5)
ББК 63.3(55)
Всеобщая история



ФОРУМ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПУСАНЕ (РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ) В НОЯБРЕ 2005 ГОДА

Кандидат исторических наук Б. В. Сафронов

Статья посвящена работе форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества состоявшемся в ноябре 2005 года в городе Пусане (Республика Корея). Форум рассмотрел вопросы связанные с дальнейшим развитием организации, укрепления экономических связей и двусторонних отношений. Важным событием было принятие на Форуме документа: «Пусанская дорожная карта».

Ключевые слова
Сообщество, обновление, система, торговля, инвестиции, процесс, дорожная карта, индивидуальные планы действий.

Очередной Форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества проходил в городе Пусан (Республика Корея) в ноябре 2005 года. Встреча проходила под девизом: «К единому сообществу – через испытания и обновление».

В рамках Форума прошли:

1. 17-я Министерская встреча министров иностранных дел и экономик.
2. Деловой саммит
3. Саммит глав государств.
4. Двусторонние встречи.

По традиции, сложившейся в АТЭС, принимающая страна может выносить на обсуждение свои вопросы. Так, в Пусане Республика Корея предложила обсудить: «вопросы экономической и энергетической безопасности, борьбы с нападениями, ликвидации социально-экономического неравенства в глобальном масштабе» [1].

О целях и задачах саммита говорил Министр иностранных дел Южной Кореи Пан Ги Мун: «Стабильности и экономическому развитию стран региона угрожают терроризм, природные катастрофы, эпидемия птичьего гриппа, продолжающееся старение общества. Все эти проблемы достойны обсуждения на самом высоком уровне. Члены АТЭС будут укреплять сотрудничество в сфере борьбы против терроризма. Решено усилить контроль за оборотом радиоактивных веществ, используемых в промышленности и медицине, повысить защищенность гражданской авиации от переносных зенитных ракетных комплексов» [2].

15-17 ноября прошла встреча министров иностранных дел и торговли. На этой встрече было подписано Совместное Заявление министров иностранных дел и министров торговли АТЭС [3]. В заявлении говорилось о принятых решени-

ях по рассматриваемым вопросам:

Укрепление многосторонней торговой системы.

• Вклад АТЭС в развитие переговорного процесса по Дохийской повестке развития (ПДР) в рамках ВТО.

• Наращивание потенциала ВТО.

• Вступление членов АТЭС в ВТО.

Среднесрочный обзор деятельности АТЭС на пути к достижению Богорских целей.

– подтвердили приверженность многосторонней торговой системе.

Либерализация и упрощение торговой и инвестиционной деятельности.

1. Содействие либерализации и упрощение торговой и инвестиционной деятельности:

Индивидуальные и коллективные планы действий (ИПД и КПД):

– одобрили ИПД за 2005 год.

Инвестиционная деятельность

– упрощение условий инвестиционной деятельности;

– улучшение инвестиционного климата для предпринимательской деятельности в регионе.

Таможенные процедуры

– облегчение условий торговли и обеспечение безопасности посредством упрощения и гармонизации таможенных процедур.

Деловая мобильность

– высоко оценили усилия АТЭС по облегчению деловой мобильности путем повышения безопасности деловых поездок.

Стандарты и соответствие:

– гармонизация национальных и международных стандартов способствует упрощению условий региональной торговли.

Развитие частного сектора

– оказание поддержки предприятиям малого и среднего бизнеса в обстановке в конкуренции.

2. План действий по облегчению условий торговли (ПДОУТ):

– содействовать гармонизации национальных и международных стандартов;

– упрощение мобильности деловых людей;

– формирование благоприятных условий для развития «безбумажной торговли».

3. Региональные торговые соглашения/ Соглашения свободной торговли (РТС/ ССТ):

– поддержали оказание экономикам – участникам АТЭС содействия в наращивании потенциалов переговорной практики по РТС/ССТ и отстаивания интересов своих национальных отраслей.

4. Усиление мер по защите прав интеллектуальной собственности (ПИС) и контроля за их соблюдением:

– провести обмен информацией об национальных специализированных веб - сайтов по вопросам ПИС.

5. Первопроходческие инициативы:

– прилагать дальнейшие усилия по определению в рамках АТЭС тех областей, где могут осуществляться первопроходческие инициативы.

6. Сотрудничество в сфере продовольствия:

– дальнейшая работа по развитию сельского хозяйства, её инфраструктуры;

– содействие торговли продовольственными товарами.

Борьба с коррупцией и стандарты транспарентности:

– выполнять Конвенции ООН по борьбе с коррупцией (КБК).

Безопасность личности:

• Борьба с терроризмом и безопасность торговли.

• Безопасность здоровья.

• Готовность к чрезвычайным ситуациям.

• Энергетическая безопасность.

Экономическое и техническое сотрудничество (ЭКОТЭК):

– активизировать усилия по дальнейшему развитию ЭКОТЕК;

– взаимодействовать с двусторонними,

региональными и международными организациями и финансовыми институтами.

Развитие людских ресурсов:

– совершенствовать политику в области обучения и занятости, повышения производительности труда, качественном обеспечении рабочими местами, создании рынков труда;

– развивать образование и профессиональную подготовку.

Промышленная наука и технологии:

– расширять сотрудничество в сфере промышленной науки и технологий.

Малые средние (МСП) и микропредприятия (МП):

– развивать инновации, которые являются основной движущей силой, появления динамично развивающихся малых и средних предприятий (МСП) и микропредприятий (МП);

– способствовать участию МСП и МП борьбе с бедностью.

Транспорт:

– укрепить безопасность в сфере авиа - и морских услуг в регионе.

Совместное процветание в условиях экономики основанной на знаниях:

– расширять и совершенствовать потенциальные возможности и профессиональные знания в области цифровых технологий;

– использовать экономические и социальные выгоды от выхода в сеть Интернет;

– содействовать устойчивой конкуренции и либерализации на рынке телекоммуникаций.

Макроэкономические вопросы:

– использовать преимущества высокой динамики глобальной экономики для основных рисков и уязвимости.

Структурная реформа:

– достигнуть преимуществ либерализации и упрощения условий торговли и инвестирования.

Взаимодействие с деловым сообществом:

1. Диалог с Деловым консультационным советом.

2. Диалоги по вопросам промышленности.

Реформа АТЭС:

– финансовая реформа;

– координация и последовательность реформ.

Министры представили свой доклад для обсуждения лидерам стран и те 19 ноября 2005 приняли Пусанскую Декларацию[4]:

В ней говорилось:

Мы:

– собрались на нашу встречу под девизом АТЭС 2005 года «К единому сообществу – через испытания и обновление», чтобы углубить наше общее видение путей достижения стабильности, безопасности и процветания наших народов;

– подтвердили приверженность поставленной Богорскими целями задаче обеспечения открытой и свободной торговли и инвестиционной деятельности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выразили твердую решимость работать в направлении ее реализации, руководствуясь Пусанской «дорожной картой».

Обеспечение более свободных условий торговли.

Мы:

– одобрили Пусанскую «дорожную карту» движения к Богорским целям, которая включает в себя:

а) поддержку многосторонней торговой системы;

б) усиление индивидуальных и коллективных действий;

в) содействие развитию системы высококачественных региональных торговых соглашений и соглашений о свободной торговле (РТС/ССТ);

г) Пусанскую повестку дня для делового сообщества.

Мы:

– полностью поддержали Инициативу АТЭС по противодействию торговле поддельной продукцией и борьбе с пиратством и одобрили типовые директивы по

противодействию международной торговле поддельной и пиратской продукцией, сокращению пиратства и предотвращению торговли поддельной и пиратской продукцией через Интернет;

– приняли к сведению рекомендации, представленные Деловым консультативным советом (ДКС) АТЭС.

Безопасный и транспарентный Азиатско-Тихоокеанский регион: укрепление безопасности личности.

Мы:

– осудили совершенные в регионе террористические акты, которые унесли тысячи жизней и были нацелены на подрыв экономического процветания и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– подтвердили провозглашенное в Бангкоке и Сантьяго обязательство проводить обзор наших усилий по ликвидации транснациональных террористических групп, устранению угрозы распространения оружия массового уничтожения и систем его доставки, противодействию другим прямым угрозам безопасности региона;

– подтвердили наше обязательство обеспечивать осуществление любых контртеррористических мер с соблюдением соответствующих обязательств по международному праву;

– выразили поддержку деятельности по выполнению обязательств АТЭС в области борьбы с терроризмом, обеспечения безопасной торговли и безопасных поездок;

– приветствовали новые инициативы по безопасному обращению с радиоактивными источниками и безопасной торговле ими, повышению защищенности аэропортов от угрозы применения переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), по всеобъемлющей безопасности систем снабжения, а также Рамочную программу АТЭС по обеспечению безопасности и упрощению условий глобальной торговли;

– обсудили вопросы, связанные с ужасающими природными катастрофами в нашем регионе за прошедший год, и взяли на себя обязательство защищать экономики АТЭС, предпринимая действия по снижению воздействия будущих катастроф и повышению нашего общего потенциала реагирования на них;

– согласились активизировать региональное сотрудничество в отказе в безопасном убежище должностным лицам и отдельным гражданам, виновным в коррупции и подкупе, и незаконно приобретенным ими средствам, а также наказывать лиц, занимающихся взяточничеством, в том числе в сфере международных деловых операций.

Перспективы развития АТЭС

Мы:

– приветствовали конкретные результаты проделанной в этом году работы по реформированию АТЭС, направленной на придание деятельности Форума большей эффективности и ориентированности на практическую отдачу.

На форуме решались и другие вопросы. Китай и Вьетнам предложили ограничить и постепенно прекратить деятельность военных блоков АНЗЮС (Австралия, США, Новая Зеландия) и АНЗЮК (Австралия. Новая Зеландия и Великобритания), но это предложение не получило поддержки.

19 ноября 2005 года лидеры АТЭС приняли специальное заявление за продолжение Дохийского раунда переговоров ВТО.

«Мы требуем выйти из тупика в переговорах по сельскому хозяйству, в частности, по вопросу доступа на рынки. Это разблокирует переговоры в прочих ключевых сферах, в том числе по продукции и услугам, которые не связаны с сельским хозяйством. Если в этой области не будет достигнуто прогресса, то мы не добьемся прогресса на Дохийском раунде в целом», – отмечается в документе [5].

В работе Делового саммита приняли участие руководители крупнейших пред-

принимательских структур региона. Деловой саммит проходил по теме: «Предпринимательство и процветание: формирование успешного партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе» На саммите выступил Президент Кореи. Но Му Хен. Речь была посвящена – в соответствии с профилем Делового саммита – экономическим вопросам, этой проблеме также были посвящены выступления председателя КНР Ху Цзинтао, премьер-министра Австралии Дж. Ховарда, премьер-министра Таиланда Таксина Чиноватра, президента Мексики В. Фокса [6].

С 2001 года уже ни одна встреча лидеров государств АТЭС не обходилась без политической составляющей. Состоялись встречи Президента, Но Му Хена с Джорджем Бушем, Ху Цзиньтаю, Владимиром Путиным, Дзюиньтаро Коидзуми. Основным вопросом обсуждения на этих встречах была ядерная программа КНДР.

На встрече, Но Му Хена и Джорджа Буша возникла новая идея: начать с Пхеньяном другие переговоры – по заключению мирного договора. В Пусане Южная Корея подтвердила свою лидирующую роль в решении «корейского вопроса».

В.В. Путин встретился с президентом США Д.Бушем. На этой встрече президент России обсудил вопросы, связанные с программой ядерного вооружения Северной Кореи и Ирана, по которым в целом было достигнуто взаимопонимание. Буш, в частности, согласился с предложением о совместном атомном производстве России и Ирана: Иран будет поставлять урановые полуфабрикаты в Россию, где будет проходить обогащение урана, после чего продукт будет возвращаться на иранский завод в Бушере.

Лидеры России и США подробно говорили и на тему совместных усилий по борьбе с терроризмом, подчеркнув необходимость практического взаимодействия двух стран в этой сфере.

Больше всего Россию, разумеется, интересовал вопрос о позиции США в отношении вступления России в ВТО. Но как раз в этом вопросе В. В. Путину не удалось добиться безоговорочной поддержки США, поскольку американская сторона считает, что Россия не готова для вступления в ВТО «по всем необходимым пунктам» [7].

Помимо встречи с президентом США, у Путина состоялись переговоры с председателем КНР Ху Цзиньтао. На них были обсуждены вопросы экономического взаимодействия, в частности, в области ТЭК, а также проблемы развития связей между регионами и реализации договора о границе. Был рассмотрен и вопрос о долгосрочных поставках энергоносителей в Китай. Подробно была обсуждена тема года России в Китае. Оба лидера обговорили тему года Китая в России. Председатель КНР проинформировал, что с китайской стороны эти проекты будет вести первый вице-премьер КНР У И. С российской стороны ответственным, был назначен – первый вице-премьер России Дмитрий Медведев [8].

Кроме того Президент России встретился с президентом Вьетнама Чан Дык Лыонгом, было подтверждено, что отношения с Вьетнамом являются приоритетом внешней политики Российской Федерации.

Также В.В. Путин встретился с премьер-министром Таиланда Таксином Чинаватом. Глава Внешэкономбанка России Владимир Дмитриев и член совета директоров «Газпрома» Виктор Христенко подписали с президентом государственной таиландской компании PTT Public Company Limited рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве между «Газпромом» и этой самой компанией. Внешэкономбанк выступит в качестве финансового агента проекта, по которому «Газпром» будет заниматься поисково-разведывательными работами, транспортировкой и реализацией таиландского газа [9].

В результате работы Форума в Пусане было еще раз подтверждено, что АТЭС как

единственный форум, охватывающий весь Азиатско-Тихоокеанский регион, не только сохранил взятые на себя ранее обязательства, но и успешно определил направления, по которым ему надлежит продвигаться в будущем.

Форум АТЭС в Пусане показал, что, несмотря на проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются страны входящие в эту организацию, страны АТЭС по прежнему будут стремиться к достижению целей поставленных в Богоре, создание зоны свободной торговли и инвестиций к 2020 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Издательство «МГИМО – Университет», 2010.

2. http://press.try.md/item.php?id=67520

3. Совместное заявление министров иностранных дел и торговли в Пусане 2005 год http://www.mid.ru/BRP_4.NSF/997e7b027bbf661cc3256f6d00540731/f47cea45cac6523fc32570bb00294c2f?OpenDocument

4. Декларация лидеров стран АТЭС. – http://www.pravoteka.ru/pst/102/50547.html

5. http://obzor.westsib.ru/news/37181

6. Потапов М. Перспективы развития восточноазиатской экономики взгляд деловых кругов (заметки с Делового саммита АТЭС) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – №1.

7. Малышева Д. Российское соло в азиатском хоре. К итогам саммита АТЭС в Пусане. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1132720680

8. Коммерсантъ. – 19 ноября 2005.

9. Там же.

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО АНАЛИЗА
г. МОСКВА

УДК 323.1+327.8
ББК 60.546+60.723+66.4,32
Политология

политология

ПРОБЛЕМА КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИИ В АСПЕКТЕ РАСШИРЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА КИТАЯ

А. А. Храмчихин

Китайская миграция на территории РФ носит совершенно особый характер, отличающий её от миграционных потоков из любой другой страны ближнего и дальнего зарубежья. Она проводится под контролем руководства КНР и потенциально может обеспечить создание на территории РФ «пятой колонны».

Ключевые слова
Китай, Россия, миграция, экспансия, демографический баланс

Характер развития современного Китая определяется быстрым экономическим ростом и, при этом, значительными проблемами и противоречиями, разрешение которых вряд ли возможно без ведения страной внешней экспансии. Без нее практически невозможно решить демографическую, экологическую и ресурсную проблемы, учитывая тот факт, что решение одних проблем усугубляет другие проблемы [1]. При этом в Китае имеют хождение официальные исторические, идеологические и военные концепции, фактически оправдывающие территориальные претензии ко всем окружающим странам, в первую очередь – к России, а также предусматривают возможность их практической реализации (например, концепция «стратегических границ и жизненного пространства») [2, 3, 4, 5, 6]. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть характер китайской миграции в Россию.

Китайская миграция на территории РФ носит совершенно особый характер, отличающий её от миграционных потоков из любой другой страны ближнего и дальнего зарубежья. Мировая практика свидетельствует о том, что «демографическое оружие» часто оказывается более эффективным, чем любое другое. Так, Албания и Палестина по своим экономическим и военным потенциалам абсолютно несопоставимы с Югославией (Сербией) и Израилем, соответственно. Тем не менее, исключительно с помощью «демографического оружия», т. е. изменения этнического баланса в Косово, на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, им удалось добиться отторжения этих территорий у несравненно более мощных противостоящих государств. Китай уже сегодня значительно сильнее России в экономическом плане и практически сравнялся с ней

по военному потенциалу, что существенно облегчает для него задачу отторжения у РФ части её территории.

Количество китайских мигрантов в России на сегодняшний день неизвестно даже приблизительно (не определён хотя бы порядок величины, не говоря уже о точном количестве). Спор о количестве мигрантов принял уже, в значительной степени, схоластический характер, поскольку сколько-нибудь точной статистики не имеют ни ученые, ни государственные органы. В различных работах на эту тему приводится множество цифр, являющихся, однако, лишь личными оценками авторов. Практически все они сходятся на том, что, на данный момент, говорить о «демографической экспансии» Китая в Россию неправомерно. Однако многие из них признают, что в будущем этот вариант отнюдь не исключен.

Общее число нелегальных мигрантов из всех зарубежных стран на территории РФ Федеральная миграционная служба оценивала в 2005 г. в 10 млн. чел., из них китайцы заведомо составляют не менее 20%. Александр Ларин называет цифру чистого миграционного прироста китайцев в России за 1999-2008 гг. в 205,9 тыс. чел., однако сам же отмечает, что неизвестно, сколько китайцев въехало в Россию до этого [7. С. 148-150]. Кроме того, эти данные основываются лишь на сведениях о легальном пересечении российско-китайской границы. Не учитывается фактор нелегального перехода границы. Кроме того, на границе между РФ и Казахстаном не ведётся, по сути, вообще никакого учёта въезда и выезда. Следует отметить, что российско-казахстанская граница является самой длинной в мире границей между двумя государствами, вся она проходит по степи и равнине, где беспрепятственный проход людей и движение автомобильного транспорта возможны в любом направлении не только по дорогам, но и без таковых. Поскольку граница между Китаем и Казахстаном контролируется недостаточно надежно, то количество китайских мигрантов, проникающих через российско-казахстанскую границу корректно оценить не представляется возможным.

В той же монографии А. Ларина приводятся данные тайваньской Комиссии по делам зарубежных китайцев, по которым в России находится около 1 млн. китайцев. Скорее всего, именно это значение следует считать нижним пределом величины [7. С. 482].

При этом уже сегодня миграционный потенциал Китая равен всему населению РФ. По данным Госкомитета по демографической политике и плановому деторождению КНР в 2003 г. число внутренних мигрантов в Китае составило 140 млн. чел., причем из-за продолжающейся урбанизации имеется устойчивая тенденция к росту данного показателя [8], сейчас число внутренних мигрантов превысило 150 млн. чел. [9].

Как правило, китайские мигранты (не только в России, но и в других странах) проживают обособленными общинами, в подавляющем большинстве не проявляя склонности к ассимиляции (исключения являются единичными). На сегодняшний день китайская миграция в РФ носит, в основном, экономический характер, мигранты занимаются в РФ торговлей, сельским хозяйством, строительством, другими работами, носящими непрестижный характер для граждан РФ из-за низкой оплаты при значительных трудозатратах и общем отрицательном имидже (хотя в России работают и китайские бизнесмены, причём их количество постепенно растёт). Некоторая часть мигрантов рассматривает РФ как транзитную территорию для дальнейшей миграции в Европу.

Для Пекина миграция китайцев в Россию в краткосрочной перспективе является способом сброса социального напряжения. В долгосрочной перспективе миграция обеспечивает создание на территории России «пятой колонны», готовой

действовать в интересах китайского руководства.

По этому поводу можно привести высказывания известного российского китаиста, профессора ИСАА МГУ В. Г. Гельбраса, активно занимающегося изучением китайской миграции в РФ. Он считает, что китайцы появились почти во всех крупных городах европейской части России, так же как в Западной Сибири. Однако конкретной ситуации никто не знает, поскольку необходимых исследований никто не проводил. При этом китайские землячества уже сейчас обрели способность служить опорными пунктами возможной массовой миграции китайцев в Россию и их укоренения здесь, причем хозяйственная деятельность этих землячеств носит теневой, часто криминальный характер [10. С. 123, 124, 249]. В. Гельбрас считает это прямым вызовом национальной безопасности России.

Безусловно, главным «поражающим фактором» китайской миграции является демографический. Именно серьёзное изменение демографического баланса в сибирских и дальневосточных регионах РФ позволит китайскому руководству использовать мигрантов и в экономических (переориентация экономики данных регионов на Китай), и в политических (выдвижение требований, как минимум, о создании китайской автономии в составе РФ, как максимум – о передаче территорий Китаю) целях.

В связи с этим можно привести еще ряд цитат.

«Даже относительно небольшой контингент граждан КНР, временно проживающий на территории Сибири и Дальнего Востока, способен, на наш взгляд, в перспективе взять под контроль некоторые жизненно важные отрасли экономики регионов». «Российская сторона пока не готова к конкуренции с китайским бизнесом, который пользуется эффективной налоговой и финансовой поддержкой своего государства».

«Представляется, что политика китайской стороны в определённой степени может способствовать дезинтеграции российских приграничных территорий и переориентации их экономических и гуманитарных связей с европейской части России на КНР. Демографические и экономические проблемы российского приграничья, а также его оторванность от центра и определённая «обделённость» федеральной казной объективно способствуют динамичной интенсификации торгово-экономических и гуманитарных связей с соседним Китаем. При этом активным и соответственно получающим большие преимущества в данном процессе игроком пока является КНР. Используя диспропорции регионального развития России, китайские власти, судя по всему, стремятся максимально инкорпорировать региональные элиты Восточной Сибири и Дальнего Востока в решение задач развития своих приграничных территорий. Возможно, не стоит исключать того, что в дальнейшем, по мере «закрепления» и известной ассимиляции российских граждан, эти элиты могут рассматриваться как своего рода этнические креатуры Китая в приграничном пространстве».

«В целом можно констатировать, что политика китайских властей – с учётом депрессивности положения и оторванности хозяйственных связей приграничных субъектов РФ от центральной части страны – может способствовать всё более глубокому вовлечению приграничных территорий России в орбиту экономического развития Северо-Восточного Китая и других приграничных китайских районов» [11. С. 229-231].

Странным образом, российские китаеведы продолжают дискуссию о том, поощряют китайские власти миграцию в Россию или нет. Между тем, в российских источниках можно найти несколько высказываний представителей КНР на данную тему.

Весьма примечательно, например, выс-

казывание начальника управления пограничной торговли провинции Хэйлунцзян (на эту провинцию приходится большая часть российско-китайской границы) Цай Кайфу. Он является высокопоставленным чиновником, поэтому его статью вряд ли можно считать выражением личного мнения. Более того, статья написана в стиле жесткой директивы, т. е. с высокой долей уверенности можно предположить, что она отражает официальные взгляды руководства провинции и, как минимум, не противоречит позиции центрального руководства.

«Следует всемерно наращивать динамику вывоза рабочей силы на основе укрепления простейших форм технического сотрудничества в таких областях, как овощеводство, лесоразработки, строительный подряд и др., делать шаги в направлении рабочей силы из числа средних и высших технических специалистов, по возможности расширять поток рабочей силы в таких сферах, как народная медицина, строительство объектов, ирригационных сооружений, на отделочные работы, технический монтаж, ремонт электростанций и т. п. Одновременно с увеличением экспорта сезонников следует наращивать усилия по направлению рабочей силы на срок 1 год и более. Учитывая состав направляющихся на работу людей, следует укреплять эти бригады и отряды, создавая систему стройотрядов. Необходимо усилить руководящее начало в отношении лиц, выезжающих на работу за границу, защищать их права и интересы, обеспечивать их безопасность и сохранность материальных ценностей, стимулировать здоровое развитие сотрудничества в области найма рабочей силы» [12. С. 68]. Из этой цитаты можно сделать однозначный вывод о том, что китайское руководство не просто поощряет миграцию в Россию, но выступает в роли организующей и руководящей силы данного процесса.

Подтверждением того же вывода является высказывание президента Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэя. «Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китай-ской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке» [13. С. 48].

Как заявил президент Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций Сюй Чжимин, «очень хорошие перспективы существуют в сфере предоставления Китаем России рабочей силы: Дальний Восток испытывает потребность в 5 млн. работников» [14. С. 109].

Некоторые китайские исследователи считают вопрос заведомо решенным и предопределённым. Так, Ван Сюаньцзюй пишет: «Что касается вопроса о китайской рабочей силе, то его не стоит педалировать до того времени, когда уровень взаимного доверия между странами достигнет необходимой высоты. Постепенно всё встанет на место» [15. С. 37]. Еще более определённо высказывается Юй Сяоли, представляющий Хэлунцзянский университет: «Поскольку миграция из Китая неизбежна, поэтому нужно вести в России пропагандистско-разъяснительную работу, чтобы переломить общественное мнение, ликвидировать боязнь «желтой опасности» и утвердить позитивный имидж мигрантов с Востока. Проблема китайской миграции для России имеет не локальный, а всеобщий характер, поэтому требуется выработка долгосрочной стратегии. В таком контексте главным стратегическим вопросом должно быть не создание препятствий миграции, а ее организация. Старыми способами уже не решить проблему населения восточной России» [16. С. 53].

Таким образом, вопрос о том, поддерживает ли руководство Китая миграцию в Россию, очевидно, должен быть снят, поскольку официальные представители Китая отвечают на него положительно. По-видимому, заслуживают обсуждения вопросы о том, действительно ли данный процесс носит чисто экономический характер экспорта рабочей силы.

В этой связи нельзя не обратить внимания на статью 50 конституции КНР: «КНР охраняет надлежащие права и интересы китайцев, проживающих за границей, законные права и интересы китайцев, вернувшихся на родину, и проживающих в Китае членов семей как тех, так и других". В этой статье говорится не о «гражданах КНР», а о «китайцах», именно она стала предлогом для агрессии против Вьетнама в 1979 г. [17. С. 391-392]. Более того, новое руководство КНР специально объявило о защите интересов всех китайцев, независимо от страны проживания. Это не может не оказать воздействия и на Россию, где «с китайской стороны будет еще более активизирована работа по созданию структурированной ханьской общины». «России необходимо в кратчайшие сроки осознать на самом высоком уровне, в какой форме встретить этот вызов со стороны Китая и каким образом максимально купировать возникающие в данной связи внутри- и внешнеполитические риски» [18. С. 30].

При этом следует еще раз подчеркнуть – дело не в том, сколько китайцев находится в России сейчас, а в том, что они уже создали практически по всей территории страны устойчивые сообщества с собственной внутренней экономикой и своими законами, никак не связанными с законодательством РФ. И эти сообщества могут принимать и интегрировать практически любое количество новых мигрантов.

Ряд российских экспертов выдвигают возражения по поводу того, что китайская миграция представляет собой опасность для РФ. Одно из возражений состоит в том, что масштаб миграции преувеличивается. Например, можно привести слова руководителя Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН Э. А. Паина: «Количество китайцев, проживающих сегодня в Сибири и на Дальнем Востоке, просто несопоставимо с количеством китайцев, населяющих такие города, как, например, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж, Лондон» [19]. По этому поводу можно заметить, что число китайцев в РФ, как было сказано выше, не известно даже приблизительно, потому и сравнение с западными странами является некорректным. Кроме того, страны Европы и, тем более, Северной Америки не имеют с Китаем общей границы, что делает отторжение их территорий в пользу Китая невозможным.

Другим традиционным возражением является ссылка на ситуацию конца XIX - начала XX века, когда доля китайцев и корейцев в населении восточных регионов России значительно превышала сегодняшнюю, что также вызывало серьёзные опасения в российском обществе, однако ни к какой катастрофе это не привело. В связи с этим можно заметить, что в тот период Китай представлял собой скорее географическое понятие, чем реальную геополитическую силу. Правящая Цинская династия переживала острейший кризис, окончившийся её крушением в результате Синьхайской революции в 1911 г., а западные страны могли делать на территории Китая, по сути, всё, что хотели. Достаточно вспомнить, что сухопутная составляющая русско-японской войны 1904-1905 гг. целиком прошла на территории Китая, при этом Санкт-Петербург и Токио даже не поинтересовались, согласна ли эта страна на такое использование своих земель. Опасаться экспансии со стороны Китая в тот момент, следовательно, было бессмысленно из-за отсутствия субъекта экспансии, а миграция из него в Россию была бегством местного населения из разваливающегося государства. Вполне оче-

видно, что сегодняшняя ситуация в этом плане кардинально отличается от ситуации 100-летней давности.

Другим известным опровержением факта опасности китайской демографической экспансии считается то, что половина территории самого Китая практически не освоена (94% населения КНР живет на 46% его территории), поэтому внешняя экспансия бессмысленна. Кроме того, говорится о том, что климатические условия в Сибири и на Дальнем Востоке (в первую очередь – низкая температура зимой) неприемлема для китайцев. В связи с этим можно отметить, что Тибет, занимающий почти треть территории Китая, является одним из самых неблагоприятных для проживания мест на Земле (в этом плане сравнить его можно, разве что, с Антарктидой). Он находится на высоте не менее 4 тыс. метров над уровнем моря. Из-за недостатка кислорода для подавляющего большинства людей сколько-нибудь длительное проживание там не представляется возможным. Кроме того, в условиях экстремального высокогорья невозможна никакая серьезная хозяйственная деятельность. Таким образом, «освоить» Тибет в плане его массового заселения и экономического развития Китай заведомо не сможет никогда. Природно-климатические условия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, занятом пустынями Гоби и Такла-Макан, лучше лишь в плане наличия достаточного количества кислорода. На фоне СУАР, не говоря уже о Тибете, климат Забайкалья и Приамурья и условия для ведения сельского хозяйства несравненно лучше, а в Приморье они предельно комфортны по любым меркам. Даже Якутия предпочтительнее Тибета, поскольку лучше сильные морозы полгода, чем нехватка кислорода в совокупности с почти такими же сильными морозами зимой и сильнейшими ветрами постоянно. Можно отметить, что уже сегодня китайские мигранты в Якутии контролируют большую часть торговли, причем круглый год.

Совершенно неприемлемы в качестве опровержения угрозы китайской демографической экспансии заявления о том, что на Земле есть государства, где плотность населения еще выше, чем в Китае и тогда следует говорить об угрозе с их стороны. В качестве примеров таких стран, как правило, приводятся Нигерия и Бангладеш. По этому поводу хочется отметить, что эти страны находятся очень далеко от России и не имеют к ней ни формальных, ни фактических территориальных претензий. Из-за этой удаленности жителям указанных стран просто крайне сложно добраться до России, к тому же для них, в отличие от китайцев, российский климат действительно неприемлем. Главное же в том, что военные и экономические возможности этих стран крайне низки и несопоставимы ни с российскими, ни с китайскими. Соответственно, демографическая экспансия с их стороны не может иметь никакой государственной поддержки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. – Московский Центр Карнеги. – М., 2005. – 647 с.

2. *Москалев А. А.* Нация и национализм в Китае. Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. – М., 2005. – (Памятники исторической мысли).

3. *Галенович Ю. М.* К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень. – № 7. – М., 1999.

4. Границы Китая: история формирования / Под ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. – М., 2001. – 470 с. – (Памятники исторической мысли).

5. *Чуприн К. В.* Военная мощь Поднебесной. Вооруженные силы КНР (справочник).

– Мн., Харвест, 2006. – 840 с.

6. *Стефашин В.* Военно-стратегические концепции Китая // Зарубежное военное обозрение. – 1994. – № 9. – С. 2-7.

7. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. – М., Восточная книга, 2009.

8. Натиск на города: разница в межрегиональном развитии и внутренняя миграция в Китае // Электронная библиотека ДВГУ, asiapacific.narod.ru/countries/china/natisk_na_goroda.htm.

9. National Bureau of Statistic of China. – http://www.stats.gov.cn/english/

10. *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. – М.: Муравей, 2001. – 320 с.

11. Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. Ежегодник. ИДВ РАН. – М., 2007. – 516 с.

12. *Цай Кайфу.* Приграничная торговля в провинции Хэйлунцзян: состояние и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 5. – С. 64-69.

13. Китайско-российское региональное сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 45-54.

14. *Сюй Чжимин.* Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 106-111.

15. *Ван Сюаньцзюй.* Углублять взаимопонимание, повышать взаимное доверие. // Некоторые аспекты китайско-российских отношений и перспективы СНГ в связи с «цветными революциями». – М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН. – № 7). – С. 32-38.

16. *Юй Сяоли.* О разрешении демографической проблемы на российском Дальнем Востоке: возможности и реалии. // Некоторые аспекты китайско-российских отношений и перспективы СНГ в связи с «цветными революциями». – М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН. – № 7). – С. 50-55.

17. *Галенович Ю. М.* Россия - Китай - Америка. От соперничества к гармонии интересов? – М.: Русская панорама, 2006.

18. Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 3. – С. 6-38; Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 4. – С. 6-35.

19. *Паин Э.* Объектом ксенофобии становится даже правительство // Независимая газета. – 6.3.06.

**СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. К. АММОСОВА, РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ), г. ЯКУТСК
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА**



УДК 316.344.7-058.55
ББК 60.524.126.3
Социология, социальная психология, социология девиантного поведения

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕВИАНТНОСТИ В АНОМИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРЕНДЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Кандидат социологических наук С. Г. Анисимова

Статья посвящена проблемам аномии – общественного состояния, при котором происходит трансформация ценностно-нормативной системы, социальных институтов и социального взаимодействия. Автор проводит социологический анализ трендов, на которые обращено внимание исследователями современного российского общества, – дифференциацию, специализацию, абстрагированию, рационализацию, расколдовыванию, индивидуализацию, рефлексивность. Кроме того, автором выделяются тренды мифологизации – заколдовывания и психоневротизации, которые становятся в условиях аномии одной из причин расширения проявлений девиантного поведения личностей и групп.

Ключевые слова
Аномия, трансформация, когнитивный диссонанс, мифологизация, психоневротизация, социальная агнозия, девиации, тренды

Аномия как тотальное явление – это кризисное состояние, характеризующееся рассогласованием ценностно-нормативной основы, нарушениями в функционировании системы социальных институтов и всех сфер жизнедеятельности, расширением сферы нелегитимного нормативного регулирования, изменением социокультурных ориентиров и образцов деятельности, расширением проявлений девиантного поведения [2. С. 32]. Аномию выделил в конце XIX века при анализе «ненормальных» форм разделения труда французский социолог Э. Дюркгейм, который зафиксировал, что «в момент общественной дезинтеграции, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, общество оказывается неспособным проявлять нужное воздействие на человека» [9. С. 293-294]. В аномическом обществе нарастают тренды, которые трансформируют социально-психологические характеристики и поведение людей, среди них современные исследователи обозначили семь главных – дифференциацию, специализацию, абстрагированию, рационализацию, расколдовыванию, индивидуализацию, рефлексивность [17].

Тренды «дифференциация» и «специализация» проявились в период перехода от традиционного общества к индустри-

альному, что выявлено Э. Дюркгеймом на основе анализа разделения общественного труда и изменения коллективного сознания [9]. В современном социуме, под влиянием процессов глобализации, «сжимающих» временно-пространственный континуум и культивирующих плюрализм, эти тренды получили яркую выраженность. Нарастает узкая специализация, появляются огромное количество новых профессий и специальностей – системный администратор, бизнес-аналитик, логистик, мобильный банкир, мастер ногтевого сервиса, оператор call-центра, офис-менеджер и пр. В связи суперспециализацией индивидов и групп нарастает передача функций «другим», так называемый, аутсорсинг, за счет расширения круга услуг в сфере бытового обслуживания и технических «гаджетов». Дифференциация и специализация включает процессы – перераспределение власти, усиление роли виртуальных акторов таких как журналисты, блоггеры, флеш-мобберы и т. п.

Виртуализация пространства провоцирует возникновение тренда «абстрагирование». Социальный философ Т. А. Бондаренко отмечает, что под влиянием виртуальности «меняются параметры протекания психических процессов, появляются содержательно новые состояния сознания, что в конечном итоге предопределяет формирование нового образа окружающего мира» [4. С. 5]. В «виртуале» распространяются псевдоважные сущности, не имеющие конкретного контента, – коэффициенты и рейтинги людей, компаний, вузов, сексуальности, популярности, хитов, брендов, калорий и др. Абстрагирование форсирует смешение реального и нереального, объективного и субъективного. В социально-психологическом плане диффузный образ окружающего мира ярко проявляется в когнитивном диссонансе, то есть «состоянии индивида, характеризующееся столкновением в его сознании противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления, при котором из существования одного элемента вытекает отрицание другого, и связанное с этим несоответствием ощущение дискомфорта» [5. С. 256]. Создается парадоксальная ситуация, когда у индивидов в сознании присутствуют кардинально противоположные представления о фактах, событиях и процессах. «Разруха в головах» по меткому высказыванию М. Булгакова, закрепляется на бессознательном уровне в виде «стройной системы» заблуждений, зачастую, надолго удерживающей субъекта в своих пределах. Дискомфорт, вызываемый противоречием между имеющимся устоявшимся представлением и поступающей фактической информацией, влечет за собой поведенческие реакции, нарушающие формальную логику: «разорванность» мышления, рассогласование мыслей, слов и поступков, нарастание деструктивности. Феномен когнитивного диссонанса явственно проступает при проведении конкретных социологических исследований, когда «складывается вполне устойчивое впечатление, что реальное восприятие происходящего в российском обществе присутствует в мышлении лишь опосредованно, осознается интуитивно, оценивается поверхностно» [19. С. 175].

Параллельно проявляется тренд «рационализация», который, по мнению современных ученых, «включает в себя «разумный подход» ко всему, то есть учёт выгод и затрат, времени и денег, эмоций и повседневных контактов» [17]. Основы концепции «рационализации» заложены в работах М. Вебера, под ней понимается процесс вытеснения случайных аффективных или рутинных действий или мотивов, преодоление отклонений (и противоречий) от основной линии действия и поведения и последовательное упорядочивание действий, их планирование и накопление результатов [6]. В рамках девиантологического дискурса свой взгляд на социально-отклоняющееся поведение

развивает американский экономист Г. С. Беккер. Он исходит из того, что человек становится преступником не потому, что его мотивация отличается от мотивации других людей, а потому, что из анализа затрат и выгод от своих действий он делает иные выводы для принятия своих решений. Беккер считает, что правонарушители, девианты, принимают вполне рациональные решения в рамках собственных информационных возможностей, так, потенциальный преступник проверяет все свои шансы и выбирает такое действие, которое обещает ему при наименьших затратах и, в особенности, при наименьшем риске наказания, наибольшую выгоду в личном плане [3].

Рационализация связана с интенсивным развитием культуры «быстрого поглощения» (снек-культуры), спрессовывание предметов, товаров, информационных ресурсов до такого размера, когда это удобно «прожевать и съесть» [17]. Визуализация информации достигается использованием комиксов, схем, картинок, слоганов, логотипов, то есть коротких, ясных, забавных «информашек». Люди совмещают различные повседневные действия: читают книги в метро, одновременное занимаются спортом и прослушивают новости и музыку по радио и т. п. Существенно упрощаются контакты, знакомства происходят по sms и Интернету и т. п. Люди теряют навыки непосредственного оффлайн-общения, погружаясь в «ВКонтакте», «Одноклассники», Mirtesen, Facebook и другие социальные сети. Эти тенденции были отмечены выдающимся социологом, философом и психоаналитиком Э. Фроммом ещё в середине XX века, когда он писал о том, что представители западного общества преклоняются «перед силой рынка, успеха, общественного мнения, «здравого смысла» – или, точнее, силой абсурда – и перед силой техники, слугами которой мы стали» [25. С. 189].

В современной России обнаруживает себя тренд расколдовывания, который имеет двойственную природу. В работах М. Вебера «расколдовывание» означает освобождение человека от магических суеверий, от власти чуждых и непонятных человеку сил, автономизацию и суверенизацию индивида, его уверенность в доступности мира рациональному научному познанию. Смысл расколдовывания эпохи модерн, по мнению М. Вебера, состоит не в том, что мир познан и понятен, но в том, что он может быть познан и понят до его последних пределов [4].

Однако, в аномической реальности нарастает и обратный процесс – «заколдовывания» – мифологизации сознания. Английский писатель Г. Честертон заметил, что «когда люди перестают верить в Бога, они начинают верить во всё остальное». Современный человек стремительно погружается в море «современных мифов», к которым относятся политический фольклор, реклама, фантастические романы и кинофильмы, вера в экстрасенсов и НЛО, чудесные исцеления и народные приметы, отчасти, слухи, сплетни и народная молва. Отсутствие логичной адекватной картины окружающего мира (когнитивный диссонанс) порождает социальную агнозию. Агнозия как социально-клиническое явление имеет несколько сторон: медико-психофизиологическую (атрофические изменения мозга, приводящие к нарушению памяти, внимания, работоспособности), социально-психологическую (общая дезориентация в пространстве и времени) и социокультурную – «потеря адекватных представлений о реальности, искажение и размывание очертаний социального пространства» [2. С. 79]. На фоне аберрации представлений в мифогенном пространстве индивид «теряет свое нравственное чувство, … становится жертвой предрассудков и суеверий, ибо не способен подвергнуть здравому рассмотрению обоснованность, правдоподобность тех положений, на которых строятся его ложные, ошибочные мнения и убеждения» [25. С. 188].

Глобальный тренд «индивидуализации», набирающий силу в мире, в России преломляется в «атомизацию». Индивидуализация в западном мире позиционируется как уважение к другой личности и признание ее прав и интересов. Однако, параллельно, в экзистенциальном плане постоянными спутниками людей становятся одиночество и отчуждение.

Проблемы одиночества наиболее глубоко были разработаны Артуром Шопенгауэром – «теоретиком вселенского пессимизма», который считал, что в мире происходит ожесточеннейшая и вечная борьба всех против всех, служащая источником величайших страданий на земле [27. С. 65]. Основатель психоанализа З. Фрейд использовал категорию «отчуждение» для объяснения патологического развития личности в чуждой и враждебной его естественной природе культуре [24]. В работах Э. Фромма отчуждение индивида выступает в пяти формах: от ближнего, от работы, от потребностей, от государства и от себя. Таким образом, происходит переход индивида из состояния актора в состояние зрителя, который не может произвести никаких действий и деяний для изменения ситуации ни в повседневности (семья, работа, дети), ни повлиять на социальные, политические, профессиональные структуры, функционирующие в «реале». Отчуждение – это проявление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы – носители определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому, вызывая различные ощущения: от несходства до неприятия и враждебности. Феноменологически отчуждение проявляется в невротической потере субъектом чувства реальности происходящего (дереализации) или в утрате своей индивидуальности (деперсонализации) – обособленности, отвержения и потери «Я». В масштабах общества атомизация (изоляция друг от друга) приводит к тому, что человек начинает осознавать окружающий мир отдельными анклавами, где сосредоточена его повседневная жизнь. Все остальные территории и поселения, где человек не проживает постоянно, воспринимаются как непригодные или «чужие», «не свои» и становятся ареной «нецивилизованности» (запущенность, мусор, распущенное поведение и т. п.)

Тренд «рефлексивность» завязан на возможность конструировать свою жизнь, карьеру, собственную идентичность. Под идентичностью понимается «субъективное чувство и наблюдаемое качество личной самотождественности и непрерывности (постоянства), соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой другими людьми» [14. С. 91]. Фундаментом социокультурной идентичности служат смысложизненные ценности мировоззренческого плана, превалирующие в конкретном социально-историческом пространстве. Социокультурные процессы, протекающие в аномическом обществе, вызывают «сдвиги» в идентификации за счет включения архаичного и аутентичного мышления, трансформации видов трудовой деятельности и способов взаимодействия, гендерно-половых стратегий (андрогения, инфантилизация, отказ от родительства, феминизация мужчин, брутализация и маскулинизация женщин, толерантность по отношению к квирсексуальности и т. п.) и форм семейных взаимоотношений (однополая семья, гостевые браки и т. д.). В обществе уменьшается предопределенность аскриптивными статусами (полом, происхождением, возрастом, местом жительства и др.), что даёт возможность (нередко, иллюзорную) переосмыслить себя, быть другим, управлять обстоятельствами, логическими процессами, обменом веществ, рождением, старением, различными функциями организма, даже – смертью. К своей жизни индивиды стали относиться как к маркетинговому проекту, который нужда-

ется в инвестициях, раскручивании, продажах и т. п.

«Жизнь продолжается, пока мы строим планы» – говорил «великий битл» Джон Леннон. Ныне в жизненном планировании индивидов превалируют короткие жизненные проекты, то есть «видение своих перспектив на непродолжительное время» [13. С. 57], построение индивидуальных планов в пределах года – двух лет.

Рефлексивность сопряжена с поиском эксклюзивного опыта и жаждой необычных ощущений. Отсутствие ответа на вопрос: «куда влечет нас рок событий?» разрушает экзистенциональные основы бытия, вызывая и отрицание всего и вся, и обращение к экстриму, и спасение в сектах, и различные формы подготовки к Апокалипсису и Армагеддону. Большинство из тех, кто обращается к духовным мессиям, неорелигиям, занимается паркуром и руфингом, стриттрейссерством и горными велосипедами, имитируют экстремальное поведение, чувствуя себя «крутыми» и «продвинутыми» ребятами, находящимися в мейстриме жизни. Нарастающий кризис идентичности, изменение установок на индивидуальном и групповом уровнях с поправкой на личностные черты, часть которых (акцентуации, лабильность, тревожность, мнительность и т.п.), усиливают переживаемое состояние, приводит к тому, что потребность новых ощущений в различных сферах, во-многом, всего лишь заполнение вакуума, бегство от себя.

В социально-психологическом плане, по мнению Э. Дюркгейма, «аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъекта или против других» [9. С. 432]. Статистика современной России подтверждает подобную тенденцию: «уровень психических расстройств в России увеличился с начала 1990-х годов до 2005 года в 11,5 раз» [10. С. 37]. В связи с чем проявляется также тренд психоневротизации, когда в аномическом обществе распространяются такие болезни и состояния как комплексы, фобии, мании, фрустрации, стрессы, депрессии и т. д.

В самом общем смысле «комплекс» есть определенное соединение отдельных психических процессов в некое целое. Более узко, комплекс определяется как «группа разнородных психических элементов, связанных единым аффектом» [16]. Рискогенность комплексов состоит в том, что они служат «стимуляторами» отклонений в поведении индивида, проявляясь в виде навязчивых представлений, неврозов, ошибочных действий и т.п.

Различные «навязчивые неадекватные переживания страхов конкретного содержания, охватывающие субъекта в определенной (фобической) обстановке и сопровождающиеся вегетативными дисфункциями (сердцебиение, обильный пот и т. п.)» – фобии получают повальное распространение в современном обществе: люди боятся высоты, самолётов, собак и собственных знакомых. Невротики бессознательно прячутся в «клетку» от неразрешимого внутриличностного конфликта, «бредовые фобии имеют определенные поведенческие проявления, цель которых – избегание предмета фобии или уменьшение страха с помощью навязчивых, ритуализованных действий» [7]. В обществе увеличивается число людей, страдающих всевозможными маниями, то есть наблюдаются «психопатологические состояния, протекающие с психомоторным возбуждением; расстройством настроения, характеризующееся наплывами мыслей, ускоренной речью, раздражительностью или эйфорией и нарушением суждений» [11].

В психологическом словаре дается объяснение фрустрации, как «психического состояния, выражающегося в характерных особенностях переживаний и поведения, вызываемых объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или решению

задачи» [22]. В самом широком смысле фрустрация – это крушение надежд индивида, окрашенное яркой гаммой отрицательных переживаний (гнев, раздражение, чувство вины, одиночества, отчуждения и т. д.). Уровень эмоций зависит от значимости и интенсивности фрустратора – стимула, функционального состояния человека, попавшего в неблагоприятную ситуацию, а также от фрустрационной толерантности к жизненным трудностям.

«Фрустрация» во многом сходна с «депривацией». Однако, депривация существенно более тяжелое, болезненное и разрушительное состояние, качественно отличающееся жесткостью и устойчивостью по сравнению с фрустрационной реакцией. Депривация обусловлена жизнедеятельностью личности в условиях продолжительного лишения или существенного ограничения возможностей удовлетворения жизненно важных потребностей. В различных обстоятельствах депривированными могут оказаться различные потребности, на основе чего выделяются различные виды депривации: экономическая, статусно-ролевая, информационная, ценностно-нормативная (ментальная) и др. Аномия сопровождается массовыми депривационными состояниями, так как в стремительно изменяющемся обществ с неопределенными «правилами игры» множество индивидов и групп испытывают трудности в адаптации, либо «скользят» в сторону маргинализации. Психическое состояние депривированной личности, несмотря на различие модификаций, «обнаруживается, в повышенной тревоге, страхе, чувстве глубокой, нередко необъяснимой для самого человека неудовлетворенности собой, своим окружением, своей жизнью» [1]. Можно согласиться с мнением С. Е. Котлярова, что «лишение социальных благ и/или необходимых жизненных условий влечет за собой социальную неудовлетворенность, выражающуюся в социальном недовольстве на уровне индивидов, групп либо массового сознания, что в конечном итоге проявляется в социальной напряженности и, возможно, социальном протесте» [12, 14].

Биосоциальная реакция субъектов на депривацию, фрустрацию и тому подобные состояния – мобилизация защитных сил организма на преодоление и избегание конфликтной ситуации, то есть стресс. Источниками стресса становятся социальная обстановка, травмы, эргономические условия, окружающая среда, экологические факторы, употребление психоактивных веществ, в связи с чем, стресс может быть физический, травматический, наркотический, гормональный и т. д. В клинической психологии «стресс» – это, во-первых, состояние, при котором в норме действующие механизмы интрапсихической защиты оказываются настолько загруженными, что не могут эффективно функционировать; во-вторых, функциональное состояние напряжения организма при действии на него разнообразных повреждающих факторов [21]. С точки зрения психофизиологии, стресс проявляется как напряжение неспецифических адаптационных механизмов организма, сопровождающееся комплексом защитных физиологических реакций в ответ на действие чрезвычайно сильных или длительно действующих раздражителей (стрессоров) [18]. На основе эмоциональных стрессов при долговременных кризисных состояниях формируются неврозы, психозы, психосоматические заболевания (нарушение сердечной деятельности, артериальная гипертензия, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефициты, эндокринопатии и даже опухолевые заболевания). Последствием этих заболеваний являются распространенные ныне инфаркты миокарда, инсульты. В стрессорных ситуациях нарастает травматизм, алкоголизм, самоубийства и другие виды девиантного поведения.

Совокупность трендов трансформирует качественные характеристики личности. Известный российский социолог Ж.

Т. Тощенко показал, что в переходном обществе складывается тип «парадоксального человека», склонного одновременно и осуждать, и оправдывать одно и то же, и вести себя непредсказуемым образом [23]. Дуализм аномического сознания проявляется в сочетаниях противоположных чувств и эмоций одного и того же индивида: с одной стороны, беспросветность, изоляция, пустота, отсутствие моральной цели и, с другой стороны, вседозволенность, потеря ответственности, ориентация на сиюминутные выгоды, эгоцентризм и т. п.

Российский девиантолог Т. А. Хагуров указывает на формирование и распространение особого антропологического типа – «человека-потребителя», живущего в системе смыслов и ценностей массовой культуры потребления, и выделяет его отличительные черты: «некритичность и несамостоятельность мышления; снижение интеллектуальных способностей, прагматизированный характер восприятия мира, вызывающий кризис рафинированных форм неутилитарного мышления; инфантильность психики, подавление волевого начала в пользу эмоционального, ослабление способности к самоограничению и самоконтролю; фрагментарный характер мировоззрения; гедонистическая мораль; обеднение социальных связей, тенденция к трансформации имеющихся «первичных связей» в связи обменного типа и т. п.» [26].

Человек – потребитель информации выступает как объект всевозможных манипуляций со стороны средств массовой информации. В информационном обществе бренды, лейблы и рейтинги становятся навигатором, показателем статуса или частью личной системы идентичности. Люди лишаются способности атрибутировать личность, группу в морально-нравственном плане, определять полезность и вредность продукта без «квазиструктур», определяющих и утверждающих ценность и качество предмета, явления, ситуации, процесса. Виртуальная реальность на фоне избыточного объема информации и высокой степени ее интенсивности порождает кризис недопонимания, проявляющийся как в форме искаженного видения мира, так и в форме ограниченного понимания человека человеком.

Аномия подпитывает субъективные ощущения из-за дискретности и неполноты информации, создавая «тревожный интеллектуальный фон», усиливая иллюзию широкомасштабного нарастания угроз и рисков. Безопасность в широком смысле осознается как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз различного характера: политического, экономического, военного, техногенного, информационного, и предполагающая установление политической, экономической и социальной стабильности в государстве, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка и развитие международного сотрудничества» [20. С. 83]. Угрозы безопасности – это явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых происходят резкие, возможно даже качественные изменения в образе жизни, ущемляются жизненно важные социальные права и интересы личности: права на труд, профессию, гарантированную заработную плату, на бесплатное образование, здравоохранение, отдых, реализацию прав и обязанностей и т. п. Так, показательно, как распределялись страхи россиян в конце 2008 года: безусловный лидер российских опасений – рост цен на товары и услуги (63%). Людей тревожит усиление алкоголизма и наркомании (47%), кризис системы ЖКХ и рост платежей (46%), низкий уровень жизни части населения (42%), сокращение доступа к бесплатной медицине и образованию (36%), рост преступности, в том числе среди детей и подростков (26%), коррупция и засилье бюрократии (24%) [8]. Мож-

но согласиться с замеченной социологами закономерностью: «чувство защищенности выше там, где требуется проявление личностных качеств человека, и ниже – либо в сфере прямого действия государства, либо в вопросах, так или иначе регулируемых государством» [15. С. 178].

Тренд «расколдовывания» в аномическом обществе расшепляется и нарастает тренд «мифологизации», когда представление о явлении становится важнее самого явления. Нарушение конструктивности окружающего мира в аномическом обществе проистекает из утраты логики событий, постоянной неопределенности бытия: люди не могут понять и объяснить происходящие изменения. Можно говорить о массовом измененном сознании членов аномического общества, что проявляется в различных конфигурациях и сочетаниях форм и видов аномальных состояний личности (страхи и мании, боязнь неудач и неуспешности, низкая самооценка и фобийные состояния, невротизм и психозы, депрессии и стрессовые ситуации, девиации и патологии et cetera). Существование в «мифогенном пространстве» приводит к возникновению нетипичных для реальной социальной действительности поведенческих проявлений. Индивиды, пребывающие в состоянии кризиса идентичности, демонстрируют различные варианты социального поведения: апатию (снижение самооценки, уход в себя, замкнутость); различные виды диссоциального или агрессивно-деструктивного поведения (экстремистские устремления, террористические акты, криминальные деяния и т. д.); негативизм (отказ от нового, бездействие и критиканство) и социально-мифологический вариант (обращение к мистике, спиритизму, лженаучным теориям и т. п.). В деятельностном плане эти вариации реагирования на аномию проявляются в супериндивидуализме, нищенстве, бродяжничестве, «тунеядстве», пьянстве, наркомании, токсикомании, алкоголизме, потребительском отношении к окружающим и др.

Результаты влияния аномической реальности, безусловно, носят амбивалентный характер, причем амбивалентно как само влияние, так и содержание вытекающих из этого трансформаций. Главными и наиболее существенными направлениями трансформаций сознания являются: суженный характер восприятия окружающего мира; схематичность, упрощенность и фрагментарность представлений о внешней среде; информационная зависимость, снижение мировоззренческой и поведенческой автономии личности и т.п. Люди всё более существуют, «добру и злу внимая равнодушно», и для того, чтобы индивид определил для себя «что такое хорошо и что такое плохо» ныне требуется профессиональное и авторитетное утверждение со стороны экспертов, в роли которых выступают сотрудники СМИ либо политические деятели. В целом, в аномическом обществе «расцвет» девиантности связан с нестабильностью установок как таковых и демотивацией поведения ценностными социальными ориентирами и нравственно-правовыми норма-

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абраменкова В. В. Отчуждение // Социальная психология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex4/article/PS4/ps4-0130.htm?text

2. Анисимова С. Г. Введение в теорию аномии: категориальной позитивный анализ: монография/ С. Г. Анисимова, А. К. Мамедов. – М.: Издательский дом «АТИСО», 2010.

3. Беккер Г. С. Теория распределения времени // США: Экономика, политика практика. – 1996. – № 1, 2.

4. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность в современной социальной ситуации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.

5. Введение в практическую социальную психологию. Учеб. пособие для вузов / Под ред. Ю. М. Жукова и др. – 2-е, испр.изд. – М.: Смысл, 1996.

6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990.

7. Гиндикин В. Я. Фобии // Клиническая психология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex6/article/PS6/ps6-0250.htm

8. Добрынина Е. Синица в руках, буревестник в небе. Социологи выяснили, чего всерьез боятся россияне и так ли страшен для них кризис // Российская газета. – 2008. – 22 дек. – № 260п (4817). – С. 10.

9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социол. этюд / пер. с фр. / изд. подг. В. А. Луков. – СПб, 1998.

10. Кара-Мурза С. Г. Императив перехода к инновационному состояния развития: состояние на старте // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 28-42.

11. Клиническая психология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex6/article/PS6/ps6-0231.htm?text

12. Котляров С. Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Ставрополь, 2006.

13. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социс. – 2009. – № 3. – С. 57-67.

14. Лескова И. В. Социокультурная идентичность и правовое воспитание личности // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 91-98.

15. Мугулов Ф. К.Безопасность и личность: взгляд на методологию и практику социологического анализа // Вестник МГУ. Серия 18. – 2004. – № 1. – С. 163 -178.

16. Ляликов Д. Н. Комплекс (в психологии) // Академический проект [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/9752

17. Новиков А. Человеческого в нас будет оставаться все меньше [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slon.ru/articles/360021/

18. Психофизиология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex5/article/PS5/ps5-0224.htm?text

19. Сидорина Т. Ю. Социальная политика и её акторы // Мир России. Социология. Этнология. – 1998. – Том VII. – № 1-2.

20. Социологическая энциклопедия: в 2тт. / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; главный редактор В. Н. Иванов. – Т. 1. – М.: Мысль, 2003.

21. Судаков К. В. Стресс // Клиническая психология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex6/article/PS6/ps60066.htm?text

22. Тарабрина Н. В. Фрустрация // Общая психология. Словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex2/article/PS2/ps2-0357.htm?text

23. Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социс. – 2004. – № 12. – С. 3-15.

24. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / Пер. д-ра М. В. Вульфа с пред. проф. Ив. Дм. Ермакова. Периизд. – М.: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1990.

25. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993.

26. Хагуров Т. А. Человек потребляющий: проблемы девиантологического анализа / / III Всероссийский социологический конгресс: материалы (21-24 октября 2008 г.)/ – М.: ИС РАН, РОС, 2008. [электронный ресурс].

27. Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. – М.: Просвещение, 1993.

РЯЗАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ



УДК 008+130.2+14
ББК 71.0
Философия культуры, теория культуры

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Кандидат философских наук Ю. В. Агапов

В статье рассматриваются различные подходы к выделению предметной области и определению понятий «культура образования» и «образовательная культура». Феномен культуры образования раскрывается с позиций генезиса и развития содержания культурных ценностей и норм, регулирующих мышление, поведение и деятельность субъектов сферы образования.

Ключевые слова
Культура, образование, культура образования и образовательная культура, субъекты образовательной деятельности, носители и субъекты культуры образования.

Выделение предметной области и определение понятия «культура образования» сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, они возникают уже на стадии определения общей родовой принадлежности или выделения той рубрики в классификациях культурных явлений, к которой может быть отнесена культура сложной совокупной коллективно распределенной деятельности в сфере образования. Здесь можно вести речь отдельно о культуре учения и самообразования, об особой культуре труда, имея в виду профессиональную педагогическую деятельность, о культуре ее исследований и разработок психологического и дидактического, методического и технологического обеспечения, о культуре управления, связанной с менеджментом в образовании. Можно также отслеживать и изучать специфические модификации в культурных нормах мышления, общения, коммуникации, поведения и действия, как важных элементах в составе культуры образовательной деятельности, характеризующих особенности ее различных форм и разновидностей. Во-вторых, так или иначе выделяемая область исследования, приобретающая название «культуры образования» или «образовательной культуры», оказывается весьма сложной по своим функциям и внутреннему составу элементов, структурному строению и разнообразию объединяющих их комплексов и моделей, трудно сводимых к какому-либо универсальному единству. Культура образования, рассматриваемая феноменологически и в эмпирическом плане, предстает как пестрый и противоречивый конгломерат, в составе которого конкурируют в борьбе за место и доминирование в общем образовательном пространстве раз-

нообразные культурные комплексы со своими особыми ведущими ценностными ориентациями, представлениями о механизмах культурного онтогенеза и развития человека, пониманием функционального назначения образования в целом и его основных целей и задач, принципами построения и нормами регулирования образовательной деятельности, отбора ее культурного содержания и построения организационных форм. То, что могло бы при теоретическом рассмотрении их объединить в составе общего предметного поля под названием «культура образования» – это отсылающий к идеальному объекту концептуальный конструкт, который позволил бы объяснить наличие общих функций, а также характерных для сферы образовательной деятельности аксиологических, онтологических, эпистемологических и регулятивных элементов, структурных связей и отношений между ними, которые под влиянием множества внешних и внутренних факторов могут исторически изменяться и получать разные содержательные модификации или преимущественные акцентировки в различных социокультурных контекстах.

Исходными основаниями для построения такого конструкта могут стать общие категории и понятия философии культуры и теоретической культурологии, применимые к сфере образования как культурному феномену. В первую очередь, это категория культурной формы, понимаемая как обозначение некой целостной культурной единицы и предполагающая выделение относительно самостоятельных и в то же время системно организованных культурных комплексов, определяющих содержательную специфику и возможность воспроизводства определенных видов человеческой деятельности, типов поведения, коммуникации, общения, сознания и самосознания их участников. Таким образом, можно говорить о культурных формах системно организованной образовательной деятельности, в которой участвуют занятые разными скооперированными между собой видами деятельности субъекты, которых объединяет именно их принадлежность к той или иной общей для них и сознательно или неосознанно разделяемой ими образовательной культуре. Последняя может рассматриваться как разновидность общей культуры образования, выступающая в качестве ее специфического культурного комплекса. Культура образования может быть представлена, напротив, как общий исторически развивающийся сложный феномен, предполагающий существование множества различных культурных комплексов, в рамках которых может строиться образовательная практика.

Выявление и формулирование развернутого содержания понятий «культура образования» и «образовательная культура» предполагает исследование обозначаемых ими культурных феноменов в контексте выделения тех общих функций, которые они выполняют. В то же время надо учитывать, что основные функции, раскрывающие общее предназначение культуры образования, могут быть выделены и адекватно осмыслены при условии и на основе понимания общих функций культуры и их проецирования на сферу образовательной деятельности. Как показывает в своем исследовании Л. К. Круглова, в рамках «эвристического», аксиологического, информационно-семиотического, деятельностного, функционального, антропологического, структурного и других подходов к культуре соответственно акцентируются и главным образом выделяются те функции, на интерпретацию которых исследователей ориентируют теоретические положения, выработанные и принятые в качестве базовых в рамках этих подходов, но при этом отсутствует общее понимание системной целостности и связи основных жизнеобеспечивающих функций культуры [1, с. 330-344]. Следовательно, возникает необходимость в системном представлении этих много-

образных функций и отражении их в составе базовых элементов, отношениях и взаимосвязях в общей структуре феномена культуры, создающих целостный эффект ее функционирования и развития как особой сферы, имеющей первостепенное жизнеобеспечивающее значение для общества и человека. В процессе решения вопросов о составе и взаимосвязи основных функций культуры образования это требование, соответственно, также необходимо учитывать.

Большинство исследователей сходятся в том, что выход на решение вопроса о сущности и содержании феномена культуры, а следовательно, и на выделение ее основной функции, должен начинаться с определения ее как внебиологического, исторически выработанного человечеством способа организации его жизнедеятельности, связанного с созданием искусственной среды обитания, а также особых исторически выработанных средств и способов осуществления многообразной деятельности, принципов, правил и норм регуляции поведения и активности людей, их групп и сообществ, способствующих объединению и сохранению социума, обеспечивающих его нормальное функционирование и развитие. Культура, будучи «искусственным» по своему происхождению компонентом в процессе человеческой жизнедеятельности, обеспечивающим адаптацию человеческого общества к окружающей природе с целью его выживания, сохранения и воспроизводства, сама нуждается в адаптации к изменяющимся условиям внешней природной и общественной среды и в сохранении, воспроизводстве своих достижений и потенциала. Поскольку же приобретенные культурные достижения не могут передаваться и усваиваться людьми посредством биологических генетических форм их наследования, возникает необходимость в создании столь же «искусственных», и в этом смысле культурных, условий, процессов и механизмов их трансляции и обеспечения адекватного усвоения. Первоначально традирование культуры, как показали специальные исследования «архаических сообществ» [2, с. 380], осуществляется в таких формах, которые практически неотделимы от обычного функционирования в рамках повседневной социально организованной и культурно оформленной жизнедеятельности людей, за счет совместного участия в ней как уже вполне сформировавшихся носителей культуры, так и тех, кто в силу возраста и других причин еще не приобщился к ней в достаточно полной мере. При этом никакой, кроме детских игр, специально организованной образовательной деятельности, направленной на передачу, трансляцию культурного опыта и обеспечение специальной помощи в его освоении, не наблюдается и все происходит на основе естественных способностей человека, психологических механизмов подражания, действий путем проб и ошибок, их самостоятельной коррекции, что создает впечатление стихийно протекающего спонтанного процесса. Культура в таких случаях (а они имеют важное значение и в условиях высокоразвитых сообществ, хотя и не занимают уже доминирующего положения) сама же выполняет и функции воспроизводства самой себя, традирования посредством включения человека в систему ее многообразных дисциплинарно-символических пространств, что подтверждает одно из общих определений культуры, согласно которому она представляет собой порожденный человеческой деятельностью механизм внебиологического социального наследования вырабатываемого и накапливаемого человечеством опыта через его «опредмечивание» и «распредмечивание» [3, с. 40-42].

Применительно к задаче выработки понимания различий функций культуры в целом и функций образования, а затем уже и специфической для него самого культуры, это понимание нуждается в дальней-

шей конкретизации и выделении специфики образовательной деятельности. Собственно образовательные процессы и механизмы трансляции и усвоения культурного наследия включают вначале неявную и неспециализированную, опирающуюся на выработанные в опыте повседневности и закрепляемые традицией прототехники обучения и воспитания, а затем и явную, все более технически и технологически оснащенную, специально организованную и целенаправленную работу, требующую для своего успешного функционирования создания особых условий, специальной заботы и усилий, в том числе по обеспечению отбора, обобщения, разработке и традированию эффективных образцов и техник самой образовательной практики. Образование может быть выделено, таким образом, как особый тип человеческой деятельности, а потом и ее целая сфера, способная справиться с возрастающими затруднениями и проблемами, связанными с необходимостью традирования все большего по объему и содержательной сложности культурного материала в условиях природной ограниченности естественных способностей человека к его усвоению [4, с. 86-87]. Сама образовательная деятельность в ходе внутреннего разделения труда и усложнения включаемых в нее процессов и механизмов нуждается, в свою очередь, во все большем окультуривании и совершенствовании.

В определении специфики предметной области и содержании понятия «культура образования» важно поэтому в дальнейшем различать элементы и содержание, в целом присущие культуре как таковой, и то, что относится к социально обусловленным и потому неприродным феноменам, но является при этом внекультурным или антикультурным [5, с. 85-86]. В противном случае, к проявлениям той или иной образовательной культуры можно и нужно будет относить и все те формы поведения, что встречаются в жизни и взаимодействиях людей в пространстве образовательных учреждений, но что очевидно настораживает и квалифицируется, к примеру, с позиций современных представлений как проявления явного бескультурья или как прямое физическое и психическое насилие по отношению к человеку. В этой связи важно иметь в виду, что одной из общих функций культуры является также негэнтропийная функция, то есть противодействие процессам, «выражающимся в дезорганизации, хаотизации общества, потери им внутренней энергии развития» [1, с. 333]. С позиций философско-культурологического анализа востребованными здесь становятся позиции исследования, задаваемые аксиологическим, антропологическим и гуманистическим его векторами. Образование, согласно аксиологическим представлениям о культуре, призвано, главным образом, обеспечивать воспитание, то есть трансляцию и усвоение соответствующих систем и иерархий ценностей и идеалов, выполняющих функцию смысложизненных ориентаций в определении отношения к миру, в котором живет человек, к природе, обществу, самому себе и другим людям, к своей и их судьбам, самой культуре, обусловливающих, в свою очередь, выбор мировоззренческих онтологических представлений. Вместе с ними они определяют общую стратегическую направленность процессов организации поведения и деятельности, построения или выбора конкретных регулятивных норм, в том числе и в сфере образования. Ценности, являясь важнейшим элементом в культуре в целом, не только играют формообразующую роль и предопределяют все остальное ее содержание, но и придают особую энергетику процессам функционирования и развития человеческой деятельности.

Существенно важным при этом становится вопрос о специфически культурном содержании самих ценностей, о том, что делает эти ценности культурными. Отве-

тить на этот вопрос отчасти позволяет антропологический подход, согласно которому «главной функцией культуры является человекотворческая, т. е. творение, созидание, формирование человека» [1, с. 334]. Соответственно на первый план выходят трактуемые в качестве системообразующих гуманистические ценности, модели и нормы поведения и деятельности, коммуникации и общения, которые ориентируют на выращивание и культивирование человеческого в человеке. Образование, согласно такой позиции, должно обеспечивать трансляцию и усвоение соответствующих культурных содержаний, при этом они должны быть представлены и практически воспроизводиться в качестве образцов культуры поведения и действий в самой же образовательной деятельности. В постоянно возникающих спорах по поводу того, какие именно качества человека следует считать подлинно культурными, позиции их участников диаметрально расходятся в зависимости от понимания сущности самой культуры в целом, ее назначения и специфики. Так, согласно одной из распространенных точек зрения, которую условно можно обозначить как преимущественно традиционалистскую, культура призвана обеспечивать отход от животноподобных, «диких» форм в поведении человека, проявлений его индивидуального эгоцентризма, а также и коллективного этноцентризма, социальной, национальной, политической и иной агрессивности и нетерпимости, ввести и удерживать людей в определенных рамках, задаваемых либо исторически унаследованными «архаическими» и «обычными, либо новоевропейскими гуманистическими традициями, ценностями, идеалами и нормами, или теми и другими вместе. В содержании образования акцентируются соответственно те или иные различные или противоположные моменты (консервативные или либеральные), которые обеспечивают и стимулируют усвоение разных культурных образцов поведения и деятельности, в том числе через их применение и следование им в самой образовательной практике. При этом в соответствии с либеральными ценностями культура рассматривается как некий преимущественно ориентированный на творчество процесс, по своей основной функции призванный содействовать человеческой свободе, противостоящий противоположным социальным ориентациям и нормам, в том числе и воплощенным в «традиционном» обучении, ориентированном на догматизацию содержания, репродуктивные методы преподавания и назидательно-катехизический тип воспитания. Современная образовательная культура увязывается, соответственно таким представлениям, преимущественно с манипулятивными методами мотивации и такими формами организации обучения, которые обеспечивают расширение возможностей выбора учащимися изучаемых предметных областей, применение эвристических способов преподавания, использование продуктивных форм мышления в умело направляемых процессах решения нестандартных и творческих задач.

Существует и точка зрения, близкая современным постмодернистским настроениям, в соответствии с которой культура в ее ставших наличными формах и содержании представляет собой сковывающий любую индивидуальную инициативу каркас, а классическое гуманитарное образование во всех его формах должно рассматриваться как исторически «неизбежное зло», с которым приходится както считаться и при этом бороться всеми средствами на его же территории, опираясь на естественные или культивируемые способности учащихся к критическому мышлению. Средства, обеспечивающие освобождение учащегося от репрессивной или манипулятивной образовательных культур и развитие его творческой индивидуальности видятся в такой организации образовательного процесса, кото-

рая исключает любое явное принуждение или скрытое манипулирование поведением, и предполагает, напротив, создание условий для свободного самовыражения, попыток самореализации в проблемных ситуациях, не имеющих заранее заданных правильных способов решения и не известных заранее самому педагогу, открывающему их для себя вместе с учащимися. Противоположную позицию представляет близкая нам точка зрения, сводящаяся к идее обеспечения общекультурного метапредметного содержания образования через организацию целенаправленного процесса формирования общих способностей к осознанному осуществлению универсальных учебных действий на основе освоения общих и проверенных на эффективность культурных способов реализации познавательной, коммуникативной, ценностно-ориентационной и регулятивной деятельности. Это является необходимым условием обеспечения непрерывного образования и превращения его в процесс самообразования.

Различия этих и других ценностных ориентаций и идеалов в современной культуре образования является отражением общих тенденций в динамике всей социокультурной среды и особенностей конкретной исторической и культурной эпохи. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда те или иные ценностные ориентации, интерпретации функций, нормативные регулятивы, артикулируемые в культуре образования, должны рассматриваться не только и не столько как результат чьих-то социальных интересов или корыстных сознательных мотивов действий участников событий, но изучаться (в соответствии с методологией неклассической рациональности) в качестве проявлений и проекций сложных системных эффектов континуума деятельности, рассматриваемого как целостность «бытия-сознания» [6, с. 81], требующих обращения, в частности, к принципам многофакторного анализа и полидисциплинарного изучения. Культура образования является одновременно составной частью и разновидностью культуры человеческой деятельности в целом, включенной в нее и зависящей от общего социального и культурного контекста той или иной исторической эпохи, и в то же время – подсистемой, оказывающей активное влияние на утверждение и расширение воспроизводства тех или иных присущих данной эпохе общих культурных парадигм, комплексов и форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Круглова Л. К. Жизнеобеспечивающие функции культуры // Фундаментальные проблемы культурологии в 4-х томах. – Т. 1. Теория культуры. – СПб.: Алатейя, 2008.

2. Бруннер Дж. Психология познания. – М.: Просвещение, 2006.

3. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996.

4. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

5. Большаков В. П. Современные смыслы понятия «культура» // Теория культуры: Учебное пособие / Под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008.

6. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1994.

ГЖЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАМЕНСКИЙ РАЙОН, ПОС. ЭЛЕКТРОИЗОЛЯТОР

УДК 378.6
ББК 74.564+74.58
Педагогика, профессиональное образование, история педагогики

педагогика

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЖЕЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Доктор педагогических наук Б. В. Илькевич
В. В. Никонов

Статья посвящена истории становления художественно-промышленного образования на территории традиционного бытования русского народного промысла – гжельской керамики. Использованы ранее не публиковавшиеся архивные материалы, позволяющие утверждать, что уже в первые годы советской власти руководство страны уделяло пристальное внимание вопросам развития народных промыслов и воспроизводства художественно-промышленных кадров.

Ключевые слова
Художественно-промышленное образование, народный художественный промысел Гжель

После Октябрьской революции развитие кустарного производства в местах традиционного бытования народных художественных промыслов представляло для государства важную область деятельности. Актуальность задачи развития кустарной, ремесленной промышленности в условиях разрухи определялась тем, что изделия национальных промыслов пользовались спросом за рубежом. Кроме того, в кустарной промышленности была занята значительная часть работоспособного населения. В апреле 1919 года, в разгар гражданской войны, В. И. Ленин подписал декрет ВЦИК и СНК «О мерах содействия кустарной промышленности», согласно которому предприятия этой отрасли объявлялись неприкосновенными, и принималась программа по развитию художественных школ.

Организационные формы руководства кустарной промышленностью в рассматриваемый период неоднократно изменялись. С 1918 по 1922 годы художественные промыслы были подчинены кустарному отделу Народного комиссариата земледелия. В связи с ростом новых кооперативных объединений и кредитных товариществ к середине 1918 года параллельно с кустарным отделом Наркомата земледелия было организовано Всероссийское кооперативное общество по производству и сбыту кустарных и кооперативных товаров «Кустарь-сбыт». Кроме того, был создан Совет промысловой кооперации, и функционировало управление Высшего совета народного хозяйства

(ВСНХ) РСФСР, которое также руководило кустарным производством.

Сложная и громоздкая система руководства народными, кустарными промыслами в начале 1920 года была упрощена и упорядочена путем создания Главного управления по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации – Главкустпрома, в составе которого, народными художественными промыслами ведал отдел художественно-кустарной промышленности [1, с. 11-12].

Для организации труда на художественных промыслах стали повсеместно создаваться артели, которые пользовались налоговыми льготами. Со своей стороны народные промыслы приносили молодой Советской республике валюту. В отчете художника Б. Н. Ланге о поездке в Гжельскую керамическую школу и артель «Вперед, керамика» указывалось: «...артель ведет работу ... по выработке образцов на упаковочные горшки для меда в Лондон. Образцы уже проработаны. Этот небольшой горшочек дает большую выгоду. Весь заказ на 457 тыс. руб. золотом... Для того чтобы сейчас приступить к выполнению заказа, потребуется затратить средств до 5 тыс. руб.» [1, с. 164].

Одновременно с развитием кустарного производства руководство страны, общественные организации начали уделять особое внимание художественно-промышленному образованию. В 1918 году были предприняты первые попытки организации высших учебных заведений этого профиля, а 1920-м начали работать Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). Однако кроме подготовки художников высшей квалификации необходимо было готовить кадры для народных промыслов. Речь шла о том, чтобы наладить постоянное обучение мастеров на местах. Мастер народного промысла – это не только одаренный художник, но еще и мастеровой в собственном смысле этого слова, специалист, сочетающий в себе художественный вкус со знаниями материала и технологии производства.

Подобные кадры для народных промыслов стали готовить профшколы, которые, с одной стороны, обучали профессии, а с другой, – давали общее образование. Сегодня нельзя точно сказать, когда на гжельской земле было организовано первое при Советской власти художественно-промышленное образовательное учреждение, однако найденная «штатная ведомость» Гжельских мастерских содержит информацию, дающую основание утверждать, что наиболее вероятным периодом является 1918 год [2].

Начиная с 1923 года в Московской губернии (а затем и по всей стране) начали создаваться так называемые страховые кассы, которые организовывались по территориальному принципу. Гжельская школа относилась к Страховой кассе № 29 Бронницкаго уезда. Все учреждения уезда с определенной периодичностью обязаны были делать в кассу отчисления и заполнять специальные бланки, которые назывались «Личные штатные ведомости». Анализ текста «Личной штатной ведомости № 154» Гжельских учебных мастерских, заполненной в 1925 году и содержащей краткую историческую справку, позволяет утверждать следующее:

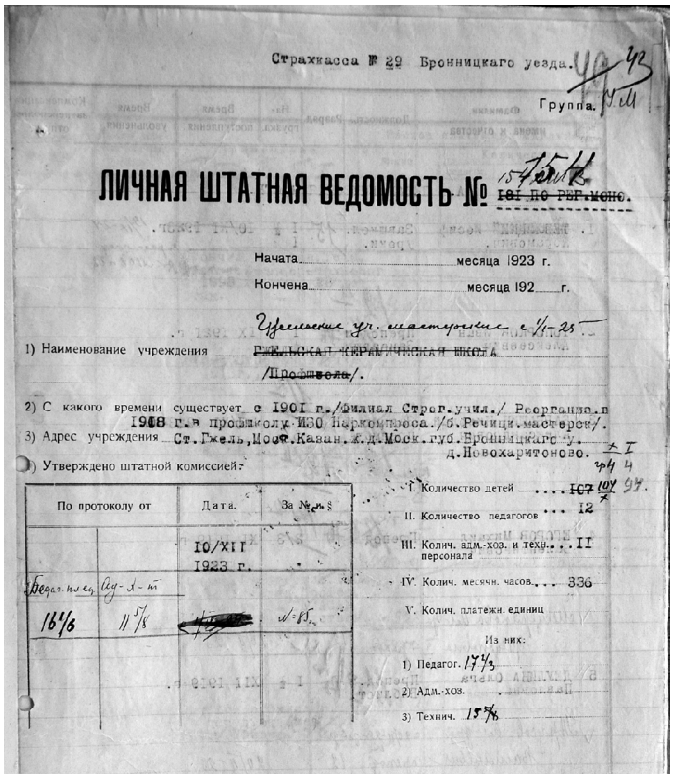
1. В 1901 году в Речицах были организованы Речицкие мастерские, которые являлись филиалом Строгановского Училища.

2. В 1918 году Речицкие мастерские были преобразованы в Профшколу ИЗО Наркомпроса.

3. В 1923 году Профшкола ИЗО Наркомпроса была переименована в Гжельскую керамическую школу (профшколу).

4. Гжельская керамическая школа (профшкола) с 1 января 1925 года стала называться Гжельскими учебными мастерскими.

Следует отметить, что в практической деятельности последние два названия не имели четких временных границ и дли-



Страхкасса № 29 Бронницкаго уезда.

Группа.

ЛИЧНАЯ ШТАТНАЯ ВЕДОМОСТЬ №

Начата месяца 1923 г.

Кончена месяца 192 г.

1) Наименование учреждения

/Профшкола/.

2) С какого времени существует с 1901 г./Филиал Строг.учил./ Реорганиз.в 1918 г.в профшколу ИЗО Наркомпроса./с.Речицы.мастерск./.

3) Адрес учреждения Ст.Гжель,Моск.Каз.ж.д.Моск.губ.Бронницкаго у. д.Новохаритоново.

4) Утверждено штатной комиссией

По протоколу от	Дата.	За №№
	10/XII 1923 г.	

I. Количество детей ... 107

II. Количество педагогов ... 12

III. Колич. адм.-хоз. и техн. персонала ... 11

IV. Колич. месячн. часов ... 336

V. Колич. платежн. единиц

Из них:

1) Педагог. 17⅓

2) Адм.-хоз.

3) Технич. 15⅚

Личная штатная ведомость Гжельской керамической школы. 1923 – 1925 гг.

тельное время использовались одновременно. Так название «Гжельские учебные мастерские» (иногда «Гжельские учебные керамические мастерские») часто встречается в документах 1924 года, а бланк Гжельской керамической школы и вовсе используется в официальной переписке как минимум до середины 1927 года.

В 1919 году было принято «Положение о художественно-промышленном совете», копия которого выслана и в Гжельскую профшколу. В этом документе, подписанном А. Луначарским, говорится: «Художественно-Промышленный Совет рассматривает и представляет в Коллегию Художественно-Промышленного Отдела на утверждение все вопросы, касающиеся как художественно-промышленного образования, так и развития и совершенствования в области Художественной промышленности» [3].

В октябре 1919 года состоялось первое заседание Художественно-Промышленного Совета, куда официальным письмом были приглашены гжельские керамисты. В «порядке дня» третьим пунктом стояло обсуждение положения художественно-промышленных и учебно-производственных мастерских [4].

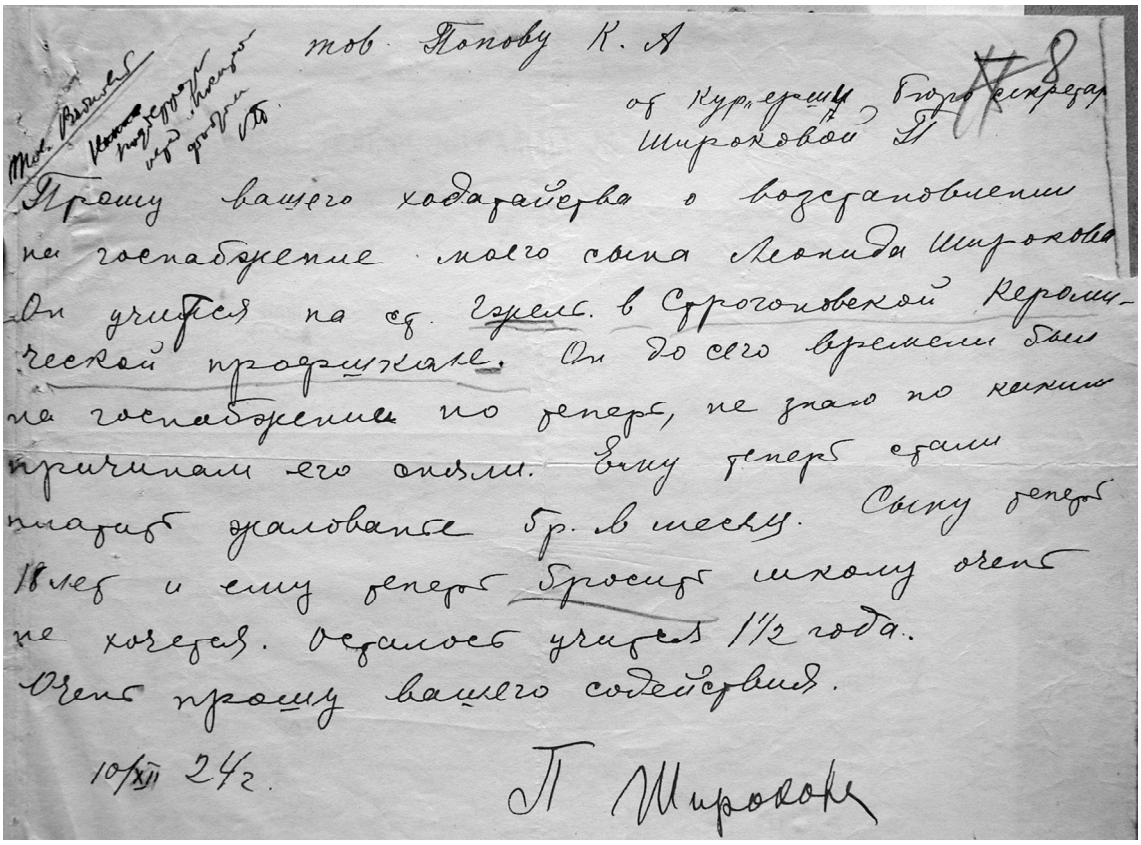
В ноябре или декабре того же 1919 года из Гжели в адрес вновь образованного Художественно-Промышленного Совета отправляется письмо следующего содержания (орфография сохранена):

«Значение Гжельского района для Керамической Промышленности общеизвестно, и вполне понятно, почему Комиссариат по просвещению, признавая Государственное значение для Республики этого очага керамического производства, решил устроить здесь Государственные Худ. Пром. Мастерские. Следует указать, что еще до революции уже была попытка (на бумаге) устроить ячейку Художественной культуры в Гжели в виде филеального отделения Строгановскаго Училища. Теперь, когда является возможность начать работу в означенных мастерских, вполне своевременно, согласно положению выработану Худож. Промышленным Советом и утвержден Всероссийской Коллегией, созвать Совет Мастерских, в который должны войти все заинтересованныя организация.

В Совет мастерских, орган управляющий внутренно жизнью, пекущийся о его успешной и плодотворной работе должен войти представитель Вашего отдела.

Заседание Совета созывается на 17 января 1920 г. в с. Речицах, куда и просим пожаловать Вашего представителя, который должен быть облечен Вашими полномочиями для работы в Совете на длительный срок до 3-х лет. Чтобы он мог всегда быть в курсе работы мастерских и со своей стороны содействовать их продуктивной деятельности.

Сообщая о вышеизложенном, надеемся на дружескую товарищескую помощь в



тов. Попову К. А

от курьерши Бюро секретар
Широковой П

Прошу вашего ходатайства о возстановлении на госнабжение моего сына Леонида Широкова. Он учится на ст. Гжель в Строгановской Керомической профшколе. Он до сего времени был на госнабжении но теперь, не знаю по каким причинам его сняли. Ему теперь стали платить жалованье 5 р. в месяц. Сыну теперь 18 лет и ему теперь бросить школу очень не хочется. Осталось учится 1½ года.
Очень прошу вашего содействия.

10/XII 24 г.

П Широкова

Записка курьерши Широковой. 1924 г.

работе» [5].

Письмо написано на бланке, который плохо читается, однако название мастерских можно реконструировать как «...государственные художеств.-ремесленные керамические мастерские». Письмо было подписано заведующим и художественным руководителем мастерских, а также инструктором Наркомпроса выпускником Строгановского училища, профессором Михаилом Егоровым, который в дальнейшем стал ведущим преподавателем Гжельской керамической школы. Таким образом, речь шла о преобразовании художественно-ремесленных мастерских в художественно-промышленные. Стало ли последнее название официальным или осталось в виде проекта – пока неизвестно, но, если все-таки стало, то это произошло либо в самом конце 1919 года, либо в начале 1920 года.

Авторы письма, руководствуясь, очевидно, «своеобразием текущего момента», ставят под сомнение фактическое, а не только «на бумаге», существование Речицких мастерских как филиале Строгановского училища. И это притом, что среди местного населения все переименования Гжельской керамической школы, как правило, не отменяли ее «Строгановского» происхождения. В этом отношении показательно письмо от 10 декабря 1924 года (орфография сохранена):

«от курьерши Бюро секретарей Широковой П.

Прошу вашего ходатайства о возстановлении на госнабжение моего сына Леонида Широкова. Он учится на ст. Гжель в Строгановской керомической профшколе...» [6].

О факте существования в Речицах Строгановского рисовального отделения говорится во многих документах, в том числе в «Обзоре деятельности подотдела художественной промышленности отдела изобразительных искусств Наркомпроса о развитии художественных промыслов» от 27 ноября 1919 года. В этом



Здание керамического техникума. 1930-е годы.

обзоре приводится список художественно-промышленных мастерских, находящихся ко времени опубликования документа в ведении Наркомпроса. Среди них в разделе «организуются» фигурирует «Речицкая мастерская – Московской губернии, станция Гжель Казанской ж. д. Село Речицы при заводе Фартального фарфоро-керамическая мастерская. Гжельский завод по выработке фарфорофаянсовой посуды является для Московской губернии крупным центром по гончарной посуде. Здесь было одно из рисовальных отделений бывш. Строгановского училища, а отделом изобразительных искусств организована художественная керамическая мастерская» [1, с. 37].

В декабре 1926 года был подготовлен и представлен для утверждения в Моспрофобр проект устава Школы Кустарного Ученичества и в начале 1927 года Гжельские учебные мастерские были преобразованы в Гжельскую керамическую школу кустарного ученичества (ГШКУ), при этом первые документы ГШКУ печатались на бланках Гжельской керамической школы образца 1923 года [7].

Имевшая место в первые годы Советской власти «чехарда» с организацией кустарной промышленности и художественно-промышленного образования на самом деле говорит о серьезности, с которой молодое Советское государство относилось к народным художественным промыслам (в частности, к гжельскому), реформированию их и соответствующего направления народного образования. Характерной чертой развития художественно-промышленного образования тех лет был поиск оптимальных организационных форм обучения, предусматривающих осуществление образовательного процесса на имеющихся кустарных производствах. При этом профшколы не только готовили специалистов, но и воспитывали учащихся, давали им общее образование.

Подобный подход, безусловно, дал положительные результаты для развития народных художественных промыслов. Однако художественно-промышленное образование в гжели уже с середины 20-х годов начало утрачивать «художественную» составляющую, мало соответствующую политике индустриализации страны. В 1931 году керамическая школа кустарного ученичества была преобразована в Гжельский керамический техникум, который готовил технологов керамической отрасли. Первым директором был



Гжельский государственный художественно-промышленный институт. 2011 г.

Карев Михаил Александрович – инициатор и участник строительства техникума в деревне Турыгино. Силами учащихся ГШКУ было построено двухэтажное кирпичное здание учебного корпуса техникума, а также спортзал, мастерские, общежитие, дом для преподавателей, складские помещения, столовая, конюшня. Первый выпуск технологов-керамистов состоялся в 1935 году, а отделение художников-керамистов было открыто только в 1953 году.

В 1991 году техникум получил статус художественно-промышленного колледжа, а затем и института (2002 г.). Пройдя путь от «рисовальных классов» до высшего учебного заведения с мировой известностью, Гжельский государственный художественно-промышленный институт сконцентрировал весь бесценный опыт отечественного художественно-промышленного образования. Становление художественно-промышленного образования в Гжельском регионе происходило в первые годы Советской власти, но его развитие продолжается и в наши дни [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Народные художественные промыслы. Материалы и документы 1917-1932 / М. А. Некрасова [и др.]. – М.: Искусство, 1986. – 232 с.
2. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 7. Д. 82. Л. 43.
3. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 829. Л. 1.
4. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 829. Л. 2.
5. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 1. Д. 829. Л. 3.
6. ЦГАМО. Ф. 965. Оп. 1. Д. 311. Л. 8.
7. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 827. Л. 1, 11.
8. Илькевич Б. В., Суходолова Е. П. Художественно-промышленное образование в Гжели // Высшее образование сегодня. – 2011. – № 3. – С. 58-61.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ, г. МОСКВА
ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.923
ББК 88.37
Педагогическая психология, психология профессионального развития, психология учителя

ПСИХОЛОГИЯ

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Доктор психологических наук Л. М. Митина
Кандидат психологических наук О. В. Кузьменкова

В статье ставится проблема профессионального развития учителя с точки зрения детерминированности внутриличностными противоречиями. Авторами концептуально обоснована внутренняя противоречивость профессионального самосознания и представлено эмпирическое доказательство специфического соотношения между его составляющими у учителей.

Ключевые слова
Профессиональное развитие учителя, внутриличностные противоречия профессионального развития учителя, профессиональное самосознание, «образ Я»

Сегодня в психологических исследованиях среди таких категорий, как становление профессионала, профессионально-личностное развитие, профессионализация, профессиональное самоопределение, профессиональная идентификация и пр., все чаще стали появляться категории, отражающие разрывы непрерывности движения профессионального развития личности. Речь идет, прежде всего, о противоречиях, которые неизбежно возникают и разрешаются в процессе профессионального развития.

Активный интерес к профессиональному развитию учителя проявился еще 1920-е г.г. в работах П. П. Блонского, М. М. Рубинштейна, И. Ф. Познанского и др. С середины 1960-х гг. на этом основании был заложен, так называемый, *профессиографический подход к изучению профессионального развития учителя* (Н. Д. Левитов, Ф. Н. Гоноболин, В. А. Крутецкий, Н. В. Кузьмина, А. И. Щербаков и др.). Позднее, повышение интереса к целостным основаниям привели к тому, что профессиональное развитие учителя стало рассматриваться с точки зрения единства индивидуально-личностного и процессуально-технологического компонентов (В. А. Сластенин, А. И. Шутенко). Поставив успешность профессионального развития учителя в зависимость от степени нормативности личности и деятельности, сторонники профессиографического подхода могли обращаться только к противоречиям, лежащим в основе профпригодности личности и подразумевающим несоответствие между требованиями педагогической профессии и возможностями личности. Именно на этот методологический недостаток профессиографического подхода указывал И. С. Кон, отмечая, что

«индивидуальность и трудовая деятельность рассматриваются как независимые и противостоящие друг другу величины, одна из которых обязательно подчиняет себе другую» [2. С. 150].

Одним из наиболее плодотворных подходов к изучению профессио-нального развития учителя является *процессуально-динамический подход, в котором объяснительным принципом выступает развитие* (Г. Г. Горелова, Э. Ф. Зеер, Н. В. Иванова, Э. Э. Сыманюк и др.). Общий контекст данного подхода, на первый взгляд, создает основания для поиска противоречий в самой личности учителя, точнее, в ее социально-профессиональной компетентности, формируемой под влиянием социальной ситуации и комплекса профессионально значимых видов деятельности. Однако, приверженность идее интериоризации, социальной детерминации личностных структур не позволяет сторонникам данной научной позиции вырваться за пределы объектного его объяснения. Как верно заметил по данному поводу В. И. Слободчиков: «… субъект оказался полностью растворенным в потребностях и мотивах отдельного индивида, а объект – в идеальных представлениях о цели и условии своих действий…» [8. С. 46-47]. Несмотря на то, что в данном подходе субъектная и ценностно-смысловая активность личности учителя ставится выше его социальной жизни и деятельности, сам процесс усвоения внутренних регуляторов профессионального развития презентуется как результат усвоения педагогических знаний, общественных ценностей и норм, специфики профессионального пространства и пр.

В последнее время отчетливо фиксируется смещение исследовательского интереса с разработки описательно-нормативных моделей личности и деятельности учителя, на основе которых формулировались требования к содержанию его профессиональной подготовки, к исследованию профессионального сознания и самосознания субъекта деятельности – его ценностей, смысловых образований, рефлексии. В этом направлении автономно развиваются различные концептуальные взгляды, для которых характерно комплексное рассмотрение личности и деятельности учителя, когда последний предстает не просто как субъект социально значимой деятельности, а, прежде всего, как автономная самоактуализирующаяся личность, способная выходить за пределы собственных возможностей, и, в силу этого, сохранить свое лицо и свободу выбора. *Профессиональное развитие личности учителя как продукта его внутренней активности* наиболее полно и последовательно раскрывается в работах С. В. Васьковской, Е. И. Исаева, А. Б. Орлова, В. И. Слободчикова и др.

***

Отталкиваясь от понимания развития как «скачка», свою концепцию профессионального развития учителя мы выстраиваем с привлечением такой категории, как активность личности [4, 5]. Обращение к категории активности задает лично-развивающий контекст анализа профессионального развития и позволяет его рассматривать в качестве характеристики человека как субъекта своей жизнедеятельности; как его способность к самопроектированию, как принцип, детерминирующий эту способность и приводящий к творческой самореализации. Разрабатывая идею целостности, единства личностного и профессионального развития учителя, фактором развития мы считаем внутреннюю среду личности, ее активность, потребность в самореализации. Объектом профессионального развития учителя в данной концепции являются интегральные характеристики личности: направленность, компетентность, эмоциональная и поведенческая гибкость. В качестве ресурса и фундаментального условия развития интегральных характеристик педагогического профессионализма здесь выступает повышение уровня профессионального самосознания учителя. Актуализируется данный ре-

сурс благодаря движущим силам профессионального развития, в качестве которых рассматривается противоречивое единство рефлексивных «Я» учителя.

Для нас принципиальным является положение о том, что *весь процесс профессионального развития учителя предстает как постоянный выбор личности между продвижением и отступлением, обусловливающий актуализацию внутриличностных противоречий.* Одним из самых серьезных поводов для возникновения внутриличностных противоречий у учителя мы считаем оценочный диссонанс между оценкой своих личностных качеств с точки зрения соответствия своей деятельности – «Я-действующее» и ожидаемой оценкой других – «Я-отраженное».

Рассогласованность в самосознании между «Я-действующим» и «Я-отраженным» создает внутреннее противоречие, затрудняющее привычный ход жизнедеятельности учителя и требующее своего разрешения. При этом, данное противоречие может приводить как к попыткам изменения своего внутреннего мира, так и к попыткам изменения внешней среды, своего окружения. В первом случае мы наблюдаем движение в сторону «Я-эмпирического», выражающего «Я» повседневного самосознания, с его наличными, ограниченными психологическими характеристиками. Отсутствие или недостаточное развитое стремление актуализировать потенциальные возможности собственной личности вынуждают учителя адаптировать свои индивидуальные особенности к внешним требованиям педагогической среды. Учитель с низким уровнем профессионального самосознания не способен выйти за пределы непрерывного потока повседневной педагогической практики, за пределы своего эмпирического «Я», что не позволяет ему освобо-диться от собственных эгоцентрических установок, утилитарно-отчужденной позиции.

Для развертывания внутреннего противоречия между «Я-действующим» и «Я-отраженным» как движущей силы профессионального развития учителя необходим активно-действенный момент, который будет направлять разрешение этого противоречия в конструктивное русло. При понимании профессионального развития как режима саморазвития, его можно определить как сотворение себя, что означает реализацию творческого «Я» в самосознании, жизни и деятельности человека. Следовательно, учитель с высоким уровнем самосознания способен выйти за пределы своего «Я-эмпирического» и, тем самым, создать условия для проявления в сознании и деятельности его «Я-творческого».

***

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение у учителей субъективных оценок значимых объектов профессионального самосознания и анализ их соотношения. Изучение субъективных оценок «Я-образов» у учителей нам представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет выявить имеющиеся рассогласования в их профессиональном самосознании, которые лежат в основе внутриличностных противоречий.

В качестве объектов оценивания нами выбрано три образа: «Я-действующее», «Я-отраженное» и «Я-творческое». Под «Я-действующим», в контексте нашего исследования, будет пониматься оценка учителем себя с точки зрения соответствия требованиям педагогической профессии. Как известно, построение личностью адекватного эмпирической реальности такого образа является одним из важных условий благополучного освоения любой профессии. Под «Я-отраженным» предполагаемая учителем оценка своего профессионального уровня учениками. «Я-творческое» – это оценка учителем всей полноты возможностей, которые в перспективе он может раскрыть в условиях пространственно-временных ограничений и определенной социокультурной и профессиональной среды. В качестве принципиального отличия «Я-творческого» от «Я-

идеального» мы выделяем представления учителя о себе с позиции «себя возможного» при определенных условиях, отличающегося от представления о «себе желаемом» в идеальном варианте.

Одной из продуктивных техник изучения «образа Я» является техника семантического дифференциала, разработанная Ч. Осгудом [5, с. 278]. Пространство шкалы между противоположными значениями традиционно выступало непрерывным континуумом градаций выраженности значений. Испытуемым предлагалось оценить следующие образы: «Я-действующее», «Я-отраженное» и «Я-творческое» по стандартному бланку.

В исследовании принимали 86 учителей. Репрезентативность выборки обеспечивалась представленностью учителей разных возрастных групп (от 25 до 69 лет, средний возраст по выборке составил 36,4 лет), работающих в сельских и городских школах, имеющих разный педагогический стаж (от 1 года до 47 лет), преподающих разные учебные дисциплины и имеющих как среднеспециальное, так и высшее образование. Рассмотрим полученные результаты.

Для обработки данных, представляющих массив оценок трех объектов («Я-действующее», «Я-отраженное», «Я-творческое») по 25 шкалам, был применен факторный анализ (по методу главных компонент с ортогональным вращением: VARIMAX-вращением), целью которого являлось группировка, структурирование и компактная визуализация полученных данных, сопоставление факторных структур по каждому оцениваемому объекту. К показателям, на которых строился анализ, следует отнести величину факторной нагрузки каждой шкалы, вошедшую в фактор, и процент описываемой, полученной факторной структурой, дисперсии. Анализ результатов факторного анализа оценок «Я» у учителей показал, что факторизация корреляционных связей имеет семифакторное решение по всем рассматриваемым структурным компонентам «Я». Величины факторных нагрузок свидетельствует об относительной устойчивости вхождения шкалы в каждый из приведенных ниже факторов. Все факторы неравноценны по своему значению. Величина общей описываемой дисперсии по всем компонентам попадает в интервал значений от 81,2 % – 83,3% (таблица 1).

Таблица 1

Величины общей дисперсии, полученные при факторизации матрицы интеркорреляций на переменных «Я-действующее», «Я-отраженное», «Я-творческое»

Фактор	Величина общей описываемой дисперсии (%)		
	«Я-действующее»	«Я-отраженное»	«Я-творческое»
1	15,7	14,9	15,0
2	14,8	14,7	14,7
3	14,7	14,8	14,7
4	14,7	14,9	14,6
5	9,5	9,2	8,9
6	7,2	7,5	7,8
7	7,2	7,3	6,4
	81,3	83,3	82,1

Факторный анализ показал, что структура факторной матрицы имеет достаточно большую размерность. Причем следует отметить, что, несмотря на присутствие тенденции наличия в факторах одинаковых по содержанию шкал, полученные факторы являются разными по своему смысловому наполнению.

Для получения более конкретных различий в описаниях «Я», мы прибегли к методическому приему анализа психосемантических исследований, предложенному Е. Ю. Артемьевой [1, с. 4]. Результаты обработки представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средние значения и разброс оценок «образа Я» по шкалам СД

№	Шкалы СД	«Я-действующее»				«Я-отраженное»				«Я-творческое»			
	1 2 3 4 5 6 7	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
1	«легкий-тяжелый»	1	2	1,40		2	5	3,96		1	3	2,45	
2	«радостный-печальный»	1	7	3,44		1	7	3,44		1	7	4,44	
3	«слабый - сильный»	1	7	5,72		1	7	6,64		1	7	6,89	*
4	«плохой-хороший»	4	7	4,00	**	4	7	4,98		4	7	4,48	
5	«большой-маленький»	1	3	1,40		1	3	1,36		1	7	4,01	
6	«темный - светлый»	1	7	3,44		1	7	3,34		1	7	3,98	
7	«активный-пассивный	1	7	5,48		1	7	5,51		1	7	6,68	*
8	«противный-приятный»	6	7	6,23		1	7	6,43		1	7	6,65	
9	«горячий-холодный»	1	7	4,48		1	7	4,48		1	7	4,56	
10	«хаотичный-упорядоченный»	1	7	5,82		1	7	6,68		1	7	6,12	
11	«гладкий-шершавый»	1	7	4,12		1	7	3,34		1	7	4,44	
12	«простой-сложный»	1	7	5,32	*	1	7	4,21		1	7	3,76	
13	«расслабленный -напряженный»	1	7	4,23		1	7	4,25		1	7	4,37	
14	«влажный-сухой»	5	7	6,40		6	7	6,6		1	7	4,41	
15	«родной-чужой»	1	2	1,29		1	2	1,2		1	3	1,48	
16	«мягкий-твердый»	1	7	4,63		1	7	4,00		1	7	5,48	*
17	«дорогой-дешевый»	1	4	2,56		1	2	3,36	*	1	4	1,28	
18	«быстрый-медленный»	1	7	4,22		1	7	4,34		1	7	4,58	
19	«злой -добрый»	6	7	4,52		6	7	4,54		4	7	4,87	
20	«жизнерадостный-унылый»	1	7	6,45		1	7	6,67		1	7	6,67	
21	«любимый-ненавистный»	1	2	1,12		1	2	1,03		1	2	1,40	
22	«свежий-гнилой»	1	2	1,05		1	2	1,2		1	3	1,32	
23	«умный-глупый»	1	2	1,24		1	2	1,08		1	2	1,52	*
24	«острый-тупой»	1	4	2,56		1	2	1,44		1	2	1,66	*
25	«чистый-грязный»	1	2	1,02		1	2	1,23		1	2	1,48	

1- min; 2 - max ; 3 - среднее ; 4 - значимые различия: * $p \leq 0,01$, ** $p \leq 0,05$.

Анализ результатов обработки указывает на наибольшее число минимальных расхождений в оценках при их стремлении к максимальной выраженности определенного качества присутствует в «Я-действующем» (всего 8 качеств). В «Я-отраженном» подобная тенденция наблюдается уже по 6 шкалам. Вполне очевидно, что «Я-отраженное» «потеряло» легкость и приятность. Данные качества, скорее всего, могут характеризовать процесс взаимодействия с учениками, которые могут не учитываться учителями с направленностью на субъект-объектные отношения. Учителя готовы воспринимать себя «глазами учеников» только как любимых, добрых, родных, при этом умных и чистых. Выбор максимальных оценок по «Я-творческому» с минимальным расхождением сводится уже к 4 качествам. Таким образом, можно констатировать, что у учителей произошла «утрата» некоего «родового начала» «Я-творческого», а ведь именно «творческое Я» человека заключает в себе потенциальный источник творчества, «трансцендентный наличным формам данной деятельности и культуры в целом» [3, с. 4]. Такое «количественное сокращение» указывает на существование определенного противоречия, а именно: хотя учителя и рассматривают свое дальнейшее профессиональное развитие в общем как «любимое», «наполненное новизной, свежестью», тем не менее, многие из них либо не задумываются о своем самораз-витии, либо у них отсутствует стремление к нему. И, как следствие, «Я-творческое» имеет весь спектр оценок по 15 шкалам, указывая на присутствие вариативности в направленности развития, не обязательно идентичного профессионально заданному.

Дальнейший анализ полученных результатов проводился на предмет соотношения всех оцениваемых объектов («Я-действующее», «Я-отраженное» и «Я-творческое») с учетом средних оценок и разброса оценок в «образе Я».

Статистически значимые различия между «Я-действующим» и «Я-отраженным» выявлены только по 2 шкалам: «плохой-хороший», «простой-сложный». Учителя склонны считать, что чаще выглядят в глазах учениках как «хорошие и простые». Мы считаем, что совпадение субъективных оценок относительно разных объектов профессионального самосознания достаточно симптоматично. При сильном сближении оценок можно говорить о попытках уменьшения риска переживания негативных чувств, отрицании осознаваемых сторон во имя сохранения безопасности и собственного благополучия, достигнутого ранее (Ф. Перлз, Е. Н. Смоленская, К. Роджерс). В нашем случае близость оценок «Я-действующего» и «Я-отраженнного» указывает на отсутствие в сознании учителя встречного восприятия отношения к себе как основания внутриличностного противоречия, необходимого для полноценного профессионального жизнеосуществления. По нашему мнению, учитель, у которого отсутствует в сознании встречное восприятие отношения к себе ученика, потенциально готов ориентироваться только на себя и свои цели, так как он внутренне игнорирует ученика как субъекта.

Достаточно большое число различий обнаружено при сравнении «Я-действующего» и «Я-творческого». «Я-творческое» тяготеет к более «сильному», «твердому», «умному» и «острому», чем «Я-действующее». Полученные статистически значимые различия по шкалам «активный-пассивный», «слабый-сильный», «умный-глупый», «острый-тупой», «мягкий-твердый» могут свидетельствовать о признании учителями необходимости своего дальнейшего профессионального развития.

Анализ различий между оценками «Я-отраженного» и «Я-творческого» выявил их по шкале «дорогой-дешевый», что свидетельствует об их чрезмерном сближении. Вполне возможно допустить, что часть учителей не соединяют профессиональную самореализацию с контекстом

своей профессиональной деятельности, а учеников рассматривают только как средство достижения своих сугубо личных целей развития.

***

Теоретический анализ места и роли противоречий профессионального развития учителя отражен в таблице 3.

Таблица 3

Концептуальные представления о внутриличностных противоречиях, детерминирующих профессиональное развитие учителя

Концептуальные представления о профессиональном развитии учителя	Основные противоречия учителя	Разрешение противоречий учителя
Как освоение личностью учителя средств и способов педагогической деятельности	Между внешними требованиями профессиональной деятельности и личностными особенностями	Предварять или избавляться, т.к. затрудняют вхождение человека в систему общественно-профессиональной деятельности
Как процесс прогрессивного изменения личности учителя в ходе освоения педагогической профессии	Между требованиями ведущей деятельности, профессионального сообщества и личностными стремлениями и возможностями, личными профессиональными планами	Принимать как сигнал необходимости перехода на более высокий этап профессионального развития
Как качественное преобразование и самопроектирование личности учителя	Между потребностью в реализации своих личностных качеств в профессиональной деятельности и стремлением к реализации своих перспектив	Стимулировать качественное преобразование внутриличностного мира для выхода на новый уровень профессионального развития

По нашему убеждению наиболее состоятельным является представление о профессиональном развитии как результате реализации собственной активности учителя. Привлечение категории активности при объяснении сущности профессионального развития учителя позволяет связать его с профессиональным сознанием, выступающим не только как осознание собственных действий и средств, а как источник рефлексивного преобразования своего способа бытия и проявления субъектности в отношении с «Другим». Неизменным атрибутом такого профессионального развития учителя выступают противоречия профессионального самосознания, наиболее значимыми из которых являются противоречия в «образе Я».

В ходе эмпирического исследования было подтверждено предположение о том, что профессиональное самосознание учителя выражено субъективными оценками таких значимых объектов, как образы «Я-действующего», «Я-отраженного», «Я-творческого». При этом, нами обнаружено, что «образ Я» учителя представлен не только компонентным составом, но и внутренним соотношением между его составляющими. Анализ соотношений в «образе Я» учителей выявил внутренне противоречивый характер профессио-

нального самосознания учителей, в большей степени выраженный рассогласованием между «Я-действующим» и «Я-творческим», и в меньшей степени между «Я-действующим» и «Я-отраженным», «Я-отраженным» и «Я-творческим».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. – М.: Смысл, 1999. – 349 с.
2. Кон И. С. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978. – 366 с.
3. Мелик-Пашаев А. А. Психологические основы способностей к художественному творчеству: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. – М., 1994. – 36 с.
4. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя. – М.: Флинта: МГСУ, 1998. – 200 с.
5. Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя. – М.: Академия, 2004. – 320 с.
6. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия. Современные зарубежные исследования / Сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петров. – М.: Мир, 1972. – С. 278-298.
7. Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудмен П. Опыты психологии самопознания: практикум по гештальттерапии. – М.: Гиль-Эстель, 1993. – 240 с.
8. Слободчиков В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. – М.: Экопсицентр РОСС, 2000. – 230 с.

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 612.663.52+159.9
ББК 57.12+88.52
Медицинская психология



СИТУАЦИЯ БЕСПЛОДИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Кандидат психологических наук Т. Д. Василенко

В статье рассматривается жизненный путь личности женщин, в ситуации бесплодия, а также беременных женщин имеющих в анамнезе диагноз бесплодия. Обнаружены негативные изменения различных аспектов жизненного пути личности: эмоциональной сферы, смысловых и рефлексивных процессов, временной перспективы и принятия социальной роли матери.

Ключевые слова
Бесплодие, жизненный путь личности, смысловая сфера, рефлексивность, временная перспектива, социальная роль матери

В настоящее время отмечается увеличение числа женщин, не способных выносить и родить ребенка, что выступает не только сугубо медицинской, но и актуальной социальной и психологической проблемой [2, 3, 11].

Феномен материнства необходимо рассматривать не только с физиологической, но и психологической и социальной сторон. При этом материнство выступает как уникальная ситуация развития личности женщины, необходимая для ее самореализации в жизни, обеспечивающая реализацию социальной роли матери и отражающаяся в системе событий жизненного пути [3, 9, 11].

В своем исследовании мы опирались на концепции рассматривающие проблему психологии материнства и бесплодия – Е. Б. Айвазян, Г. А. Арина, В. В. Васильева, В. В. Николаева, Г. Г. Филиппова и др. [2, 3, 9, 11]. Теории времени жизненного пути личности – С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Ф. Зимбардо и др. [1, 4, 12], и смысловой реальности личности – А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев и др. [7], психологию рефлексивности А. В. Карпова и др. [5, 8]. В ситуации невозможности реализации материнской роли, когда женщина страдает бесплодием, формируется особое ее отношение с миром и своей личностью, жизненный путь трансформируется, отражая глубокие изменения личности женщины.

На основании вышеизложенного мы выдвинули гипотезу о наличии различий в структуре социальной идентичности женщин в ситуации бесплодия, вылеченного бесплодия и в ситуации сохраненной репродуктивной функции.

Наше исследования было проведено в два этапа. Первый этап заключался в исследовании женщин находящихся в ситуации бесплодия, а второй в исследовании беременных женщин, имеющих в анамнезе диагноз бесплодия, но после успешно-

го лечения забеременевших.

В качестве методов исследования нами были использованы:

1. Психодиагностические методики: тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева [7], опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе в адаптации А. Сырцовой [4], тест удовлетворенности браком В. В. Столина [10], тест «Локус контроля» Е. Г. Ксенофонтовой [6], тест «Уровень рефлексивности» А. В. Карпова [5], опросник саморефлексии телесного потенциала В. А. Ложкина, Ю. Р. Рождественского [8].

3. Проективные методы. Восьмицветовой тест М. Люшера, методика исследования типа готовности к материнству – тест фигуры Г. Г. Филипповой [11]. Методика исследования жизненного пути личности «Линия жизни» в варианте, разрабатываемом автором. Методика представляется по аналогии с методом предложенным Schroots, 1989 [12], основанным на использовании метафоры «тропы», которая подводит к графическому, двухмерному представлению пространства жизни – с временем, отложенным по горизонтали, и аффективностью – по вертикали. Суть процедуры в нашей интерпретации состоит в том, что испытуемому предлагается на бланке со шкалой от +5 вверх и до -5 вниз, изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события своей жизни (прошлого, настоящего и будущего), при этом эмоционально оценивая их относительно предлагаемой шкалы. Предполагается, что человек указывает на линии жизни события, значимые в наличной жизненной ситуации, что и рассматривается нами как контекст жизненного пути.

Для статистического анализа нами были использованы методы описательной и сравнительной статистики: анализ средних тенденций (среднее), изменчивости признака (стандартное отклонение) и непараметрические критерии U Манна-Уитни и $\chi 2$ Пирсона. Все расчеты проводились с использованием статистического пакета фирмы StatSoft STATISTICA 6.0. для Windows.

Исследование проводилось на базе Центра здоровья семьи г. Курска, в 2005– 2009 гг. Объем выборки составил 176 человек: 80 женщин с диагнозом «бесплодие», 30 здоровых женщин, находящихся в обычных социальных условиях, 24 беременных женщин имеющих в анамнезе опыт лечения от бесплодия и 42 нормально беременных женщин без негативного опыта беременности.

В процессе исследования были получены результаты, отражающие особенности жизненного пути личности женщин в ситуации бесплодия, которые отражены в таблице 1.

Рассматривая изменения жизненного пути личности женщин в ситуации бес-

Таблица 1

Обобщенная таблица различий между женщинами находящимися в ситуации бесплодия и здоровыми испытуемыми

Показатель	p-level*	Среднее бесплодие	Среднее норма	СКО* бесплодие	СКО норма
Отклонение от аутогенной нормы	0,000352	16,7750	12,8333	5,17290	3,68673
Локус контроля	0,000361	20,4125	24,7000	5,10818	4,58746
Осмысленность жизни	0,019687	103,4875	110,3667	16,54606	9,33840
Саморефлексия телесного потенциала	0,033096	94,1250	82,1000	24,96599	20,04022
Рефлексивность	0,000502	115,9750	126,1000	13,85821	9,80271
Оценка настоящего	0,000000	-0,1375	2,9833	2,84513	2,94045

* Здесь и далее: p-level – уровень статистической значимости, СКО – стандартное отклонение.

плодия, необходимо отметить ряд ее негативных последствий. Это изменения эмоциональной сферы, локуса контроля, смысловой сферы, рефлексивных процессов и временных отношений личности в структуре жизненного пути.

В ситуации бесплодия показатель отклонение от аутогенной нормы по тесту М. Люшера выше, т. е. отмечается повышенная тревожность, сниженное настроение и общее негативное самочувствие человека. Данное негативное состояние выступает общим отрицательным фоном для формирования изменений в структуре жизненного пути личности женщин, страдающих бесплодием.

Необходимо отметить, что женщины, страдающие бесплодием, в большей степени склонны к экстернальному локусу контроля, т. е. женщинам в ситуации бесплодия свойственно приписывать ответственность за происходящие с ней события не себе, а окружающим. Происходит попытка ухода от ответственности за свое состояние. Большую роль играет формирование «надежды на чудо» и другие внешние факторы.

Анализируя полученные данные, мы отмечаем, что в ситуации бесплодия смысловая сфера женщин обеднена. Показатели осмысленности жизни ниже, в сравнении с группой нормы и относительно нормативных показателей. В целом, они не склонны строить планов на будущее, которое представляется в мрачных тонах. Человек не находит в своей жизни ничего интересного, жизненный план представлен сиюминутными интересами, решением незначительных житейских задач. Жизнь переживается как «монотонное течение», не приносящее радости. Обычные «радости жизни» не приносят удовлетворения, жизнь представляется серой и скучной. В своем прошлом женщины, страдающие бесплодием, не находят опоры и ресурса для преодоления сложившейся ситуации. Зачастую события прошлого рассматриваются как причина нынешнего состояния и вызывают негативную оценку.

Повышение саморефлексии телесного потенциала как одного из видов рефлексивных процессов, отражающих изменения физического функционирования человека, рассматривается как центрированность восприятия на состояниях своего организма. Происходит постоянное отслеживание малейших, даже самых незначительных изменений в физическом состоянии женщины. С одной стороны, это является последствием довольно длительного и постоянного лечения, а с другой стороны – это проявление надежды на появление изменений связанных с состоянием беременности. Повышение саморефлексии в телесной сфере формирует специфичную идентичность женщины, важным аспектом которой является центрация на телесных ощущениях. Постоянные мероприятия, связанные с проводимым лечением, приводят к повышению удельного веса Я-физического в Я-концепции личности как причины ситуации бесплодия и как источника надежд на позитивные изменения – беременность.

Снижение общей рефлексивности свидетельствует о фрустрации рефлексивных процессов в целом, невозможности осознания и достаточной проработки ситуации заболевания. Процесс рефлексии как поиск новых смыслов наличной ситуации и путей выхода из ситуации более сложен в ситуации бесплодия, происходит фиксация на заболевании, невозможность отвлечения на иные сферы жизнедеятельности, что создает «порочный круг» и усугубляет течение болезни. Происходит постепенное нарушение процессов смыслоосознания, осмысления своей жизни, самосознания. У женщины в ситуации бесплодия снижается активность самовосприятия, что в значительной степени затрудняет процесс построения и осуществления жизненного выбора, процессов смыслотворчества и смыслостроительства.

В ситуации бесплодия, по сравнению с ситуацией нормы, мы отмечаем, что женщины с нарушенной материнской функци-

ей оценивают свой настоящий этап жизни гораздо негативнее, чем здоровые, переживают его как отрицательное событие жизни, в то время как женщины, не страдающие бесплодием, оценивают свое настоящее как положительное. Данная оценка свидетельствует о принятии специфической роли больного – роли бесплодной женщины. При этом данная социальная роль наполнена для женщины крайне негативными социальными последствиями, индуцируя проблемы в семейной и профессиональной жизни, провоцируя состояние близкое к депрессивному.

Данные результаты наглядно демонстрируют негативные изменения жизненного пути личности в ситуации бесплодия. При этом, как показало еще одно наше исследование, благополучный выход из ситуации не решает в один момент тех психологических проблем, которые существовали у женщины в ситуации бесплодия. На втором этапе нашего исследования мы изучили беременных женщин, которые имели диагноз бесплодие, но в результате проводимого лечения забеременели.

Мы выявили особенности жизненного пути личности беременных женщин

Таблица 2

Обобщенная таблица различий между беременными женщинами, имеющими опыт бесплодия и нормально беременными женщинами

Показатель	p-level*	Среднее с опытом бесплодия	Среднее норма	СКО с опытом бесплодия	СКО норма
Удовлетворенность браком	0,010093	31,5833	35,7857	6,08574	6,63889
Цели в жизни	0,000821	31,7917	36,5238	3,77612	6,27903
Результат жизни	0,000000	22,9583	29,8810	3,02855	4,37399
Рефлексивность	0,013411	6,5833	5,4286	1,41165	1,74108
Негативное прошлое	0,000002	3,1475	2,4040	0,46486	0,54830
Будущее	0,000000	2,9367	3,5833	0,42562	0,29742
Позитивное прошлое	0,000328	2,9383	3,3952	0,48723	0,43211
Фаталистическое настоящее	0,000745	3,1088	2,7207	0,39899	0,43814
Отклонение от аутогенной нормы	0,000033	12,2500	7,7381	3,77923	3,13952

имевших опыт бесплодия, которые отражены в таблице 2.

Рассматривая изменения социальной идентичности беременных женщин в ситуации вылеченного бесплодия, необходимо отметить ряд негативных последствий пережитой ситуации бесплодия. Не смотря на то, что репродуктивная функция была восстановлена и женщина в настоящее время беременна, имевшийся негативный опыт оказывает значимое влияние на жизненный путь личности. Это находит свое отражение в изменении системы семейных отношений, смысловой сферы, временной перспективы, рефлексивных процессах, эмоциональной сфере и специфике принятии социальной роли матери.

Удовлетворенность браком, как интегративный показатель состояния семейных взаимоотношений, в группе беременных женщин имеющих опыт лечения от бесплодия значительно снижен по сравнению с группой нормально беременных женщин. Это говорит о том, что отношения в семье более напряженные, отмечается семейная тревога, довльно часты конфликты, снижен уровень доверия между супругами и семейная жизнь не удовлетворяет женщину в полной мере.

Анализируя полученные данные, мы отмечаем, что у беременных женщин имевших опыт лечения от бесплодия показатели по шкалам теста СЖО Д. А. Леонтьева [7] «Цели в жизни» и «Результат

жизни» занижены. Беременные женщины не склонны строить планов на будущее, и живут в основном настоящим. По всей видимости, это связано с выраженной тревогой за будущее, опасениями относительно протекания беременности и родов. Также снижена удовлетворенность результатами прожитой жизни. Опыт лечения от бесплодия, даже в случае наступления беременности еще не переработан личностью и занимает важное место в структуре личности, выступая в качестве стойкого смыслового образования, что демонстрирует негативные трансформации жизненного пути личности.

Изменившаяся в лучшую сторону ситуация бесплодия требует от личности женщины формирования новых способов взаимодействия с окружающими. Данная тенденция находит свое отражение в повышении рефлексивности в группе женщин имевших опыт лечения от бесплодия. Идет формирование новых смыслов, осознание изменившегося статуса беременной женщины, что в конечном итоге ведет к построению новой картины жизненного пути личности.

Параметр временной перспективы – негативное прошлое, изучаемый опросником Ф. Зимбардо [4], завышен у беременных женщин имеющих опыт бесплодия. Жизненный путь личности женщины имеющей такой негативный опыт как бесплодие не изменяется сиюминутно в связи изменением ситуации, процесс восприятия прошлого как негативного продолжается. Будущее, как важный аспект временной перспективы снижен у женщин имеющих опыт бесплодия. Женщина ожидающая ребенка пережив ситуацию невозможности реализации социальной роли матери испытывает тревогу относительно будущего, которое во многом вызывает у нее опасения. Восприятие прошлого как позитивного резко снижено, оно не выступает как ресурс для женщин с опытом бесплодия, который выступает для беременной женщины как травматический. Настоящее воспринимается беременными женщинами имеющими опыт бесплодия как независящее от ее личного участия. Можно сказать, что временная перспектива женщин имеющих опыт бесплодия в значительной степени деформирована и не является результатом личных усилий и рефлексии, а выступает скорее как продукт прошлой травмирующей ситуации.

Общее эмоциональное состояние оценивается как подавленное, женщины склонны к образвоанию тревожых реакций и дисбалансу эмоциональной сферы в целом. Это выступает с одной стороны как общий фон, на котором разворачивается реализация жизненного плана беременной женщины, а с другой стороны как последсвия травмирующей ситуации.

У беременных женщин, уже с первых дней беременности идет осовение материнской роли, рассматриваемое через тип готовности к материнству. При этом, согласно Г. Г. Филлиповой, можно утверждать, что беременные женщины имеющие адекватный тип готовности к материнству полностью принимают социальную роль матери, женщины имеющие тревожный тип готовности к материнству характеризуются амбивалентным (противоречивым) принятием социальной роли матери, а женщины с игнорирующим типом готовности к материнству – не принимают социальную роль матери [11].

В ходе изучения принятия социальной роли матери в группе беременных женщин имеющих опыт бесплодия и нормально беременных женщин были получены реузльтаты указывающие на различие в тенденциях освоения социальной роли матери, что отражено в таблице 3.

При проведении статистического анализа по критерию $\chi 2$ Пирсона было получено статистически значимое преобладание тревожного типа готовности к материнству при $p<0,05$ в группе женщин имеющих в анамнезе опыт лечения от бесплодия. Это дает нам основания утверждать, что в группе беременных женщин

Таблица 3

Различия в распределении типов готовности к материнству (принятии социальной роли матери) у беременных женщин с опытом бесплодия и нормой

тип принятия социальной роли матери	лечившиеся от бесплодия беременные женщины	беременные женщины без опыта бесплодия
адекватный	25 %	48 %
тревожный	75 %	27 %
игнорирующий	0 %	25 %

имеющих опыт бесплодия наиболее часто встречается амбивалентное принятие социальной роли матери (75%) и реже (25%) полное принятие социальной роли матери. При этом полностью отсутствует отвержение материнской роли. Можно говорить, что будущий ребенок крайне важен для беременных женщин имеющих опыт бесплодия, но негативный опыт, в большинстве случаев препятствуют полному и адекватному освоению материнской роли, формируя амбивалентное ее приятие.

В итоге можно отметить, что особенности жизненного пути личности женщин в ситуации бесплодия отражают невозможность реализации социальной роли матери, и как следствие негативные изменения в смысловых и временных аспектах жизненного пути личности. При этом случае восстановления репродуктивной функции жизненный путь имеет свои специфические, в целом оцениваемые как негативные особенности, отличные от особенностей нормально беременных женщин. Данные результаты показывают необходимость разработки адекватных способов оказания психологической помощи как женщинам в ситуации бесплодия, так и беременным женщинам, имевшим в прошлом опыт бесплодия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.
2. Айвазян Е. Б., Арина Т. А., Николаева В. В Телесный и эмоциональный опыт в структуре внутренней картины беременности, осложненной акушерской и экстрагенитальной патологией // Вестник МГУ, серия 14 «Психология». – 2002. – №3. – С. 3-13.
3. Васильева В. В., Орлов В. И., Сагамонова К. Ю., Черноситов А. В. Психологические особенности женщин с бесплодием // Вопросы психологии. – 2003. – №6. – С. 93-98.
4. Василенко Т. Д. Структура жизнестойкости в ситуации хронического соматического заболевания // Российский научный журнал. – 2011. – №3(22). – С. 133-138.
5. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит нашу жизнь. – СПб., 2010.
6. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5.
7. Ксенофонтова Е. Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психолог. журнал. – 1999. – Т. 20. – № 2.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2003.
9. Ложкин В. А., Рождественский Ю. Р. Феномен телесности в Я-структуре старшеклассников и содержание их жизненных проектов // Психолог. журнал. – 2004. – № 2.
10. Николаева В. В. Внутренняя картина беременности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 2004.
11. Столин В. В., Бутенко Г. П., Романова Т. Л. Опросник удовлетворенности браком // Вестник МГУ. Психология. – 1984. – № 2.
12. Филиппова Г. Г. Психология материнства. – М., 2002.
13. Schroots J. J. F. ten Kate C. A. Metaphors, Aging and Life-Line Interview Method. Current Perspectives on Aging and Life Cycle, Vol. 3, Jay Press Inc., London, 1989.

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.937.53
ББК 88.411
Психология труда

ПСИХОЛОГИЯ

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ У ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА, ПРОДОЛЖАЮЩИХ ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кандидат психологических наук Т. Н. Денисова

Статья посвящена эмпирическому исследованию образа времени у лиц пенсионного возраста в зависимости от того, продолжают ли они трудовую деятельность. Показано, что сохранение работы связано с позитивным представлением времени и его составляющих: прошлого, настоящего и будущего.

Ключевые слова
Время, прошлое, настоящее, будущее, временные синтезы, временные задачи, временна2я перспектива, пенсионный кризис

Личностное время представляется как способность обозрения индивидом течения времени собственной жизни в любом его направлении, возможность взаимного соотношения прошлого, настоящего и будущего и связывания этих временных компонентов человеческой жизни в сознании и подсознании человека. Время – это часть образа мира, его важная составляющая (согласно А. Н. Леонтьеву) [5].

Время придает образу мира особую связность: одновременность и последовательность, длительность и временные синтезы настоящего, прошлого и будущего. Время представляется как последовательность циклов, переходов из прошлого через настоящее в будущее [8]. Понятие «психологическое поле» включает одновременно в себя все три компонента времени. К. Левин отмечал, что психологическое прошлое, настоящее и будущее являются частями психологического поля в настоящем [3]. Логический переход «прошлое – настоящее – будущее» свойственен для большинства людей, проявляющих постоянную общественно значимую активность.

Понимание времени проникает фактически во все измерения человеческой жизни. Хотя наша жизнь разворачивается в настоящий момент, много внимания приковывается к прошлому или будущему. Ряд исследований демонстрирует важную роль представления о времени в мотивации социальных целей [10]. Отечественными и зарубежными авторами подчеркивается также, что лица с более глубокой будущей перспективой времени более эффективны в трудовой деятельности, более психически стабильны [2, 11].

Нами были выделены уровни концеп-

ции времени, согласно которой субъект может представлять время как точечное, циклическое или глобальное [2]. Точечное время ограничено ситуацией, слабо взаимосвязаны прошлое, настоящее и будущее, нарушены причинно-следственные связи; оно ограничено событиями собственной жизни; имеет начало и конец; может иметь пустоты. Характеристики циклического времени: замкнутый цикл, который повторяется без изменений. Есть идея бесконечности, т. к. цикл повторяется бесконечное число раз; внутри цикла есть развитие от прошлого через настоящее в будущее; имеет одно направление; есть начальная точка отсчета и конечная точка, которые переходят одна в другую; нет развития от цикла к циклу. Характеристики глобального времени: не зависит от времени жизни конкретного субъекта (времени конкретной исторической эпохи), надличностно; бесконечно; имеет направление (или много направлений); развивается, движется, расширяется; многомерно, имеет объем. Субъект с концепцией точечного времени буквально «привязан» к определенным моментам своей жизни, зависим от них. Его психологическое время разорвано, представляет собой отдельные хронологические интервалы и события сами по себе. Субъект с концепцией циклического времени способен опираться на прошлый опыт и планировать будущее, но в ограниченных пределах. Субъект с концепцией глобального времени способен и к разбору прошлого опыта, и планированию будущего с учетом окружающих ритмов и процессов, своевременен, учитывает многие возможности.

Важным понятием для анализа психологического времени является событие. События это те моменты, когда подвергается испытанию устойчивость процесса. Событие позволяет глубже понять и роль субъекта в процессе. Одним из таких событий можно считать пенсионный кризис. В период после выхода на пенсию социальная ситуация резко изменяется. Старение – это переход в систему новых социальных ролей, а значит, и в новую систему групповых и межличностных отношений [4], изменение источника социального статуса, сужение круга социальных ролей [7]. Ведущая деятельность после выхода на пенсию направлена на поиск себя в новом качестве, идет проба сил в самых разных видах деятельности. Для части пенсионеров первое время на пенсии – это продолжение работы по своей основной профессии (особенно, когда такой работник получает пенсию и основную зарплату вместе). В этом случае у работающего пенсионера значительно повышается чувство собственной значимости

Осознание себя в новом качестве – главное личностное новообразование вышедшего на пенсию человека. В результате осмысления своей жизни может появиться ощущение целостности и гармоничности своей жизни, либо чувство незавершенности, негармоничности жизни. Напряженность этих переживаний связана с тем, что в диалоге со своим настоящим, прошлым и будущим человеку пожилого возраста трудно найти точку опоры, систему координат для адекватной самооценки. Причем люди позднего возраста вынуждены не только приспосабливаться к новой ситуации вовне, но и реагировать на изменения в самих себе [4]. Успешность личностного и социально-психологического развития человека во все периоды жизни, и особенно в поздние годы, зависит от того, насколько он сам выступает субъектом, создателем условий своей жизни.

В зависимости от того, как человек подготовлен к данному периоду, им будет восприниматься его настоящее положение и отношение к будущему. Переход человека в новое для него социальное положение создает определенные условия, в которых изменяется адекватный образ мира, со-

ставляющей которого является время. Мы предполагаем, что чем шире временные возможности человека, тем успешнее его социальная адаптация в новом качестве в жизни.

Результаты и их обсуждение

В исследовании использовались следующие методики: стандартный 25-шкальный семантический дифференциал Ч. Осгуда; графическая методика «Нарисуй время»; опрос; модификация цветового теста отношений. Достоверность результатов исследования обеспечивается сочетанием статистической и качественной обработки полученных данных. В эмпирическом исследовании приняли участие 2 группы испытуемых: работающие пенсионеры (50 человек) и неработающие пенсионеры (50 человек). Группы выровнены по полу, возрасту, социальному положению. Возраст женщин был ограничен временными рамками от 56 лет до 60 лет включительно, а возраст мужчин – от 61 года до 65 лет включительно.

Образ времени

В результате семантического оценивания времени были выделены семантические универсалии (характеристики, одинаково оцененные не менее чем 75% испытуемых) [1]. Работающими пенсионерами, в отличие от неработающих, в значимо большей степени время представляется активным, хорошим, упорядоченным. Время ими представляется значимо более быстрым. Известно, что психологическое время наполнено событиями, будущими целями и мотивами развернутой в настоящем деятельности. Время, вместившее в себя много впечатлений, достижений, событий и т. п., воспринимается как быстро протекающее, а затем, став психологически прошлым, кажется продолжительным. Данные нашего исследования подтверждают эти положения. Работающие пенсионеры демонстрируют бо2льшую групповую сплоченность (количество универсалий времени больше, чем в группе неработающих пенсионеров). Данные цветового теста отношений отражают, что время для работающих пенсионеров ассоциируется с оптимизмом, самоутверждением, интересом к миру, достижениями, направленными в будущее, и в тоже время для них это спокойствие, равновесие, постоянство [6].

В 83% случаев в данной группе время воспринимается как глобальное или циклическое (в группе неработающих – треть испытуемых демонстрирует уровень точечного времени).

По данным опроса, время определяется через временные отрезки, основные жизненные события, деятельность человека. Значимым различием с ответами испытуемых из группы 2 является большее количество ответов, отражающих динамику, непрерывность времени.

Образ прошлого

Прошлое практически одинаково позитивно оценивается представителями обеих групп, характеризуется большим количеством универсалий. Оно оценивается как активное, приятное, хорошее, дорогое, чистое. Согласно Э. Эриксону, в период поздней зрелости «фокус внимания человека» сдвигается от забот о будущем к прошлому опыту. Тем самым психологическое прошлое увеличивается, а временна2я перспектива сокращается [9]. Наше исследование подтверждает это положение.

Выявлены и значимые различия в образе прошлого. Для работающих пенсионеров прошлое более активно. Кроме этого, для группы работающих характерна бо2льшая групповая сплоченность (бо2льшее количество универсалий прошлого).

Работающие пенсионеры ассоциируют прошлое с цветами, отражающими актив-

ность, позитивный настрой, радость. Неработающие пенсионеры для характеристики прошлого значительно реже выбирали красный цвет, отражающий активность.

Образ настоящего

Настоящее у работающих пенсионеров преимущественно активное и дорогое, у неработающих – сложное, тяжелое, печальное. У работающих настоящее – более быстрое. Мы отмечали выше, что это означает бо2льшую наполненность событиями. При выборе цвета, характеризующего настоящее, работающие пенсионеры чаще выбирали красный (активность) и зеленый (равновесие). У неработающих пенсионеров активный красный занимает одну из последних позиций.

По данным опроса относительно продолжительности настоящего, у работающих пенсионеров выявляется более широкая временна2я перспектива.

Образ будущего

Для работающих пенсионеров важные характеристики будущего – дорогое, упорядоченное, активное, родное, большое, чистое, в отличие от неработающих, которые видят будущее сложным, напряженным, тяжелым.

Работающие пенсионеры ассоциируют будущее с цветами, символизирующими интерес к миру, легкость, оптимизм, некоторую неизведанность, тайну, которая скрыта в будущем.

Многие неработающие пенсионеры выбрали синий и черный цвета, отражающие негативизм, пассивность, покорность.

Выводы

1. Психологическое время у работающих пенсионеров характеризуется следующими особенностями: циклический или глобальный уровень концепции времени, что говорит об их более широком взгляде на мир, об умении планировать, о способности решать проблемы, учитывая многие возможности. Работающие пенсионеры обладают более широкими временными возможностями. Их время – динамичное, непрерывное, объемное, большое. Это подтверждается размерами рисунков и оценкой времени по семантическому дифференциалу шкалы «большое – маленькое», где выбор данной характеристики оценки составляющих времени в среднем составляет 68%, в то время как у неработающих пенсионеров данная характеристика отсутствует.

2. Все составляющие времени работающие пенсионеры характеризуют гораздо более разнообразно и эмоционально положительно, чем неработающие пенсионеры. Цветовые характеристики времени этой группы испытуемых более яркие, теплые. У группы неработающих пенсионеров положительны и более разнообразны временные оценки только прошлого.

3. Все составляющие времени работающие пенсионеры представляют активными, в отличие от неработающих пенсионеров, для которых данная оценка присуща лишь прошлому.

4. Прошлое оценивается позитивно и разнообразно в обеих группах испытуемых, как отмечали многие респонденты, «раньше жизнь была лучше», «хочется вернуться в прошлое». Отмечая цветовые характеристики прошлого, обе группы проявили солидарность в выборе, символизируя прошлое с ростом, активностью, легкостью, осознавая, что этот период уже прошел.

5. Работающие пенсионеры отмечают быстроту, активность, силу, напряженность настоящего, выбирая соответствующие им цвета – красный, зеленый. Главными свойствами настоящего у неработающих пенсионеров являются сложность и тяжесть, цвета, соответствующие настоящему – серый, синий, что отражает отрешенность, безразличие и смирение.

6. Для работающих пенсионеров картина будущего представляется позитивной, они выбирают желтый и фиолетовый цвета, выражающие оптимистический взгляд на будущее, желание изведать то, что им еще неведомо, в отличие от неработающих пенсионеров, которым будущее не внушает оптимизма, представляется сложным, безнадежным. Пенсионеры, продолжающие трудовую деятельность, обладают более широкой временно2й перспективой.

7. Способность субъекта к решению временных задач, широкие временные возможности являются одним из необходимых психологических условий как адекватного восприятия своей личности, так и успешной социальной адаптации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999.

2. Денисова Т. Н. Время в образе мира человека: норма и патология. – Вологда: ВГПУ, 2008.

3. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. – М.: Изд-во МГУ, 1981.

4. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – С. 759-799.

5. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1983.

6. Люшер М. Цветовой тест Люшера / пер. с англ. А. Никоновой. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.

7. Пряжников Н. С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Мир психологии. – 1999. – № 2.

8. Стрелков Ю. К. Временная связность образа мира // Психология субъективной семантики. – М., 2000. – С. 20-23.

9. Эриксон Э. Личность и кризис идентичности. – М., 1996.

10. De Wall C. Openness to Attitude Change as a Function of Temporal Perspective // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2006. – P. 1010-1023.

11. Simons J. Placing Motivation and Future Time Perspective Theory in a Temporal Perspective // Educational Psychology Review. – June 2004. – Vol. 16. – No 2. – P. 121-139.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ

УДК 378
ББК 74.58

педагогика

КОМПЛЕКСНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Кандидат педагогических наук С. А. Константинов

В статье рассмотрены основные положения разработанной автором педагогической концепции и комплексной технологии патриотического воспитания российской молодежи в отечественной системе образования. Обоснована важная роль патриотического воспитания в образовательном процессе учебных заведений, в формировании личности гражданина России.

Ключевые слова
Технология воспитания, патриотическое воспитание, система образования, воспитание молодежи в системе образования

Динамичность современных процессов в жизни общества и в системе образования диктует необходимость дальнейшей разработки и внедрения положений педагогики применительно к образовательному процессу в целом, к воспитанию молодежи и всех российских граждан [1].

Все возрастающее значение приобретает необходимость решения проблем, связанных с обеспечением безопасности личности, общества, государства. В современных условиях происходит динамичное развитие международной обстановки, возникают новые очаги напряжённости и конфликтов, в том числе в непосредственной близости от границ России или в зоне её национальных интересов. Несомненно высока роль гражданских качеств российской молодежи в обеспечении правопорядка внутри страны.

В связи с этим, а также с учетом функций, возложенных государством на систему образования, важной целью является подготовка молодых российских граждан профессионально, психологически и физически готовых к решению всего спектра задач по проблемам защиты населения и территории России от агрессий, террористических атак, чрезвычайных ситуаций [2].

Воспитание осуществляется в ходе образовательного процесса и непосредственно путем проведения воспитательной работы. Целью воспитания в системе образования является формирование всесторонне развитой, подготовленной, морально и психологически устойчивой личности гражданина.

Одним из важнейших направлений воспитания, требующих особого внимания в настоящее время, является воспитание в системе высшего профессионального образования. Следует отметить, что

для ряда профессий воспитание имеет принципиальное значение, являясь определяющим для формирования как морального, так и в целом профессионального облика. К числу представителей подобных профессий относятся военнослужащие, спасатели, пожарные, сотрудники правоохранительных органов.

В современных условиях воспитание в системе образования, и, прежде всего, воспитание обучающихся (школьников, студентов, курсантов, слушателей), включает решение следующих основных задач: воспитание молодых граждан в духе соблюдения Конституции Российской Федерации, законов Российской Федерации; формирование у молодежи верности Родине и своему гражданскому долгу; формирование стремления овладевать профессиональными знаниями, совершенствовать знания, навыки и умения; воспитание качеств личности (честности, ответственности, инициативы, товарищества, уважения чести и достоинства граждан России); развитие личности, повышение культурного уровня. Основными направлениями воспитания при этом являются: гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, профессиональное, правовое, эстетическое, физическое [3].

Современное развитие российского государства и общества ставит новые задачи в области воспитания молодежи. России XXI века нужны активные, здоровые, ответственные, инициативные, дисциплинированные, грамотные граждане, готовые учиться, работать на её благо, приумножать достижения страны и народа и, в случае необходимости, встать на защиту Отечества [4; 5].

В свете отмеченных обстоятельств совершенствование патриотического воспитания молодежи является *актуальной задачей* современного российского государства, общества, отечественной системы образования, педагогики.

Таким образом, *одной из важных научно-практических проблем современного российского образования, имеющей существенное значение для обеспечения безопасности и обороноспособности российского государства, является разработка научно-теоретических, мировоззренческих, технологических, методических основ патриотического воспитания молодежи* как одного из важнейших направлений обеспечения безопасности и обороноспособности российского государства.

Проведенный анализ свидетельствует, что для успешного определения теоретических аспектов проблемы и решения задач *патриотического воспитания молодежи его целесообразно изучать и рассматривать как комплексную технологию, образовательную технологию двойного назначения*, поскольку она призвана педагогическими методами, формами, средствами и приемами формировать и развивать у юного российского гражданина важнейшие морально-психологические качества, которые необходимы ему и *как будущему защитнику Отечества*, готовому и способному вносить свой вклад в обеспечение безопасности личности, общества, государства, так и в целом как человеку, личности, труженику, *как гражданину России*: нравственность, гуманность, твердость характера, ответственность, трудолюбие, самоотдача, самоотверженность, дружелюбие, законопослушность, гражданственность, решительность, настойчивость.

С учётом этого, комплексная технология *патриотического воспитания молодежи призвана* прежде всего формировать морально-психологические, личностные качества российского гражданина, необходимые как в целом для жизни в российском обществе и современном мире, так и для решения задач обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Целью технологии патриотического воспитания является формирование у граждан глубокого понимания патриотического долга, готовности встать на защиту Родины, и в целом - воспитание граж-

дан, способных обеспечивать безопасность Отечества и его граждан, решение задач укреплению целостности и единства страны, упрочению дружбы народов Российской Федерации.

С начала XXI века в России во многом благодаря усилиям, как руководства страны, так и общественности и непосредственно, научного сообщества, гуманитариев, педагогов, работников сферы образования и культуры, отмечаются процессы возрождения и активизации воспитательной составляющей в деятельности образовательных учреждений. Складывается понимание того, что, что чувство национального самосознания и чувство любви к Отечеству должны формироваться не стихийно, а быть воспитаны в человеке семьей, школой, системой образования, обществом, государством. С самого раннего возраста нужно взращивать в молодежи патриотизм с помощью родителей, а в дальнейшем воспитывать и развивать его в образовательных учреждениях всех уровней (дошкольного, среднего, высшего образования).

В современных условиях патриотизм граждан России призван дать новый импульс развитию государства, духовно-нравственному состоянию общества, формированию гражданского общества, обеспечению безопасности личности, общества, государства, его обороноспособности.

Анализ исследований, выполненных в последнее десятилетие, свидетельствует об активизации педагогического поиска в области совершенствования воспитательной практики в образовательных учреждениях России, однако это не в полной мере обеспечено повышением теоретической разработанности проблемы патриотического воспитания.

Проведенный анализ свидетельствует, что, несмотря на достаточно широкий спектр проведенных исследований, в настоящее время является недостаточно разработанным и требует своего научного решения проблема концептуального обоснования необходимости, возможностей, содержания, принципов, технологий, методов и путей патриотического воспитания российской молодежи в отечественной системе образования.

Исходя из этого, исследование патриотического воспитания как комплексной технологии в системе образования призвано выявить и объяснить механизмы взаимосвязей между структурными элементами, этапами процесса воспитания в образовательных учреждениях, осуществить поиск среди них ведущих, определяющих на современном этапе развития всех сфер жизни российского общества, обеспечить эффективное функционирование всей системы обучения и воспитания российских граждан.

Указанные положения и обстоятельства, выявленные недостатки и противоречия актуализируют необходимость научной разработки и обоснования патриотического воспитания молодежи как комплексной образовательной технологии.

Для достижения поставленной цели исследования – обоснования сущности и содержания патриотического воспитания молодежи как комплексной технологии в отечественной системе образования – теоретической основой послужили: современные концепции гуманитаризации и гуманизации образования (Н. Д. Никандров, В. А. Сластенин, И. М. Титова, Ф. Р. Филиппов, Е. Н. Шиянов); работы в области истории и теории патриотического воспитания (Н. Н. Агеенко, Г. А. Арсланова, А. В. Вырщиков, А. С. Гаязов, А. Г. Голев, Н. М. Конжиев, П. Б. Корочкин, С. И. Петров, В. Я. Слепов); научные знания о воспитании (В. Г. Асеев, В. П. Битинас, Е. В. Бондаревская, В. Б. Ежеленко, В. П. Зинченко, И. А. Колесникова, В. В. Краевский, Л. И. Новикова, К. Д. Радина, А. С. Роботова, Н. Н.Суртаева, А. П. Тряпицына, Д. И. Фельдштейн); концепции воспитания обучающихся в учебных заведениях (Г. Н. Волков, В. Б. Ежеленко, О. Ю. Ефремов, И. М. Ильинский, А. В. Мудрик,

С. А. Расчетина, В. А. Родин, Н. Н. Суртаева, В. И. Хальзов, В. А. Щеголев); педагогические, психологические, организационные основы воспитания военнослужащих и сотрудников силовых ведомств (В. С. Артамонов, А. В. Барабанщиков, Ю. Г. Баскин, В. Л. Васильев, В. А. Гадышев, Н. Ф. Гейжан, А. Т. Иваницкий, В. С. Олейников, Н. Н. Силкин, В. Я. Слепов, В. И. Хальзов, Ю. А. Шаранов, А. Г. Шестаков, Я. Я. Юрченко).

Основные результаты исследования правомерно рассматривать как *концептуальное представление воспитания молодежи как комплексной технологии в системе образования.*

Педагогическая концепция реализации патриотического воспитания молодежи как комплексной технологии в системе образования *представляет собой* совокупность обобщенных положений, систему научных взглядов, идей, установок на понимание сущности и особенностей патриотического воспитания в образовательных учреждениях России; потребности в патриотическом воспитании российской молодежи; целей и задач, закономерностей и принципов, содержания, направлений, технологий, методов, средств патриотического воспитания, особенности деятельности и взаимодействия субъектов воспитания в ходе его осуществления в учебных заведениях различных типов, уровней и ведомств.

По своей сути воспитание обладает высоким уровнем комплексности, то есть охватывает своим воздействием практически все поколения, пронизывает в той или иной степени все стороны жизни: духовно-нравственную, социально-экономическую, правовую, психолого-педагогическую, политическую и другие, опирается на образование, культуру, этносы, философию, историю и т. д. Оно является неотъемлемой частью всей жизнедеятельности российского народа, всех социальных и государственных институтов нашего общества.

Патриотическое воспитание – воспитание личности, направленное на сознательное, самостоятельное и активное формирование государственно-патриотического мировоззрения, освоение составляющих патриотизма, то есть личности, которой присущи патриотические знания, убеждения, взгляды и чувства и постоянная готовность совершать патриотические дела и поступки.

Технологический подход в патриотическом воспитании молодежи предполагает управляемость и алгоритмизированность процессов воспитания, социализации, личностного развития. Он включает в себя элементы теории управления и системного подхода. К основным *аспектам технологического подхода в патриотическом воспитании* следует отнести: четкая постановка целей и максимальное их уточнение в задачах; строгая ориентация всего хода воспитания на поставленные цели и задачи, на достижение запланированных результатов; оценка текущих результатов и коррекция процесса воспитания; заключительная оценка результатов воспитания.

Педагогическая технология патриотического воспитания представляет собой систему методов, методик, средств, способов, приёмов, этапов, видов, направлений, форм воспитания для достижения гарантированных результатов формирования личности гражданина как патриота России.

Комплексная технология патриотического воспитания молодежи представляет последовательную систему действий и взаимодействий педагогов, всех участников процесса воспитания молодежи по решению задач патриотического воспитания путем целенаправленного планомерного и последовательного воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса и достижения поставленных целей формирования патриотических качеств и в целом патриотизма российской молодежи.

Направления и формы патриотическо-

го воспитания молодежи целесообразно рассматривать и реализовывать в системе, как *комплексную технологию патриотического воспитания молодежи в системе образования*, охватывающую в единстве целей и действий как различных участников процесса патриотического воспитания, так и *различные категории учащихся, молодежи, различные уровни образования, различные образовательные учреждения. Комплексность технологии патриотического воспитания также заключается в том, что патриотическое воспитание представляет собой своего рода технологию двойного назначения*, поскольку она призвана педагогическими средствами, формами и методами формировать и развивать у юного российского гражданина важнейшие морально-психологические качества, которые необходимы ему и как будущему защитнику Отечества, готовому и способному вносить свой вклад в обеспечение безопасности личности, общества, государства, так и в целом как человеку, личности, труженику, гражданину России: твердость характера, ответственность, трудолюбие, самоотдача, законопослушность, решительность, настойчивость.

Патриотическое воспитание молодежи в системе образования как часть общего процесса воспитания российских граждан, включает совокупность компонентов и ценностей в сфере воспитания, обучения, развития личности, реализуемых в образовательных учреждениях и позволяющих эффективно формировать у обучающихся личностные и профессиональные качества, знания, умения и навыки, необходимые для успешного решения задач в интересах личности, развития российского общества и государства.

Содержание патриотического воспитания включает концепции, идеи, теории, положения, точки зрения, факты по различным аспектам жизни личности, общества, государства, в целом всё то, на чём формируется и развивается личность гражданина как патриота России.

В образовательном плане патриотическое воспитание молодежи (как часть процесса образования) представляет собой качественное преобразование и приращение в ходе образовательного процесса в учебных заведениях совокупности личностных и профессиональных качеств участников этого процесса. *В личностном плане патриотическое воспитание* (как элемент личностного развития) представляет собой процесс освоения обучающимися культуры, её мотивационного, деятельностного и результативного компонентов. *В процессуальном плане патриотическое воспитание молодежи в системе образования* (как педагогический процесс) – это педагогическое взаимодействие субъектов воспитания, проводимое на всех этапах образовательного процесса в учебных заведениях, направленное на достижение высокого уровня воспитанности молодых граждан России.

Отличительной особенностью патриотического воспитания является его нацеленность на формирование личности гражданина России с направленностью на обеспечение защиты личности, общества и государства.

Основной целью патриотического воспитания молодежи в системе образования является достижение высокого уровня воспитанности обучающихся, как условия их активного и сознательного участия в развитии всех сфер жизни российского общества и государства и обеспечении их безопасности. Цель патриотического воспитания молодежи в системе образования достигается посредством решения совокупности учебных, воспитательных, развивающих и образовательных задач:

учебные задачи: формирование у обучающихся знаний, научно-практических основ патриотизма личности; формирование и развитие качеств личности, практических умений и навыков, в соответствии с государственными образовательными стандартами и квалификационными требованиями;

воспитательные задачи: осознание обучающимися и реализация в образовательном процессе роли культуры, воспитания, личностных качеств в их подготовке к жизни и профессиональной деятельности; формирование мотивационно-ценностного отношения обучающихся к России, установки на самосовершенствование и самовоспитание себя как гражданина и патриота; формирование профессиональных и личностных качеств участников образовательного процесса и, прежде всего, обучающихся;

развивающие задачи: развитие, совершенствование способностей и свойств личности; самоопределение в жизни и профессии;

образовательные задачи: достижение общей и профессионально-прикладной подготовленности, личностной, социальной и профессиональной компетентности, определяющей способность и готовность выпускников к жизни и профессиональной деятельности; приобретение обучающимися опыта использования учебно-познавательной деятельности для достижения учебных, профессиональных и жизненных целей.

Комплексная технология патриотического воспитания включает направления и формы патриотического воспитания молодежи: воспитание на истории и традициях государства, общества, народов России, Вооруженных Сил, силовых ведомств: военно-спортивное воспитание; воспитание через взаимосвязь и взаимодействие молодежных и воинских коллективов.

Современная *система ценностей патриотического воспитания* условно может быть разделена на три сферы: общественно-государственная – защита социально-экономических, духовных, геополитических интересов россиян, их свободы и независимости, а также суверенитета и целостности страны; патриотическая – любовь к своей Родине, своему народу, национальное самосознание, верность гражданскому и воинскому долгу; профессионально-нравственная – совесть, честность, коллективизм и взаимовыручка, сохранение и развитие лучших традиций (в том числе, учебных, трудовых, воинских), добросовестное отношение к учебе, труду, военной службе, уважение к старшим, достоинство и соблюдение этикета. Среди этих ценностей выделяются патриотизм и готовность к защите Отечества.

Таким образом, выполненное исследование позволило определить возможности и целесообразности рассмотрения и реализации патриотического воспитания молодежи как комплексной технологии, включающей воспитательную деятельность субъектов системы образования посредством совокупности педагогических воздействий и взаимодействий, а также средств, форм, методов, приёмов, обеспечивающих достижения целей патриотического воспитания современной молодежи. Основную роль в реализации комплексной технологии патриотического воспитания молодежи должны играть учреждения системы образования во взаимодействии с социальными институтами (государство, политические партии, семья, церковь, трудовые организации, учреждения образования и воспитания, наука, средства массовой информации).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воспитательная деятельность педагога / Под ред. В. А. Сластенина и И. А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.

2. Военная педагогика / Под ред. О. Ю. Ефремова. – СПб.: Питер, 2008.

3. Гриценко Л. И. Теория и методика воспитания: личностно-социальный подход. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.

4. Ефремов О. Ю. Педагогика. – СПб.: Питер, 2009.

5. Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы: государственная программа // Собрание законодательных актов РФ. – 2005. – № 29.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. КУРСК

УДК 378.1
ББК 88.4
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕХНИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ

Кандидат психологических наук Т. Ю. Копылова

В статье рассмотрены результаты исследования представлений студентов об уровне развития у них некоторых профессионально значимых качеств. Проведено сопоставление этих представлений с успешностью студентов в учебной деятельности. Сделаны выводы о целесообразности формирования у студентов установки на формирование производительной мотивации и более адекватных представлений о своей способности к саморазвитию, что будет способствовать их более высокой академической и профессиональной успешности. Для эффективного решения этой задачи необходимо осуществление психолого-педагогической поддержки образовательного процесса.

Ключевые слова
Профессионально значимые качества личности, производительная мотивация, способность к самоуправлению, студенческий возраст

Необходимым условием успешного осуществления профессиональной деятельности является развитие у студентов как будущих специалистов ряда психологических качеств, которые могут оказывать влияние на достижения человека в процессе занятия любой деятельностью. В отечественной психологии широко изучается проблема развития профессионально важных качеств личности (А. А. Деркач, Е. А. Климов, Н. В. Кузьмина, В. Л. Марищук, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков и другие). При этом большинство авторов понимают профессионально-важные качества как психологические качества личности, обеспечивающие продуктивность ее деятельности.

Ю. П. Поваренков вводит понятие «профессионально ориентированные качества» (ПОК) – индивидуальные качества человека, которые влияют на эффективность функционирования и формирования субъекта труда [1. С. 37]. Профессионально ориентированные качества делятся на профессионально важные (ПВК) и профессионально значимые (ПЗК). В качестве ПВК выступают профессиональные знания и способности, а в качестве ПЗК – профессиональные интересы, установки, черты характера и ряд других. По мнению Ю. П. Поваренкова, ПВК определяют процесс и результат реализации профессиональных задач и задач профессионального развития, существенно влияют на эффективность деятельности. ПЗК определяют отношение человека к про-

фессиональным функциям и профессионализации в целом и их влияние на эффективность деятельности не прямое, а косвенное. Установлено, что между профессионально ориентированными качествами и индивидуальными качествами личности нет однозначного механического соответствия, а в основе формирования ПОК лежит некоторая совокупность, система индивидуальных качеств, которые функционируют в режиме взаимодополнения и взаимокомпенсации.

Профессионально-важные качества многофункциональны, и вместе с тем каждая профессия предполагает свой комплекс этих качеств. В то же время, результаты ряда акмеологических исследований свидетельствуют, что специалисты высокого уровня имеют некоторое сходство, проявляющееся в степени развитости определенных качеств личности. Данные характеристики обладают свойством инвариантности, то есть относительной независимости от специфики выполняемой деятельности. А. А. Деркач и В. Г. Зазыкин определяют подобные инварианты профессионализма как основные свойства, качества и умения профессионала (в ряде случаев и необходимые условия), обеспечивающие высокую эффективность и стабильность деятельности, неза-висимо от ее содержания и специфики [2]. Таким образом, развитие профессионализма изначально должно осуществляться за счет формирования этих базисных качеств и умений, которые позволят в дальнейшем быстрее выработать систему навыков и умений, а также специальных профессионально-важных качеств, делающих профессиональную деятельность эффективной.

По мнению В. Г. Зазыкина, акмеологические инварианты профессионализма бывают: а) общими, то есть не зависящими от специфики деятельности и присущими всем профессионалам (например, высокий уровень саморегуляции, умение принимать эффективные решения, сильная адекватная мотивация достижений); б) особенными или специфическими, отражающими требования профессиональной деятельности (высокая коммуникабельность, стрессоустойчивость и т. д.). В. Г. Зазыкин указывает, что акмеологические инварианты профессионализма проявляются и во внутренних побудительных причинах, обеспечивающих активное и целенаправленное саморазвитие, реализацию творческого потенциала [2]. Таким образом, очевидно, что высокий уровень профессиональной мотивации и способность к самоуправлению являются профессионально значимыми качествами личности, а необходимым условием формирования этих качеств, как и всяких других, является адекватная оценка будущим профессионалом уровня и особенностей их развития.

Целью нашего исследования являлось изучение представлений студентов об их ценностных приоритетах в сфере профессиональной деятельности и о развитии у них способности к самоуправлению, а также сопоставление этих представлений с реальными достижениями студентов в учебной деятельности. В исследовании принимали участие 200 студентов 3 курса факультета управления инновациями и факультета технологии и дизайна Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

Как указывает А.К. Маркова, «профессионализм – это не столько характеристики производительности труда, сколько особенности мотивации личности человека труда, системы его устремлений, ценностных ориентаций, смысла труда для самого человека» [3. С. 67]. При этом ценностные ориентации личности связаны с особенностями проявления ее произвольной активности, которая существенно влияет на профессиональную успешность человека [4. С. 107]. По мнению В. Э. Мильмана, в структуре личности работника присутствуют два вида мотивации – производительная и потребительная [5. С. 136]. Потре-

бительная мотивация направлена, прежде всего, на удовлетворение личных потребностей человека, на достижение и поддержание максимально возможного комфорта его жизнедеятельности. Производительная мотивация является созидательной, указывая на стремление человека к созданию чего-то нового, к достижению успеха и признания. Соответственно, более высокий уровень развития производительной мотивации по сравнению с потребительной будет свидетельствовать о более высоком уровне зрелости профессиональной мотивации испытуемых.

Для исследования уровней развития и структуры потребительной и производительной мотивации студентов был использован опросник для диагностики мотивационной структуры личности [5. С. 136-140]. Данный опросник позволяет изучить выраженность у опрашиваемых отдельных структурных компонентов потребительной мотивации (ориентации на материальную обеспеченность, на удобство и комфорт, на карьеру, на общение) и производительной мотивации (ориентации личности на общую жизненную актив-ность, на творческую активность, на социальную полезность). Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровни значимости различных личностных ценностей у студентов 3 курса, обучающихся техническим специальностям (количество студентов представлено в %)

Уровни значимости	Ценности личности						
	Жизнеобеспечение	Комфорт	Соц. статус	Общение	Общая активность	Творческая активность	Социальная полезность
Высокий	17	38	18	29	33	19	2
Средний	77	60	76	66	63	76	75
Низкий	6	2	6	4	4	5	23

Результаты исследования свидетельствуют, что наиболее выраженной у опрошенных является направленность на такие ценности, как комфорт, общая активность и общение (38%, 33% и 29% студентов, соответственно, указы-вают на высокую значимость для них этих ценностей). Несколько менее 20% студентов констатируют высокую значимость для них таких ценностей, как творческая активность, социальный статус и жизнеобеспечение. В то же время социальная полезность как ценность имеет высокий уровень значимости только для 2% испытуемых, тогда как на низкую значимость данной ценности указывают почти четверть опрошенных студентов.

В целом, полученные нами результаты показывают, что высокий уровень производительной мотивации, согласно собственным представлениям, демонстрируют в два раза меньше опрошенных, чем высокий уровень потребительной мотивации – 12% и 24% студентов, соответственно, при этом 4% студентов демонстрируют низкий уровень производительной мотивации, тогда как низкий уровень потребительной мотивации у опрошенных отсутствует.

Сопоставим полученные данные с успешностью студентов в учебной деятельности. Нами было выделено две группы

опрошенных, которые отличаются по уровню академической успеваемости. К первой группе были отнесены студенты, имеющие, в основном, отличные оценки в учебе, а ко второй – имеющие, главным образом, оценки «удовлетворительно».

Результаты свидетельствуют, что во второй группе больше студентов с высоким уровнем потребительной мотивации, чем в первой (32% по сравнению с 18%, соответственно), то есть менее успешные в учебе студенты в несколько большей степени ориентированы на ценности потребления, чем успешные. В то же время, менее успешные в учебе студенты склонны оценивать уровень своей производительной мотивации как более высокий по сравнению с успешными студентами. Так, высокий уровень производительной мотивации констатируют у себя примерно 30% менее успешных по академической успеваемости студентов в отличие от 10% успешных).

Изучение самооценки студентами их способности к самоуправлению проводилось с помощью методики В. И. Андреева «Опросник для определения уровня и типа самоуправления» [5. С. 131-134]. Данная методика основана на формировании испытуемыми своего мнения об особенностях проявления и степени выраженности у них различных способностей, составляющих способность к самоуправлению в целом.

По мнению В.И. Андреева, способность к самоуправлению включает в себя следующие способности: 1) способность к самопознанию – хорошему знанию себя, своих достоинств и недостатков, своих профессиональных и личностных качеств; 2) способность к самоопределению – определению своих реальных потребностей в сферах общения и деятельности, выявлению существующих и возможных проблем и постановке задач; 3) способность к самоорганизации – планированию и рациональному использованию своих сил и времени; 4) способность к самореализации – максимальному использованию своего потенциала и творческих способностей; 5) способность к самодеятельности – проявлению инициативы, самостоятельности, независимости; 6) спо-собность к самоконтролю – выполнению деятельности с минимальным количеством ошибок, т. е. качественному и эффективному; 7) способность к самооценке – объективной оценке своих личных качеств и результатов деятельности; 8) способность к самовнушению – к эмоциональному и рациональному самовоздействию, подчинению своего поведения разуму и воле; 9) способность к саморазвитию – активной работе над собой, совершенствованию своих личностных и профессиональных качеств.

Полученные результаты показывают, что более трети студентов (36%) охарактеризовали уровень развития способностей к самоуправлению как средний, 40% опрошенных – как соответствующий уровням выше среднего и высокому, примерно четверть студентов – как соответствующий уровню ниже среднего.

Представляется интересным анализ представлений студентов о развитии у них отдельных способностей к самоуправлению. Полученные данные свидетельствуют о том, что около трети опрошенных студентов характеризуют свои способности к самоконтролю, к самореализации, к самоорганизации, к саморазвитию, как соответствующие высокому уровню. Примерно четвертая часть испытуемых указывают на высокий уровень развития у них способностей к самодеятельности и к самооценке. В то же время, более двадцати процентов опрошенных студентов оценивают свои способности к самоконтролю и к самоопределению как соответствующие низкому уровню.

Исследование самооценки студентов, проведенное с помощью методики С. А. Будасси, Н. А. Викторова, О. С. Чугуновой «Самооценка» [6. С. 478-482], показало, что 43% испытуемых склонны к про-

явлению завышенной самооценки, что может свидетельствовать о недостаточно адекватном восприятии ими уровня развития своих способностей к самоуправлению и приводить к недостаточно внимательному отношению студентов к формированию данных способностей. В то же время, полученные данные указывают на спо-собности (к самоконтролю и самоопределению), которые преимущественно оцениваются студентами как недостаточно развитые. Осознавание испытуемыми проблемы в данных областях может способствовать формированию мотивации к развитию данных способностей.

Проведем сопоставление представлений успешных и менее успешных в учебной деятельности студентов о развитии у них способности к самоуправлению. Примерно половина опрошенных первой группы характеризуют данную способность как отличающуюся уровнем выше среднего, что свидетельствует о соответствии достаточно высокой оценки студентами своей способности к самоуправлению высокому уровню академической успеваемости. В то же время, 17% успешных в учебе студентов характеризуют свою способность к самоуправлению как соответствующую уровню ниже среднего, то есть они не связывают свою высокую успеваемость со своей способностью к самоуправлению, что может свидетельствовать о заниженной самооценке или завышенном уровне притязаний. В структуре способности к самоуправлению большинство студентов из успешной в учебной деятельности группы выделяют как высокоразвитые у них способности к самоорганизации, самореализации, самодеятельности и самоконтролю. Можно предположить, что именно эти способности, в первую очередь, студенты связывают с высоким уровнем своей академической успешности.

В группе менее успешных в академическом отношении студентов 31% опрошенных характеризуют свою способность к самоуправлению как соответствующую уровню ниже среднего, 43% – как соответствующую среднему уровню, тогда как 26% оценивают свою способность к самоуправлению как соответствующую уровню выше среднего. Таким образом, примерно четверть студентов данной группы, вероятно, не связывают свою способность к самоуправлению с уровнем их успешности в учебной деятельности, что может свидетельствовать как о низком уровне учебной мотивации, так и о неадекватно завышенной оценке вышеуказанной способности. Студенты из менее успешной по успеваемости группы склонны оценивать как соответствующие низкому уровню, главным образом, свои способности к самоопределению, самовнушению, самореализации, саморазвитию. Можно предположить, что и свои проблемы (как в сфере академической успеваемости, так и в других сферах жизни) эти студенты связывают с недостаточным развитием именно этих способностей.

С целью изучения направленности интересов студентов в области саморазвития, им было предложено выбрать тренинги, в которых им хотелось бы принять участие. Проявили интерес к участию в различных психологических тренингах 58% опрошенных, причем и в группе с высокой академической успеваемостью, и в менее успешной по успеваемости группе, процентное соотношение студентов, высказавших пожелание участвовать в тренинговой работе, оказалось примерно одинаковым (около 60%). Анализ полученных данных показывает, что две трети опрошенных студентов и более выбра-ли такие тренинги, как коммуникативный тренинг и тренинг по развитию лидерских качеств и умения работать в команде. Наименьшее количество выборов получили мотивационный тренинг и тренинг эмоциональной регуляции. Указанные результаты, вероятно, свидетельствуют о том, что профессиональную и личностную успешность опрошенные студен-

ты в большей степени связывают с умением взаимодействовать с другими людьми и влиять на них, чем с умением управлять самим собой.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Полученные данные свидетельствуют о недостаточном понимании опрошенными значимости развития некоторых профессионально значимых качеств, таких как производительная мотивация (являющаяся показателем зрелости профессиональной мотивации) и способность к самоуправлению, для эффективного осуществления профессиональной деятельности.

Представления о характере мотивации и развитии способности к самоуправлению у успешных с точки зрения академической успеваемости студентов в большей степени подтверждаются их реальными достижениями в учебной деятельности, чем представления студентов менее успешных в учебе.

Мы считаем, что формирование установки на высокую значимость производительной мотивации и более адекватных представлений о своей способности к саморазвитию у обучающихся будет способствовать их более высокой академической и профессиональной успешности. Более эффективное решение этой задачи возможно при осуществлении психолого-педагогической поддержки учебно-воспитательного процесса, реализуемой через проведение диагностической и развивающей (тренинговой) работы со студентами сотрудниками кафедры педагогики и психологии университета и Научно-образовательного центра «Образование» при кафедре. Планирование воспитательной и развивающей работы со студентами сотрудниками НОЦ осуществляется с учетом результатов психодиагностики, а также с учетом запросов самих обучающихся. Психологи кафедры систематически проводят тренинги со студентами, как в процессе преподавания дисциплин психологического цикла (что предусмотрено рабочим учебным планом), так и во вне-учебное время.

Полученные в результате исследования данные могут быть использованы выпускающими кафедрами и кураторами студенческих групп при планировании и проведении воспитательной работы со студентами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Поваренков Ю. П. Проблема индивидуально-психологического содержания профессионально важных качеств субъекта труда // Психология. – 2008. – №1. – С. 34-40.

2. Зазыкин В. Г., Деркач А. А. Акмеология: Учеб. пособие. – СПб: Питер, 2003. – 256 с.

3. Маркова А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М., 1996. – 308 с.

4. Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В. Связь характеристик ментальности с произвольной активностью личности в юношеском возрасте на начальном этапе профессионального становления // Российский научный журнал. – 2011. – № 1(20). – С. 102-108.

5. Солонкина О. В. Психодиагностика в социально-культурном сервисе и туризме. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. –224 с.

6. Урбанович А. А. Психология управления: Учебное пособие. – Минск: Харвест, 2003. – 640 с.

КИРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

УДК 378
ББК 74.58

педагогика

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Кандидат сельскохозяйственных наук Л. А. Копысова

В статье рассмотрены основные положения разработанной автором педагогической концепции развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов. Обоснована важная роль процесса воспитания, развития мотивации профессиональной деятельности в подготовке медицинских кадров, в обеспечении здоровья населения России.

Ключевые слова
Медицинские вузы, подготовка кадров, развитие мотивации профессиональной деятельности

Все сферы жизни современного российского общества находятся в процессе развития. Динамичность процессов в жизни общества и в системе образования диктует необходимость дальнейшей разработки и внедрения положений педагогики применительно к системе высшего образования [5]. Как отмечается в Федеральной программе развития образования в Российской Федерации, наиболее важной проблемой являются гуманизация, ориентация на развитие личности, формирование системы жизненных ценностей, социальных норм и других элементов культуры.

Особое значение это имеет для специалистов, чья деятельность связана с обеспечением безопасности, благополучия, здоровья российских граждан. В этой связи на передний план выходят *личностные показатели качества подготовки современного специалиста* – такие, как гуманность, нравственная и социальная зрелость, гражданственность, высокий профессионализм, чувство долга, готовность к служению людям, обществу, профессии. Реализация данного понимания особо важна в практике профессионального образования медицинских работников, чья деятельность непосредственно сопряжена с помощью людям, с повседневным проявлением гуманности [4].

В развитии российского общества и государства особая роль отводится реализации приоритетных национальных проектов в области образования «Образование» и здравоохранения «Здоровье», что актуализирует необходимость совершенствования подготовки в системе образования медицинских работников. Учитывая традиции отечественного образования, тенденции его развития, в качестве основы интеграции знаний и личностных качеств, которая обеспечит целостность профессиональной подготовки и личностного развития медиков в процессе об-

разования, может рассматриваться *гуманистическая* составляющая медицинского образования, раскрывающие закономерности профессионального и личностного развития и реализации личности медицинского специалиста в современном мире, в профессиональной деятельности, в социальной сфере [1].

В связи с этим возрастает значимость обоснования и реализация *мотивационной составляющей образования* как основополагающей в обучении, воспитании, личностном развитии и профессиональной деятельности современных медицинских работников, и призванной обеспечить их компетентное вхождение в профессию с прочно сформированными потребностями в постоянном оказании квалифицированной медицинской помощи, профессиональном самообразовании и саморазвитии [2]. Соответственно, важным элементом образовательного процесса в медицинских вузах является *развитие у студентов мотивации профессиональной деятельности.* Функционально она должна быть ориентирована на реализацию, как в ходе образовательного процесса, так и в последующей профессиональной деятельности выпускников медицинского вуза, с учетом *включенности данной мотивации в более широкий контекст всей жизнедеятельности современного врача, имеющей высокую социальную значимость для развития государства, общества, личности.*

Развитие мотивации профессиональной деятельности имеет особую значимость для студентов современных российских вузов с учётом:

1) качественных изменениях в потребностно-мотивационной сфере личности современного человека (студента и профессионала);

2) произошедшим в вузовском образовании смещением ведущей роли с учебно-познавательных мотивов к мотивам профессиональной деятельности.

Развитие мотивации профессиональной деятельности имеет особую значимость для студентов медицинских вузов с учётом:

1) особой ответственности врачей за результаты своей профессиональной подготовки и деятельности – здоровье российских граждан, состояние демографической ситуации и в целом существование русской нации (убыль – 1 млн человек в год);

2) достаточно высокой трудности и продолжительности (этапности) образования медиков и освоения профессии;

3) выявленных в нашем исследовании негативных тенденций существенного снижения у студентов мотивации профессиональной деятельности после начала обучения в вузе (на средних курсах);

4) особых (по сравнению с выпускников других вузов) и достаточно сложных процедурах допуска к профессиональной деятельности медика;

5) сравнительно невысокой заработной плате медиков в ходе работы (несмотря на принимаемые меры).

Данные обстоятельства обусловливают как особую роль мотивации профессиональной деятельности в подготовке современных медиков, так и в целом возрастание этой роли в современном образовании (включая его различные уровни – например, профильное (по сути, предпрофессиональное) обучение в школе) [3]. Анализ теоретических источников показал, что в целом *мотивация к профессиональной деятельности студентов медицинских вузов* представляет собой сложное системное образование, упорядоченную совокупность профессионально-медицинских ценностных ориентаций, мотивов, побуждений личности к осуществлению как непосредственно врачебной деятельности, так и реализации её гуманистических аспектов в ходе профессиональной и других видов деятельности.

Опыт вузовской работы, результаты теоретических и экспериментальных исследований на стыке педагогики, философии, психологии, этики показали наличие необходимости и возможностей продук-

тивного теоретического и практического решения задачи развития мотивации профессиональной деятельности у обучающихся в медицинских вузах.

В целом актуальность исследования проблемы развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов обусловлена:

возрастающими требованиями к уровню подготовленности, компетентно-сти выпускников вузов, способных и готовых как к самостоятельной работе по специальности, так и к дальнейшему образованию, профессиональному и личностному развитию;

необходимостью решения проблем обеспечения безопасности, сохранения здоровья и повышения качества жизни российских граждан и русской нации в целом;

повышение требований как к профессиональным, так и личностным качествам выпускников медицинских вузов;

потребностями качественного совершенствования обучения и воспитания, профессионального и личностного развития студентов медицинских вузов на основе повышения роли нравственно-профессиональной составляющей;

недостаточной разработанностью в научной литературе проблемы развития мотивации к профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов применительно к современным условиям;

особым значением субъектной активности личности, мотивации как одного из факторов личностного и профессионального развития участников образовательного процесса в медицинском вузе.

Вице-президент РАО Д. И. Фельдштейн, председатель Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Минобрнауки России, в недавней статье подчеркнул, что «…измененная ситуация развития общества обусловливает постановку и решение новых задач, новых не решенных психолого-педагогических проблем. Тем более что качественно изменился и современный человек, прежде всего, растущий, изменилось его восприятие и мышление, сознание и речь, система ценностных ориентаций, многие нормы и принципы поведения, потребностно-мотивационная и эмоционально-волевая сферы, … что выдвигает, требует от педагогической и психологической наук ответа на многие вопросы, в том числе и связанные с развитием системы образования» [7].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «…прямое негативное воздействие на обеспечение нацио-нальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации оказывают низкое … качество подготовки и переподготовки специалистов здравоохранения, недостаточный уровень социальных гарантий и оплаты труда медицинских работников и финансирования развития системы медицинской помощи» [6].

Отмеченные обстоятельства, особая социальная, теоретическая и практическая значимость роли мотивации к профессиональной деятельности медицинских работников определили *проблему исследования*, которая заключается *в необходимости научного обоснования и практической реализации процесса развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов как фактора совершенствования профессионального образования, обеспечения национальной безопасности, сохранения здоровья и повышения качества жизни российских граждан.*

Целью выполненного автором исследования являлись разработка, научное обоснование и апробация концепции развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов в интересах совершенствования подготовки и деятельности медицинских работников, развития теории и практики отечественного образования, обеспечения национальной безопасности, сохранения здоровья и повышения качества жизни российских граждан.

Разработка указанной концепции стро-

илась на предположениях о том, что:

1) в современных условиях существует *объективная необходимость развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов*, обусловленная качественно изменившимися социальными, личностными и профессиональными требованиями к медицинскому работнику, в подготовке и профессиональной деятельности которого важнейшее место занимают социальные и морально-нравственные составляющие профессиональной направленности личности;

2) *мотивация профессиональной деятельности медицинских работников* представляет собой совокупность внутренних побуждений к постановке целей, осуществлению действий и поступков по выполнению профессиональной деятельности специалистом медицинского профиля;

3) *развитие мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов* представляет собой педагогический процесс преобразования структуры мотивов, ценностных ориентаций и побуждений обучающихся в целях достижения у них высокого уровня внутренних положительных побуждений к свой профессии; наличие внутренней мотивации у обучающегося в медицинском вузе в наибольшей степени способствует формированию его профессионализма и компетентности, успешности обучения;

4) *условием развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов* является обновление содержания и технологий образовательной деятельности в медицинском вузе с включением следующих компонентов, способствующих развитию мотивации к профессиональной деятельности у обучающихся: специально организованное содержание преподавания общепрофессиональных и гуманитарных дисциплин и их взаимосвязь с предметами специализации; воспитательная работа с обучающимися по их подготовке к профессиональной деятельности; социально и личностно-значимое участие обучающихся в деятельности учреждений здравоохранения; психолого-педагогические взаимодействия участников довузовской подготовки, образовательного процесса в вузе и практиков здравоохранения по развитию мотивации профессиональной деятельности студентов медицинских вузов.

В целом в результате исследования был осуществлен теоретический анализ сущности, содержания, особенностей мотивационной составляющей профессиональной подготовки и деятельности медицинских работников, выявив сущность ее социально-значимых, личностно-значимых и морально-нравственных аспектов; проведен историко-педагогический анализ проблем мотивации, мотивации профессиональной деятельности, ее развития и особенностей как фактора достижения целей профессиональной подготовки и деятельности медицинских работников; разработана методология исследования проблемы развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов как явления социальной, образовательной и профессиональной действительности, важной составляющей образовательного процесса и профессиональной деятельности; определена модель диагностики, критерии и показатели оценки, уровни развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов; разработана концепция развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов; разработана и внедрена в практику программа развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов в многоуровневой системе образования.

Исследование проводилось на базе Кировской государственной медицинской академии, Ижевского медицинского института, Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П.Павлова и ряда других образовательных учреждений.

Концепция развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов включает совокупность следующих положений, характеризующих ее научно-практические основы:

Целевой основой развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов являются социально и личностно-значимые, морально-нравственные аспекты профессиональной подготовки и деятельности медицинских работников.

Методологической основой развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов является реализации *мотивационно-профессионального подхода*, заключающегося, прежде всего, в направленности на формирование и развитие у обучающихся в вузе мотивации профессиональной деятельности, профессиональной направленности личности как важнейшего педагогического условия обеспечения качества подготовки в медицинских вузах.

Мотивация профессиональной деятельности медицинских работников представляет собой совокупность внутренних побуждений к постановке целей, осуществлению действий и поступков по выполнению профессиональной деятельности специалистом медицинского профиля. *Профессиональные мотивы личности обучающегося в медицинском вузе* – это профессионально-личностная характеристика, сущностью которой является определение в качестве личностно-значимой ценности совокупности знаний, навыков, умений и профессионально-важных качеств медика, а основное содержание составляют побуждения к постановке и реализации обучающимся в медицинском вузе социально и личностно-значимых целей по овладению и реализации данной совокупностью в профессиональной подготовке и деятельности.

Условием развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов является обновление содержания и технологий образовательной деятельности в медицинском вузе с включением следующих компонентов, способствующих развитию мотивации к профессиональной деятельности: специально организованное содержание преподавания общепрофессиональных и гуманитарных дисциплин и их взаимосвязь с предметами специализации; воспитательная работа с обучающимися по их подготовке к профессиональной деятельности; социально и личностно-значимое участие обучающихся в деятельности учреждений здравоохранения; психолого-педагогические взаимодействия участников образовательного процесса по развитию мотивации.

Мотивацию профессиональной деятельности следует развивать с учетом особенностей студентов медицинских вузов:

первая – обучающиеся, будущие медики, ориентированные на высокий уровень морально-нравственной, социально-значимой составляющей профессиональной подготовленности медицинского работника;

вторая группа – обучающиеся в медицинском вузе, проходящие подготовку как управленцы, другие специалисты, непосредственно не осуществляющие медицинскую практику.

Основным *путем развития мотивации* профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов являются организованные педагогические взаимодействия, прежде всего дидактического и воспитательного плана, с акцентом на формировании положительной внутренней мотивации и нравственно-профессиональной направленности личности, включая два ведущих направления: первое – оптимизация обучения, направленная на активизацию учебно-познавательной и профессиональной деятельности студентов, второе – повышение эффективности воспитательного процесса в медицинском вузе.

Развитие мотивации профессиональной деятельности у обучающихся является *существенным элементом и фактором эффективности управления медицинским*

вузом и осуществления в нем образовательного процесса.

Интегрированным критерием эффективности развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов является личностная позиция участников образовательного процесса в медицинском вузе (преподавателей, обучающихся, руководителей, других должностных лиц), включающая социально и личностно ценностные ориентации и мотивы личности, оказывающие влияние на создание социально-культурной среды образовательной деятельности в медицинском вузе.

В научном плане в исследовании определено, что современное состояние разработанности проблемы мотивации профессиональной деятельности медицинских работников характеризуется переходом от рассмотрения отдельных содержательных аспектов мотивации медиков к более глубокому и целостному изучению сущности и специфики развития мотивации профессиональной деятельности в медицинском вузе в контексте повышения значимости и внимания к изучению и реализации социальных, личностных, мотивационных аспектов профессиональной деятельности медиков; предложен новый – мотивационно-профессиональный подход к совершенствованию профессиональной подготовки, обучения, воспитания и личностного развития студентов медицинских вузов; теория педагогики, профессионального образования обогащена концепцией развития мотивации к профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов, уточнен понятийный аппарат педагогики; предложена совокупность методик диагностики (включая самооценку, внутреннюю и внешнюю экспертные оценки) развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов; впервые выявлены особенности и динамика изменения мотивации учебной и профессиональной деятельности студентов медицинских вузов; выполнено теоретическое исследование проблемы развития мотивации к профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов с учетом основных групп обучающихся и этапов обучения.

Таким образом, в результате проведенного исследования была разработана концепция развития мотивации профессиональной деятельности у студентов медицинских вузов, обоснованы система, этапы и пути её реализации в вузовской практике. Полученные в исследовании результаты способствуют решению проблемы повышения качества и эффективности образовательного процесса в высшей школе, личностному развитие педагогов и студентов медицинских вузов, формированию их профессиональной компетентности. Практические результаты исследования и рекомендации позволяют системно проводить в медицинских вузах учебную и воспитательную работу по развитию мотивации профессиональной деятельности, обеспечению профессиональной и личностной компетентности выпускников вуза на основе сформированности мотивации профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Биомедицинская этика. – М.: Медицина, 1997.
2. Вилюнас В. Психология развития мотивации. – СПб.: Речь, 2006.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2000.
4. Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. – Л.: Медицина, 1982.
5. Ефремов О. Ю. Педагогика. – СПб.: Питер, 2009.
6. Стратегия национальной безопасности России до 2020 года // http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html.
7. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления психол.-пед. иссл. в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Доклад на расширенном заседании президиума РАО совместно с Минобрнауки и ВАК Минобрнауки России, 19 апр. 2010 г.

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ТУРИЗМА г. КРАСНОДАР

УДК 159.938
ББК 88.412
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кандидат педагогических наук С. В. Кочеткова

Рассмотрены вопросы регуляции психических процессов в экстремальных видах деятельности. Приведены различные модели анализа процессов психической саморегуляции. Автором предложена трёхслойная, трёхсистемная концептуальная модель. На примере спортивной стрельбы и лётной деятельности представлены результаты исследования профессионально важных качеств в рамках разработанной концептуальной модели саморегуляции.

Ключевые слова
Саморегуляция, модель «сандвича», статус, внутрисистемная и межсистемная связь, спортсмены-стрелки, лётчики

Исследования регуляции психических процессов породили в рамках проблемы воли проблему саморегуляции, которая вскоре сделалась в практически самостоятельную область исследований, т.е. основным предметом анализа являются не воля, или волевые процессы, а приемы саморегуляции [1, 2]. Идеи произвольной регуляции действий человека и различных психических процессов первоначально были развиты в работах Л. С. Выготского [6].

Современная профессиональная деятельность (в частности, спортивная и военная) представляет собой модель деятельности, при которой двигательная и психофункциональная работа систем организма человека протекает в зоне предельных напряжений. Постепенное освоение предельных физических, сложно-координационных и психологических нагрузок приводит к формированию специфических функциональных систем. Только на этой основе возможны воспроизведение мышечных напряжений в спорте, а в авиации – переносимость нагрузки без опасности для здоровья в зоне предбиологических возможностей организма человека [15].

Спорт отличается от других видов деятельности человека тем, что в его основу заложен мощный стресс-фактор – соревнование. В лётной деятельности таким фактором является психофизическая нагрузка. В силу их изменчивости и непредсказуемости полностью адаптироваться к этим стрессорам практически невозможно, что приводит к синергичному снижению уровня нервно-психического здоровья и эффективности деятельности [14].

Профессиональная деятельность летчика сопряжена с многочисленными стрессогенными ситуациями, специфика которых определяется: 1) выполнением служебных обязанностей в условиях, сопряженных с опасностью для жизни; 2) особым регламентом служебного времени; 3) включенностью в системы управления «человек – техника», «человек – знак»; 4) наличием «нештатных» ситуаций. Для противостояния стрессогенным факторам летчик должен обладать определенным уровнем стрессоустойчивости. Однако у офицеров-летчиков выявлена стойкая тенденция к снижению стрессоустойчивости в результате истощения внутренних адаптационных резервов, а также прямая связь уровня стресса жизни с информационной нагрузкой и частотой волевых актов [11].

В спорте высших достижений и авиации двигательная и психофункциональная работа систем организма человека протекает в зоне предельных напряжений. Психограмма обоих видов деятельности включает одинаковые признаки: ориентирование в трёхмерном пространстве, координированность, выносливость, интуитивность, способность быстро оценивать ситуацию и принимать адекватное решение. Очевидно, что содержание этих признаков разное, однако во всех случаях априори психически устойчивый и физически хорошо подготовленный человек осуществляет психомоторные действия в экстремальных условиях. Вне зависимости от вида деятельности едины общие принципы работы мозга, внутренних органов, физиологических и костно-мышечной систем человека, Закономерно ожидать наличие и единой структуры саморегуляции.

В экстремальных условиях произвольная саморегуляция может выступать как специфическая деятельность, направленная на преобразование субъектом своего состояния из наличного в потребное, соответствующее условиям и задачам деятельности [8, 9].

Если обратиться к индивидуальным различиям саморегуляции, то большинство психологических моделей включает те переменные, которые выделяются, если существует подходящая методика для их измерения.

Рассмотрим существующие и возможные варианты концептуальных моделей саморегуляции.

Факторная модель предполагает наличие общего (генерального) фактора и ряд специфических факторов. Общий фактор проявляется в высокой корреляции с отдельными тестами специфических факторов и, таким образом, отражает устойчивые характеристики человека (если человек контролирует своё состояние и в быту, и на работе, то это вызвано действием общего фактора).

Психодиагностика, в основном, стремится к вычленению и измерению именно общего фактора, для чего создаются шкалы, например, в 16-факторном тесте Р. Кеттелла.

Многофакторная модель, предполагает в качестве главных не генеральный, а несколько групповых факторов.

Может быть **модель по свойствам** – операциям (умениям), содержанию (формам) и результатам. Тогда в зависимости от количества вариантов свойств может получиться n-факторов, образующих компоненты в трехмерной проекции, которые никак между собой не соподчиняются. Например, нельзя сказать, что человек, умеющий регулировать своё функциональное состояние посредством дыхательных техник, лучше способен к саморегуляции, чем тот, кто умеет регулировать своё эмоциональное состояние посредством работы с образом.

Множественная модель объединяет **виды** саморегуляции с их соподчинением.

Типажная модель предполагает наличие двух типов саморегуляции – базовый и прогрессирующий (или спектральный). Базовый тип отражает психо-биологические возможности, т. е. способность к ос-

воению навыков саморегуляции, которая является базой для всей формирующейся индивидуальной системе саморегуляции. Прогрессирующий тип охватывает весь спектр жизнедеятельности и профессиональной деятельности человека. Он развивается с опытом, образованием подготовленностью и поэтому прогрессирует.

Иерархическая (уровневая) модель структуры саморегуляции от низших (элементарных, ситуационных) – мелких групповых, объединяемых на следующем уровне в блоки, до высшего – генерализированного фактора. Смысл этой модели состоит в том, что человек может проявлять самообладание не во всех видах деятельности, а иметь своеобразную специализацию в определённой сфере. Достоинством иерархических систем является возможность справиться со всё увеличивающимся количеством факторов и соподчинить их.

Трёхуровневая модель, состоящая из **включенных один в другой** уровней саморегуляции. Первый уровень – оперативная (актуальная) саморегуляция психических состояний достигается использованием таких приемов, как отключение – - переключение, самовнушение спокойствия и выдержки, самоуспокоение, самоприказы, направленные на подавление раздражительности, актуализация сюжетных представлений и образов чего-то хорошего, что предстоит в ближайшее время, регуляция дыхания и контроль состояния голосом.

Второй уровень текущей саморегуляции достигается созданием пролонгированных на работу и трудовой день позитивных рабочих состояний. К этому уровню регуляции относятся ориентация на хорошее настроение, терпение и самоконтроль, спокойствие и выдержку.

Третий – базовый уровень представляет собой систему длительных устойчивых мотивационных состояний, в основе которых находятся профессиональная мотивация, состоящая из установок и отношений, ценностных ориентаций, связанных с профессиональной деятельностью. Сформированность этого уровня является условием развития умения управлять собой.

Трёхуровневая **модель** из включённых один в другой блоков саморегуляции по биоритмам предложена В. Ф. Соповым [13]. Теоретико-экспериментальным путём с учётом опыта подготовки спортсменов-стрелков определено соотношение видов психической регуляции (ауто-, гетеро-, экзо-) и психических объектов (личность, мотивация, психическая и двигательная устойчивость). К ауторегуляции отнесены системы стратегии, тактики и операций. Обучение психорегуляции организуется по активным и пассивным фазам от суточного ритма через месячный рим к годичному циклу.

Компонентные модели. Двухкомпонентная модель основана на двух механизмах саморегуляции – психодинамическом и физиологическом (вегетативном). Первый измеряется опросниками Юнга или Айзенка, второй – тестом Люшера или посредством расчёта вегетативного индекса Кардю при измерении ЧСС и А/Д. Соответственно в ортогональной системе координат получаются четыре типа стиля саморегуляции.

В **трёхкомпонентной** модели первая компонента: **исполнительская** + фактор, способствующий приобретению знаний-умений + контролирующий; вторая компонента **эмпирическая**: способность справляться с новой ситуацией + способность автоматизировать некоторые процессы; третья компонента **ситуативная**: проявления в бытовых + социальных ситуациях.

Четырёхкомпонентная модель структуры саморегуляции по Б. Х. Варданяну включает [5]:

1) структурно-компонентные умения (целеполагание и удержание цели, анализ и моделирование условий, выбор средств и способов действий, оценка результатов

и их коррекция);

2) функциональные умения саморегуляции (обеспеченность регуляции в целом, упорядоченность, детализация, практическая реализуемость намерений, оптимальность регуляции действий);

3) стилевые особенности саморегуляции (инициативность, осознанность, ответственность, автономность, воспитуемость);

4) динамические характеристики саморегуляции (осторожность, уверенность, пластичность, практичность, устойчивость в регуляции деятельности).

Одно только перечисление указанных выше моделей саморегуляции говорит о недостаточной разработанности самой концепции саморегуляции деятельности человека.

С учётом выше изложенного мы предлагаем трёхслойную, трёхсистемную концептуальную модель саморегуляции. Один слой включает неосознаваемый (непроизвольный) компонент саморегуляции (функциональные, психофизиологические, психодинамические показатели и физическая подготовленность). Другой слой – осознаваемый (произвольный) компонент саморегуляции (поведение, свойства и типология личности).

Третьим слоем («начинкой» сандвича) по логике должен быть связующий компонент саморегуляции. Исследования В. Л. Марищука [10] на больших выборках спортсменов и лётчиков подсказали основной признак этого слоя.

Действия в экстремальных условиях – это деятельность в проблемной ситуации, которую эффективно разрешают лица с высокоразвитой антиципацией. Б. Ф. Ломовым [7] обосновано, что процесс вероятностного прогнозирования образует в памяти систему опорных точек, которая служит канвой для запоминания и использования в будущем. При этом будущее направляет селекцию запоминания и организацию сохранения информации. Процессы антиципации выступают в роли ведущего звена психической регуляции, обеспечивая целеполагание и алгоритм поведения и деятельности. В прогнозировании проявляется единство когнитивной и регулятивной функций психики, что позволяет рассматривать антиципацию как системный процесс, как специфически интегральную характеристику психической деятельности.

В то же время, «модели будущего результата» в афферентном синтезе и сам «акцептор результатов» по П. К. Анохину [3], «модель потребного будущего» по Н. А. Бернштейну [4], уровень «перцептивного входа» в систему регулирования действий по А. В. Родионову [12] – по существу есть феномены интуиции. Термин «интуиция» происходит от лат. intueri – пристально и внимательно смотреть, чутьё, проницательность, основанная на предшествующем опыте.

Эти положения дали нам основание считать, что **интуиция (антиципация) является связующим и системообразующим звеном структуры саморегуляции, пропитывая одновременно неосознаваемый и осознаваемый слои (модель «сандвича»).**

Причём интуитивное звено одновременно является не только связующим, но и **интегральным** в структуре саморегуляции. Важно, что интегральность не есть главенствование. Все звенья саморегуляции и отдельные признаки равнозначны для эффективной деятельности человека. В случае такой компоновки системы саморегуляции снимается проблема классификации. Отнесение измеряемых признаков к тому или иному звену очевидно, как и то, что для экспериментального обоснования предлагаемой модели необходимо использовать комплексный подход психодиагностики.

Известно, что статус (состояние) – положение системы, объективно существующее в определенный временной отрезок, при котором существенные качества каких-либо черт, являются относительно

устойчивыми, тогда как сами черты могут быть динамичными. Поэтому выявление внутрисистемных и межсистемных связей показателей собственно саморегуляции с показателями ПВК спортсменов-стрелков и курсантов-лётчиков даёт возможность установить метакорреляции, независимые от вида деятельности.

Методика. В констатирующем эксперименте использовался комплексный подход. Статус исследуемых изучается по функциональным, психофизиологическим, психомоторным, психологическим показателям и успешности деятельности (в стрелковом спорте – результаты соревнований, в лётной деятельности – подготовка на лётном тренажёре и стрельба из табельного пистолета). В спорте исследованием было охвачено 130 квалифицированных спортсменов-стрелков, в лётной деятельности 80 военных пилотов преимущественно истребительной и штурмовой авиации и свыше 500 курсантов-лётчиков.

Результаты. Мы объединили полученные результаты всех выборок испытуемых в рамках предложенной концептуальной модели саморегуляции.

Внутри **осознаваемого** слоя структуры саморегуляции системообразующий показатель саморегуляции поведения (фактор «С» 16-FLO) коррелирует со смелостью, адаптивностью, вербальным интеллектом (фактор «В» 16-FLO), невротическим здоровьем и нервно-психической устойчивостью, психастенией, психопатией.

В **неосознаваемом** слое системообразующим фактором является показатель суточного ритма, который взаимосвязан с девятью признаками: видеомодальностью, кинестетической модальностью, образным мышлением, устойчивостью к неблагоприятным факторам среды – холоду, радиации и укачиванию, лабильностью нервной системы по КЧССМ, генофильной личностной доминантой при сниженной эгофильности.

Вторым по значимости оказался показатель пробы Генча – задержки дыхания на выдохе, который коррелирует с лабильностью нервной системы по КЧССМ, цифровой модальностью, амбидекстрией по зрению и конечностям, а также с быстротой переключения внимания при физической и вестибулярной нагрузке.

В показателях физической подготовленности ожидаемы и закономерны взаимосвязи координации («лопинг») с аэробной и анаэробной выносливости.

Внутри **интуитивного** слоя структуры саморегуляции обнаружились два независимых друг от друга системообразующих фактора: интуиции и точности реакции на движущийся объект интуитивного типа.

В **межсистемных связях** (метакорреляциях) ведущим со стороны осознаваемого слоя является показатель саморегуляции поведения, а со стороны неосознаваемого слоя – длительность задержки дыхания на выдохе.

Наконец, ответим на вопрос о том, что же объединяет спортсменов-стрелков и курсантов-лётчиков. **Точность стрельбы** из пистолета коррелирует с вестибулярной устойчивостью и инертностью нервной системы. **Успешность деятельности** взаимосвязана с респираторной выносливостью, самоконтролем и саморегуляцией поведения, устойчивостью эмоциональной, к помехам и стрессовым факторам. Способность к саморегуляции состояния коррелирует с невротическим здоровьем и с той же устойчивостью. Метазависимостью оказалось влияние на осознаваемую способность к самоконтролю и саморегуляции поведения таких неосознаваемых признаков, как суточный ритм и из свойств темперамента психическая активность и пластичность. Во всех случаях $p<0,05 \div p<0,01$.

Заключение

1. Моделью структуры саморегуляции может быть трёхслойный «сандвич», включающий неосознаваемый, интуитивный и осознаваемый признаки, в котором интуитивная «прослойка» – системообра-

зующая.

2. Метафакторами структуры саморегуляции вне зависимости от вида экстремальной деятельности являются показатели суточного ритма и задержки дыхания на выдохе, точности интуитивной реакции на движущийся объект и интуитивности, способности к саморегуляции поведения и самоконтролю.

3. Направлением дальнейшего исследования является разработка инновационной технологии психического самосовершенствования в процессе занятий спор- том и военно-прикладной подготовки, которая может быть основана как на треке корреляций между элементами структуры саморегуляции, так и по пути ещё большего совершенствования не отстающего, а лучшего качества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Айванхов О. М. Гармония здоровья. – М., 1993.

2. Алексеев А. В. Система АГИМ. – М., 1995. – 88 с.

3. Анохин П. К. Очерки теории функциональных систем. – М., 1975. – С. 17-67.

4. Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – С. 139-185.

5. Варданян Б. Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости. Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. – М., 1983. – 580 с.

6. Выготский Л. С. Учение об эмоциях. Собр. соч. – Т. 4. – М., 1984. – С. 90-318.

7. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности. Избр. труды. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 400-410.

8. Писаренко В. М. Роль психики в обеспечении эмоциональной устойчивости человека // Психологический журнал. – 1986. – № 1. – С. 62-72.

9. Плахтиенко В. А., Блудов Ю. М. Надежность в спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – 175 с.

10. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса / Марищук В. Л., Евдокимов В. И. – СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 260 с.

11. Пономаренко В. А., Завалова Н. Д. Авиационная психология. – М.: Институт авиационной и космической медицины, 1992. – 200 с.

12. Родионов А. В. Психофизическая тренировка. – М.: ТОО «Дар», 1995. – 64 с.

13. Сопов В. Ф. Методы измерения психического состояния в спортивной деятельности (Метод. рекомендации по проведению практикума специализации). – М.: РГУФК, 2004. – 25 с.

14. Уэйнберг Р. С., Гоулд Д. Основы психологии спорта и физической культуры. – Киев: Олимпийская литература. – 2001. – 335 с.

15. Функциональное состояние летчика в экстремальных условиях / Под ред. В. А. Пономаренко и П. В. Васильева. – М.: Полет, 1994. – 424 с.

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ,
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ ИМЕНИ Ю. А. ГАГАРИНА,
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

УДК 159.938
ББК 88.48
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФАКТОРОВ РИСКА ПСИХИЧЕСКОМУ ЗДОРОВЬЮ СТУДЕНТОВ И КУРСАНТОВ

Кандидат психологических наук А. С. Марков
Кандидат медицинских наук Л. Д. Сыркин
Доктор медицинских наук В. М. Усов

Проведено исследование факторов риска психическому здоровью различного генеза с учетом продолжительности и интенсивности их воздействия на функциональные резервы и личностный адаптационный потенциал студентов и курсантов, обучающихся в высших учебных заведениях (ВУЗах). Изучение факторов риска осуществлялось на начальных этапах обучения в ВУЗах различных профилей методом экспертных оценок в интересах составления индивидуализированных программ здоровьесбережения.

Ключевые слова
Психическое здоровье, факторы риска психическому здоровью, метод экспертных оценок, программы здоровьесбережения

Согласно многочисленным исследованиям в области психогигиены и психопрофилактики (С. Б Семичев, 1972; Р. М Баевский, 1979; К. Гехт, 1979; М. М. Кабанов, А. Е. Личко, В. М. Смирнов, 1983; Л. П. Гримак, 1989; и др.), в качестве структурной составляющей в методологии охраны здоровья студенческой молодежи и курсантов военных ВУЗов на этапе адаптации к новым условиям жизнедеятельности и социализации целесообразно рассматривать мониторинг функциональных резервов организма и личностного адаптационного потенциала с учетом характера и интенсивности неблагоприятных средовых воздействий, в первую очередь эколого-социальной природы. В исследованиях ряда авторов (В. А. Пономаренко, 1987; В. Л. Марищук, 1984; В. Г. Асеев, 1986; Б. С. Братусь, 1988; В. А. Бодров, 2001, 2006; и др.), показано, что в новых условиях профессиональной и учебно-профессиональной деятельности могут проявляться аномалии и дефицитарность в развитии личности, что в перечисленных исследованиях трактуется как утрата её «равнове-

сия» с социальной и образовательной средой и как следствие нарушения процессов социальной и учебно-профессиональной адаптации.

В рамках концепции охраны здоровья здорового человека (В. А. Пономаренко, Н. А. Разумов, 1997; И. П. Бобровницкий, 2010; и др.), делается акцент на раннюю донозологическую диагностику и своевременную коррекцию отклоняющихся психических состояний на ранних стадиях развития адаптационного синдрома, что позволяет предупреждать исчерпание функциональных резервов и развитие дистресса. Данная методическая установка согласуется со стратегией и принципами здоровьесбережения Всемирной организации здравоохранения и рядом актов Российского законодательства («Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и др.) и отвечает современным требованиям общегосударственных подходов к формированию принципов здорового образа жизни и оздоровления лиц групп риска.

Среди различных социальных и возрастных групп населения особую озабоченность вызывают учащиеся образовательных учреждений, в частности студенты на этапе адаптации к условиям обучения в ВУЗе, когда переход к социально более значимым этапам профессионализации и качественно иной характер нагрузок может повышать вероятность исчерпания адаптационных резервов, вплоть до срыва механизмов адаптации и развития психических и поведенческих расстройств.

Высокая толерантность к неблагоприятным биологическим, генетическим, социальным и психогенным факторам в числе прочих индивидуальных особенностей может быть обусловлена сформированностью личностного адаптационного потенциала. Наличие высокого адаптационного потенциала, при этом, согласно существующим представлениям (В. С. Мерлин, Е. А. Климов, 1967; А. Г. Маклаков, 2001; и др.), указывает не на отсутствие врожденных аномалий и триггерных («пусковых») зон дезадаптации, а на ресурсные возможности психики формировать индивидуальный стиль когнитивной деятельности, обеспечивающий функционирование компенсаторных механизмов без существенного возрастания «психофизиологической цены» деятельности. Напротив, несформированность индивидуального когнитивного стиля может указывать на низкую толерантность к негативным средовым воздействиям и существенное возрастание рисков возникновения широкого спектра невротических, соматоформных и связанных со стрессом расстройств (в терминах МКБ-10).

Скрининг и рискометрия факторов, с которыми ассоциируются негативные проявления в сфере психических и поведенческих расстройств, могут осуществляться различными методами. В их числе составление перечня факторов и их ранжирование по значимости на основе анализа коллективного мнения экспертов. Метод экспертных оценок в данной ситуации представляется весьма перспективным, так как использование других методов, в определенной степени, ограничено. В первую очередь, это вызвано отсутствием в доступной литературе систематизированных статистических данных, отражающих структуру и выраженность психогенных эффектов комплекса негативных социально-психологических и экологических воздействий на адаптационный потенциал психического здоровья студента, что ограничивает применение традиционных эпидемиологических исследований. Психодиагностика на основе применения методов самооценки также, в ряде случаев, недостаточно эффективна в силу существования феномена «резистентности» испытуемых к опросным и анкетным методам, что по литературным данным (В. А. Бодров, А. Л. Сыркина, 2006) обусловлено механизмами

психологической защиты, выступающей в качестве своеобразного «рубежа» для проникновения во внутренний мир человека и обозначенного авторами термином «психологический иммунитет» [7, с. 21.]

С учетом изложенного, можно предположить, что высокая информативность методов рискометрии негативных воздействий на этапе учебно-профессиональной адаптации молодых людей к условиям обучения в ВУЗе, может быть достигнута параллельным использованием различных диагностических методов и процедур, с опорой на диагностические возможности метода экспертных оценок.

На первом этапе исследования с целью выявлении и оценки факторов риска снижения функциональных резервов и развития психических и поведенческих расстройств Л. Д. Сыркиным была разработана «Карта выявления значимости и силы влияния факторов риска на психическое здоровье студентов» (далее «Карта»). Теоретико-методологическими основаниями для создания карты явились теория адаптации и стресса Г. Селье (1979) и концептуальные взгляды Б. С. Братуся (1988) на психическое здоровье, как трехуровневое системное образование. По Братусю [8] высший уровень психического здоровья – личностно-смысловой, или уровень личностного здоровья, – определяется качеством смысловых отношений человека. Второй уровень – уровень индивидуально-психологического здоровья, оценка которого зависит от способностей человека построить адекватные способы реализации смысловых устремлений. Третий уровень – уровень психофизиологического здоровья, который определяется особенностями внутренней, мозговой, нейрофизиологической организации аспектов психической деятельности [8, с. 71] Замысел составления данной «Карты» предполагал охват широкого спектра стрессовых воздействий, «точками приложения» которых могут стать все три уровня психического здоровья.

На втором этапе исследования был осуществлен подбор экспертов и сформировано две экспертные группы из числа преподавателей гражданских гуманитарных ВУЗов (n=12) и преподавателей военных гуманитарных и технических ВУЗов (n=12). В первую экспертную группу вошли представители профессорско-преподавательского состава из ВУЗов Москвы, Коломны и Рязани. Экспертная группа военных преподавателей была, соответственно, представлена преподавателями из числа профессорско-преподавательским состава военных ВУЗов.

Третий этап исследования посвящен проведению экспертного опроса. Экспертам предлагалось определить влияние каждого из предъявленных 80 факторов на психическое здоровее обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Каждый из факторов, включенных в «Карту», с определенной долей условности был отнесен к одной из девяти групп:

I. «Генетические факторы риска»

II. «Физические (биологические) факторы риска»

III. «Социогенные факторы риска»

IV. «Факторы риска, обусловленные несовершенством организационной и нормативно-правовой базы»

V. «Психогении»

VI. «Дидактогении»

VII. «Экологические факторы»

VIII. «Риски, связанные с несовершенством формирования духовно-нравственной и ценностно-смысловой сфер»

IX. «Риски полифакторной природы»

Каждый из разделов «Карты» содержал «свободные строки», что позволяло экспертам рассматривать предложенный вариант «Карты» как открытый для модификации и дополнять его факторами риска по своему усмотрению.

В зависимости от продолжительности и силы воздействия фактора, риск его воздействия, в рамках предложенной методики, экспертам предлагалось выразить в

бальных оценках от 0 до 10.

В ходе четвертого этапа исследования осуществлялась обработка и анализ результатов экспертного оценивания. При сравнении средних значений оценок двух сформированных экспертных групп установлено, что в отношении 75 оцениваемых позиций или в 93, 75% случаев оценки экспертов из числа преподавателей гражданских ВУЗов и преподавателей военных ВУЗов оказались сопоставимыми и лишь в отношении 5 факторов, составляющих лишь 6,25% от общего количества оцениваемых экспертами показателей,

Таблица 1

Выявленные отличия при рискометрии психического здоровья студентов и курсантов методом экспертных оценок для групп сравнения (I – гражданские ВУЗы; II – военные ВУЗы)

Группа факторов риска	Наименование фактора	Сред. Знач. экспертной группы - I	Среднее значение экспертной группы - II	Критерий Манна-Уитни Uэмп.
I «Генетические факторы риска»	Генетическая детерминированность определенных психодинамических характеристик (своеобразие темперамента)	6,083	4,333	38 при P< 0,05
IV «Факторы риска обусловленные несовершенством организационной и нормативно-правовой базы»	Отсутствие сети кабинетов и Центров здоровья в образовательных учреждениях высшего профессионального образования	5,909	3,500	34 при P< 0,05
V «Психогении»	Существенное снижение ресурсов психического (психологического) здоровья студентов на предшествующих этапах воспитания и обучения (ДОУ, школа, лицей ко лледж)	6,083	4,250	40 при P< 0,05
VI «Дидактогении»	«Провалы» в существующей системе физического воспитания на предшествующих этапах воспитания и обучения (ДОУ, школа, лицей, колледж)	5,667	3,583	35,5 при P< 0,05
	Недостаточная подготовка педагогов в сфере теории и практики здоровьесбережения	5,167	3,083	37 при P< 0,05

выявлены значимые различия U критерия Манна-Уитни при p <0,05

Из представленных в таблице данных следует, что по указанным пяти факторам средние значения экспертных оценок преподавателей военных ВУЗов значимо ниже, по сравнению со средними значениями оценок экспертов из числа преподавателей гражданских ВУЗов, что косвенно может указывать на наличие различий в понимании роли перечисленных факторов в формировании рисков исчерпания функциональных резервов и адаптационных возможностей психики при анализе указанных воздействий и степени признания их в качестве факторов риска развития психических и поведенческих расстройств. Вероятно, представленные в таблице факторы риска определенным образом отражают некоторые различия, выявленные в ходе рискометрии методом экспертных оценок, связанные с укладом

жизни участников образовательного процесса и профилями ВУЗов.

Вместе с тем ранжированные перечни факторов, составленные на основе экспертных оценок двух, подлежащих сравнению групп, весьма сопоставимы по подавляющему большинству факторов риска, а различия в бальных оценках в

Таблица 2

Ранжированный перечень 30 наиболее значимых факторов риска развития психических и поведенческих расстройств

Экспертная группа «Преподаватели гражданских ВУЗов»				Экспертная группа «Преподаватели военных ВУЗов»			
Ранг	**Группа**	**Фактор риска**	**Балл**	**Ранг**	**Группа**	**Фактор риска**	**Балл**
I	V	Жертва насилия	8,17	I	V	Жертва захвата в заложники	8,42
II		Участник локальных боевых действий	8,08	II		Участник локальных боевых действий	8,08
III		Жертва захвата в заложники	7,67	III		Утрата близкого родственника (члена семьи, друга)	7,83
IV	IX	Выявление онкологического заболевания в ходе мед обследования	7,58	III		Жертва насилия	7,75
V	V	Утрата близкого родственника (члена семьи, друга)	7,50	V	IX	Получение в результате травм увечий, уродующих внешность	7,17
VI-IX	II	Нейроинфекции в анамнезе	7,25	VI		Выявление онкологического заболевания в ходе мед обследования	6,92
		Родовые травмы	7,25	VII	III	Отсутствие родительской семьи или недостаточное выполнение ею своих основных функций	6,75
	IX	Употребление психоактивных веществ в анамнезе в немедицинских целях	7,25	VIII	I	Психопатологическая отягощенность наследственности	6,67
		Суицидальное поведение в анамнезе	7,25	IX	IX	Выявление ВИЧ-инфицированности в ходе медицинского обследования	6,58
X	I	Неблагоприятный семейный анамнез по частоте девиантных (делинквентных и аддиктивных) поведенческих расстройств	7,17	X		Суицидальное поведение в анамнезе	6,50

XI-XII		Психопатологическая отягощенность наследственности	7,08	XI	II	Черепно-мозговые травмы в анамнезе	6,33
	IX	Выявление ВИЧ-инфицированности в ходе медицинского обследования	7,08	XII	I	Неблагоприятный семейный анамнез по частоте девиантных (делинквентных и аддиктивных) поведенческих расстройств	6,33
XIII-XIV		Получение в результате травм увечий, уродующих внешность	7,00	XIII	III	Неблагоприятный микросоциальный климат	6,33
		Пребывание в центре (эпицентре) техногенной или природной катастрофы	7,00	XIV	V	Разрыв с супругом (любимым человеком)	6,25
XV	VII	Проживание в населенных пунктах вблизи от зон экологического бедствия («Чернобыльская зона», местность вблизи предприятия «Маяк» и т.п.)	6,83	XV	IX	Пребывание в центре (эпицентре) техногенной или природной катастрофы	6,17
XVI	IX	Нежелательная беременность	6,75	XVI		Следы аутоагрессии (самоповреждений)	6,17
XVII-XVIII	II	Черепно-мозговые травмы в анамнезе	6,67	XVII		Недостаточно активная работа по развитию духовной составляющей образования и по обеспечению направленности личности студента на формирование культуры здоровья	6,08
	IX	Следы аутоагрессии (самоповреждений)	6,67	XVIII		Употребление психоактивных веществ в анамнезе в немедицинских целях	6,08
XIX-XX	VI Д	«Стрессовая педагогическая тактика» представителей профессорско-педагогического состава	6,58	XIX	VIII	Недостаточная действенность и эффективность общественно-государственных программ духовно-нравственного воспитания молодежи	6,00
	VII	Проживание в «фенольных» домах	6,58	XX	IX	Нежелательная беременность	6,00

Продолжение Таблицы 2

XXI-XIV	IV	Низкий уровень соматического здоровья	6,50	XXI-	VIII	Формирование ценностных ориентаций молодого поколения россиян в условиях несформированной национальной идеи (национального самосознания).	5,92
	V	Разрыв с супругом (любимым человеком)	6,50	XXII	I	Рождение в семье детей с видимыми пороками развития	5,83
		Негативное воздействие психотравмирующего содержания телевизионных программ и других средств массовой информации	6,50	XXIII	III	Безработица членов семьи, низкий уровень материальной обеспеченности	5,83
	VII	Бесконтрольное использование не прошедших сертификацию электронных бытовых приборов, являющихся источниками ионизирующих излучений, СВЧ поля, иных электромагнитных и лучевых воздействий	6,50	XIV	VII	Проживание в населенных пунктах вблизи от зон экологического бедствия («Чернобыльская зона», местность вблизи предприятия «Маяк» и т.п.)	5,75
XXV	I	Неблагоприятный семейный анамнез по частоте различных форм дизонтогенезов	6,42	XV	II	Нейроинфекции в анамнезе	5,67
XXVI	III	Безработица членов семьи, низкий уровень материальной обеспеченности	6,42	XVI	VII	Проживание в зонах природного неблагополучия	5,67
XXVII-XXVII		Отсутствие родительской семьи или недостаточное выполнение ею своих основных функций	6,33	XVII	I	Неблагоприятный семейный анамнез по частоте различных форм дизонтогенезов	5,58
	IX	Небезопасный секс	6,33	XXVII	V	Существенное снижение ресурсов психического (психологического) здоровья студентов за период обучения в	5,58

Продолжение Таблицы 2

XXIX	I	Наличие «Ахиллесовой пяты», специфического locus minoris resistencia, определяющих триггерные зоны снижения сопротивляемости организма стрессорам («где тонко - там и рвется»)	6,25
XXX	II	Факт перенесенного матерью инфекционного заболевания в первом триместре беременности	6,17
XXIX	IX	Небезопасный секс	5,58
XXX	I	Неблагоприятный суицидальный семейный анамнез	5,50

группах сравнения статистически не значимы.

Полученные результаты достаточно очевидно свидетельствуют о полифакторности и полимодальности вредных и опасных воздействий на психическое здоровье студенческой молодежи независимо от профиля обучения и напряженности учебно-профессиональной и будущей профессиональной деятельности. Реализуемый методический подход выявил некоторые количественные и качественные различия при сравнении ранжированных перечней факторов риска. Однако, как уже отмечалось, методами математического анализа статистически значимых различий по подавляющему большинству факторов риска, имеющих высокие ранги и оказывающие выраженное воздействие на психическое здоровье обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, не установлено.

Доминируют в ранжированных списках групп сравнения факторы риска, отнесенные к психогениям, в том числе связанные с психотравмирующими ситуациями высокой интенсивности, обусловленными угрозами терроризма (угроза захвата в заложники), криминализацией общества (угроза насилия) и угрозами межэтнических, межконфессиональных и иных региональных конфликтов (угроза вовлечения в боевые действия).

Представителями обеих экспертных групп высокие рейтинги присвоены ряду факторов риска, чьё воздействие опосредовано соматическим неблагополучием травматического, инфекционного генеза и онкологическими заболеваниями, то есть соматической патологией с неблагоприятными прогнозами и исходами.

Значительная часть выявленных факторов риска, которым эксперты присвоили высокие рейтинги, опосредованы как врожденными, так и приобретенными в условиях неблагоприятной макросоциальной среды аддиктивными и делинквентными тенденциями. Неблагоприятная микросоциальная среда, по мнению экспертов, в первую очередь, определяется отсутствием родительской семьи или ненадлежащим исполнением её своих основных функций.

По мнению экспертов групп сравнения, определенный вклад в негативное воздействие, которое оказывается на психику обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования также могут оказывать факторы экологического неблагополучия, среди которых преобладают техногенные воздействия, связанные с губительной для экосистемы хозяйственной деятельностью человека, а также экономические и социальные факторы, отражающие выраженное имущественное расслоение общества.

Заслуживает внимания тот факт, что обе экспертные группы при ранжировании факторов, оказывающих негативное воздействие на психическое здоровье обучающихся не присвоили высоких рангов факторам риска, включенным в группу «дидактогении», что вероятно, можно рассматривать как значимое различие воздействия факторов риска психическому здоровью данной воз-растной и социальной группы, по сравнению с группами школьников, для которых интенсивность воздействий «дидактогений» по литературным данным определяется как наиболее важное.

Заключение

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о том, что при составлении индивидуальных программ здоровьесбережения полученные ранжированные перечни можно использовать для выявления актуальных рисков и угроз психическому здоровью студентов и курсантов на начальном этапе обучения, когда напряжение механизмов адаптации достигает своего максимума и наиболее вероятны дезадаптивные расстройства психической деятельности и поведения. При этом, следует учитывать интенсивность, продолжительность и периодичность воздействия факторов риска и вредных для психического здоровья факторов. В случае совпадения факторов, воздействующих на психику конкретного испытуемого, с факторами, имеющими высокие рейтинги в составленном экспертами ранжированном списке, при определении суммарного риска предполагается, что чем выше у конкретного испытуемого суммарная бальная оценка, полученная путем сложения всех значений актуальных рисков, тем выше вероятность развития психических и поведенческих расстройств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонова Л. Н., Шульга Т. И., Эрдынеева К. Г. Психологические основания реализации здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – 100 с.

2. Асеев В. Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. – Иркутск, 1986. – С.3-17.

3. Баевский Р. М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. – М.: Медицина, 1979. – 295 с.

4. Бобровницкий И. П., Павлов В. Н., Разумов А. Н. и др. Диагностические технологии восстановительной медицины // Новые медицинские технологии. – 2010. – № 10. – С. 39-43.

5. Бодров В. А. Информационный стресс. Учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – 352 с.

6. Бодров В. А. Психология профессиональной деятельности. Учеб. пособ. для вузов. –М. : ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.

7. Бодров В. А., Сыркина А. Л. Исследование ценностно-смысловых характеристик личности профессионала // ЧФ: Проблемы психологии и эргономики. Выпуск 3 (36). – Тверь: «Эргоцентр», 2006. – С.20-24.

8. Братусь Б. С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.

9. Ворона А. А., Желтый О. П., Сыркин Л. Д., Усов В. М. Диагностика ценностно-мотивационных компонентов профессиональной направленности у молодых лиц для оценки риска развития психогений и выбора средств психокоррекции // IV Международная конференция «Современные технологии восстановительной медицины (диагностика, оздоровление, реабилитация)». – Сочи, 2001. – С. 22-26.

10. Гехт К. Психогигиена / Пер. с нем. Г. С. Черновой; Общ. ред. и вступит. ст. Л. А.

Богдановича. – М.: Прогресс, 1979. – 176 с.

11. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.

12. Кабанов М. М., Личко А. Е., Смирнов В. М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. – Л.: Медицина, 1983. – 312 с.

13. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психол. журн. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16-24.

14. Марищук В. Л. Перераспределение функциональных резервов в организме спортсмена как показатель стресса // Стресс и тревога в спорте. – М.: ФиС, 1984. – С. 58-73.

15. Мерлин В. С., Климов Е. А. Формирование индивидуального стиля деятельности в процессе обучения //Советская педагогика. – 1967. – № 4. – С. 110-118.

16. Пономаренко В. А., Разумов А. Н. Новые концепции охраны и восстановления здоровья здорового человека в трудовой деятельности. – М., 1997. – 149 с.

17. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 125 с.

18. Семичев С. Б. Теория кризисов и психопрофилактика // Труды Ленингр. научисслед. психоневрологического ин-та им. В. М. Бехтерева. – Т. 63. Неврозы и пограничные состояния. – Л., 1972. – С. 96-99.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.922.767
ББК 88.840

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ

Кандидат психологических наук В. Н. Ослон

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей психосоциального развития подростков-сирот в условиях родственной и неродственной опеки. В качестве основного подхода к изучению проблемы использован сравнительный анализ. Сравнение полученных данных в группах подростков, имевших опыт институционального воспитания, и подопечных, с рождения воспитывающихся в расширенной биологической семье, показали, что подростки, не имеющие институционального стажа, более сохранны и менее подвержены депривационным нарушениям в развитии по сравнению бывшими воспитанниками сиротских учреждений. Рассмотрено влияние семейной травмы на функционирование семей, осуществляющих родственную опеку, и характер взаимоотношений опекунов с подопечным подростком. Описаны причины дезинтеграции подопечных подростков из семейных систем в родственной и неродственной опеке.

Ключевые слова
Подопечные подростки, замещающие семьи, пубертатный кризис, травма, аффективно-личностная сфера, «сиротский симптомокомплекс», семейные дисфункции

Сегодня более полумиллиона детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывается в условиях семейной опеки. Отсутствие системы сопровождения снижает ресурсы семейных систем в компенсации депривационных нарушений в развитии у детей и нередко ставит семьи на грань деструктивного функционирования. Как показали результаты прикладного исследования «Последствия возврата ребенка из замещающей семьи» [1], чаще всего опекуны отказываются от воспитания своих подопечных, когда те достигают подросткового возраста. Проблемы пубертатного кризиса у подростков, с которыми трудно справиться любой семье, в замещающей зачастую становятся той последней каплей, которая запускает и актуализирует механизмы отторжения. По данным исследования абсолютное большинство мальчиков к моменту отказа от них опекунов достигли 13-14 лет, девочки – 15 до 17 лет. При этом доля детей, отторгнутых семьями неродственной опеки, незначительно превышала аналогичный показатель в семьях, где попечителями были кровные родственники (в основном прародители), а подростки воспитывались в семье с рождения. Анализ последствий

влияния подобного поворота судьбы и динамики процесса адаптации возвращены подростков в учреждении выявил значительный регресс в их личностном развитии, который усугублялся с каждым годом пребывания в детском доме.

Все это делает подопечных подростков и их замещающие семьи особой целевой группой психологического сопровождения.

Как правило, в нашей стране дети, получившие статус сироты или оставшиеся без попечения родителей, либо продолжают воспитываться в своих расширенных биологических семьях (родственная опека), либо попадают в институциональные условия, а только затем на семейное жизнеустройство (чаще всего неродственная опека). Можно обоснованно предположить, что различия в жизненном пути детей оказывают значительное влияние на их психосоциальное развитие, протекание подросткового кризиса и взаимоотношения в семье. Проявления пубертатного кризиса у подопечных истощает психологические ресурсы семьи и могут способствовать дезинтеграции подопечных. Все это необходимо учитывать при организации психологического сопровождения замещающих семей.

Чтобы подтвердить или опровергнуть наши гипотезы, мы провели исследование, в котором приняли участие 85 московских опекунских семей, воспитывающих подопечных подростков (соответственно: первая группа – семьи родственной опеки – n=40, подростки – n=40из; вторая группа – семьи неродственной опеки – n = 45, подростки – n = 45). Основаниями для включения их в выборку стали: отсутствие – наличие институционального опыта у детей, подростковый возраст подопечных, форма опеки (родственная – неродственная), диагностированный семейный кризис. Все подростки, имеющие институциональный опыт, проживали в семьях неродственной опеки не менее 5 лет. Подростки в родственной опеке воспитывались в семьях с рождения. Средний возраст подопечных составил около 14 лет. Большинство опекунов выражали желание отказаться от воспитания подопечных. Семьи не проходили подготовку к приему и не получали услуги по сопровождению.

Разработанный психодиагностический комплекс включил более 20 методик, которые позволили как провести обследование аффективно-личностной сферы подростков, так и диагностировать состояние семейных систем. При обследовании подопечных особый акцент был сделан на использование проективных методик. Это дало возможность нивелировать влияние «фильтра» социальной желательности и трудностей вербализации своего эмоционального состояния.

Чтобы выделить признаки «сиротского симптомокомплекса» у подопечных подростков нами был составлен перечень наиболее часто выделяемых авторами психологических характеристик детей-сирот.

В перечень вошли такие нарушения аффективно-личностной сферы, как «базовое доверие к миру», снижение способности к установлению привязанности [2, 3], ориентация на внешний контроль, недоверие к себе, зависимость, перекладывание ответственности на других, сужение временной перспективы [4]. В перечень вошли и признаки так называемого «синдрома приемного ребенка» [5], который проявляется в сниженной самооценке, недостаточном межличностном доверии, плохой успеваемости, трудностях в установлении близких отношений. Были учтены и указания авторов [6] на возможное развитие у приемных детей посттравматических стрессовых расстройств, связанных с ранее пережитыми психическими травмами.

В рамках задач исследования были также проанализированы семейные условия, которые оказывали влияния на аффективно-личностную сферу подростков и про-

текание у них подросткового кризиса.

Для статистической обработки данных, полученных в результате исследования, была использована компьютерная программа PASW Statistics 18.0. В ходе статистической обработки с помощью критерия Манна-Уитни было проведено сравнение некоторых характеристик аффективно-личностной сферы подростков в зависимости от наличия институционального стажа, а также различных показателей функционирования семей разных форм опеки (родственной – неродственной). Были выделены те из них, которые имели значимые различия.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ некоторых характеристик аффективно-личностной сферы подростков в зависимости от наличия институционального стажа, выявил ряд значимых различий. Прежде всего, они относились к самооценке подростков своей способности к установлению дружеских, доверительных отношений с другими людьми ($p \leq 0{,}004$, Опросник С. Хартер «Шкала самовосприятия подростка») [7].

Подростки, не имеющие институциональный стаж, достоверно выше оценивали свои потребности и возможности по данному показателю ($p \leq 0{,}001$). Они достоверно чаще указывали, что способны найти друзей, которым «действительно можно доверять». Причем значение среднего показателя в группе соответствовало норме, установленной для российских подростков (16,08) Радиной Н. К., Терешенковой Е. Ю [7]. У подростков, имеющих даже незначительный стаж воспитания в учреждении (не более 2-х лет), проблема недоверия стала одной из ведущих при оценке собственных взаимоотношений с другими. Опрошенные выражали убежденность в невозможности найти друзей, «которым действительно можно доверять», и выстраивать с ними отношения доверия. По всей вероятности, подростки, воспитывающиеся в расширенной биологической семье, оказываются более продуктивными в разрешении проблем «базового доверия к миру», что «облегчает» им формирование самоидентичности. В определенном смысле в качестве критерия, позволяющего судить об этом, является возрастная идентификации, которую Белопольская [8] считает важнейшим базовым компонентом структуры идентичности. Изучение возрастной идентификации у подростков (тест «Человек под дождем») показало, что подопечные из родственной опеки достоверно чаще ($p \leq 0{,}004$) идентифицировали себя со своим возрастом (для сравнения: каждый третий респондент в данной группе, каждый шестой – в группе подростков с институциональным опытом). У подростков с институциональным опытом наблюдалась явная тенденция к возрастной регрессии (каждый второй респондент), что негативно отразилось и на принятие ими своей половозрастной роли и индивидуального времени. Они достоверно чаще ($p \leq 0{,}013$) нуждались в защите и опеке, ощущали необходимость в переносе ответственности за собственную жизнь на других, испытывали заторможенность при взаимодействии с людьми, т. е. вполне соответствовали образу ребенка-сироты. У подростков, не имеющих институционального опыта, более сформированными оказались и возможности в совладании с трудными жизненными ситуациями (увеличение размера фигуры в тесте «Человек под дождем» у подростков данной группы и явное уменьшение в другой). Практически, у каждого подростка с институциональным опытом (91,1%, n=45) в проективном тесте («Человек под дождем»), представлен комплекс деталей, свидетельствующий о высоком уровне тревоги, негативных эмоциональных переживаниях, постоянном ожидании неприятностей. У подростков-родственни-

ков эмоциональный фон был более благоприятен (у каждого второго). При этом подростки независимо от группы проявили склонность к катастрофизации жизненной ситуации (по данному показателю не выявлено значимых различий между группами), восприятию любой трудной ситуации как перманентно тяжелой («Человек под дождем»). Их объединяли переживания, связанные с невозможностью контролировать результат происходящего. Эта особенность была обнаружена и у выходцев из замещающих семей в период ранней взрослости [4] и отнесена к проявлениям «сиротского симптомокомплекса». У подростков, имеющих институциональный опыт, выявлена явная несогласованность осознаваемых и бессознательных аспектов отношения к себе, опекунам, индивидуальному времени и т. д. Так по результатам выполнения проективного теста у подопечных с институциональным опытом наблюдается явное снижение самооценки, проявившееся в уменьшении фигуры, в ее особой позиции на листе (внизу, ближе к левому краю). При этом они достаточно высоко оценивали собственную удовлетворенность жизнью, самоэффективность, компетентность, социальную привлекательность, физическую форму и т. д. (Тест «Шкала оценки своей компетентности» – суммарный балл – 76,2778, Опросник детской депрессии, Ковак М. – 53,7895). Особую сензитивность они проявляли к характеристикам, свидетельствующим о их привлекательности для других. В группе детей из родственной опеки подобного рассогласования не выявлено. При этом они достоверно ниже оценивали себя по данным показателям.

У подростков, не имевших институционального опыта, можно констатировать и более высокий уровень сформированности потребности в прочной и глубокой привязанности (тест ЦТО), которая у большинства подростков на момент обследования была фрустрирована и являлась легко травмирующей мишенью (близость к синему цвету). В группе подростков с институциональным опытом ведущей оказалась потребность в большом количестве мало дифференцированных контактов (тест ЦТО, близость к желтому цвету). У них выявлена высокая зависимость от средовых воздействий, эмоциональная переключаемость без глубины переживаний и постоянства привязанностей (тест ЦТО, близость к желтому цвету). Эти особенности были выявлены у подростков-воспитанников сиротских учреждений [9]. В отношениях с опекунами все подростки переживали дефицит близости и поддержки в трудной ситуации (тест «Человек под дождем»). При этом родственники достоверно чаще проявляли большую стеничность (близость к красному) и предъявляли протестные реакции, пытаясь противодействовать внешнему давлению (близость к черному цвету), что не проявлялось у подростков с институциональным опытом. Изучение эмоциональной основы паттернов взаимоотношений с опекунами у подростков выявило ряд значимых различий (ЦТО). У каждого третьего подростка цветоассоциации с образом опекуна (ЦТО) были связаны с такими его эмоционально-личностными характеристиками, как эгоизм и неискренность (фиолетовый цвет). У каждого 4-го – с доминантностью и импульсивностью опекуна. При этом опекун оставался объектом глубокой привязанности, хотя и неспособным удовлетворить потребности в эмоциональной близости (красный, желтый цвета). Выявлена низкая валентность цвета опекуна в раскладке подростка (не ближе 5-го места). Как правило, его цвет шел после цвета подростка («опекун еще хуже, чем я»). У подростков с институциональным стажем опекун занимал более авторитетную позицию. Валентность его цвета была достоверно выше, чем у подростков из родственной опеки и выше собственной валентности («опекун лучше, чем я»). Часть подростков прояв-

ляла стремление к самоидентификации с опекуном, хотя у самих опекунов эта тенденция не прослеживалась. У каждого 3-го подростка опекун был объектом достаточно поверхностной и нестабильной привязанности (желтый цвет). Каждый пятый воспринимал отношения с опекуном как достаточно жесткие, а поведение как авторитарное (зеленый цвет).

Сопоставление самооценок подростка и его представлений о том, как его оценивает опекун, и самих оценок опекунов (тест «Лесенка»), выявило значимые различия в группах подростков. У подростков из родственной опеки совпадений, практически, не выявлено: 70% несовпадений. Они были убеждены, что опекуны к ним относятся сверхкритично, хотя в оценках опекунов этого не проявлялось. Подростки воспринимали опекуна как «критикующего», «гиперконтролирующего» и «отвергающего». В неродственной опеке наблюдается попытка идеализации отношений опекуна со стороны подростков. В их представлениях опекуны выше оценивали их возможности, чем они сами. При этом опекуны фиксировали в качестве одного из основных нарушений в поведении подопечных «постоянное стремление спровоцировать их на наказание» (35,6%). В целом, отношение к опекуну у подростков с институциональным опытом носит амбивалентный характер, который проявляется, с одной стороны, в стремлении идентифицироваться с ним, признании его значимости, определенной идеализации взаимоотношений, с другой, в невозможности установить отношения стабильной привязанности, стремлении к постоянной проверке его личностных границ.

Особое внимание обращают на себя результаты изучения неосознаваемых аспектов отношения подростков к своему будущему с помощью цветоассоциативного теста (ЦТО). Вне зависимости от группы модель будущего у подопечных не проработана. У подростков-родственников в большинстве случаев она отражает либо стремление блокировать насущные потребности (серый цвет), либо отличается незрелостью, неопределенностью и иррациональностью (фиолетовый цвет). У абсолютного большинства подростков из неродственной опеки образы будущего мало дифференцированы, хотя и отличаются большей активностью и потребностью в переменах (желтый цвет).

Изучение наличия признаков ПТС у подростков (ПИВППСД, Н. Тарабрина, 2008) позволило выделить значительную группу подростков – носителей данных симптомов как в семьях родственной (около 60% респондентов), так и неродственной опеки (около 40%). На наш взгляд, эта разница объясняется более мощным воздействием механизмов вытеснения у подростков с институциональным опытом. Временная отдаленность травмы имела разброс от 7 лет до 0. Интенсивность ее переживания в обеих группах была ближе к среднему. В содержании травматических переживаний у подростков преобладали темы, связанные со смертью родителей (около 50%), отвержением, предательством опекунов (36 %); изъятием из семьи (9 %), отвержением кровной матери (5%). У подростков с институциональным опытом каждое третье травматическое переживание было связано с темой насилия в сиротском учреждении, в основном, физического. В континууме взросления у подростков травмы, как правило, следовали одна за другой. В семьях родственной опеки имело место накопление переживаний и стресса, что только усугубляло ситуацию развития ребенка. В целом опекуны-родственники проявляют большую сензитивность к травматическим переживаниям подопечных по сравнению с опекунами-не родственниками (тест «РАДОТПД», Н. Тарабрина, 2008). В самой ситуации травмы они оказываются более откликаемыми. При этом отдаленные последствия травмы опекунами игнорируются, независимо от родства.

Выявлены значимые различия между показателями теста «ПИВППСД» и «РАДОТПД». В подавляющем большинстве у детей, которым было диагностировано ПТСР, опекуны не замечали состояния стресса. Во всяком случае, не связывали нарушения в поведении ребенка с травматическими переживаниями. Фактически, семьи независимо от статуса не в состоянии выполнять в силу различных причин функцию валидирующего и поддерживающего окружения для подопечных. Сравнительный анализ характеристик развития семейных систем в зависимости от наличия родства с подопечными подростками выявил и более высокий уровень нарушений семейного функционирования в семьях родственной опеки. Установлена взаимосвязь между уровнем дисфункциональности семьи («Тест семейной динамики») и характером событий, предшествующих приему ($p \leq 0{,}001$). В семьях родственной опеки приему, как правило, предшествовали трагические события: смерть (для сравнения: родственная опека – 37,5%, неродственная – 2,2%), исчезновение собственного ребенка – родителя подопечного (12,5%), либо лишение его родительских прав вследствие тяжелой химической зависимости и невозможности воспитывать детей (42,5%). Часть родителей подопечных умерли уже после установления опеки (27,5%). В семьях неродственной опеки события, предшествовавшие приему, не были столь драматичны. В основном, они были связаны с «пустым гнездом», потерей работы, проблемами повторного брака. «Вынужденность» приема в родственной опеке отразилась и на его мотивах. Если ведущие мотивы приема в семьях неродственной опеки связаны с потребностью в ребенке, возможно в его заместительной функции, (невозможность родить собственного ребенка, надежда на то, что с приемом ребенка жизнь приобретет новый смысл, потребность родителей, матери, проявлять заботу о ком-то и быть нужными), то в семьях родственной опеки они обусловлены «жалостью и состраданием к детям, оставшимся без родительской заботы» (для сравнения: родственная опека – 42,5%, неродственная – 6,6%), «долгом перед умершими родственниками» (для сравнения: родственная опека – 9,3%, неродственная – 0). Травматический стресс в семьях родственной опеки оказывает негативное влияние на уровень удовлетворенности опекунов в основных сферах жизнедеятельности (семья, личная жизнь, карьера, досуг и т. д.). По данному показателю выявлены значимые различия с семьями неродственной опеки ($p \leq 0{,}001$). В родственных семьях зафиксирован и высокий уровень конфликтности (каждый третий опрошенный отметил частые конфликты в семье). Сам факт установления опеки, по мнению членов семьи, негативно отразился на взаимоотношениях в системе.

Длительная травматизация снизила способность семейных систем к совладанию с семейными стрессами. Пубертатный кризис подопечных привел семьи на грань деструктивного функционирования (суммарный балл – 65,5588 по результатам тест «Семейная динамика»). Семьи жаловались на дефицит эмоционально близких и четких иерархических отношений (ФАСТ). Им явно не хватало согласия и в плане ролевых ожиданий друг от друга. Смешение родительских и прародительских ролей обусловило осложнило реализацию и тех и других функций. Системы, пытаясь сохранить свою целостность, способствовали «застреванию» опекаемых в роли (Ролевая карта семьи) «идентифицированного клиента». На выполнение подростком роли «члена семьи, создающего неприятности» указало 87,5% опекунов.

Наиболее конфликтогенными зонами для семей родственной опеки стали области контроля и доверия. Этому способствовала перегруженность отношений с подростками проекциями деструктивных

семейных сценариев. Основные страхи опекунов были связаны с возможностью повторения детьми судьбы своих родителей. В семьях выявлено преобладание паттернов критики и наказания при явном дефиците поддержки. С помощью критики, индуцирующей чувство стыда у подростков, запретов, попыток постоянного контроля опекуны пытались «улучшить» семейные сценарии. Выявлены значимые различия в семьях родственной и неродственной опеки по уровню доверия к подростку. В родственной опеке коэффициент недоверия достоверно выше. Для сравнения: коэффициент недоверия к ребенку в семьях родственной опеки – 2,81, в семьях неродственной – 2,2 при максимальном значении шкалы – 3 ($p \leq 0{,}000$). Опекуны-родственники чаще проецировали на подростка собственные нежелательные качества (тест АСВ). В их семьях зафиксирован высокий уровень тревоги (тест семейной тревоги). Опекуны ощущали себя в роли «жертвы», «заложника» семейной ситуации. Необходимость выполнения семейных обязанностей они нередко воспринимали как «непосильную задачу».

В семьях неродственной пубертатный кризис подопечных, фактически, возвращал семью к структурному кризису начальных этапов становления семьи в качестве замещающей [9], когда «базовая» семья (семья до приема), пытаясь сохранить свою целостность, сплачивалась, а приемный ребенок «застревал» на периферии в роли «идентифицированного клиента». При этом подросткам достоверно чаще по сравнению с подопечными из семей родственной опеки приписывалась семейная роль «затаивающий обиду» (Семейные роли), что, по всей вероятности, отражает опасения семьи в отношении опекаемого ($p \leq 0{,}001$).

Выводы:

- Подопечные подростки, не имеющие институционального опыта и воспитывающиеся в расширенных биологических семьях, более сохранны в отношении развития аффективно-личностной сферы по сравнению с подростками, длительное время проживающими в условиях замещающей семьи, но получившими опыт воспитания в сиротском учреждении;
- У подопечных подростков с институциональным опытом в условиях пубертатного кризиса актуализируются признаки «сиротского симтомокомплекса», что может спровоцировать структурный кризис в замещающей семье и их дезинтеграцию из семейной системы;
- В качестве общих признаков «сиротского симптомокомплекса» у подростков обеих групп можно рассматривать определенные «искажения» когнитивных моделей оценки жизненных ситуаций (катастрофизация, убежденность в невозможности контролировать обстоятельства), а также собственного будущего;
- Негативные паттерны взаимоотношений в семьях родственной опеки вследствие длительной травматизации и снижения способности систем к совладанию с семейным стрессом не позволяют подростку завершить ситуацию травмы сиротства, а семье выполнять валидирующие и поддерживающие функции в отношении подопечного. Это усугубляет ситуацию пубертатного кризиса у подростка и может способствовать отказу от его воспитания у опекуна;
- Вне психологического сопровождения пубертатный кризис у подопечных может вывести семью на уровень деструктивного функционирования. Мишенью психологического сопровождения в семьях родственной опеки должно стать, прежде всего, завершение ситуации травмы, в семьях неродственной опеки – структура семьи и депривационные нарушения в развитии подростков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ослон В. Н. Последствия возвратов из замещающих семей (по результатам прикладного исследования) // Детский дом. – 2009. – № 4.

2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., 2003.

3. Эриксон Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эриксон. – 2-е изд. – СПб.: Ленато, 2006. – 592 с.

4. Ослон В. Н. Некоторые особенности личностного развития в период ранней взрослости у выпускников различных форм альтернативной заботы // Российский научный журнал. – 2010. – №4.

5. Schecter et al., Schecter M. D. About adoptive parents an Parenthood: Its Psychology and Psychopathology, ed E. J. Anthony and T. Benedek. – Boston: Little Brown, 1970.

6. Ryan G. Victim to victimizer: rethinking victim treatment // J. Interpersonal Violence. – 1989. – T. 4 (3). – C. 325-341.

7. Радина Н. К., Терешенкова Е. Ю. Личностный опросник С. Хартер – психодиагностический инструмент нового поколения для изучения персональной идентичности подростка // Журнал прикладной психологии. – 2006. – №1.

8. Белопольская Н. Л. Экспериментальное исследование возрастной идентификации у людей, совершивших суицидальную попытку // Психологическая наука и образование. – 2010. – №2.

9. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. – М.: Изд-во «Генезис», 2006. – 366 с.

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 378
ББК 74.58
Педагогика

ДИДАКТИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНО-КРЕАТИВНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ

Кандидат педагогических наук О. В. Раздорская

В статье рассмотрена технология дидактического спектакля как средства раскрытия творческого потенциала студентов-медиков в процессе изучения иностранного языка. Предложены методически обоснованные и апробированные сценарии дидактических спектаклей для студентов-медиков разных специальностей. Системно проанализированы коммуникативные умения и рефлексивно-креативные навыки, приобретаемые студентами в процессе подготовки и постановки дидактического спектакля.

Ключевые слова
Дидактический спектакль, креативные навыки, педагогическое сопровождение процесса развития креативности, профессионально ориентированный курс изучения английского языка

Современные педагогические технологии преподавания учебных дисциплин, правила педагогического общения преподавателя и студента, рекомендации по развитию профессиональных и личностных качеств студента занимают значительное место в учебно-воспитательном процессе вуза. Все эти технологии, правила и рекомендации требуют творческого применения с учетом конкретных условий, личностных особенностей партнёров по педагогическому общению [1. С. 103, 2. С. 154]. Механическое применение этих технологий не всегда даёт ожидаемый результат, поэтому мы считаем целесообразным применение креативно-рефлексивного подхода для активизации процесса обучения и формирования творческих качеств студента. Реализация рефлексивно-креативного подхода предполагает создание исследовательского пространства, личностно-созидательной системы профессионально-исследовательского обучения, когда на первое место выходит самосозидающая, самотворящая деятельность и осознающая личность, персонально ответственная за результаты своей будущей профессиональной деятельности [2. С. 323].

Студент, на наш взгляд, это не только субъект педагогического воздействия, прослушивающий курс лекций и посещающий практические занятия, но и личность, развивающаяся и воспитывающаяся, приобретающая профессиональные навыки, в том числе, и творческие. В наше время наблюдается тенденция к замене парадигмы «человека знающего» (т. е. вооружённого

системой знаний, умений и навыков) на парадигму «человека, подготовленного к жизнедеятельности», т. е. человека, способного активно творчески мыслить и действовать, постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться. Творчество должно стать ценнейшим элементом, составной частью содержания образования, т.к. оно имеет прямое отношение к средствам образования, воспитания и развития. Педагогу необходимо давать учащимся возможность максимально проявлять свою креативную инициативу. Только так можно вырастить творческого специалиста.

Термин «дидактический спектакль», заимствованный многими педагогами из воспитательной системы В. А. Караковского, недостаточно часто применяется в современной педагогике и рассматривается в основном как средство воспитания дошкольников. По нашему мнению, дидактический спектакль в ВУЗе должен иметь познавательный характер. Можно сказать и по-другому: дидактический спектакль – это занятие, на котором учащиеся получают полезную информацию в процессе театрализованного действия. Дидактический спектакль открывает много новых возможностей для творческого педагога и обучаемых им студентов, которые могут попробовать себя в качестве сценаристов, режиссёров и актёров, получая при этом знания по предмету.

Дидактический спектакль является важным средством развития креативных навыков студентов, а этап рефлексии, проводимый и инициируемый преподавателем после постановки спектакля, способствует развитию у студентов навыков самооценки, инновативного мышления, вербальной креативности.

Дидактический спектакль является альтернативной формой самостоятельной работы студентов по дисциплине Иностранный язык. Наряду с написанием рефератов, составлением презентаций, кроссвордов по изучаемым темам, дидактический спектакль является наиболее популярным среди студентов видом самостоятельной работы. Дидактические спектакли разработаны нами для студентов по специальностям Лечебное дело, Фармация, Педиатрия, Стоматология, Экономика и управление в здравоохранении.

Для студентов по специальности Лечебное дело нами разработан сюжет дидактического спектакля «Курить или не курить?» Он проводится в виде итогового занятия после изучения модуля «Заболевания органов дыхательной системы». В процессе изучения тем модуля студенты отрабатывают фрагменты спектакля, используя профессионально ориентированную лексику, и становятся креативными соавторами сценария спектакля. Спектакль имеет не только воспитательную, но и образовательную цель, т. к. в ходе его проведения идёт активное усвоение коммуникативных навыков, речевых образцов, фраз, используемых в ходе дискуссий.

Спектакль проходит в виде ток-шоу, участниками которого являются: курящий доктор, его коллеги, пациенты, представитель компании-производителя сигарет, преподаватель биоэтики, юрист; в ролях ведущего и зрителей ток-шоу, высказывающих своё мнение по теме, выступают остальные студенты группы.

Согласно сценарию, главный герой игры – доктор-пульмонолог высшей категории с опытом работы 15 лет, пользующийся уважением своих коллег и начальства. Он является одним из лучших специалистов-пульмонологов в городе, и на приём к нему всегда стремятся пациенты. Пациентка, страдающая эмфиземой лёгких, записавшаяся на приём к этому врачу, случайно увидела доктора курящим в ординаторской. Пациентка осуждает поведение врача и желает лечиться у другого врача, мотивируя это тем, что если врач не заботится о своём здоровье, то он не сможет позаботиться о здоровье пациентов. Реакция пациентки на поведение врача является поводом для дискуссии между участниками дидактического спек-

такля. Воспитательная цель этого спектакля – помочь студентам осознать, что здоровье конкретного человека во многом определяется отношением самого человека к своему здоровью, в том числе и наличием у него вредных привычек, таких как курение. На просмотр дидактического спектакля приглашаются студенты других групп и иностранные студенты, обучающиеся на английском языке, которым отводится роль не пассивных слушателей, а участников дискуссии. Приводим фрагмент дидактического спектакля на русском языке:

«Ведущий: Сегодня у нас в гостях Сергей Игнатов, известный врач-пульмонолог, работающий в областной больнице, его коллеги и пациентка, отказавшаяся от лечения у доктора Игнатова. Уважаемая Наталья М., чем можно объяснить Ваш отказ от лечения?

Пациентка: Да, я отказываюсь лечиться у доктора Игнатова. Я лучше пойду к другому врачу!

Ведущий: Но почему? Все мы знаем, что доктор Игнатов – опытный специалист, один из лучших пульмонологов в городе…

Пациентка: Придя в больницу, я случайно увидела, что доктор курил. Разве он сможет позаботиться о моём здоровье, если он не заботится о своём здоровье?!

Ведущий: Уважаемый доктор, что вы думаете по этому поводу?

Врач-пульмонолог: Да, я курю, но это моё личное дело! В первую очередь, я опытный специалист, и это подтвердят мои коллеги!

Врач-кардиолог: Конечно, все знают, что Сергей Игнатов – квалифицированный пульмонолог. Кстати, я работаю в областной больнице уже 10 лет, и постоянно вижу, что он курит…

Врач-невролог: Да, он курит, но ведь пациентам важнее его квалификация! Когда к нам приходят пациенты, они думают о лечении, а не о наших вредных привычках!

Пациентка: А, по-моему, врач не должен иметь вредные привычки. Тем более что врачи всегда пропагандируют здоровый образ жизни!»

По окончании проведения дидактических спектаклей проводится послеигровая рефлексия – самоанализ, несущий важнейшие функции профессионального обучения и воспитания. Он предусматривает рефлексию удачных и неудачных решений. Преподаватель и студенты анализируют, какие языковые и коммуникативные навыки и умения осваивались в процессе постановки спектакля, достаточно ли повторений действий, чтобы сформировались эти навыки и умения, или необходимы дополнительные упражнения и т. д. Контроль выполнения заданий производится совместно: оценка работы, как со стороны преподавателя, так и со стороны самих студентов, а также самооценка студентов, непосредственно участвовавших в игровой ситуации, составляют в совокупности итоговую оценку. На наш взгляд, такая рефлексивно-креативная технология приводит к тому, что студенты начинают сами находить связи и отношения тем изучаемого модуля, оценивать свои поступки и рассуждать о них, давать им свою оценку.

Для нас особый интерес представляет самооценка студентами такого нового для них вида работы, как дидактический спектакль. По окончании спектакля преподаватель инициирует рефлексию студентов и просит оценить значимость для них участия в спектакле и полученных результатов. Приведём отзывы некоторых студентов – участников спектакля.

Сергей И., исполнитель роли курящего доктора: «Мы получили роли за месяц до спектакля, консультировались друг с другом и с преподавателем. Интересным было то, мы выбрали роли по желанию, и сами участвовали в написании сценария. Я думаю, что серьёзные проблемы нужно обсуждать именно так – на конкретных примерах, с юмором, а не с помощью нравоучений и морализаторства».

Наталья М., исполнитель роли пациентки: «Я выбрала именно эту роль, по-

тому что в реальной жизни я поступила бы точно так же. Я думаю, что, выступая в роль пациентов, студенты могут посмотреть со стороны на профессиональные качества врачей, а это очень полезно для нас как будущих специалистов».

Марина В., исполнитель роли врача-кардиолога: «Участвуя в дидактическом спектакле, мы быстрее запоминаем лексику и грамматические правила, например, вопросительные формы времён глаголов. Это гораздо интереснее обычных грамматических упражнений, ведь одновременно мы обсуждаем проблемы, связанные с будущей профессией».

Возвращаясь к воспитательной цели спектакля, отметим, что профилактическая работа со студентами и воспитание здорового образа жизни будущего медработника является эффективной при условии привлечения и активного, творческого участия самих студентов. Только при этом условии информация, полученная в ходе подготовки спектакля, имеет максимальные шансы быть использованной на практике.

Целью дидактического спектакля для фармацевтов является изучение профессионально ориентированной лексики и речевых образцов, имитирующих общение провизора с посетителями аптеки, коллегами, руководством аптеки, студентами-практикантами. За основу сценария дидактического спектакля «Клиент всегда прав», предлагаемого студентам-фармацевтам, взяты взаимоотношения сотрудников аптеки с различными типами клиентов, такими как:

«Профессиональный больной» – давно и безнадежно болен, знаком со всеми светилами медицины, прекрасно ориентируется в лекарственных препаратах.

«Недовольный» – ему не нравится никто и ничего и не понравится никогда.

«Неуравновешенный» – похож на цистерну с горючей смесью, готовой взорваться от малейшего толчка.

«Грубиян» – готов обругать провизора только за то, что он не вспомнил названия «лекарства от насморка в такой большой, светло-желтой коробке».

«Праправнук Дракулы» – не грубит, не хамит и не впадает в истерику, но от общения с ним провизор очень сильно устаёт, так как это эмоциональный вампир.

«Болтушка» – заходит в аптеку просто так – погреться, поболтать о том, о сём, скоротать обеденный перерыв.

«Экскурсант» – ходит в аптеку не за лекарствами, а за «полезной информацией», которая, по его мнению, может пригодиться ему со дня на день.

«Дон Жуан» – готов флиртовать со всеми подряд [4. С. 32].

В ходе подготовки дидактического спектакля студенты выбирают карточки с краткой характеристикой каждого персонажа спектакля, переводят её на английский язык, дополняют её собственными характеристиками, готовят вопросы для диалога. Студенты, наиболее детально разработавшие свою роль, претендуют на более высокую оценку их работы.

Студентам предлагается смоделировать общение с вышеуказанными клиентами. Выступление в ролях посетителей аптеки помогает студентам посмотреть на будущую профессию со стороны, лучше понять проблемы клиента, особенности его поведения, задуматься о методах общения с проблемными клиентами. Более того, происходит обучение языку через квазипрофессиональную деятельность, моделирующую специфическую среду работы провизора, и специальности – через язык. Самоподготовка студентов к ситуациям для спектакля и их выполнение способствуют овладению социальными и профессиональными функциями будущего специалиста, деловым общением (на английском языке) и его этическими аспектами.

Приводим отзывы студентов – участников дидактического спектакля (стиль изложения сохранён):

Дмитрий Л.: «Подготовку к участию в спектакле я проводил, вспоминая практику в аптеке. Действительно, существуют

различные типы клиентов, даже больше, чем нам предлагали. Подготовка к инсценировке проходила легко и весело, во всём была оказана помощь преподавателя. Мероприятие поспособствовало расширению запаса лексики в области фармации».

Валентина П.: «Проанализировав собственный уровень знаний по английскому, я выбрала главную роль в спектакле – роль заведующей аптекой. Мне пришлось решать проблемы недовольных посетителей, общаться с подчинёнными, студентами-практикантами, претендентами на вакантные должности в аптеке. Для этого пришлось вспомнить лексику по многим темам, разработать много вопросов и моих предполагаемых ответов. Я считаю, что такой вид деятельности, как творческая сценка, очень интересен. Было интересно на занятиях проводить репетиции, мы развивались, общались, можно сказать, группа сплотилась. Чувствовалась поддержка преподавателя. К тому же, мы как бы сами окунулись в рабочий день аптеки».

Константин Р.: «Мне понравился спектакль – интересно увидеть своих одногруппников в различных ролях. Важно не только произносить свои реплики, но и понимать то, что говорят другие. Мне пришлось поработать со словарём, находить новые слова для описания своего диагноза (я играл роль «профессионального больного»). Спектакль – это не просто весело и интересно, это также уникальный способ сдать самостоятельную работу. Я считаю, что творческие навыки нужны вообще в жизни, а не только в работе провизора».

Для студентов по специальности Педиатрия разработан дидактический спектакль «Визит к педиатру», сценарий которого отличается своей оригинальностью от используемых на других факультетах. Роль координатора выполняет студент, выступающий в роли режиссёра фильма. Согласно сценарию спектакля, режиссёр снимает фильм о визите матери с ребёнком к врачу-педиатру. Сценарий включает лексику тем «Запись в регистратуру», «Беседа врача-педиатра с матерью и ребёнком», «Детские заболевания желудочно-кишечного тракта», «Беседа врача со студентами-практикантами». Студенты 2-го курса участвуют в разработке сценария, будучи знакомыми с лексикой и речевыми образцами ранее изученных тем.

Одно и то же содержание спектакля разыгрывается «актёрами» в разных жанрах, таких как: драма, комедия, мелодрама, фильм ужасов. Текст одинаков во всех сценариях, но стиль и манера исполнения – разные в зависимости от жанра. Повторное использование профессионально ориентированной лексики в каждом «фильме» способствует её лучшему закреплению, а предлагаемая форма изложения активизирует этот процесс. Знание терминов и лексики по темам позволяет студентам проявить свои артистические качества, что немаловажно для будущего педиатра, который своим поведением должен снять стресс как у родителей, так и у ребёнка.

Практическое применение новой технологии обучения студентов – дидактический спектакль – позволило систематизировать полученный опыт и выявить умения и навыки, формирующиеся у студентов как у будущих креативных специалистов (Рис. 1).

Практический опыт использования дидактического спектакля при обучении студентов Курского государственного медицинского университета английскому языку позволил выявить ряд позитивных моментов:

– повышается интерес к занятиям по дисциплине Английский язык, мотивация к дальнейшему изучению языка, к освоению инновационных знаний;

– возникает больший интерес учащихся к проблемам профессиональной среды, которые моделируются и разыгрываются на занятиях;

– происходит усвоение информации, основанной на конкретных примерах, что способствует приобретению участниками



Рис. 1. Умения и навыки студентов, приобретаемые в ходе подготовки и постановки дидактического спектакля.

спектаклей навыков принятия конструктивных решений;

– накопленный в процессе дидактических спектаклей опыт даёт возможность правильнее оценивать возможные реальные ситуации.

Применение дидактического спектакля даёт преподавателю больше возможностей для развития коммуникативных и лингвистических умений учащихся, а также их коммуникативных и рефлексивно-креативных навыков, необходимых для будущей практической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мартишина Н. В. Становление и развитие творческого потенциала педагога: модели и технологии / Н. В. Мартишина // Российский научный журнал. – 2008. – № 2(3). – С. 103-111.

2. Раздорская О. В. Применение рефлексивно-креативного подхода в образовательном процессе непрерывного обучения слушателей ФПО / О. В. Раздорская // Университетская наука: Взгляд в будущее / Материалы итоговой научной конференции / Под ред. В. А. Лазаренко. В 3-х томах. – Т. III. – Курск: ГОУ ВПО КГМУ МЗ РФ. – 404 с. – С. 323-326.

3. Ухов Ю. И. Специфика педагогического подхода в подготовке студентов-медиков на начальных этапах обучения / Ю. И. Ухов, О. В. Крапивникова // Российский научный журнал. – 2008. – № 1(2). – С. 148-156.

4. Филиппова А. Клиент всегда прав? // Фармаскоп. – 2005. – №5(26). – С. 32-33.

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
г. КУРСК

УДК 159.942.5
ББК 88.8
Медицинская психология



ИЗУЧЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ И ЕЁ ВЛИЯНИЯ НА ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Кандидат психологических наук И. А. Симоненко

На основании авторской модификации метода М. Эйнсворт «Незнакомая ситуация», изучалось поведение детей раннего возраста в новой ситуации, их привязанность к матери, типы привязанности и их влияние на психическое развитие детей раннего возраста, а также влияние особенностей личности матери на формирование определенного типа привязанности. Рассматривались такие характеристики личности матери как уровень самоактуализации и степень ее уверенности в себе. В исследовании приняли участие 64 диады «мать – ребенок».

Ключевые слова
Привязанность, тип привязанности, качество привязанности, «Незнакомая ситуация», психическое развитие, самоактуализация, уверенность в себе

Актуальность изучения выбранной нами темы обусловлена рядом причин: необходимостью увеличения и накопления знаний о факторах, влияющих на формирование привязанности, потребностью в разработке и адаптации методов диагностики привязанности, практической значимостью расширения и дополнения теоретических знаний о типах привязанности, их роли в развитии и становлении личности ребенка, его психического здоровья.

Понятие привязанности в психологию ввел Д. Боулби. В своих работах он исследовал феноменологию привязанности, ее развитие у различных видов живых систем, в том числе и у человека. Кроме этого он объяснил механизм формирования эмоционально-положительного отношения ребенка к матери. «Нечто, что в нормальных условиях непрестанно происходит между матерями и их детьми», Д. Боулби [1. С. 256] назвал привязанностью. «Привязанность – это подвид эмоциональной связи, в которой чувство безопасности человека связано с отношениями» [2. С. 482]. М. Эйнсворт в своих работах указывала на существование различных типов привязанности, а именно: надежный, тревожно-избегающий и симбиотический. Согласно взглядам Д. Боулби, М. Эйнсворт, М. И. Лисиной, А. Реана, качество эмоциональной связи с матерью оказывает одно из определяющих значений на развитие чувства безопасности, доверия, способности к сепарации ребенка, которые поддерживают все дальнейшие аспекты психического развития. При-

вязанность базируется на внутреннем неосознаваемом опыте ребенка эмоциональной связи с матерью, дающей ощущение близости, безопасности, надежности отношений. К первому году жизни ребенка, каждая диада «Мать – ребенок» в процессе взаимодействия формирует определенные паттерны, базирующиеся на установке восприятия мира как надежного или как ненадежного, то есть в диаде вырабатывается определенный тип привязанности ребенка к матери, являющийся одновременно установкой на восприятие мира.

Д. Боулби указывал на то, что оба партнера по общению, (т. е. и мать и ребенок) вносят свой вклад в формирование отношений привязанности, замечая при этом, что вклад матери несомненно более выражен.

Изучая особенности личности матери и их влияние на формирование типа привязанности, мы в качестве указанных характеристик рассматриваем степень уверенности в себе и уровень самоактуализации матери. Опираясь на взгляды Д. Винникота, К. Хорни, Э. Эриксона, А. Реана, которые говорили о том, что женщины, открытые опыту, доверяющие миру и людям, способные реалистично воспринимать окружающую действительность, себя и своих детей формируют надежную привязанность у своих детей чаще, чем матери, не обладающие этими характеристиками. Учитывая большую значимость матери, как фактора развития ребенка, мы предполагаем, что матери с высоким уровнем самоактуализации, уверенные в себе будут не только обеспечивать наилучшие психологические условия для развития ребенка, но и формировать надежный тип привязанности.

Таким образом, основной целью нашего экспериментального исследования является изучение факторов формирования привязанности и её влияния на психическое развитие детей раннего возраста.

Решение поставленной цели конкретизируется в следующих задачах:

1. Провести теоретико-методологический анализ феномена привязанности с целью уточнения форм проявления и методов регистрации качества привязанности ребенка к матери в раннем детстве.
2. Изучить влияние таких личностных характеристик матери как самоактуализация и степень уверенности в себе на формирование качества привязанности в диаде «мать – ребенок».
3. Исследовать влияние качества привязанности на психическое развитие детей 2-3 лет.
4. Описать особенности психического развития детей с различными типами привязанности.

Для решения поставленных задач нами был использован комплекс методов: наблюдение, клиническая беседа с воспитателями и родителями детей, психодиагностические методы и методы математической статистики.

При определении типа привязанности мы применили метод, разработанный М. Эйнсворт «Незнакомая ситуация». На основании теоретического анализа и классической методики М. Эйнсворт нами были разработаны единицы наблюдения с целью регистрации эмоциональных и поведенческих проявлений различных типов привязанности. Нами были выделены следующие критерии и единицы наблюдения: реакция ребенка на незнакомую ситуацию (приближается к игрушкам, осматривается, приближается к маме либо отдаляется от нее); исследовательское поведение ребенка в комнате (инициированное мамой, либо самостоятельное, приближение/ отдаление от мамы). Реакция ребенка на появление незнакомого человека (самостоятельно вступает в контакт с незнакомкой или контакт инициирован мамой, отвечает/не отвечает на попытки незнакомки вступить с ним в контакт, удаляется от незнакомки и приближается к маме). Реакция ребенка на уход мамы и взаимодействие с незнакомкой (замечает ли уход мамы и сохраняет ли контакт с незнакомкой или кон-

такт поддерживается только незнакомкой либо прерывает контакт с незнакомкой, следует ли за мамой). Реакция ребенка на появление мамы (замечает ли приход мамы и продолжает ли играть уже с ней, замечает приход мамы и вступает с ней в контакт, прерывает ли игру и возвращается ли к ней после инициирования мамой или же прерывает игру и больше к ней не возвращается). Реакция ребенка на то, что он остается один в комнате (продолжает ли игру или ищет маму, выходит ли за пределы комнаты в поиске мамы либо активно требует маму, стремится к ней). Реакция ребенка на приход незнакомки (вступает ли с ней в контакт самостоятельно или контакт инициирован незнакомкой, удаляется от незнакомки или отказывается от контакта с незнакомкой, требует маму). Реакция ребенка на появление мамы (замечает ли приход мамы и продолжает играть уже с мамой или замечает приход мамы и вступает с ней в контакт, прерывает игру и возвращается к ней после инициирования мамой либо прерывает игру и больше к ней не возвращается).

Модифицированная авторским коллективом методика включает в себя 8 эпизодов естественной ситуации, значимых для ребенка, в которых варьируется уход /приход матери, наличие либо отсутствие незнакомки. Посредством включенного наблюдения фиксировались эмоциональные и поведенческие реакции ребенка. Каждый эпизод анализировался и оценивался группой экспертов при просмотре отснятых в ходе исследования видеоматериалов по разработанной авторским коллективом бальной шкале (от -2 до +2). Сумма баллов по всем эпизодам способствовала определению типа привязанности.

Для исследования особенностей личности матери мы воспользовались следующими методами: «Методикой исследования самоактуализации личности (САМОАЛ)» А. П. Головко, И. П. Ищенко, Т. Ю. Шиляева и тест-опросником «От неуверенности к уверенности» Н. Н. Обозова.

Для определения уровня психического развития детей 2-3 лет применялась методика Е. А. Стребелевой, выявляющая адекватность поведения, принятие задания, обучаемость и зону ближайшего развития, отношение ребенка к процессу и результатам своей деятельности. Методика состоит из 10 заданий, которые предъявляются с учетом постепенного возрастания уровня трудности, за каждое из которых ребенок получает определенный балл. Для определения уровня психического развития были предложены следующие задания: на понимание ребенком словесной инструкции, развитие ручной моторики, практического ориентирования на величину предметов, наличие у ребенка соотносящих действий, понимание указательного жеста, умение подражать действиям взрослого. А так же на понимание жестовой инструкции, выявление уровня развития целостного восприятия, анализа образа, умения действовать по подражанию, уровня развития наглядно-действенного мышления, на определение ведущей руки, согласованности действий рук, отношение к результату.

Количественный анализ данных подвергался статистической обработке (U критерий Манна-Уитни, критерий φ^* – угловое преобразование Фишера, критерий χ^2 – Пирсона).

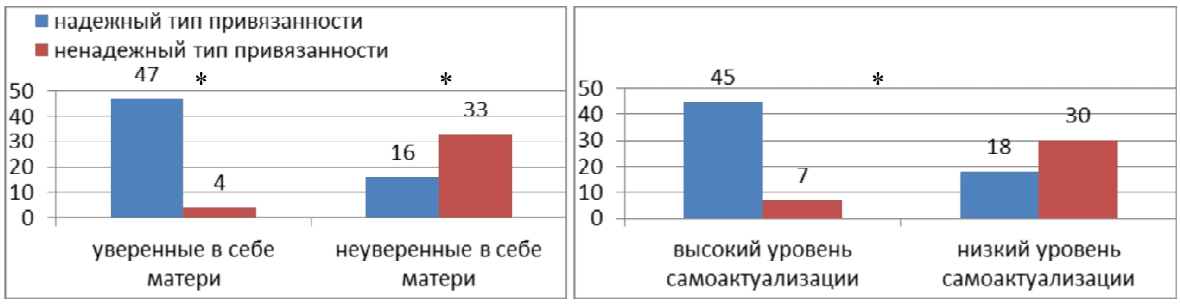
Исследование проводилось с 11 июля по 16 августа 2007 г. и с 14 февраля по 30 июля 2008 г. на базе детских садов № 112 и № 9 г. Курска. В нем приняли участие 127 человек (64 диады «мать – ребенок», 64 ребенка и 63 матери, одна из матерей воспитывает близнецов). В исследовании принимали участие единственные дети из полных семей в возрасте 2-3 лет, не имеющие органических патологий, их матери 25-35 лет, состоящие в браке и воспитывающие единственного ребенка (исключение – мать близнецов). Проведение эксперимента осуществлялось в константных условиях: в отдельной комнате, в дневное время суток, с постоянным соста-

вом участников.

Перейдем к представлению результатов проведенного исследования. В результате эксперимента четко обозначились 2 типа привязанности, условно обозначенные как «надежная» и «ненадежная» (симбиотическая), а также выявлен один случай тревожно-избегающего типа привязанности. Соответственно, 67,2%, 31,2% и 1,6% детей. Критерий для присвоения испытуемым показателя надежный тип и ненадежный тип привязанности заключался в сумме баллов, набранных ребенком по каждому эпизоду. Количество баллов эксперты определяли после просмотра и анализа видеоматериалов, отснятых в ходе эксперимента. Выделенные экспертами группы с различным качеством привязанности статистически значимо отличаются по бальным оценкам отдельных поведенческих и эмоциональных проявлений детей в незнакомой ситуации.

Обратимся к исследованию личностных особенностей матерей и их влияние на формируемую ими в отношении ребенка эмоциональную связь. Сопоставляя полученные результаты, отмечаем, что в группе уверенных в себе матерей с высоким уровнем самоактуализации уровень надежной привязанности, диагностированной у детей 2-3 лет, существенно выше, чем в группе неуверенных в себе матерей с низ-

Гистограмма 1. Соотношение типов привязанности ребенка к матери в группах матерей, сформированной по уровню самоактуализации и степени уверенности в себе (в процентах)



Примечание: здесь и далее * – обозначены значимые различия при уровне значимости $p < 0,01$.

ким уровнем самоактуализации, что представлено на гистограмме 1.

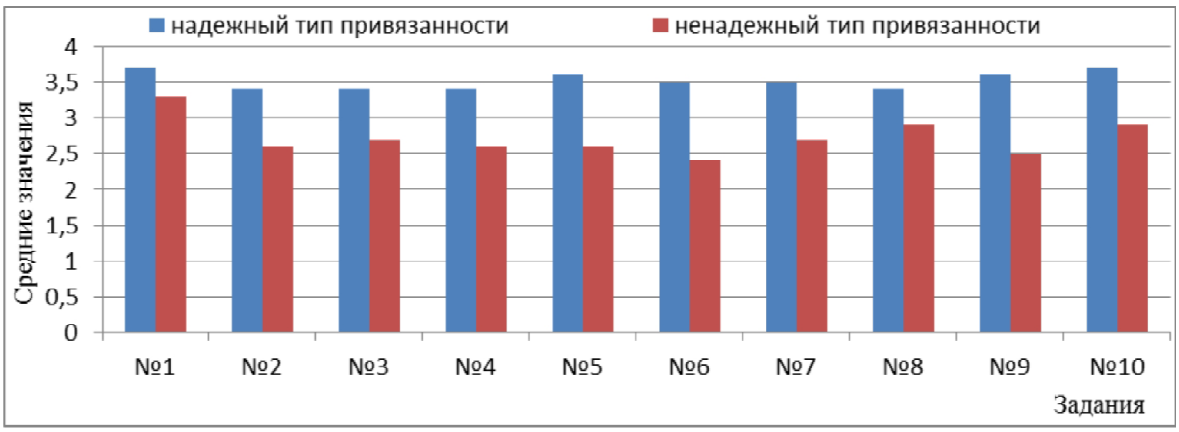
В группе матерей с высоким уровнем самоактуализации качество привязанности значимо выше, чем в группе матерей с низким уровнем самоактуализации. Поскольку продуктивный контакт с другим человеком зависит от качества контакта с самим собой, а самоактуализирующиеся матери обычно чувствительны ко всему, что происходит с ними, они передают эту способность своим детям посредством опыта и взаимодействия с ними. Это чуткие и внимательные матери, способные формировать надежную привязанность, поскольку дают своим детям ощущение надежности и стабильности мира вокруг них, что является основой формирования надежности привязанности.

Полученные результаты могут говорить о том, что матери уверенные в себе и правильности своих действий, способные адекватно и реалистично воспринимать себя, своего ребенка и окружающую действительность, выстраивать отношения, более свободные от внешнего давления, осознающие ценность себя и окружающих людей, способные не терять эту уверенность в трудных ситуациях, воспринимают и своего ребенка как самостоятельного и способного достичь желаемых целей, обладающего потенциалом. Поэтому такие матери способны создавать для своего ребенка безопасное пространство, что является одним из условий формирования надежной привязанности. Дети уверен-

ных в себе матерей активно исследуют мир, уверены в своих действиях, зная, что мать доступна и стабильна, поддержит и даст возможность поверить в свои силы, а эта уверенность в стабильности матери – основа формирования надежной привязанности к ней.

Исследуя влияние качества привязанности на психическое развитие детей раннего возраста, мы установили, что уровень психического развития детей с надежным типом привязанности выше, чем у детей с ненадежным типом привязанности. Результаты исследования уровня психического развития детей 2-3 лет показали, что 65% детей в общей выборке обладают высоким уровнем психического развития, что является хорошей предпосылкой развития личности, и 35% детей в общей выборке отличаются средним уровнем психического развития. Основанием для отнесения испытуемых в группы является количество набранных баллов. Анализируя полученные данные по средним значениям выполнения каждого из 10 заданий в группах с надежным и ненадежным типами привязанности, наблюдаются значимые различия, что представлено на гистограмме 2.

Гистограмма 2. Различия в уровне выполнения 10 заданий детьми с надежным и ненадежным типами привязанности



Эти результаты могут свидетельствовать о том, что дети с надежным типом привязанности демонстрируют высокий уровень зрительной ориентировки, то есть быстро выбирают нужные предметы и их части на глаз и выполняют действие правильно. В этом случае мы можем сказать, что свойство одного предмета превращается для ребенка в образец, мерку, при помощи которой он измеряет свойства других предметов. Также дети с надежным типом привязанности демонстрируют высокий уровень развития целостного восприятия, которое зависит от способности различать предметы, их свойства, отношения к восприятию на основе образа, что может указывать на элементы наглядно-образного мышления.

Кроме того определена ведущая рука, имеется четкая согласованность обеих рук. Дети с данным типом привязанности самостоятельно выполняют задание и используют соотносящие действия - способность приведения двух или нескольких предметов в определенное пространственное взаимоотношение. Также дети с надежным типом привязанности демонстрируют умение понимать и использовать жестовую инструкцию, указующий жест, проявляют заинтересованность в конечном результате. Дети этой группы проявляют высокий уровень развития ручной моторики, умения действовать по образцу, понимания жестовой инструкции, желания и стремления сотрудничать со взрослым.

Дети с ненадежным типом привязанности выполняют задание, но у них возникают трудности при выполнении соотносящих действий, моторные трудности при выполнении заданий, допускают ошибки

при выборе предмета по цвету. Выполняют задания только после подражания действиям взрослого, что может свидетельствовать о недостаточной сформированности процессов зрительного соотнесения. Ребенок, подражая взрослому, запоминает порядок выполнения действия и повторяет его, не учитывая свойств предмета, что может указывать на недостаточное развитие ориентировано-познавательной деятельности. Определена ведущая рука, но согласованность действий рук не выражена.

Учитывая тот факт, что исследование детей осуществлялось при их поступлении в детский сад, нам представляются интересными наши наблюдения в течении первого года адаптации испытуемых к новой социальной среде. Дети с надежным типом привязанности отличались легкостью вхождения в контакт, меньшей конфликтностью, открытостью. В качестве медико-биологического параметра адаптивных возможностей детей мы взяли такой показатель физического функционирования, как частота заболеваемости. Мы можем отметить, что дети с надежным типом привязанности в течении первого года пребывания в детском саду болели в 1,6 раза реже детей с ненадежным типом привязанности.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

1. Существует влияние таких личностных характеристик матери, как самоактуализация и степень уверенности в себе на качество привязанности в диаде «мать-ребенок».
2. Качество привязанности ребенка в 2-3 года влияет на уровень его психического развития.
3. Дети с надежным типом привязанности более самостоятельны, автономны, заинтересованы в конечном результате, более развиты интеллектуально, присутствуют элементы развития наглядно-образного мышления.

Дети с ненадежным типом привязанности стремятся к контакту со взрослым, но проявляют моторные трудности, согласованность действий рук не выражена. При выполнении заданий дети данной группы в большей степени используют внешние ориентировочные действия без опоры на элементы наглядно-образного мышления

4. Качество привязанности влияет на адаптивные возможности детей 2-3 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боулби Д. Привязанность / пер. с англ. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
2. Би Х. Развитие ребенка. – СПб.: Питер, 2004. – 768 с.
3. Винникот Д. Маленькие дети и их матери. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 110 с. – (Библиотека психологии и психотерапии. – Выпуск 52).
4. Винникот Д. Семья и развитие личности. Мать и дитя. – Екатеринбург: Изд. «ЛИТУР», 2004. – 400 с.
5. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 384 с.
6. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под ред. А. А. Реана. – М.:АСТ; СПб.: ПРАЙМ - ЕВРОЗНАК, 2010. – 651 с.
7. Хьелл П., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2000. – 608 с.
8. Эриксон Э. Г. Детство и общество / Перевод с англ. А. А. Алексеева, А. И. Герцена. – 2-ое издание, переработанное и дополненное. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
9. Ainsworth M. D. Mother-infant attachment // J. Amer. Psychol. – 1979. – V. 11. – P. 67-104.
10. Ainsworth M. D., Blehar M. C, Waters E., Wall S. Patterns of attachment: a psychological study of the strange situation. – N. Y., 1978.
11. Bowlby J. Maternal care and mental health. – Geneva, 1951. – P. 118.
12. Bowlby J. A secure base: Clinical applications of attachment theory. – London, Routledge, 1988.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО АППАРАТОСТРОЕНИЯ
г. ТУЛА

УДК 378
ББК 88.41+74.58
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГРУППОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТРЕНАЖЕРАХ

Кандидат технических наук В. Н. Соколов
Кандидат технических наук Г. Л. Коротеев

Статья посвящена вопросам методологии оценки качества подготовки групповой деятельности операторов на тренажерах. Предложен метод формализованной субъективной оценки на базе данных формируемых тренажером, что позволяет определить уровень натренированности операторов и скорректировать последующие программы обучения.

Ключевые слова
Тренажер, групповая подготовка, факторы групповой деятельности, субъективная оценка

Одним из основных вопросов организации учебного процесса с помощью технических средств профессиональной подготовки (ТСПП) следует считать вопрос контроля и оценки деятельности обучаемых. Это позволяет определить уровень их натренированности и скорректировать последующие программы обучения. Настоящая статья посвящена вопросам оценки качества подготовки на тренажерах для подготовки операторов массовых военных профессий, к которым относится деятельность операторов расчетов комплексов ракетных войск и артиллерии (РВ и А).

Сложная техническая система (СТС), к числу которых относится комплексы вооружения и военной техники РВ и А, в принципе не может быть рассчитана на все условия применения и под любого оператора. Вследствие этого неотъемлемой частью подготовки к деятельности является система обеспечения качества деятельности расчетов и экипажей, включающая профотбор, профессиональное обучение, тренировки и поддержание навыков.

Описание и анализ деятельности операторов

Целью деятельности расчетов (экипажей) комплексов вооружения и военной техники (КВВТ) РВ и А является реализация целевой функции СТС, например, решение профессиональной задачи путем использования технических и тактических возможностей комплекса. Достижение этой цели предполагает целесообразное осуществление ряда действий и операций по приведению системы в готовность, реализации задач целеуказания и целераспределения, опознания и идентификации, управления системой с помощью органов управления СТС по выбираемым вариантам алгоритмов деятельности и др.

Характер деятельности операторов, управляющих подсистемами КВВТ (или всей системой в целом) предъявляет к ним особые требования по точности и скорости переработки информации, осуществлению тонких сенсомоторных управляющих действий, стрессоустойчивости, принятию ответственных решений в условиях неопределенности и неполноты информации и др.

Высока цена ошибок и сбоев в деятельности, которые часто исправить невозможно. Добавим к этому экстремальность воздействий внешних факторов среды, в которой может проходить решение профессиональной задачи: широкий диапазон температур, повышенная влажность, действие шумовых факторов, перепады давления, недостаточная освещенность, частичное ослепление, оглушение, физические перегрузки, утомление, усталость, хроническое недосыпание, монотония, сенсорная депривация и др.

Все это в целом приводит к необходимости решения широкого класса задач, которые необходимо моделировать на тренажере для обеспечения эффективной подготовки операторов (расчетов, экипажей) рассматриваемого класса СТС.

Несмотря на большое разнообразие решений, реализованных в существующих СТС военного назначения, можно выделить ряд общих узловых элементов алгоритмов деятельности членов расчета КВВТ РВ и А [2, 7]:

– получение задачи от вышестоящего командира, уточнение условий ее реализации и распределение функций подчиненным для ее выполнения;

– приведение комплекса в готовность;

– физические манипуляции с элементами КВВТ по развертыванию комплекса в точке дислокации;

– контрольно-проверочные операции по контролю функционирования технических подсистем комплекса;

– реализация алгоритма подготовки к работе;

– оценка физических условий применения системы вооружения, операции наблюдения и опознания, целеуказания и целераспределения;

– получения информации о начале профессиональной деятельности

– принятие решения на использование режима применения комплекса в соответствии с конкретной ситуацией;

– проведение предстартовых работ по подготовке комплекса к работе в выбранном режиме;

– осуществление задачи управления динамическим объектом;

– контроль эффективности выполнения профессиональной задачи;

– доклад вышестоящему руководителю о выполнении (невыполнении, частичном выполнении) поставленной задачи;

– получение команды на дальнейшую деятельность и (в случае ее завершения) проведение операций по переводу комплекса в положение для транспортирования.

Конкретное технологическое выполнение указанных элементов деятельности членов расчета (экипажа) в значительной мере зависит от технических свойств реальной системы, которые придают содержанию деятельности каждого члена экипажа присущую только ей специфику.

Алгоритмы групповой деятельности на тренажерах

Надежность и эффективность СТС существенно зависит от согласованности действий операторов, от их совместной групповой деятельности. При этом следует иметь в виду, что процесс управления техникой – это не простая сумма параллельно-последовательных деятельностей, выполняемых операторами независимо друг от друга. Его существенным моментом является взаимосвязь и взаимодействие операторов.

Характер взаимодействия зависит от вида решаемой задачи. Успешное ее выполнение предполагает оптимальное вза-

имодействие между членами группы (расчета, экипажа) на всех этапах ее решения. Для этого они должны обмениваться необходимой для управления СТС информацией, совместно принимать решения и с помощью органов управления (уровня взвод – батарея – дивизион) согласованно выполнять их.

Основные формы взаимодействия операторов в группе: психомоторное взаимодействие (осуществление совместных управляющих действий), взаимодействие при решении мыслительных задач, взаимодействие при решении перцептивно-опознавательных задач (анализ и дешифрирование различного рода изображений), коммуникативное взаимодействие (управление машинами и технологическими процессами) [5, 7]. При этом результат решения задачи группой зависит не только от уровня индивидуальной подготовки операторов, но и от их способности к совместному решению задачи в рамках функционально единого, но часто пространственно разнесенного сенсомоторного поля.

Эффективность групповой деятельности зависит от ряда факторов. Основным из них является организация деловых взаимоотношений, определяемая величиной группы, разделением функций между членами группы и организацией связей между ними. В зависимости от конкретных задач возможны различные варианты функциональной организации группы: «цепочка», «звезда», «круг», «сеть» (рис. 1) [5, 8].

Если задача относительно проста и ее решение не требует переработки больших объемов информации, наиболее эффективна группа централизованного типа («звезда»). При решении задач, требующих переработки больших объемов информации и сложных алгоритмов деятельности, более эффективными являются группы, организованные по типу «сети» (полной или неполной).

Понятно, что чем больше группа, тем

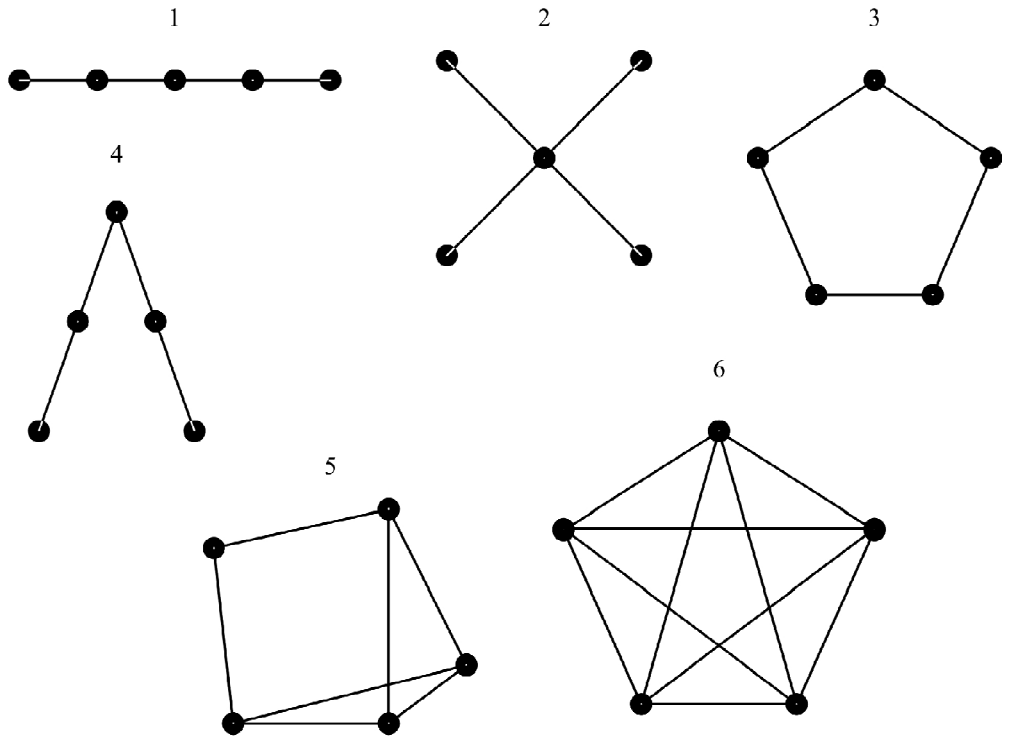


Рис. 1. Варианты функциональной организации группы из 5 человек
1 – цепочка; 2 – звезда; 3 – круг; 4 – двойная цепочка; 5 – сеть (неполная); 6 – сеть (полная). Узлами графа показаны операторы; линиями – взаимосвязи между ними

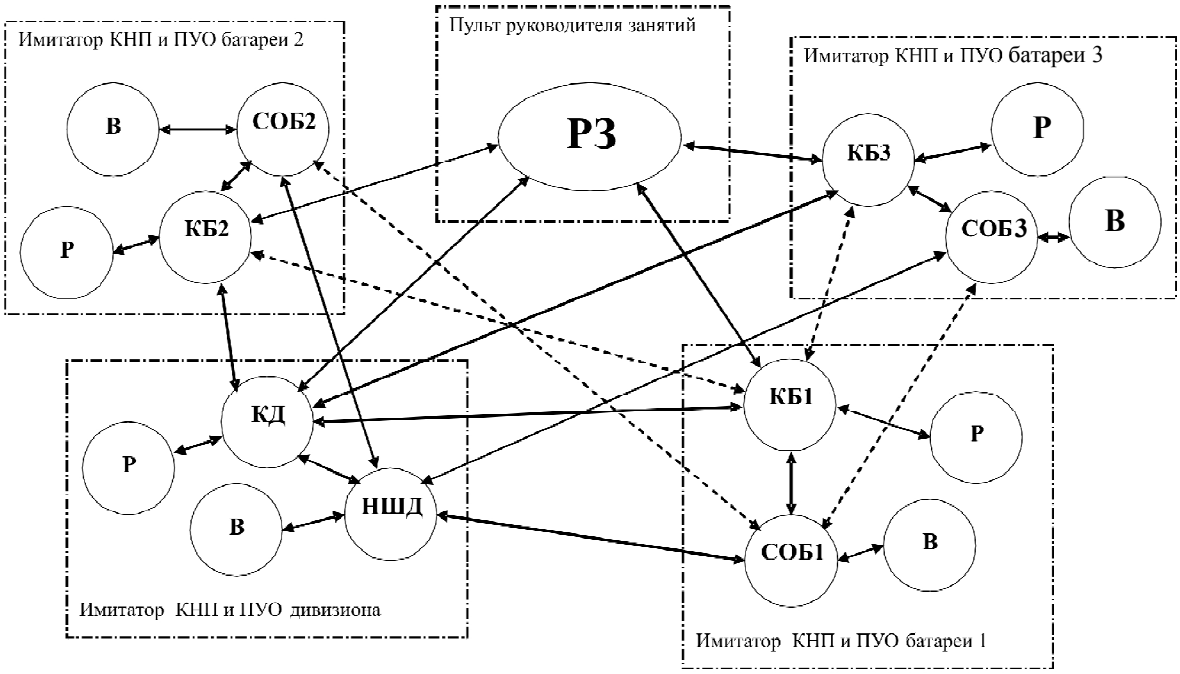


Рис. 2. Взаимосвязи должностных лиц при обучении на тренажере 9Ф701 (уровень «батарея – дивизион»)

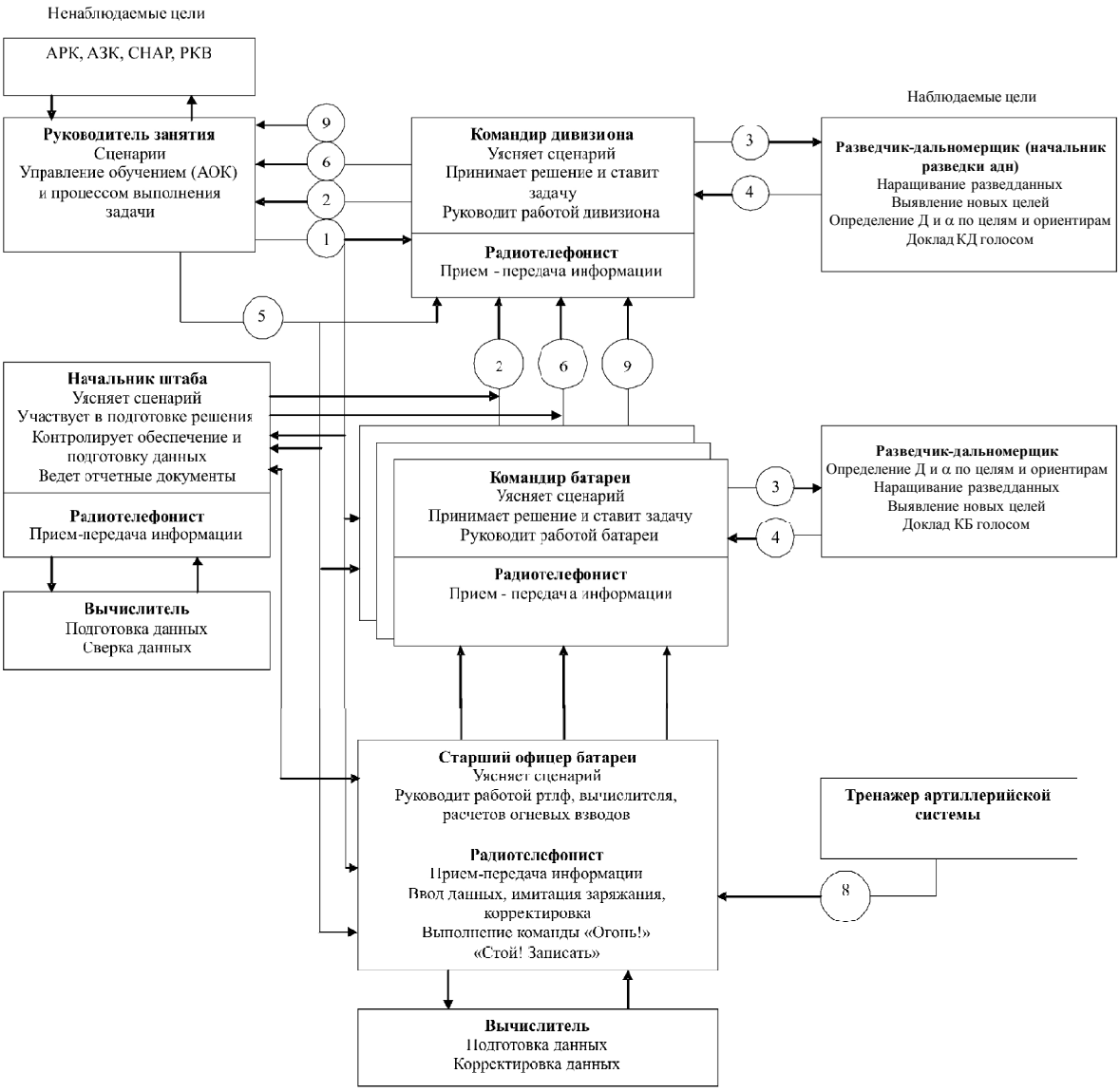
больше в ней возможных информационных связей, а значит и типов организационных структур.

Например, на рис. 2 приведены взаимосвязи должностных лиц органов управления артиллерийского дивизиона при обучении на специальном тренажере. В составе тренажера пульт руководителя занятий (РЗ), имитаторы пунктов управления огнем (ПУО) дивизиона и трех батарей, имитаторы командных наблюдательных пунктов (КНП) дивизиона и трех батарей. Имитатор КНП дивизиона включает рабочие места командира дивизиона (КД), разведчика-дальномерщика (Р), вычислителя (В) и радиотелефониста (радиотелефонист на рисунке не показан).

Имитаторы КНП батарей включают (каждый) рабочие места командира батареи (КБ), разведчика-дальномерщика, вычислителя и радиотелефониста (на рисунке не показан). Имитатор ПУО дивизиона включает рабочие места начальника штаба дивизиона (НШД), вычислителя и радиотелефониста (на рисунке не показан), имитаторы ПУО батарей включают рабочие места старшего офицера батареи, вычислителя и радиотелефониста (на рисунке не показан). В случае ликвидации противником КНП или ПУО дивизиона их функции возлагаются соответственно на должностных лиц первой батареи: функции командира дивизиона возлагаются на командира первой батареи, а функции начальника штаба – на старшего офицера первой батареи (возникающие при этом взаимосвязи на рисунке показаны пунктирными линиями).

Тренажер предусматривает возможность связи с другими учебно-тренировочными средствами, в том числе тренажерами для самоходного артиллерийского орудия и для самоходной гаубицы, а также имитаторами средств артиллерийской разведки, в том числе артиллерийского радиолокационного комплекса, автоматизированного звукометрического комплекса, станций наземной артиллерийской разведки, радиолокационного комплекса разведки огневых позиций артиллерии и ряда других. Схема взаимодействия должностных лиц артиллерийского дивизиона приведена на рис. 3.

1. Передача сценария



2. Доклад о готовности

3. Постановка задачи (по плановым целям)

4. Доклад о данных по целям

5. Постановка задачи (по неплановым целям)

6. Решение (доклад о готовности)

7. Сверка данных и контроль готовности орудий

8. Обмен информацией, корректировка. «Огонь!»

9. Доклад об окончании стрельбы, выполнении задачи

Примечание:

– разведчик-дальномерщик докладывает данные голосом;

– вычислитель докладывает голосом;

– связь между должностными лицами осуществляется через ртлф;

– графикой, визуальными и звуковыми режимами управляет РЗ;

– ведение журнала учета, составление и распечатка карточки оценки проводит РЗ.

Методологические основы оценки

Рис. 3. Схема взаимодействия должностных лиц артиллерийского дивизиона в тренажере

качества групповой деятельности на тренажере

В социальной психологии различают четыре типа поведения при решении групповых задач: лидер, ведомый, обособляющийся, сотрудничающий [4].

У лидера ярко выраженная ориентировка на власть в группе. Он решает групповые задачи при условии подчинения себе других членов группы.

Ведомый – это человек с ярко выраженной ориентировкой к добровольному подчинению, лица такого типа поведения наиболее успешно решают чисто исполнительские задачи.

Обособляющийся – это тип поведения с ярко выраженной индивидуалистической ориентировкой; лица такого типа наиболее успешно решают задачи при условии относительной изоляции от группы, в одиночестве.

Лица сотрудничающего типа постоянно стремятся к совместному с другими решению задачи и следуют за ними в случае разумных решений. Такая деятельность наиболее приемлема для нескольких операторов одного уровня управления, решающих одну общую задачу. Для диагностики названных типов коммуникативного поведения и отнесения данного оператора к тому или иному типу предложен метод и разработано специальное устройство.

Эффективность групповой деятельности зависит, кроме того, и от совместимости операторов. Под ней понимается такое проявление тех или иных свойств отдельных операторов, от которых зависит успешное выполнение групповой деятельности. Проблема совместимости может рассматриваться на различных уровнях: физиологическом, психофизиологическом, социально-психологическом и др. [4]. Совместимость конкретной группы операторов определяется характером выполняемой ею деятельности. При этом разные виды деятельности требуют совместимости по разным свойствам: одни по физическим (например, физическая сила), другие по психофизиологическим (подвижность нервных процессов и т. п.), третьи по эмоционально-волевым (уровень эмоциональной устойчивости и др.), четвертые по социально-психологическим (например, общительность, чуткость и т. д.). Противоположным рассмотренному является понятие психологической несовместимости. Для группы операторов психологическая несовместимость – это не только различие ценностных установок, отсутствие дружеских связей, неуважение или неприязнь людей друг к другу. К этому нужно добавить еще неспособность в критических ситуациях понять друг друга, несинхронность психомоторных реакций, различия во внимании, мышлении и другие врожденные и приобретенные свойства личности, которые препятствуют совместной деятельности [5].

Интегральной характеристикой эффективности взаимодействия операторов является сработанность группы. Сработанность – это эффект взаимодействия, сочетания людей, который дает максимально возможную успешность в совместной деятельности при малых энергетических тратах на деятельность и взаимодействие на фоне значительной субъективной удовлетворенности друг другом и высокой адекватности взаимопонимания [4]. Таким образом, сработанность группы (расчета, экипажа) должна оцениваться по трем компонентам: поведенческому, аффективному и когнитивному.

Учитывая определенные ограничения по численности состава и разделения по необходимым профессиям, вряд ли можно надеяться на подбор в каждом случае идеального с точки зрения психологической совместимости экипажа. В этой связи при профессиональной подготовке экипажей (расчетов) особое внимание должно быть уделено вопросам развития навыков совместных действий (особенно в специально организованных критических и других стрессогенных ситуациях) и обу-

чению групповому взаимодействию. Как показала практика подготовки космических экипажей, когда впервые и были выдвинуты основные принципы групповой психологии и введено понятие психологической совместимости [3], важным условием стабилизации группы является эффективное управление в группе и совпадение формальной (регламентированной) и неформальной (психологической) структур управления. Но, как отмечают, такое совмещение этих структур скорее исключение, чем правило. Учитывая сложившуюся систему комплектования экипажей (точнее, фактическое ее отсутст-вие в войсках) нельзя гарантировать и впредь безошибочность соответствую-щих назначений, что таит в себе опасность развития конфликтной напряженно-сти. Поэтому процесс психологической подготовки экипажей (расчетов) на комплексных тренажерах следует рассматривать как своеобразную пролонгацию профессионально-психологического отбора, его завершающую стадию, и этап «слаживания» экипажей должен предусматривать и возможность оценки психологической совместимости обучаемых в группе.

Важным вопросом группового отбора является правильное определение психофизиологической структуры группы и соответствие ей типов коммуникативного поведения обучаемых кандидатов. Особое внимание обращается на выбор и подготовку лидера. Использование в этой роли человека, выявленного на предварительном этапе отбора, крайне целесообразно, так как это резко повышает эффективность групповой деятельности и предупреждает возможность развития конфликтных ситуаций. На заключительном этапе отбора проводится интегральная оценка эффективности группы. В зависимости от того, какие формы взаимодействия (психомоторные, коммуникативные, при решении мыслительных задач) преобладают в предстоящей групповой деятельности, выбираются либо специальное моделирующее устройство (гомеостат, кибернометр и др.), либо будущему экипажу (расчету) предъявляются специально предусмотренные для целей отбора упражнения на тренажере.

Далее в процессе обучения необходимо обеспечить: высокую профессиональную подготовку операторов, удовлетворяющую требованиям совместной деятельности и включающую в себя групповое обучение навыкам совместных действий по профессиональному взаимодействию; формирование у членов группы ценностных ориентаций, высокой мотивации к совместной работе и стремления к сотрудничеству; организацию соревновательного духа подготовки, создание равных для всех участников условий соревнования; необходимую взаимозаменяемость определенных специалистов в процессе групповой деятельности; опору на точные знания личностных характеристик членов группы и особенностей ее функционирования; обучение руководителя группы принципам внутригруппового управления [5, 6].

Для оценки эффективности работы экипажа могут использоваться такие критерии, как вероятность решения поставленной конкретной задачи при заданных условиях, полнота ее решения за заданное время, стоимость решения задач данного типа, время решения задачи при заданной стоимости и т. д. [1].

В общем случае задача оценки эффективности работы экипажа (расчета) является достаточно сложной, главным образом в связи с неопределенностью в выборе критериев и корректного учета их «весов» в интегральной оценке. Выбор критериев зависит от наличия (или возможности получения) необходимых статистических данных, методов расчета и вычисления критериев, постановки самой задачи оценки эффективности, целей такой оценки и т. д. Кроме того, одна и та же задача может быть решена различными способами даже в заданное время, и оценка качества ее выполнения может

выглядеть для экипажа недостаточно обоснованной. Выделение критериальных уровней типа операций, функций, подзадач и т. п. несколько облегчает расчеты, но не решает проблему полностью, так как окончательное решение об эффективности совместной деятельности экипажа может быть принято только на уровне эффективности комплекса в целом.

Выводы

1. На сегодняшний день, наиболее рациональным методом оценки качества групповой деятельности операторов сложных систем, является субъективная оценка действий обучаемых квалифицированными экспертами на базе объективных данных о результатах их совместной деятельности, зафиксированных вычислительным комплексом тренажера при выполнении соответствующих учебно-тренировочных задач.

2. Целесообразно использовать опыт инструктора как независимую форму оценки групповой деятельности.

3. Необходимо специализированное обучение инструкторов способам формализованной экспертной оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Меньшов А. И. Человек в системе управления летательными аппаратами / А. И. Меньшов, Г. И. Рыльский. – М.: Машиностроение, 1976.

2. Научно-технический отчет о составной части НИР «Сравнительный анализ зарубежных и отечественных технических средств обучения в части бронетанковых и РВиА, используемых в боевой подготовке войск. Разработка предложений по составу и структуре систем УТС для тактической и огневой подготовки расчетов, экипажей, командиров и штабов подразделений и частей Сухопутных войск, в основном танковых и РВиА. Определение основных требований к системам УТС» по теме: «Исследование вопросов создания системы учебно-тренировочных средств для подготовки расчетов и командиров подразделений РВиА и танковых частей Сухопутных войск». – Тула, 2007.

3. Новиков М. А. Психофизиологический отбор, комплектование экипажей и подготовка к космическому полету / М. А. Новиков // Психологические проблемы космических полетов. – М.: Наука, 1979.

4. Обозов Н. Н. Межличностные отношения / Н. Н. Обозов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

5. Основы инженерной психологии: Учеб. для техн. вузов / Б. А. Душков, Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин и др. / Под ред. Б. Ф. Ломова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Высшая школа, 1986.

6. Руководство по эргономическому обеспечению разработки техники. Ч. 1. – М.: ВНИИТЭ, 1979.

7. Сергеев С. Ф. Обучающие и профессиональные иммерсивные среды / С. Ф. Сергеев. – М.: Народное образование, 2009.

8. Шибанов Г. П. Количественная оценка деятельности человека в системах человек-техника / Г. П. Шибанов. – М.: Машиностроение, 1983.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА

УДК 378
ББК 74.58

педагогика

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кандидат педагогических наук Л. М. Урубкова

Интерсубъективность – это отношения между участниками коммуникации, в основе которых развитие знания, согласование целей, действий, интересов, способов интерпретации, объективность опыта. Готовность переводчика, участников коммуникации способствовать установлению таких отношений формируется в процессе самопознания, формирования умения реализовать возможности коммуникации, которые создают условия для развития когнитивных, эмоциональных, гуманных качеств личности.

В основе формирования умения переводчика создавать отношения интерсубъективности – знание о коммуникации, понятийное мышление. Условием формирования умения переводчика способствовать возникновению отношений интерсубъективности является развитие внимания.

Ключевые слова
Самопознание, культура, духовность, интуиция, внимание, личность

Интерсубъективность в переводческой деятельности – это создание коммуникации, взаимопонимания, создание смысла, который способствует развитию сознания, понимания, знания. Готовность переводчика способствовать возникновению интерсубъективности в переводе есть важнейшая составляющая коммуникативной компетенции.

Интерсубъективность – это особая общность между познающими субъектами, условие взаимодействия и передачи знания (или – значимости опыта познания) одного для другого [40. С. 421]. Интерсубъективность есть свойство опыта о мире различных субъектов, связанное с объективностью, независимостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций [28. С. 135].

В процессе общения субъект познания – «это не только «монада», «сознание вообще», но и интерсубъективность, признающая существование и самостоятельность других «монад», что предполагает теоретическо-антропологическое расширение смыслов в коммуникативном синтезе интерпретаций, а также трансцендентально-герменевтическое понимание языка и ценностей как интерсубъективных объективно значимых структур» [42. С. 303].

Интерсубъективность как важнейшая категория исследования коммуникации, перевода обусловлена особенностями

психики субъекта познания.

Психика представляет собой единую целостную функциональную систему, состоящую из нескольких взаимодействующих и взаимосодействующих подсистем [51]. Это – познавательная, потребностно-мотивационная, эмоциональная подсистемы, подсистема памяти, центрально- интеграционная (волевая) подсистема и подсистема активационно-энергетическая. В психике человека существует также коммуникативная подсистема, которая включает все вербально-речевые процессы и процессы невербальной коммуникации [51. С. 14], эти процессы связаны с общей функцией психики быть отражением действительности и регулятором поведения и деятельности [51. С. 14].

Интерсубъективность возникает в коммуникации на основе общности жизненного мира [19. С. 119]. Жизненный мир, мир опыта – это мир природы, мир культуры, коммуникации, духовности. «Наделенность духом – структурный момент опытного мира»; «физическая природа и духовность везде неразрывно переплетены друг с другом» [45. С. 94, 96].

Интерсубъективность в коммуникации возникает из общности опыта, культуры, духовности. «Миру опыта принадлежат объекты с духовными предикатами, которые сообразно своему происхождению и смыслу отсылают нас к субъектам, и чаще всего к «другим» субъектам, и к их активно конституирующей интенциональности: таковы все объекты культуры (книги, всевозможные орудия и механизмы и т. д.), которые вместе с тем несут в себе смысл опыта этого существования для каждого» [20. С. 187].

Интерсубъективность возникает на основе понимания интенциональности говорящего. Интенциональность – направленность сознания на его объект-сознание есть всегда сознание о чем-то [19. С. 363]. Интенциональные объекты – это полюса тождества разнообразных, относящихся к ним полагающих актов, – восприятия, суждения, воспоминания и т. д. Интенциональность подобна некой универсальной среде, которая заключает в себе все переживания, как единые события [19. С. 267]. «Интенциональное переживание есть сознание чего-либо, таково оно по своей сущности, как воспоминание, суждение, воля и т. д. Они связаны с моментами сознания» [19. С. 281].

Понимание Другого, смысл высказываний участников коммуникации формируется на основе познания мира Я личности, на основе самопознания [20. С. 189].

В процессе познания себя, своей интенциональности «конституируется новый бытийный смысл, некое ego не как «Я сам», но как ego, отражающееся в моем собственном Я, в моей монаде» [20. С. 190]. Знание о себе является условием понимания смысла в познании, коммуникации [20. С. 192-193].

«Само по себе первое «другое» (первое не-Я) есть «другое Я». И это «другое Я» делает в конститутивном отношении возможной новую бесконечную область «другого», объективную природу и объективный мир вообще, которому принадлежат все «другие ego» и я сам» [20. С. 210].

Знание о себе является средством опосредствования знания о Другом, средством понимания Другого. Знание о себе образует «базис в познании Другого, который дает возможность представить со-присутствие чего-либо, что тем не менее само не присутствует и никогда не может достичь само-присутствия. Речь идет о своего рода приведении – в – со-присутствие, о некой аппрезентации» [20. С. 214].

Аппрезентация в понимании Другого осуществляется с помощью средств опосредствования: понимания себя и своих интенциональностей как «другого Я», конституированного внутри моего внутреннего мира; понимания себя как субъекта конкретной интенциональной жизни, психической сферы, которая соотнесена с самой собой и с миром [20. С. 216]. Эти

средства подчинены формам протекания опытного познания [20. С. 216].

Интенциональная работа аппрезентации и понимание Другого осуществляется, когда имеющиеся у нас представления в новой ситуации познания, коммуникации подвергаются новым изменениям, как бы вторично воспринимаются, то есть апперцепируется.

Апперцепция всегда обусловлена временем и способом получения представлений [20. С. 217]. «Каждая апперцепция, в которой мы с одного взгляда воспринимаем и, фиксируя свое внимание, схватываем предметы (повседневный мир), каждая апперцепция, в которой мы сразу же понимаем их смысл вместе с его горизонтами, интенционально отсылает нас к некому первичному учредительному акту, когда был впервые конституирован предмет, обладающий подобным смыслом. Любой повседневный опыт скрывает в своем антиципирующем восприятии предмета, как обладающего подобным смыслом, основанный на аналогии перенос изначально учрежденного предметного смысла на новый случай. В какой мере наличествует предданность, в такой осуществляется и перенос» [20. С. 217-218]. Другой человек воспринимается во взаимодействии и «получает свой смысл от моего живого тела в результате апперцептивного перенесения» [20. С. 217]. Другой воспринимается на основе знания моего внутреннего мира, опыта самопознания. Я и Другой всегда и с необходимостью даны в изначальном удвоении: моего изначально учрежденного предметного смысла, опыта самопознания и смысла создаваемого в процессе конкретного восприятия Другого [20. С. 218-219].

Э. Гуссерль называет восприятие Другого на основе имеющегося опыта аналогизирующим восприятием – «подобие служит основанием для мотивации восприятия по аналогии» [20. С. 217]. Такое восприятие характеризуется «изначальным удвоением», являющимся «универсальным феноменом трансцендентальной сферы» [20. С. 219]. «Удвоение есть изначальная форма того пассивного синтеза, который мы, в противоположность пассивному синтезу идентификации, называем ассоциацией. Характерная особенность удваивающей ассоциации в наиболее простом случае состоит в том, что два предмета даются интенционально как выделенные в единстве некого сознания, и на этом основании, они как отличающиеся друг от друга в явлении, образуют в феноменологическом отношении некое единство подобия и, таким образом, всегда оказываются конституированы именно как пара. При более точном анализе мы находим сущностно необходимую здесь интенциональнцю избыточность, генетически (и притом с сущностной необходимостью) возникающую сразу, как только образующие пару предметы осознаются вместе и в своей выделенности; а также, в более подробном рассмотрении, находим взаимное пробуждение к жизни, взаимное покрытие накладывающимися друг на друга предметными смыслами» [20. С. 220].

«Как результат покрытия, в образовавшейся паре осуществляется взаимное перенесение смысла, т. е. апперцепция одного предмета сообразно смыслу другого, в той мере, в какой смысловые аспекты, актуализованные в том, что познается в опыте, не упраздняют это перенесение в сознании инаковости» [20. С. 220]. Понимание другого возможно потому, что Я и Другой «даны тем способом, который характерен для единого трансцендентального опыта» [20. С. 222].

Все, что может быть когда-либо изначально представлено и удостоверено, есть я сам. Все, что посредством этого познано в опыте, – есть «другое» [20. С. 223]. «Другое мыслимо только как аналог моего собственного Я. В силу своей смысловой конституции «Другое» с необходимостью выступает как интенциональная модификация моего объективированного Я, моего первопорядкового мира: «Другой» в феноменологическом смысле, как модификация моей самости (которая в свою

очередь, начинает характеризоваться как «моя» в силу возникающей теперь контрастной парности)» [20. С. 223-224].

Особенность любой ассоциативной аппрезентации состоит в том, что в процессе ее создаются новые знания и новые ассоциации, возможность взаимообмена, взаимодействия, взаимопонимания [20. С. 229]. «Всякое перенесение, возникающее в процессе ассоциативного образования пары, есть в то же время слияние в этой паре и уподобление, приспособление смысла одного компонента к смыслу другого» [20. С. 229-230].

Понимание поведения участников коммуникации открывает новые ассоциации и новые возможности понимания, раскрывает собственную душевную жизнь, делает ее плодотворной в отношении новых ассоциаций [20. С. 232].

Понимание Другого происходит в результате точного истолкования той интенциональности, которую можно обнаружить в опытном познании «другого», и раскрытия мотиваций, которые существенным образом имплицитно содержатся в ней [20. С. 235].

Э. Гуссерль исследует процесс восприятия как неразрывно связанный с аппрезентацией, как получение знания на основе того, что дано в восприятии и нового знания, которое мы получаем с помощью имеющегося опыта, создаем на основе воспринятого. «Аппрезентация как таковая предполагает некое ядро презентации. Она представляет собой приведение к присутствию, посредством ассоциаций связанное с презентацией, т. е. с собственно восприятием, но притом такое, которое сливается с последним в особой функции «со-восприятия». Презентация и аппрезентация переплетены настолько, что образуют функциональную общность одного восприятия, в котором одновременно осуществляется и та и другая, и которое обеспечивает для совокупного предмета осознание присутствия его самого. Каждое восприятие этого типа является трансцендирующим; оно полагает в модусе само-присутствия нечто большее, чем то, что когда-либо становится в нем действительно присутствующим» [20. С. 235-236]. В опытном познании «другого» возникает связь между непрерывно развертывающимся опытом самопознания субъекта, его первопорядковой сферой, – и презентированной в ней «другой» сферой». Они объединены конституцией мира и временем этого мира [20. С. 246].

Интерсубъективность является сущностной характеристикой жизни. «В самом смысле человеческого сообщества и человека, который даже как единичный человек несет в себе смысл члена некого сообщества, заключено некое взаимное бытие друг для друга, которое приводит к объективации и уравниванию моего существования и существования всех других» [20. С. 248].

Понятие интерсубъективности является основой диалогической концепции познания М. М. Бахтина. Теория М. М. Бахтина исследует диалог как форму познания, как отношения, которые являются условием развития познания, понимания Другого. Возникновение отношений интерсубъективности является условием диалога, развития познания: «Идея живет не в изолированном индивидуальном сознании человека. Идея начинает жить, т. е. формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, вступая в существенные диалогические отношения с другими чужими идеями. Человеческая мысль становится подлинной мыслью, т. е. идеей, только в условиях живого контакта с другою чужою мыслью, воплощенной в чужом голосе, т. е. в чужом, выраженном в слове сознании. В точке этого контакта голосов сознания и рождается и живет идея.

Идея это не субъективное индивидуально-психологическое образование с постоянным местоприбыванием в голове челове-

ка; нет, идея интериндивидуальна и интерсубъективна, сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея – это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний. Идея в этом отношении подобна слову, с которым она диалектически едина. Как и слово, идея хочет быть услышанной, понятой и «отвеченной» другими голосами с других позиций. Как и слово идея по природе диалогична» [3. С. 100-101].

Диалог – это понимание, сосуществование, открытость, уважение к позиции Другого. «Только в общении во взаимодействии человека с человеком раскрывается и «человек в человеке», как для других, так и для себя самого.

Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог не может и не должен кончиться» [3. С. 294].

«Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной) пронизана диалогическими отношениями» [3. С. 212].

«Логика сознания есть логика идеологического общения, знакового взаимодействия коллектива» [5. С. 357].

«Слово – мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на меня, то другим концом – на собеседника. Слово – общая территория между говорящим и собеседником» [5. С. 421]. Значение создается во взаимодействии участников коммуникации. «Значение – не в слове, и не в душе говорящего, и не в душе слушающего. Значение является эффектом взаимодействия говорящего со слушающим на материале данного звукового комплекса. Это – электрическая искра, появляющаяся лишь при соединении двух различных голосов» [5. С. 436-437].

«Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т. е. другой субъект («Du»). При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов. Понимание всегда диалогично» [4. С. 308].

Умение диалога, готовность способствовать возникновению интерсубъективности – это развитие умения понимания.

Понимание дает возможность изучить особенности познания, общения, поведения языковой личности. Понимание дает новое знание, возможность преодолеть трудности в познании и коммуникации. Понимание всегда взаимосвязано с интерпретацией. Понимание субъектом Другого – это понимание целей, особенностей мышления, норм социального поведения, этических принципов, которые человек реализует в конкретной коммуникативной ситуации. Понимание формируется в процессе развития знания культуры, истории народа.

В основе развития умения переводчика способствовать возникновению интерсубъективности – понимание языка как системы знаков, понимание значения и смысла знаков как знаний, которые создаются в коммуникации.

Знак есть сущность характеризующаяся тройственной связью между репрезентаменом (собственно знаковой формой), объектом и интерпретантой (т. е. предрасположенностью реагировать определенным образом под влиянием знака [44. С. 40].

«Сознание может реализовать себя и стать действительным фактом лишь в материале знакового воплощения. Сознание становится сознанием, только наполняясь идеологическим, resp. знаковым содержанием, только в процессе социального взаимодействия» [6. С. 48].

Знак создается участниками коммуникации в процессе социального взаимодействия. «Формы знака обусловлены прежде всего как социальной организацией данных людей, так и ближайшими условиями их взаимодействия. Только при этом условии

процесс каузального определения знака бытием предстанет как процесс подлинного перехода бытия в знак, подлинного диалектического преломления бытия в знаке» [6. С. 29]. Форма социального знака в конкретном высказывании – всецело определяется социальными отношениями [5. С. 421].

Знаки языка – это «ключи, которые говорящий «предоставляет» адресатам , делая для них возможным и подводя их к выводу о том, как именно говорящий намеревается на них повлиять. Знаки – это намеки более или менее определенного характера, приглашающие другое лицо сделать определенные выводы и обеспечивающие возможность для него прийти к этим выводам.

Процесс прихода к таким выводам называется интерпретацией; цель этого процесса – понимание» [58. P. 90].

Понимание в коммуникации возможно на основе знания значений языковых знаков, способов их интерпретации, понимания функций языковых знаков

Функциональное употребление знака (слова) в качестве средства направления внимания, абстрагирования, связи и т. п., входящих в состав данной функции, является необходимо центральной частью всего процесса возникновения понятий [34. С. 80].

Речь есть знак для общения сознаний [13. С. 165].

В процессе коммуникации форма языкового знака определяется социальной ситуации взаимодействия.

Знак может возникнуть лишь на межиндивидуальной территории [34.С.67].

Знак как инструмент «расширения сознания» двунаправлен: обращенный к социокультурной действительности, он является также ключом к тайнам и проблемам субъективного мира человека, средством его изменения, которое всегда переживается субъектом познания [31. С. 115].

«Значение присуще знаку.

Смыслообразование – результат, продукт значения» [13. С. 164].

В процессе межкультурной коммуникации переводчику необходимо понимать значение и смысл. Слово как единица языка имеет значение, «которое объективно сложилось в истории и которое потенциально сохраняется у разных людей, отражая вещи с разной полнотой и глубиной». Каждое слово имеет смысл, смысл понимается как выделение из значения слова тех сторон, которые связаны с данной ситуацией и эмоциональным отношением субъекта» [39. С. 61].

В слове, которое содержит предметную отнесенность и собственно значение, т. е. обобщение, отнесение предмета к известным категориям, всегда есть «индивидуальный смысл, в основе которого лежит преобразование значений, выделение из числа всех связей, стоящих за словом той системы связей, которая актуальна в данный момент» [39. С. 62].

Смысл всякого высказывания зависит от ситуации и определяемой ею социальной установки на слушателя – участника этой ситуации [6. С. 546].

Значение, создаваемое в коммуникации, есть результат коллективного действия всех участников взаимодействия, использующего языковые знаки с целью установления или поддержания интерсубъективности, один из аспектов коммуникативного сотрудничества, позволяющий понимать личностно обусловленные смыслы в социальном контексте [56; 41]. Для взаимодействия важны «точки зрения» всех его участников, необходимо уметь учитывать коллективную интенциональность, раскрывающуюся в интерактивном взаимодействии [56; 41].

В формировании готовности устанавливать отношения между знаками культур переводчик должен владеть значением, как социально кодифицированным способом передачи опыта, смыслом как контекстуальным значением слова, понятием как обобщенным представлением о предметной реальности. Значение как универсальная метка, предписанная знаку, смысл как контекстуально специфическая метка, понятие как обобщенное представление о

предметной реальности, взаимно переходят друг в друга в процессе коммуникации. Переводчику необходимо уметь анализировать взаимопереходы значения, понятия, смысла.

Интерсубъективность есть согласование целей, признание Другого, его позиции. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость, а именно на истинность, на правильность и на правдивость» [49. С. 91].

Взаимопонимание возникает на основе знания предположений и допущений об особенностях поведения, ценностей социальных групп, знания компетенции образующих общество индивидов, культурных традиций [49. С.202].

В основе развития умения переводчика способствовать возникновению интерсубъективности понимание языка как универсальной среды, соединяющей предметный и духовный мир, знание понятий языкового сообщества. В разных языках наряду с универсальным инвентарем фонологических признаков, который выборочно используют отдельные языки, существует аналогичный инвентарь комбинируемых семантических признаков, которым, как комбинациям, присуща значимость, переходящая границы отдельных языков [59. С. 353]. Способность человека к языковому отображению комбинаций семантических признаков, относящаяся к коммуникативной компетенции, актуализируется в понятийном мышлении как стремление к интерсубъективно значимому познанию вещей путем усмотрения их сущностей [59. С. 353]. Понятийный слой во всех культурных языках свидетельствует о возможности интерсубъективно значимого определения сущности вещей как результата понимания в неограниченном коммуникативном сообществе [59. С. 353].

Готовность переводчика способствовать возникновению интерсубъективности формируется в процессе совершенствования знания языка. «Язык образует целостный контекст интерсубъективного понимания, определяющий горизонт любого культурного значения. Языковое отношение к миру объемлет любые операции сознания, сосредоточивая на одном полюсе возможности максимально полного рефлексивного прояснения, а на другом – полисемантические и метафорические ресурсы» [1. С. 575].

Готовность переводчика способствовать возникновению интерсубъективности формируется в процессе развития интуиции.

Интуиция исследуется как один из основных способов познания в единстве с индукцией и дедукцией [22. С. 124, 132]. Первое место в познании занимает интеллектуальная интуиция, опыт и дедукция [22. С. 13, 132]. Интуиция, индукция, дедукция дополняют друг друга в познании и коммуникации [17. С. 80]. Р. Декарт говорит о взаимопереходах интуиции, дедукции, индукции в познании, подчеркивает необходимость получения всей полноты знания о предмете. «Интуиция – несомненное понимание ясного и внимательного ума – порождается одним лишь светом разума» [23. С. 84].

Интуиция является началом процесса рассуждения [23].

Интуиция в широком смысле – связующее звено между бессознательным и сознанием, тот момент во взаимодействии субъекта и объекта, который хотя сам и не осознается, приводит к переходу тех или иных элементов из области бессознательного психического в область сознания. Интуиция свойственна каждому человеку. Творческая интуиция приводит к оригинальным решениям, изобретениям, открытиям. Творческая интуиция – такой момент во взаимодействии субъекта и объекта, который, будучи несознаваемым, приводит к качественно новому, не имевшему месту ранее и не вытекающему непосредственно из внешних воздействий в данный мо-

мент знанию. Интуиция представляет собой единый, целостный процесс, в котором выделяются два уровня. Первый, чувственный уровень – это такой момент во взаимодействии субъекта и объекта, когда субъект осознает наличие у себя определенного эмоционального состояния без ярко выраженного предметного содержания этого состояния. Второй уровень – интеллектуальный. Он возникает на основе первого, являясь его продолжением. Если первый уровень интуиции – своего рода предчувствие, то интеллектуальный уровень приводит к объективации субъективного, появлению в области субъективной реальности четкого предметного содержания сознания. Творческая интуиция – высшая форма интуиции, высший вид ее. Интуиция и интеллект – взаимосвязанные стороны единого, целостного познавательного процесса. Не может быть сугубо интуитивного или сугубо интеллектуального познания, оно всегда есть единство того и другого. Интуиция играет важную роль в предвидении [43. С. 425-426].

Интеллект и интуиция понимаются как единое целое [8. С. 151].

Интуиция вступает в действие, если субъект познания применяет все свои способности, эмоции, чувства, волю в момент решения задачи.

В интуиции имманентно присутствует и акт воли в виде инстинкта, и момент чисто интеллектуальный [7. С. 258-259].

Интуиция исследуется как акт непосредственного созерцания предметов. Все наше достоверное знание получается посредством такого непосредственного наблюдения [37. С. 137]. Интуиция возникает в результате взаимодействия чувственного восприятия, памяти, воображения, мышления (суждения, понятия и умозаключения) [38. С. 138]. В основе дискурсивного мышления лежит непосредственная данность предмета в целом [38. С. 137].

«Истинное знание есть созерцание (интуиция) предмета, прослеживающее связь основания и следствия» [38. С. 156].

Интуиция есть единство чувственной и интеллектуальной интуиции.

Чувственная интуиция – созерцание, осуществляемое при участии органов чувств – глаза, уха, окончаний осязательных нервов и т. п. [38. С. 160]. Интеллектуальная интуиция – понимание целостности отношений между природой и обществом. Интеллектуальная интуиция есть условие самой возможности бытия таких отношений. «Стоит усмотреть хотя бы только одну эту идеальную взаимозависимость всех определенностей и сразу станет непререкаемо очевидно, что мир есть целое, единое в такой же мере, как едина мысль, например, умозаключение: кроме стороны раздробленности в пространстве и времени, все сущее имеет сторону непространственного и невременного единства. Усмотрение этой идеальной целости мира, а также любого из аспектов ее есть интеллектуальная интуиция, умозрение, мышление. Обладание этой способностью есть разум» [38. С. 198].

Интуиция формируется в процессе развития познавательных способностей.

Интуиция – это единство разума, рассудка, чувственного восприятия, понимания, умения создания высказывания, «готовность с помощью единства разума, рассудка, чувственного восприятия понять смысл как целостность, понять, мгновенно уразуметь смысл события, текста, поведения, жеста, мимики, намека, несказанного, но подразумеваемого слова. И в этом смысле нельзя разделять и противопоставлять разум, рассудок, чувственность, интуицию и дискурсию, понимание и создание текста. Опыт реальной действительности, которая находит отражение в сознании, мышлении, в идеальной действительности, при условии постоянного развития знания мира и знания языка, создает возможность мгновенного уразумения, интуицию человека» [53. С. 414].

Рассудок, разум, интуиция одинаково важны в познании, коммуникации: «рассудок в основном покоится на интуиции: конципирование так же немыслимо без ин-

теллектуальной интуиции, как чувственное восприятие – без чувственной интуиции и разумное понимание – без интуиции разумной или интеллигибельной. …противопоставление интуиции и дискурсии имеет видимость оправдания только до тех пор, пока мы in abstraction резко противопоставляем процесс постижения, «познания» и процесс логического изложения, доказательства, передачи познанного другим. Но чем больше вдумываться в то, что само «постижение» мыслимо только в «выражениях», тем более становится ясно, что дискурсия и есть не что иное, как та же интуиция, только рассматриваемая не в изолированной отдельности каждого акта, а в их связи, течении, беге. Истинно только то в указанном противопоставлении, что формализм рассудка имеет дело с данностью абстрактивною, тогда как умозрение разума существенно направляется на предметность конкретную. Это показал уже Гегель. И вот этим-то разум входит в понятное сопоставление с чувством» [53. С. 415]. Интуиция есть способность к пониманию и созданию смысла в коммуникации с помощью языка, знаний о мире, знаний о языке. Ее развитие зависит от личностных усилий каждого человека.

Проблема интуиции и разума исследуется в понятиях непосредственности и опосредованности как равно необходимых уровней развития и функционирования психики и сознания [26. С. 4].

Непосредственность – это прямое и непосредственное действие внешних обстоятельств (стимулов) на индивида [26. С. 3]. «Имеющийся у нас опыт не мешает тому, что он, как и наша память, не имеет отчетливых границ, они не обозримы по своему объему. Этим мы обязаны культурному опосредованию. Это различные внешние и внутренние способы запоминания, заучивания» [26. С. 5]. В качестве средств опосредования выступают артефакты: орудия труда, утварь, знаки (в том числе и иконические), слова (язык), символы, овеществленные смыслы и ценности, мифы, культура в целом [26. С. 6].

«Опосредование психики в самом общем смысле означает включенность всех психических актов (процессов, функций, функциональных органов – новообразований, персональных конструктов и пр.) в культурный контекст жизни и деятельности индивида. Опосредование состоит в том, что все психические акты опосредуют друг друга. Перцептивный, мнемический, интеллектуальный акты могут выступать в качестве либо цели, либо средства» [26. С. 6]. Опосредование создает знания культуры, внутренний мир, опыт [26. С. 9].

Опосредование и непосредственность взаимосвязаны в познании [26. С. 9]. Г. В. Ф. Гегель исследует непосредственное и опосредованное знание как единое целое [2. С. 87]. Для самого осознания непосредственного, как такового, необходимо воспитание и развитие [15. С. 135, 121]. Все учение Гегеля о сущности есть «исследование существенного…единства непосредственности и опосредствования» [15. С. 133, 120].

Отношения непосредственного и опосредованного – это единство объективного и субъективного знания, понимания сущности предмета, которое опосредовано знаниями субъекта познания. В познании «необходимо понимать и выражать истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект» [17. С. 14, 9]. «В непосредственном созерцании я, правда, имею перед собой весь предмет в его целом, но лишь во всестороннем развитом познании, возвращающемся к форме простого созерцания, предмет стоит перед моим духом как некоторая внутри себя расчлененная, систематическая совокупность» [16. С. 320-321, 252].

В процессе познания «интуиция как бы помогает сознанию вырывать непосредственное из нагромождений опосредованного, что оказывается достаточно трудным делом» [26. С. 10].

Интуиция формируется в процессе развития знаний, понимания отношений значения и смысла [26. С. 15]. «Интуитивный акт возможен лишь по отношению к непосредственно данному, и обнаруженный благодаря ему смысл подвергается дальнейшей трансформации в актах опосредствования. Другими словами, в интуитивном акте открывается смысл, в дискурсивном – цепочка значений, в которых смысл находит свое новое воплощение, готовое к объективации в виде нового образа, слова, мысли, действия. Содержательно процесс познания (мышления, понимания) может быть описан как чередование противоположно направленных актов осмысления значений (предметных, операциональных, вербальных, концептуальных и т. п.) и означения смыслов. В зазорах, просвете между ними нередко происходит драматический спор между уже означенными и невыразимыми, но ощущаемыми смыслами. Последние, несмотря на невыразимость, подпитывают дискурсию. Возможно, именно в таких просветах имеется место тому, что Хайдеггер назвал прозрением в то, что есть. Прозрение, видимо, представляет собой высшую форму творческой интуиции; его результаты не просто означиваются, а служат основой творения» [26. С. 15].

Развитие интуиции происходит в процессе саморазвития, самопознания, систематического пополнения знаний. «Достижение непосредственности на пути преодоления опосредования необходимо для построения внутреннего мира индивида, презентированного ему уже не как видимый мир, а как видимое поле (Дж. Гибсон), с которым он может обращаться значительно более свободно, чем с предстоящим ему миром внешним. Работа со своим внутренним миром предполагает отстойку. Наш внутренний мир, как и внешний, не дан нам как целое, задан. Поэтому для работы с ним необходимо сформировать соответствующие функциональные органы, обеспечивающие целостность восприятия мира. Индивид должен научиться прислушиваться, присматриваться к нему, погружаться в него, преодолевать его избыточность, быть способным к избирательному восприятию, к концентрации на нем своего внимания, уметь оперировать им. Большую роль при работе с внутренним миром играют эмоции, которые А. В. Запорожец назвал органами индивидуальности, ядром личности» [26. С. 18].

Интуиция исследуется как одно целое: разум и интуиция [40. С. 19]. Интуиция похожа на интеллект, она разумна [46. С. 43].

Разум вмещает в себя гораздо больше, чем интеллект, поскольку жизнь не только интеллектуальна, но также интуитивна. Разум вмещает в себя интуицию [46. С. 64]. «Ваш центр всегда сонастроен с целым. Ваша периферия – это ваше «эго». Ваш центр принадлежит не вам и не мне, он принадлежит вселенной. Периферии индивидуальны: ваша периферия – это ваша периферия, моя периферия – это моя периферия; но мой центр и ваш центр – не две отдельные вещи. В центре мы все встречаемся, в центре мы одно целое» [46. С. 64].

Интуиция – это умение понимания намерений говорящего, умение создавать понятия в процессе речи, передавать смысл понятий с помощью метафор, создавать образность, экспрессивность высказываний [18].

В умении создавать метафорическое объяснение понятий обнаруживается языковая интуиция [18. С. 103].

В создании понятий, высказываний многое определяется не законами языка, а зависит от каждого говорящего. «Языку здесь принадлежит та заслуга, что он обеспечивает свободу и изобилие средств для использования многообразных оборотов речи, хотя часто он всего лишь предоставляет возможность в любой момент самостоятельно создавать такие обороты» [18. С. 106].

Интуиция – это применение правил языка, готовность к пониманию и созданию смысла в процессе общения, следование законам логики в речи.

Интуиция – это умение понимать и создавать понятие в системе понятий, в контексте речи, построение предложений, «методы и приемы распределения смыслов, распространение их в сообщающем слове и подборе необходимых для целей сообщения словесно-логических средств» [53. С. 414].

«Понятия, как интеллектуальные, словесно-логические сочетания, суть именно сочетания интуитивно ухватываемой сущности в онтическом содержании с планомерно производимым отбором словесно логических средств в самом акте сообщения (=мышления), в зависимости от условий контекста и в подчинении высшему закону формирования. Понятия, как образования, как результаты, могут обладать какой угодно устойчивостью, но они проходят через процесс образования, который, следовательно, есть не что иное, как процесс формообразования [53. С. 409], преодоление противоречий, запечатленных в абстрактных формулах – (категории самой логики, класс, род, вид, принцип противоречия)» [53. С. 411].

«Понятие, как результат, в своей концептивной форме только потому и определяется свободно от противоречия, что оно – момент, покой, но противоречие в нем есть, заключено в нем имплицитно, как его потенциальная энергия. Всякое раскрытие понятия в форму любого предложения синтетического типа есть эксплицирование противоречия. Лишь в свете понимаемого смысла разумно оправдывается всякая пропозициональная экспликация понятия, и лишь в смысловом движении одинаково может быть оправдано и то, что человек есть червь, и что – он бог» [53. С. 411].

Интуиция формируется в процессе развития умения создавать понятия, умения интерпретации, объяснения, понимания. Г. Г. Шпет утверждает, что существует единство умения создавать понятие и умения интерпретации. Интерпретация и создание понятий комплементарны в том смысле, что интерпретация истолковывает слово в его действительном контексте, умение создания понятий имеет в виду как бы всякий возможный контекст, т. е. некоторую имманентно-связанную систему, из которой уже почерпается нужное слово – понятие для действительного контекста [53. С. 413-414].

Отношения между понятиями, между предложениями определяются отношениями общего и частного, умением применить творчество в создании словесно-логических форм понятий, «диалектикой реализуемого культурного смысла» (Г. Г. Шпет), логикой высказывания.

Интуиция – это следование законам логики в речи.

«Логика – утверждение объективной реальности всеобщего в смысле закономерной связи материальных явлений, в смысле закона их сцепления в составе некоторого целого, в составе саморазвивающейся тотальности, все компоненты которой «родственны» по существу дела не в силу того, что все они обладают одним и тем же одинаковым признаком, а в силу единства генезиса, в силу того, что все они имеют одного и того же общего предка, или, выражаясь точнее, возникли в качестве многообразных модификаций одной и той же субстанции, имеющей вполне материальный (т. е. независимый от мысли и слова) характер» [27. С. 256].

Слово «логика» обозначает всякую внутренне необходимую закономерность во взаимосвязи и в развитии тех или иных явлений, в том числе в связях и развитии мыслей в процессе мышления [11. С. 3].

«Внутренне необходимые закономерности в связях и развитии мысли есть закономерности, не зависящие ни от воли человека, ни от особенностей и состояния его психики, ни от каких-либо внешних обстоятельств, не связанных с содержанием мысли. Эти закономерности определяются исключительно лишь характером предметов объективного мира, характером их связей и отношений, кото-

рые, отражаясь в нашем мышлении, составляют содержание наших мыслей. Основу логики мышления составляет логика вещей. Логика мышления, или субъективная логика, является отражением логики вещей, или объективной логики» [11. С. 4].

Логика в том или ином рассуждении есть не что иное, как «последовательное воспроизведение в мышлении объективных связей и предметов и явлений действительности» [11. С. 4]. «Самые обычные логические «фигуры» – самые обычные отношения вещей» [33. С. 152]. «Законы логики, – отмечает В. И. Ленин, – суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [33. С. 158].

Инструмент познания человека не может быть иной природы, чем сам познаваемый мир, поэтому и логические категории, логический строй нашего мышления имеет своим прообразом законы реальных связей вещей [29. С. 25].

«Объективной материальной оболочкой, в форме которой и существует мышление является язык» [29. С. 15].

«К субъективной стороне мышления относятся логические законы, правила и формы, благодаря универсальности которых осуществляется весь процесс познания» [29. С. 46].

«Основные формы мышления – понятие, суждения, умозаключение – не есть пустые формы; они суть отражение явлений и связей предметного мира [29. С. 25].

Категории логического мышления – понятие, суждение, умозаключение – являются основными формами мышления, скрепляющими в одно целое, в одну систему, все содержание наших знаний. Познание движется в этих формах.

Развитие интуиции – это познавательных способностей, развитие внимания. Внимание – «деятельность, при помощи которой нам удается расчленить сложный состав идущих вне нас впечатлений, выделить в потоке наиболее важную часть, сосредоточить на ней всю силу нашей активности и тем самым облегчить ее проникновение в сознание. Благодаря этому достигаются особые отчетливость и ясность, с которыми переживается эта выделенная часть» [13. С. 132].

«Внимание – система реакций установки – подготовительных реакций организма, которые приводят тело в нужное положение и состояние и подготавливают его к предстоящей деятельности» [13. С. 133]. Функция установки выступает в роли объединителя и организатора внешних впечатлений [13. С. 136]. Установка есть непрерывно длящееся усилие организма, а не мгновенное проявление активности [13. С. 142].

«Предварительная форма приспособления к будущим изменениям среды в своих высших формах переходит в реакции внимания или установки, т. е. связывается рефлекторно с такими импульсами реакций, которые приводят организм в наиболее совершенное подготовительное состояние» [13. С. 1 40-141]. Внимание можно сравнить с внутренней стратегией организма. «Оно действительно выступает в роли стратега, т. е. направителя и организатора, руководителя и контролера боя, не принимающего, однако, непосредственного участия в самой схватке» [13. С. 141]. Внимание только постепенно, путем длительной и сложной тренировки, превращается в произвольную установку, направляемую важнейшими потребностями организма и, направляющую все течение поведения [13. С. 143].

«Для того, чтобы охарактеризовать педагогическое значение внимания в целом, необходимо указать на его интегральный целостный характер» [13. С. 157]. От работы внимания зависит вся картина воспринимаемого нами мира и самих себя [13. С. 157].

Результатом внимания является большая интенсивность восприятия и его детализация: с точки зрения содержания оно может быть сведено к определенному приросту понимания [7. С. 221].

Внимание – это интеллектуальное усилие, которое мы испытываем в процессе выполнения деятельности [7. С. 1070].

Внимание исследуется как особое психическое состояние, которое обеспечивает эффективность деятельности [50].

«Чем более трудный вызов бросает действительность человеку, его психике – функциональной системе психической регуляции поведения и деятельности, чем больше требований к работе ее когнитивных систем по анализу и синтезу впечатлений действительности, тем в большей степени включается в работу ее физиологическая подсистема энергетического и метаболического обеспечения познавательных процессов восприятия, воображения и мышления. Складывающееся в этих условиях сложное по составу и механизмам функциональное психическое состояние называется вниманием. При отсутствии внимания никакие аналитико-синтетические процессы в коре мозга практически невозможны. Внимание – это целесообразная реакция организма, моментально улучшающая деятельность, условия восприятия» [50. С. 24].

Внимание обусловлено характером деятельности, ее задачами.

Внимание – это «избирательная направленность на тот или иной объект и сосредоточенность на нем, углубленность в направленную на объект познавательную деятельность [47. С. 417; 44. С. 28].

Внимание определяется интересами и потребностями, установками и направленностью личности. «Они вызывают изменение отношения к объекту. А изменение отношения к объекту выражается во внимании – в изменении образа этого объекта, в его данности сознанию; он становится более ясным и отчетливым, как бы более выпуклым. Хотя внимание не имеет своего особого содержания, проявляясь в других процессах, однако и в нем выявляется специфическим образом взаимосвязь деятельности и образа» [47. С. 417].

Важное значение имеет социально психологический или «социобиокультурный» аспект исследования внимания. «Внимание может быть распределено между несколькими людьми. Развитие речи, произвольного контроля и рефлексивного мышления зависит от социализации внимания и возникновения в процессах коммуникации особых состояний, которые называются совместным вниманием. Участник коммуникации с его умениями, знаниями «ресурсами» включается в координированные структуры действий всех участвующих в выполнении совместной активности» [9. С. 260-261].

Вниманию, как и всякому действию, надо специально учить [14. С. 26].

Главное требование в развитии внимания – «это требование того, чтобы весь решительно учебный и воспитательный материал был насквозь пронизан и пропитан целевой установкой, а воспитатель всякий раз точно знал направление, в котором должна действовать устанавливаемая реакция» [13. С. 150, 152].

В качестве отдельной формы психической деятельности внимание представляет собой контроль, доведенный до уровня идеального, сокращенного и автоматизированного действия [14. С. 26].

Контроль по мере его установления превращается в самоконтроль [9. С. 30].

Формирование контроля исследуется в связи с трудовым обучением. Самоконтроль выделяется как особая форма деятельности учащихся, необходимая для правильного выполнения основных рабочих действий; подчеркивается необходимость специального обучения самоконтролю [14. С. 30].

Самоконтроль понимается как «умение критически отнестись к своим поступкам, действиям, чувствам, мыслям, умение регулировать свое поведение и управлять им. Самоконтроль связан с личностью в целом» [14. С. 30].

В понятие самоконтроль обязательно входит такой признак, как сопоставление своего действия – его хода или его результа-

та или того и другого вместе – с эталоном, образцом. В одних случаях под образцом понимают заданный результат действия, в другом – образцом является сам порядок выполнения основного действия, содержание и последовательность его операций (в этом случае контроль носит пооперационный характер). Всегда имеется в виду и самая операция сличения [14. С. 32].

Сначала контроль выполняется как развернутое сопоставление процесса действия с его образцом. В результате систематического применения и подкрепления схема ориентировочной основы действия усваивается. Контроль все более сближается с основным действием и практически выполняется как бы одновременно с ним. Далее, по мере дифференцировки действия, возрастает его стереотипность и начинается его автоматизация. Тогда из внешне представленной схемы ориентировочная основа действия превращается в его динамический стереотип. Две функции ориентировочной основы действия – образца для исполнения и эталона для контроля – сливаются. Действие и контроль за ним в основном происходят автоматически. На заключительной стадии формирования действия контроль выступает как направленность и сосредоточенность на объекте, как внимательное обследование ситуации и внимательное исполнение основного действия [14. С. 36-37].

«Контроль получает форму внимания, становится вниманием, когда достигает уровня идеального, сокращенного и автоматизированного действия. Всякое внимание есть контроль. По происхождению, по действительному, скрытому от всякого наблюдения содержанию, по своему механизму и объективно выполняемой работе внимание остается предметным действием – действием контроля» [14. С. 37-38].

При формировании контроля как содержательного, предметного действия должны быть указаны: его порядок, средства и способы выделения его последовательных объектов, средства и способы проверки каждого из них и способы фиксации результатов этой проверки [14. С. 39].

В процессе формирования внимания необходимо: 1. установить конкретное содержание контроля, т. е. выделить операции, входящие в его состав; 2. нужно дать обучающемуся такую систему предписаний, которую он воспринимал бы однозначно и которая систематически обеспечивала бы получение заданного результата; 3. подобрать такую систему заданий, которая обеспечивала бы совершенствование действий по всем намеченным показателям (разумности, обобщению, сознательности и т. д.); 4. обеспечить переход действия в идеальный план, его систематическое сокращение и автоматизацию [14. С. 40].

В обучении переводу: 1. операции, входящие в состав формируемого действия – умение создавать значение с учетом прагматики перевода, преодолевать лексические, грамматические трудности перевода, умение корректировать текст перевода; 2. средствами для ориентировки при выполнении заданий являются переводческие трансформации, знание системы языка оригинала и языка перевода, знание закономерностей перевода и отношений между языковыми системами, которые необходимо принимать во внимание в процессе решения проблем перевода, норма перевода, требования к коммуникативной переводческой компетенции; 3. система заданий, отвечающих задаче разностороннего обобщения контроля, включает задания для работы с текстами разного жанра, задания, которые формируют навык преодоления трудностей, решения проблем перевода; 4. переход действия в идеальный план осуществляется в процессе развития умений самоанализа, самокоррекции, саморегулирования, умения объяснять свои действия, понимать действия Другого на основе знания требований к качеству перевода.

«Управлять формированием внимания можно лишь тогда, когда раскрыто его со-

держание (а оно, по нашему мнению, является действием контроля), когда организовано поэтапное формирование контроля как нового умственного действия учащихся» [14. С. 73].

В результате поэтапного формирования контроля – «внимание как предметное действие становится идеальным (действием взора) и присоединяется к основному производительному действию (написанию, прочтению, ознакомлению с ситуацией и т. д.). Будучи относительно простым и стереотипным, контроль в такой идеальной форме быстро сокращается и уже не выступает как самостоятельное действие. Всегда направленный на основное, производительное действие, контроль теперь как бы сливается с ним и сообщает ему свои характеристики – направленность на основное действие и сосредоточенность на нем» [14. С. 84].

«Чтобы сформировать новый акт произвольного внимания, мы должны наряду с основной деятельностью дать задание проверить (или проверять) ее, указать для этого критерий и приемы, общий путь и последовательность. Начинать следует не с внимания, а с организации контроля как определенного, внешнего предметного действия (которое лишь потом будет преобразовано в новый акт внимания)» [14. С. 93].

В развитии внимания «основная мотивация той деятельности, которую мы хотим сформировать, есть главное условие ее успешного воспитания, развития внимания» [14. С. 85].

«Понимание психики как ориентировочной деятельности означает подход к ней не со стороны «явлений сознания», а со стороны ее объективной роли в поведении. В отличие от всякой другой психическая ориентировка предполагает образ – среды действия и самого действия – образ, на основе которого и происходит управление действием. Управление действием на основе образа требует сопоставления задания с его исполнением. Контроль составляет необходимую и существенную часть такого управления. Контроль составляет неотъемлемый элемент психики как ориентировочной деятельности» [14. С. 89].

«Внимание – это определенная сторона психических процессов – направленность, сосредоточенность сознания на объектах или явлениях, предполагающая повышение уровня сенсорной, интеллектуальной и двигательной активности. Основными функциями внимания являются отбор релевантных воздействий, удержание деятельности до момента достижения цели, регулирование и контроль протекания деятельности» [52. С. 97].

В процессе развития внимания особое педагогическое значение приобретает интерес обучающихся как форма проявления непроизвольного внимания [13. С. 143].

Обучение возможно «только постольку, поскольку оно опирается на собственный интерес обучающегося, интерес, который направлен по линии самого изучаемого предмета» [13. С. 144].

Заинтересованность должна быть связана с самим предметом обучения, с осознанием значения того дела, которое делается. В развитии внимания большое значение имеет эмоциональное отношение обучающегося к процессу деятельности [47. С. 433].

Внимание является одним их проявлений волевого типа деятельности. Способность к произвольному вниманию формируется в систематическом труде [47. С. 434].

Управляя вниманием, «мы берем в свои руки ключ к образованию и к формированию личности и характера» [13. С. 159].

Развитие внимания происходит в процессе деятельности, осознания ее цели.

«Воспитать внимание обучающегося – это прежде всего организовать у него требуемую деятельность, воспитать у него определенные формы и виды ее» [36. С. 354].

«Процесс внимания» – процесс сознавания – это не формальный, но содержательный и целенаправленный процесс» [36. С. 358].

Главный путь здесь – совместное действие. Учитель объясняет, анализирует, приходит к выводам, учащийся следит, следит за этими внешне выраженными теоретическими действиями [36. С. 355].

Как отдельная форма психической деятельности внимание представляет собой не что иное, как контроль, доведенный до уровня идеального, сокращенного и автоматизированного действия [14. С. 26].

Развитие умения способствовать возникновению интерсубъективности происходит в процессе развития умения наблюдения. Эффективность наблюдения достигается при условии понимания целостности мира: «Предмет созерцания имеет назначение быть не единичным, распадающимся на многообразие сторон, но целокупностью, крепко сдерживаемой связью полноты определений. Одухотворенное истинное созерцание схватывает субстанцию предмета во всей ее полноте» [16. С. 251].

Наблюдение всегда должно иметь познавательную цель [35. С. 86].

Чувственные действия, подчиненные познавательной цели, выходят за пределы внешней формы вещей, они воспроизводят моменты опосредствования, связи вещей, их всеобщее [35. С. 86].

Наблюдение, которое проводится в соответствии с познавательной целью, является «началом диалектического, рефлектирующего, подлинно человеческого мышления» [21. С. 118].

Становление умения «непосредственно видеть» [32] происходит в процессе взаимодействия «наблюдения сразу двух объектов: предметов обыденного опыта и того предмета, смысловое содержание которого схватывается субъектом посредством понятий той или иной теории (оба эти предмета существуют объективно – реально, хотя на разных уровнях реальности)» [32. С. 188-189]. Знания закономерностей коммуникации, перевода, языка, предметного мира, психологии человека являются средством познания, развития умения наблюдения.

Умение наблюдения формируется с помощью ряда переменных, которые способствуют развитию восприятия, умения обобщения. Наиболее полную систему наблюдаемых переменных представляет модель BAGEL [18], позволяющая по внешне наблюдаемым элементам психофизиологии и речи человека делать заключения о его когнитивных стратегиях. Элементы наблюдаемого поведения: Поза, Ключи доступа (частота и глубина дыхания, цвет лица, мимика лица, громкость и тембр голоса и т. д.), Жесты, Движения глаз, Языковые паттерны (особенности использования языковых средств, построения высказываний).

Умение переводчика способствовать возникновению интерсубъективности формируется на основе понимания высказывания, ситуации взаимодействия, понимания объективного и субъективного в высказывании. «Высказывание – это скорее ключ к конструированию модели, чем чертеж, по которому она могла бы быть построена» [57. С. 235].

«В соответствии с общими закономерностями психической деятельности индивид видит в тексте в первую очередь то, что он ожидает или хочет увидеть, на что его нацеливают мотивы, ситуация, акцентирование внимания, личностные ориентиры и многое другое. Установлено, что особую роль в понимании текста играет способность человека опираться на схемы знаний о мире (фреймы, сценарии, когнитивные карты и т. п.), позволяющие ориентироваться в ситуации, достраивать ее, судить о правдоподобности или нереальности описываемого в тексте» [25. С. 249]. Умение точно понять смысл, эмоции, мотивы говорящего и передать их в переводе зависит от аналитических способностей переводчика, экстралингвистических знаний, знания о том, что мотивы, эмоции, знания собеседника должны стать основой развития диалога.

Готовность переводчика способствовать возникновению инерсубективности – это развитие умения принимать во вни-

мание прагматический аспект перевода. При достижении прагматического уровня эквивалентности достигнута цель коммуникации, передается отношение говорящего к действительности, создается взаимопонимание, взаимодействие.

«Содержание языковых единиц всегда коммуникативно. В нем содержится информация, которая предназначена для осуществления процесса общения и которая может быть «извлечена» из знака коммуникантами, принадлежащими к данному языковому коллективу. Поэтому любое значение языкового знака так или иначе ориентировано на рецептора, существует лишь постольку, поскольку он способен его извлечь» [30. С. 103-104]. Прагматические элементы значения извлекаются рецептором как часть общего значения [30. С. 104]. Переводчику необходимо учитывать всю совокупность факторов, которые оказывают влияние на создание слова говорящим и понимание его рецептором: отношения систем двух языков и культур, социальные характеристики участников коммуникации, их коммуникативная компетенция, ситуация взаимодействия.

Возникновение интерсубъективности в коммуникации есть условие развития творчества, создания новых знаний, идей.

«Мое мышление, по сути, всего – навсего репродуктивно. Думаю, я никогда не открыл ни одного движения мысли, оно всегда передавалось мне кем-то другим. Я лишь со страстью набрасывался на разъяснительную работу. Что касается меня, то я открываю новые сравнения» [10. С. 439].

В основе развития умения способствовать возникновению интерсубъективноти в коммуникации – понимание Другого, его взглядов, намерений, способов интерпретации, умение строить свое поведение, учитывая интересы Другого. Интерсубъективность возникает не благодаря мысли, но благодаря нравственному закону [48]: «Здесь – во взаимоотношении с другими субъектами – ограничивай свою свободу, здесь признавай и чти чужие цели – вот что лишь преобразуется затем в мысль: здесь несомненно и поистине есть и само по себе существует подобное мне существо» [48. С. 81].

Интерсубъективность понимается как нерасторжимость личных «бытий», как начало, конституирующее саму личность человека. В исследовании интерсубъективности, высказывается мысль о нерасторжимости духовно-интимной связи между бытием и интерсубъективностью [59].

Интерсубъективность – это открытость, подвижная готовность к самоизменению в коммуникации. При отсутствии «истинной открытости к другому» как личности ставится под вопрос значение духовности бытия [48].

Основу интерсубъективности составляет универсальное единство осуществляющегося в собственном Я самоистолковании, и монастырке – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963.

Готовность переводчика способствовать возникновению интерсубъективности формируется в процессе развития личности, нравственных ценностей переводчика.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автономова, Н. С. Познание и перевод. – М.: РОССПЭН, 2008.

2. Асмус, В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963.

3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979.

4. Бахтин, М. М. Автор и герой: к философии и основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.

5. Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод литературоведении. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000.

6. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка. – Л., 1929.

7. Бергсон, А. Собрание сочинений. В четырех томах. – Том I. Опыт о непосредственных данных сознания. – М.: Московский клуб, 1992.

8. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память. – Минск: Харвест, 1999.

9. Величковский, Б. М. Когнитивная наука. – Том 1. – М.: Смысл, 2008.

10. Витгенштейн, Л. Философские работы. Ч. 1. – М., 1994. – С. 439.
11. Войшвилло, Е. К. Предмет и значение логики. – М.: Изд-во МГУ, 1960.
12. Выготский, Л. С. Собрание сочиненений. – Т. 1. – 1982.
13. Выготский, Л. С. Педагогическая психология. – М.: АСТ: Астрель, 2010.
14. Гальперин, П. Я., Кабыльницкая, С. Л. Экспериментальное формирование внимания. – М.: Изд-во МГУ, 1974.
15. Гегель, Г. В. Ф. Собр соч. – Т. 1. – М.-Л., 1930.
16. Гегель, Г. В. Ф. Соч. – Т. 3. – М., 1956.
17. Гегель, Г. В. Ф. Соч. – Т. 4. – М., 1959.
18. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Изд. гр. «Прогресс», 2000.
19. Гуссерль, Э. Логические исследования. – М.: Минск, Харвест; М., «АСТ» 2000.
20. Гуссерль, Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2006. – 315 с.
21. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения. Опыт теоретических и экспериментальных исследований. – М.: Наука, 1986.
22. Декарт, Ренэ. Правила для руководства ума. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
23. Декарт, Рене. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989.
24. Дилтс, Р. Изменение убеждений с помощью НЛП. – М., 2000.
25. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999.
26. Зинченко, В. П. Нужно ли преодоление постулата непоредственности? // Вопросы психологии. – 2009. – № 2.
27. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика. – М.: Политиздат, 1974.
28. Калиниченко, В. В. Новая филос. энциклопедия в 4 тт. – Т. 2. – М.: Мысль, 2001.
29. Колшанский, Г. В. Логика и структура языка. – М.: Высшая школа, 1965. – 240 с.
30. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. – М.: Либроком, 2009.
31. Кудрявцев, В. Т. На путях к вершинно-глубинной психологии // Вопросы психологии. – 2006. – № 5.
32. Лекторский, В. А. Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980.
33. Ленин, В. И. Философские тетради. – М.: Политиздат, 1947.
34. Леонтьев, А. А.Деятельный ум. – М.: Смысл, 2000.
35. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Изд-во МГУ, 1975.
36. Леонтьев, А. Н. Избр. психолог. произведения в 2 тт. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983.
37. Лосский, Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М.: Издательская группа «Прогресс», VIA, 1992.
38. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Терра-Книжный клуб; Издательство «Республика», 1999.
39. Лурия, А. Р. Язык и сознание. – Ростов на Дону: Феникс, 1998.
40. Майборода, Д. А. Всемирная энц. Философия. – М.: АСТ-Минск-«Харвест», 2001.
41. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
42. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007.
43. Морозов, И. М. Всемирная энциклопедия. Философия. – М.: АСТ-Минск, 2001.
44. Моррис, Ч. Основания теории знаков // Семотика. – М.: Радуга, 1983.
45. Мотрошилова, Н. В. Эдмунд Гуссерль: на пути к концепции «жизненного мира» (20-годы XX века) // Философские науки. – 2007. – №1.
46. ОШО. Интуиция. Познание за пределами логики. – М.: АСТ, 2010.
47. Рубинштейн, С. Л.(1998).Основы общей психологии. – СПб, Питер Ком.
48. Фихте, И. Г. Назначение человека. – СПб, 1906. – С. 81.
49. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001.
50. Чуприкова, Н. И. Как вывести психологию внимания из теоретического тупика

// Вопросы психологии. – 2008. – № 5.

51. Чуприкова, Н. И. Интроспекция и явления сознания в системе естественно-научной психологии // Вопросы психологии. – 2010. – № 2 .

52. Шадриков, В. Д. Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2007.

53. Шпет, Г. Г. Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007.

54. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. – М., 1995.

55. Apel K.-O. Transformation der Philosophie. – Frankfurt a.M., 1973.

56. Clark H.H.,Wilkes-Gibbs D. Referring as a collaborative process / Clark H. H.// Cognition. – 1986. – Vol. 22. – P. 24-47.

57. Johnson-Laird P. N. Mental Models:Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

58. Keller R. A. A. Theory of linguistic signs. – Oxford UP, 1998.

59. Marcel G. Ma relation avec Haidegger // Gabriel Marcel et la paensee allemande / Cahier 1. (1979).

САМАРСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

УДК 159.9
ББК 88.37
Социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТИПОВ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М. В. Аборина

В статье рассматриваются социально-психологические факторы, определяющие типы профессионального взаимодействия менеджеров торговых предприятий с клиентами, согласно экопсихологическому подходу. Система психологической регуляции данного взаимодействия объединяет разноуровневые и разнопорядковые детерминанты, среди которых существенную роль играют ценностно-нравственные характеристики и направленность личности.

Ключевые слова
Тип взаимодействия, ценностно-нравственная составляющая, доверие, направленность

Организации, предполагающие оставаться успешными в период кризиса и в период стабильной экономической ситуации, необходимо оказывать поддержку клиенту на всех уровнях управления и реализовывать свои цели и задачи по отработанной стратегии взаимодействия, ведь именно клиент является наиболее значимым ресурсом для предприятия [2].

Совместное взаимодействие менеджеров торговых предприятий и клиентов, сфокусированное на сотрудничестве, координации совместной деятельности, на оценке перспективности дальнейшего взаимодействия, а так же на индивидуальном подходе к каждому клиенту, нацеленном на долгосрочное сотрудничество, основанное на взаимном доверии и уважении, соблюдении менеджером этических норм поведения, окажет влияние на эффективность функционирования предприятия, создание дополнительного дохода и увеличение рентабельности бизнеса. Система психологической регуляции данного взаимодействия объединяет разноуровневые и разнопорядковые детерминанты.

В настоящее время в психологической науке формируется новое направление – экологическая психология (В. И. Панова) [7, 8]. В центре ее внимания находятся такие особенности, закономерности и механизмы психического развития, которые проявляются в условиях взаимодействия человека с окружающей средой. Разные типы ситуационного взаимодействия в системе «человек-среда (ситуация)» характеризуют разную типологию изменения психического состояния индивида.

Рассматривая в рамках данного подхода понятие экологического сознания, как

психического феномена, носителем которого является субъект гносеологического типа, регулирующего деятельность, в том числе и взаимодействие в профессиональной сфере. Экологическое сознание имеет сложную многокомпонентную структуру, которая включает основные сферы психики человека, каждая из которых имеет свой, присущий данному индивиду, функциональный диапазон проявления (телесный (психосамотический.), эмоциональный (аффективный), интеллектуальный (познавательный), личностный, т. е. Я-концепция, духовно-нравственный) [8]. Анализ особенностей развития каждой из перечисленных составляющих позволяет составить представление о стратегиях и особенностях взаимодействия, определяемых индивидуально-психологическими характеристиками субъекта. На основании данных уровней сознания были выбраны социально-психологические характеристики, влияющие на профессиональное взаимодействие.

1. Самоотношение к своему физическому «Я».

Отношением к своему физическому «Я» формируется под влиянием социальных стереотипов, оказывает непосредственное воздействие на формирование позитивного либо негативного самоотношения, которое, в свою очередь, отражается на социальных взаимоотношениях индивида в соответствии с тем, считает ли он себя близким или далеким от социального эталона физического образа. Лица, полагающие свой физический образ презентабельным, чувствуют большую уверенность в себе, самоудовлетворенность, активны в установлении межличностных контактов [9].

2. Интеллектуальная составляющая менеджера способствует успешной социальной адаптации и взаимодействию в профессиональной деятельности.

Основным критерием выделения интеллекта как психологического конструкта является его функция в регуляции поведения. С понятием интеллекта тесно связано и эмоциональная составляющая, которая выражает эмоциональное отношение субъекта к социальной среде, к другим людям и самому себе Проблема воздействия эмоций на процесс и результаты деятельности, в особенности профессиональной, является, как известно, одной из важнейших психологических проблем. В особенности это относится к таким видам деятельности, которые принадлежат системе «человек – человек».

3. Выбор типа взаимодействия определяется также степенью доверия партнеров друг другу. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко определяют доверие, как некое оптимистическое ожидание менеджера и клиента в условиях уязвимости и зависимости друг от друга в процессе совместной деятельности или обмена, которое служит для облегчения взаимодействия и приводит к общей выгоде. Благодаря доверию, субъект вступает во взаимодействие с миром, познает и преобразует его и себя. Недоверие же способствует сохранению и обособлению субъекта и его социально-психологического пространства. В этом проявляется и его защитная функция [5].

4. Одним из основных профессионально значимых компонентов личности влияющий на профессиональное взаимодействие, является его направленность, которая является одним из важнейших субъективных факторов достижения вершины в профессиональной деятельности.

В психологических теориях личности направленность выступает как качество, определяющее ее психологический склад. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: «динамическая тенденция» С. Л. Рубинштейна, «смыслообразующий мотив» А. Н. Леонтьева, «основная жизненная направленность» Б.Г Ананьева, «динамическая организация «сущностных сил» человека» А. С. Прангишвили, «система потребностей» Б. И. Додонова. Л. И. Божович направленность личности понимал как систему устойчи-

во доминирующих мотивов, которые определяют целостную структуру личности. У К. К. Платонова – совокупность влечений, желаний, интересов, склонностей, идеалов, мировоззрения, убеждений и т.д.

В направленности выражаются субъективные ценностные отношения личности к различным сторонам действительности. Подчеркивая психологический характер ценностей как объекта направленности личности, В. П. Тугаринов употребляет понятие «ценностные ориентации», определяемые им как направленность личности на те или иные ценности [6].

5. Ценностные ориентации, задают: общую направленность интересам и устремлениям личности; иерархию индивидуальных предпочтений и образцов; целевую и мотивационную программы; уровень притязаний и престижных предпочтений; представления о должном и механизмы селекции по критериям значимости; меру готовности и решимости к реализации собственного «проекта» жизни. Ценностные ориентации проявляются и раскрываются через оценки, которые человек дает себе, другим, обстоятельствам и т. д., через его умение структурировать жизненные ситуации, принимать решения в проблемных и выходить из конфликтных ситуаций, через избираемые линии поведения в экзистенциально и морально окрашенных ситуациях, через умение задавать и изменять доминанты собственной жизнедеятельности.

В работах А. Н. Леонтьева, В. Я. Ядова, И. С. Кона, Н. И. Лапина, С. Г. Климовой, В. П. Вардомацкого и др., разрабатывалась проблема принятия личностью ценностей различных социальных групп. А в исследованиях В. Ф. Сержантова, В. Д. Шадрикова, Е. А. Климова и др. ценностные ориентации выступают в качестве важного механизма регуляции деятельности. Г. М. Андреевой, Л. И. Анцыферовой, А. А. Бодалева, А. И. Донцова, В. С. Мухиной, Б. Д. Парыгина изучалось влияние социальных отношений на формирование личности относительно ее ценностных ориентаций.

В современных отечественных исследованиях, в частности, в работах Б. С. Братуся, Г. Е. Залесского, Е. И. Головахи, Г. Л. Будинайте и Т. В. Корниловой, Н. И. Непомнящей, С. С. Бубновой и др., личностные ценности рассматриваются как сложная иерархическая система, которая занимает место на пересечении мотивационно-потребностной сферы личности и мировоззренческих структур сознания, выполняя функции регулятора активности человека.

В последние годы в социально-психологических исследованиях уделяется больше внимания изучение проблемы ценностей в связи с нравственной проблематикой (А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, И. Р. Сушков, П. Н. Шихирев и др.) [4, 6].

6. Нравственность, как ценностное образование, выступает важной детерминантой профессионального взаимодействия. Особенностью нравственной регуляции во взаимодействии состоит в том, что она осуществляется в неявной и часто в не осознанной форме. Этот скрытый характер приводит к возникновению конфликтных ситуаций, имеющих нравственную подоплеку. Для устранения подобных конфликтов необходимо выявление нравственной позиции взаимодействующих сторон, а также разработка процедур ведения переговоров и принятия решения с учетом морального компонента [5].

Проблемы нравственного становления личности рассматривались в работах Л. И. Божович, Б. С. Братуся, Н. И. Судакова, Т. А. Флоренской, Б. Д. Эльконина, С. Г. Якобсон, в них выстраивались уникальные методы психологической поддержки и помощи человеку. В научной школе С. Л. Рубинштейна разрабатывались методологические и экспериментальные проблемы становления нравственного сознания [3, 5].

Цель данного эмпирического исследования – определить социально-психоло-

гические факторы, определяющие тип делового взаимодействия менеджеров торговых предприятий.

Объект данного исследования – типы взаимодействия менеджеров торговых предприятий с клиентами.

Предмет исследования: социально-психологические факторы типов субъект-субъектного взаимодействия.

Исходя из теоретических посылок, была выдвинута гипотеза: типы субъект-субъектного взаимодействия определяются социально-психологическими факторами, такими как ценностно-нравственными, личностными характеристиками интеллектуальной составляющей и самоотношением к своему физическому «Я». Все эти факторы являются основным детерминантами, определяющими тип профессионального взаимодействия менеджера.

Методика исследования

Исследование проводилось среди менеджеров торговых предприятий городов: Самары, Тольятти, Новокуйбышевска, Саратова, Оренбурга, Ульяновска в возрасте от 22 до 45 лет (180 человек из них 104 мужчины и 76 женщин). Выборку оставили менеджеры среднего звена (супервайзеры, начальники отделов) трех крупных Российских предприятий, работающих на рынке «FMCG».

В данном эмпирическом исследовании был использован комплекс методов и методик, который соответствует логике нашего исследования: наблюдение, интервью, анализ документации (контент-анализ), анкетирование, тест-опросники, экспертная оценка. Выбор психодиагностического инструментария адекватен поставленным целям и задачам исследования.

В качестве диагностического инструментария были использованы: тест личностных ценностей (ТЛЦ) Л. В. Карпушина, А. В. Капцов, методика оценки доверия личности другим людям А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко, методика «Нравственное самоопределение личности» А. Е. Воробьевой, А. Б. Купрейченко, авторская методика определения типа взаимодействия [1], тест-анкета «Эмоциональная направленность» Б. И. Додонов, методика исследования самоотношения к Образу Физического «Я» А. Г. Черкашиной, прогрессивные матрицы Дж. Равена, определение направленности личности Б. Басса.

Для статистической обработки данных использовался пакет программ StatSoft STATISTICA 6.0, в частности дискриминантный анализ, позволяющий определить главные детерминанты, по которым отличаются основные типы взаимодействия менеджеров торговых предприятий.

Основные результаты исследования

На основании проведенного контент-анализа собранных в ходе исследования данных, нами были выделены субъект – совместный, субъект – обособленный подтипы субъект – субъектного типа взаимодействия, субъект – квазисубъектный и квазисубъект – субъектный типы взаимодействия менеджеров торговых предприятий с клиентами. Где квазисубъект – это субъект, обладающий сознанием, способный к целеполаганию, к рефлексии, избегающий брать на себя ответственность за принимаемые решения, подчиняясь и выполняя требования окружающей социальной среды.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить об имеющихся различиях в личностных ценностях и нравственных характеристиках, а так же в самоотношении к Образу Физического Я, направленности личности и в общих интеллектуальных способностях у менеджеров с различными типами взаимодействия с клиентами.

Тип взаимодействия «менеджер-клиент» определяется степенью доверия партнеров друг другу. По полученным результатам, таблица 1, мы можем сказать, что показатели надежности (одного из компонентов доверия другим людям) са-

мые высокие у менеджеров с предпочтением квазисубъект – субъектного типа взаимодействия с клиентами. Они ожидают от своих клиентов понимания и помощи в сложной ситуации, например сохранения приверженности марке или терпимость к временным убыткам и выполнения договоренностей в отношении цен, сроков сделок и т. д. [5]. Это означает, что в формирование доверия к клиенту, они опираются на императивы связанные с фактором «надежность». Представители субъект – субъектного типа взаимодействия имеют самые низкие показатели в данном компоненте, и им свойственно сохранять веру в способность других людей оказывать помощь и поддерживать в трудной ситуации.

Таблица 1

Социально-психологические характеристики менеджеров в зависимости от типа взаимодействия ($p < 0,05$)

Типы и подтипы взаимодействия	Индивидуально психологические характеристики	
	Высокие значения	Низкие значения
Субъект - совместный	Общий интеллект, эмоциональный компонент в проявлении нравственности , предсказуемость, направленность: 1) на дело ; 2) на общение	Материальное положение в сфере образования , надежность
Субъект - обособленный	Противоречивость в сфере увлечения, вариативность в ценности «пре стиж», направленность: 1) на дело; 2) на себя	Эмоциональный компонент в проявлен ии нравственности в обществе
Субъект квазисубъектный -	Прагматическая направленность в сфере семьи, материальное положение в сфере образования, направлснность: 1) на ссбя ; 2) на дело	Духовное удовлетворение в сфере общественной жизни , предсказуемость
Квазисубъект - субъектный	Гуманистическая направленность в сфере образования и в сфере общественной жизни , надежность, д уховное удовлетворение в сфере общественной жизни , противоречивость в сфере увлечения, направленность: 1) на дело; 2) на себя функционирование тела	Прагматическая направленность в сфере семьи, общий интеллект , вариативность в сфере общественной жизни

Предсказуемость, составляющая доверия другим людям наиболее значима для менеджеров с субъект – совместным подтипом субъект – субъектного типа взаимодействия с клиентами. Для них важно насколько хорошо они знают партнера по взаимодействию и могут ли предсказать его поведение в ситуациях неопределенности. Опираются на четкое следование ранее разработанным стратегиям и готовы при

необходимости обосновать внесенные изменения в принятые ранее решения, для сохранения взаимовыгодных отношений. Менеджеры с субъект – квазисубъектным типом взаимодействием имеют самые низкие значения в этом компоненте доверия другим людям. Менеджеры во взаимодействии являются субъектами, психологически целенаправленно влияющими на клиента, и не стремящиеся целенаправленно формировать честное и последовательное поведение в совместной деятельности, что способствует сохранению и обособлению субъекта и его социально-психологического пространства. В этом проявляется и их защитная функция.

Менеджеры с предпочтением квазисубъект – субъектного типа взаимодействия с клиентами имеют самые высокие показатели в такой личностной ценности как духовное удовлетворение и гуманистическая направленность в сфере общественной жизни. Они стараются развивать свои способности в данной сфере жизни, вносить в нее разнообразие и получать моральное удовлетворение от процесса своей деятельности в ней. Это позволяет компенсировать квазисубъектную позицию во взаимодействии с другими людьми, которая формируется в профессиональной сфере. Низкие показатели вариативности в сфере общественной жизни констатирует, что представители данного типа менее разнообразны в решении проблем в этой области.

Кроме того, менеджеры квазисубъект - субъектного типа взаимодействия имеют самые низкие показатели в прагматической направленности в сфере семьи.

Исходя из полученных данных, мы можем говорить, о том, что представители квазисубъект – субъектного типа взаимодействия игнорируют мнение других людей об успехах семьи, а материальный достаток не является главной семейной ценностью. Это объяснятся тем, что представители данного типа могут именно в семье удовлетворить свои потребности в социальном одобрении. В семье они получают признание как личности, проявляют свои способности. Тем самым, компенсируя чувство неуверенности в профессиональной сфере.

У менеджеров субъект – квазисубъектного типа взаимодействия наиболее выражена прагматическая направленность в сфере семьи и материальное положение в сфере образования. Такие люди отдают много сил и времени на обеспечение признания успеха семьи со стороны окружающих, считают, что главное материальное благополучие семьи. Они стремятся строить свою семейную жизнь, ориентируясь лишь на собственные взгляды, желания и убеждения. Ценность материального благополучия в сфере образования наиболее значима для менеджеров субъект – квазисубъектного типа взаимодействия. Они в процессе обучения стремятся получать различные виды материальных благ.

Существует взаимосвязь ценности материального благополучия и личностной зрелостью, и выявлено у личностно зрелых людей, данная ценность менее выражена. И представителей данного типа взаимодействия нельзя назвать зрелой личностью [4. С. 128].

Показатель вариативности в ценности «престиж» наиболее выражен у менеджеров с предпочтением субъект – обособленного подтипа взаимодействия. Представители данного типа взаимодействия неоднозначно относится к ценности престижа и варьируется в зависимости от создаваемой ситуации.

Показатели по общему интеллекту самые высокие у менеджеров с предпочтением субъект – совместного подтипа взаимодействия с клиентами, затем субъект – обособленный подтипа, субъект – казисубъектный и самые низкие у квазисубъект – субъектного типа.

Основным критерием выделения интеллекта как психологического конструкта является его функция в регуляции поведения. Говоря об интеллекте как о не-

которой способности, имеют в виду его адаптивное значение для приспособления живого организма к новым жизненным условиям. Исходя из этого, мы можем предположить, что менеджеры с предпочтением субъект – совместного подтипа взаимодействия с клиентами более адаптивны к средовым изменения, способны решать сложные и абстрактные проблемы. И все же, несмотря на это связь интеллект и эффективность управленческой деятельности является не прямой, а множественно опосредованной. Зависит от множества дополнительных факторов и, прежде всего, от опыта управленческой деятельности.

Эмоциональная составляющая исследовалась с помощью тест-анкеты «Эмоциональная направленность» Б. И. Додонова. Значимых различий в данном компоненте выявлено не было. Это объясняется тем, что все испытуемые являются представителями одной профессиональной сферы, для которой является очень важным уметь управлять, как своими, так и чужими эмоциями, что помогает выстраивать взаимодействие с клиентом, влиять на его мотивацию и посредством этого добиваться результативной работы.

Направленность личности является основной детерминантой, влияющей на тип взаимодействия, в частности, на выбор подтипа. В структуре направленности личности (на себя, на дело, на общение) у субъект – совместного подтипа проявляется следующая последовательность предпочтений: во-первых, на дело, затем, на общение, и лишь потом, на себя. Данная очередность позволяет устанавливать с клиентами доверительный контакт и не дает менеджеру отклоняться от достижения конечной цели этого взаимодействия – заключения договора о сотрудничестве

Для менеджеров с субъект – квазисубъектным типом взаимодействия характерна направленность на себя, на дело, а общение остается на последней позиции.

В ходе исследования было выявлено, что менеджеры с субъект – обособленным и квазисубъект – субъектным типом взаимодействия направлены на дело и на себя, т.е. они направлены на деловое сотрудничество и решение деловых проблем.

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что направленность личности не определяет тип взаимодействия, а позволяет выявлять подтипы. (Субъект – обособленный подтип является подтипом субъект – субъектного типа взаимодействия). Исходя из качественного анализа полученных в ходе исследования результатов, нами выявлено два менеджера с субъект – квазисубъектным типом взаимодействием, у которых направленность на себя, так же как и у остальных представителей данного типа, на первом месте, затем следует направленность на общение и только на последней позиции направленность на дело. И среди менеджеров квазисубъектного – субъектного типа, так же есть представитель с направленность, на дело, на общение, а на себя остается на последней позиции. Но так как данные типы являются самыми малочисленными в данной профессиональной сфере, статистических данных пока не выявлено.

Взаимодействие менеджера с клиентом во многом определяется его нравственными качествами. Отношения нравственности личности в значительной степени определяют выбор экономической активности, методы и средства достижения поставленной цели.

У менеджеров выявлены различия в эмоциональном компоненте обязательного проявления нравственности в обществе в зависимости от типа взаимодействия. Высокие значения данной составляющей у менеджеров с предпочтением субъект – совместного подтипа взаимодействия, субъект – субъектного типа взаимодействия с клиентами, соответствуют принятию стратегии обязательного соблюдения нравственных норм, даже если дело не

касается их лично. Нравственное самоопределение человека детерминирует с его экономической активностью. Менеджеры с субъект – обособленным подтипом во взаимодействии с клиентом не сожалеют, если им приходится поступать не вполне нравственно, если это необходимо для выполнения поставленных задач, что подтверждается их направленность на дело и на себя. Особенностью данного подтипа в том, что для достижения поставленной цели они готовы поступиться своими нравственными нормами.

Для представителей квазисубъект – субъектного типа значимо функционирование своего тела, они считают важным следить за здоровьем своего тела. Для них важна двигательная активность, которая оказывает важное воздействие на умение человека приспосабливаться к внезапным и сильным функциональным колебаниям. В ходе беседы менеджеры разъяснили, что хорошая физическая форма придает уверенность в себе. Кроме того, они чаще подвержены стрессу, чем представители субъектных типов взаимодействия и с помощью физической нагрузки лучше справляются с беспокойством, тревогой, угнетенностью, гневом и страхом, снимают эмоциональное напряжение.

Основные выводы

Таким образом, тип делового взаимодействия в профессиональной деятельности определяется такими социально-психологическими факторами, как: ценностно-нравственными; личностными (направленность личности, которая более дифференцированно определяет тип делового взаимодействия, степенью доверия партнеров друг другу); общие интеллектуальные способности и отношением к своему физическому «Я».

Учитывая выявленные особенности, и принимая их во внимание, возможно, формировать индивидуальный подход в стратегии взаимодействия менеджеров с клиентами, что повлияет на успешность профессиональной деятельности менеджеров и предприятия, в котором они работают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аборина, М. В. Диагностика типов делового взаимодействий в системе «человек – человек» // Вестник Самарской гуманитарной академии, выпуск «Психология». – 2010. – №1(7). – С.90-97.

2. Аборина М. В. Тип делового взаимодействия как фактор успешности менеджеров в сфере торгового бизнеса / А. М. Аборина // Российский научный журнал. – 2010. – №4(17). – С. 197-205.

3. Воловикова М. И., Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Дис. ... д-ра психолог. наук: 19.00.05.– Москва, 2005. – 384 с.: ил.

4. Журавлев, А. Л. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 480 с.

5. Журавлев, А. Л., Купрейченко, А. Б. Нравственно психологическая регуляция экономической активности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 436 с.

6. Карпушина Л. В., Капцов А. В. Психология ценностей российской молодежи. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2009. – 252 с.

7. Панов, В. И. Введение в экологическую психологию. – М.: Школьные технологии, 2006. – 184 с.

8. Панов, В. И., Мдивани, М. О., Лидская, Э. В., Хисамбеев, Ш. Р. Методика эксперементального иследования экологического сознания: разработка и апробация // Российский научный журнал. – 2010. – №1(14). – С. 64-78.

9. Черкашина, А. Г. Образ физического Я в самоотношении девушек 17-18 лет [Электронный ресурс] / А. Г. Черкашина, В. И. Черкашин // Психология телесности: теоретические и практические исследования // http://psyjournals.ru/articles/22646.shtml

ЦЕНТР ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ И РЕАБИЛИТАЦИИ «НА СНЕЖНОЙ», г. МОСКВА

УДК 159.922.7
ББК 88.47+88.8

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МЛАДШИМИ ПОДРОСТКАМИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

С. Ю. Вепренцова

В статье рассматриваются особенности проведения программы «Ровесник – ровеснику» в качестве средства первичной профилактики употребления подростками психоактивных веществ; анализируются критерии отбора младших подростков в качестве участников этой программы; исследуется эффективность применения программы «Ровесник – ровеснику» как средства первичной профилактики употребления психоактивных веществ подростками.

Ключевые слова
Психоактивные вещества, социально-психологический тренинг, подростковый возраст, волонтеры, профилактика употребления психоактивных веществ

Сегодня в условиях острого демографического кризиса, который охватил почти все регионы нашей страны, рост количества наркозависимых должен рассматриваться как одна из главных угроз безопасности России. По данным конца 2010 года, количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков составило более полумиллиона человек. В тоже время официальные лица отмечают, что их реальное число составляет примерно от 2 до 2,5 миллионов человек или почти 2% населения страны.

Ситуация с наркотизацией в подростковой и юношеской среде складывается очень тревожно. По данным на 2007 г. специализированными наркологическими учреждениями зарегистрировано более 17 тысяч детей и свыше 122 тысяч подростков, страдающих наркологическими расстройствами. Несмотря на то, что на период конца 2008 г. в России было зарегистрировано 1,5 тыс. наркозависимых подростков (что на 3% ниже, чем по данным статистики на конец 2007 г.), отмечается снижение среднего возраста начала употребления психоактивных веществ (возраст приобщения к токсико-наркотическим веществам снизился соответственно до 14,2 года среди мальчиков и 14,6 года среди девочек) [2].

В системе социально-психологической работы с подростками, первичная профилактика употребления психоактивных веществ должна занимать значительное место.

Разработка и апробация различных программ первичной профилактики показала, что наибольшую эффективность имеют те, в которых подростков не только ин-

формируют о вреде употребления наркотических веществ, но и позволяют развить у них навыки стрессоустойчивости, умения принимать и достигать поставленной цели, противостоять негативному влиянию со стороны окружающих людей и средств массовой информации, навыков общения и самопознания. Эффективность работы подобных программ определяется, прежде всего, активным способом познания, т. е. передачей обучаемому подростку ответственности за получение знаний.

Как отмечают исследователи (например, Е. А. Вакулина и др.) самый большой процент усвоения материала младшими подростками наблюдается в том случае, когда старшие подростки выступают в роли наставников [3]. В научной литературе тренинговые программы, с использованием в качестве ведущих подростков-волонтеров получили название «Ровесник – ровеснику».

Несмотря на большое количество тренинговых программ в сфере первичной профилактики употребления ПАВ, применяемых, как за рубежом, так и в России, и всё большего использования программ профильного типа «Ровесник – ровеснику», системная экспериментальная апробация и последующее внедрение их практически нигде не проводится. Несмотря на активный поиск, нам не удалось найти данные, свидетельствующие о позитивном влиянии проводимых на практике тренинговых программ «Ровесник – ровеснику» по первичной профилактике ПАВ. Вышеперечисленные обстоятельства позволяют считать проведение описанного типа программы СПТ «Ровесник – ровеснику» в качестве способа первичной профилактики употребления подростками ПАВ, и изучение протекающих в процессе реализации такой специализированной программы СПТ «Ровесник – ровеснику» личностных изменений младших подростков, – актуальной и значимой научно-практической проблемой современной социальной психологии.

Отсюда целью нашего исследования стало изучение воздействия программы «Ровесник – ровеснику», используемой при организации профилактики употребления психоактивных веществ методом социально-психологического тренинга на младших подростков, склонных к употреблению ПАВ.

Исходя из цели нами были поставлены и решены следующие задачи: 1. На основе изучения научной литературы раскрыты психологические особенности развития подростков и рассмотрена проблема употребления подростками психоактивных веществ; 2. Определены социально-психологические факторы развития подростков, влияющие на употребление ими психоактивных веществ, и проанализированы сущность и содержание социально-психологического тренинга как метода воздействия на личностные и поведенческие характеристики человека; 3. Изучен опыт использования социально-психологических тренинговых технологий и программы «Ровесник – ровеснику» в первичной профилактике употребления младшими подростками психоактивных веществ; 4. Разработана и апробирована программа «Ровесник – ровеснику», направленная на первичную профилактику употребления психоактивных веществ младшими подростками методом социально-психологического тренинга.

Сегодня различными отечественными авторами предлагаются пособия по проведению социально-психологических тренингов, направленных на первичную профилактику употребления ПАВ подростками и молодежью. Теорию и практику медико-социальной работы в наркологии рассмотрели Ю. В. Валентик, О. В. Зыков, М. Г. Цетлин [4]; концептуальную программу первичной профилактики злоупотребления наркотиками и другими психоактивными веществами среди подростков и молодежи предложили И. Л. Баушев, О. В. Зыков, О. И. Ивашин, Н. А.

Сирота, А. В. Терентьев, В. М. Ялтоновский [7]; описание различных тренинговых программ предлагается В. Л. Беловой [1]; В. В. Лозовым и Т. В. Лозовой [9]; особенности организации и проведения программы «Ровесник – ровеснику» рассматриваются в работах Г. В. Латышева, М. В. Орловой, С. М. Яцыншиной, О. А. Титовой, Д. Д. Речнова [8]; Е. А. Вакулиной, И. Н. Соляновой, Н. А. Рубейкиной [3]; С. В. Березина, К. С. Лисецкого, И. Б. Орешниковой [2] и некоторых других.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГОУ СОШ г. Москвы № 266 (Школа здоровья) в 2009-2010 гг.

В исследовании приняли участие подростки в возрасте 11-14 лет в количестве 150 человек, из которых затем было отобрано 80 подростков, непосредственно принявших участие в программе «Ровесник – ровеснику».

Как показал анализ научной психолого-педагогической литературы, психологический портрет подростков, склонных к употреблению психоактивных веществ, характеризуется следующими особенностями: высоким уровнем проявления инфантилизма, тревожности; неадекватной самооценки, склонности к риску, любопытством, проявляемым в отношении наркотических веществ; высоким уровнем проявления агрессии; острым реагированием ребенка на физиологические и социальные изменения, происходящими с ним; реакцией эмансипации и неудовлетворенностью эротических переживаний; неуверенностью в себе; внушаемостью, конформностью поведения в группе сверстников; стремлением достичь глубокого самопознания, острым переживанием страха смерти и одиночества; невозможностью самостоятельно справиться с давлением и негативной обстановке в семье и школе; низким уровнем коммуникативной социальной компетентности и социально-психологической адаптации и т. д.

В связи с этим, для отбора подростков для участия в программе «Ровесник – ровеснику» нами были использованы следующие методики исследования, направленные на выявление социально-психологической предрасположенности подростков возраста 11-14 лет к употреблению психоактивных веществ: 1. «Методика измерения уровня тревожности» Дж. Тейлора (адаптация Т. А. Немчинова); 2. Методика диагностики уровня школьной тревожности Филипса; 3. Методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла; 4. «Методика диагностики потребности в поисках ощущений» М. Цукермана; 5. «Методика диагностики показателей и форм агрессии» А. Басса и А. Дарки; 6. «Методика дифференциальной диагностики депрессивных ситуаций» В.А. Жмурова; 7. «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда; 8. «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона; 9. Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР; Е. Шафер); 10. Диагностика коммуникативной социальной компетентности (КСК).

В результате проведения диагностического этапа исследования нами была отобрана группа подростков (80 человек), имеющих социально-психологическую предрасположенность к употреблению ПАВ, которая была разделена нами на две подгруппы по 40 человек. В первой подгруппе программу профилактики проводили взрослые и волонтеры, а во второй подгруппе – только взрослые. Такое деление было сделано для того, чтобы рассмотреть эффективность проведения профилактических занятий силами волонтеров-подростков. Для проведения тренинговых профилактических занятий были составлены группы по 10 человек (всего 8 групп подростков).

Критериями отбора в профилактическую группу послужило наличие двух и более показателей из ниже перечисленных социально-психологических характе-

ристик: – высокий уровень тревожности (всего был выявлен 81 человек – 54%); высокий уровень потребности в поисках ощущений (44 человека – 29,3%); высокий уровень агрессивности (36 человек – 24%); высокий уровень депрессивности (29 человек – 19,3%); низкий уровень социально-психологической адаптивности (34 человека – 22,7%); высокий уровень школьной тревожности (44 человека – 29,3%); высокий уровень внушаемости, подчиняемости (37 человек – 24,7%), конформности поведения (45 человек – 30%), замкнутости (26 человек – 17,3%), эмоциональной неустойчивости (30 человек – 20%), неуверенности в себе (44 человека – 29,3%); наличие негативной оценки действий матери со стороны подростков (27 человек – 18%) и действий отца (38 человек – 25,3%); высокая склонность к асоциальному поведению (46 человек – 30,7%); высокий уровень проявления ощущения одиночества (24 человека – 16%).

Результаты корреляционного анализа данных тестирования с использованием критерия $\chi 2$ Пирсона позволили выявить наличие взаимосвязи между высоким уровнем тревожности, потребности в поисках ощущений; депрессии; одиночества; школьной тревожности, агрессии, подозрительности и других факторов и проявлением низкого уровня общительности, эмоциональной устойчивости, коммуникативной социальной компетентности, социально-психологической адаптации, смелости, нормативности поведения, самоконтроля поведения.

На этапе формирующего эксперимента нами была разработана и апробирована тренинговая программа первичной профилактики употребления психоактивных веществ подростками «Ровесник – ровеснику».

Цель программы – первичная профилактика употребления подростками психоактивных веществ и пропаганда здорового образа жизни через развитие подросткового волонтерского движения.

Задачами программы явились: 1. Создание условий для открытого доверительного общения, восприятия информации, творческой атмосферы работы; 2. Проблемно-ориентированное просвещение молодежи о вреде употребления ПАВ, пропаганда здорового образа жизни; 3. Выработка активной позиции по отношению к проблеме ПАВ; 4. Создание социального круга общения, формирующего у молодежи навыки активного противостояния давлению негативного окружения; 5. Направленное осознание имеющихся личностных ресурсов, способствующих формированию здорового жизненного стиля и высокоэффективного поведения; 6. Развитие стратегий и навыков поведения, ведущего к здоровью и препятствующих употреблению психоактивных веществ.

Программа профилактических занятий включала в себя проведение старшими подростками:

– социально-психологического блока. Цели занятия: знакомство с участниками проекта; сплочение команды; развитие навыков конструктивного взаимодействия и решения проблем; знакомство с тренинговой формой работы.

– личностного блока. Цели занятий – формирование умения осознавать, что со мной происходит, анализировать собственное состояние формирование умения эмпатии, навыков противостояния групповому давлению, умения ставить перед собой краткосрочные и перспективные цели и достигать их;

– информационно-профилактического блока. Цель занятий – предупреждение первых проб наркотиков путем опровержения мифов о наркотиках и предоставления информации о влиянии наркотиков на организм, развития зависимости от них, а также предоставление альтернатив получения удовольствия без наркотиков.

На этапе контрольного эксперимента нами в ходе повторного тестирования было выявлено, что у определенной час-

ти подростков первой и второй экспериментальной группы, повысились показатели по тем или иным шкалам исследования.

Так у опрошенных нами школьников первой группы снизился уровень тревожности (22 человека – 55%), потребности в поисках ощущений (8 человек – 10%), выраженности тех или иных форм агрессивного поведения (11 человек – 27,5%), депрессии (14 подростков – 35%), субъективного ощущения одиночества (9 человек – 22,5%), школьной тревожности (12 человек – 30%).

Также у подростков этой группы повысился уровень социально-психологической адаптации (10 человек – 25%), общительности (11 человек – 27,5%), эмоциональной устойчивости и доминантности (10 человек – 25%), нормативности поведения (9 человек – 22,5%), смелости, чувствительности, уверенности в себе и самоконтроля (8 человек – 20%), позитивного восприятия отношения к себе со стороны матери (7 человек – 17,5%) и отца (9 человек – 22,5%), коммуникативной социальной компетентности (11 человек – 27,5%).

Во второй группе учащихся нами были получены следующие результаты тестирования. У подростков снизился уровень тревожности (11 испытуемых – 27,5%), потребности в поисках ощущений (4 человека – 10%), выраженности тех или иных форм агрессивного поведения (8 учащихся – 20%), выраженности депрессии (7 подростков – 17,5%), субъективного ощущения одиночества (6 человек – 15%), школьной тревожности (8 испытуемых – 20%).

Повысился уровень развития социально-психологической адаптации (8 человек – 20%), общительности, эмоциональной устойчивости и смелости (по 7 человек – 17,5%), уверенности в себе (12 человек – 30%), доминантности (8 человек – 20%), нормативности поведения (6 человек – 15%), позитивного восприятия отношения к себе со стороны матери (5 человек – 12,5%) и отца (7 человек – 17,5%), коммуникативной социальной компетентности (10 человек – 25%).

В дополнении к проведенной социально-психологической диагностике, нами было проведено анкетирование испытуемых в двух группах с целью изучения характера отношения подростков к употреблению психоактивных веществ. В первой группе подростков изменились представления о вреде употребления психоактивных веществ у 24 школьников (60%). Во второй группе учащихся таких ребят оказалось 17 (42,5%).

Таким образом, в ходе проведенного нами исследования нам удалось подтвердить нашу гипотезу о том, что:

– особенность психологии подростка отличается подверженностью влияния со стороны сверстников и склонностью критически воспринимать информацию от взрослой аудитории. В связи с этим использование подростков в качестве ведущих тренинговой программы может способствовать созданию в школе благоприятной среды, влияющей на снижение риска употребления ПАВ подростками;

– программа «Ровесник – ровеснику» является эффективным средством психологической коррекции социально-психологических факторов развития личности подростка 11-14 лет, детерминирующих склонность подростков этого возраста к употреблению ПАВ. К таким факторам относятся: низкий уровень социально-психологической адаптивности; высокий уровень внушаемости, подчиняемости, конформности поведения, замкнутости, эмоциональной неустойчивости, неуверенности в себе; наличие конфликтов, неудовлетворенность отношениями с ближайшим окружением (в семье, школе); высокий уровень проявления ощущения одиночества; высокий уровень выраженности потребности в ощущениях; низкий уровень развития коммуникативных качеств.

Итак, полученные нами результаты по-

казали, что по сравнению с профилактическими программами, проводимыми взрослыми специалистами, в группах, где работают подростки-волонтеры психологическая коррекция установок и социально-психологических факторов развития личности подростка 11-14 лет, детерминирующих склонность подростков этого возраста к употреблению ПАВ, является более эффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Березин С. В., Лисецкий К. С., Орешникова И. Б. Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999.

3. Вакулина Е. А., Солянова И. Н., Рубейкина Н. А. Новые технологии психосоциальной и физкультурно-оздоровительной работы в первичной профилактике наркомании среди детей и молодежи. – Саратов: ООО «БонапартПС», 2006.

4. Валентик Ю. В., Зыков О. В., Цетлин М. Г. Теория и практика медико-социальной работы в наркологии. – М.: РБФ «НАН», 1997.

5. Данилин А. Г., Данилина И. В. Как спасти детей от наркотиков // Врачи предупреждают. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.

6. Концептуальная программа первичной профилактики злоупотребления наркотиками и другими психоактивными веществами среди подростков и молодежи / Под ред. И. Л. Баушева, О. В. Зыкова, О. И. Ивашина, Н. А. Сирота, А. В. Терентьева, В. М. Ялтонского. – М.: РБФ «НАН», 2001.

8. Латышев Г. В., Орлова М. В., Яцышин С. М., Титова О. А., Речнов Д. Д. Смотри по жизни вперед // Руководство по работе с подростками. – СПб.: ООО «Издательский дом «Ars Longa», 2002.

9. Лозовой В. В., Лозовая Т. В. Ресурсы здоровья. Методическое обеспечение программы профилактики наркомании, токсикомании и иных зависимостей среди детей и подростков в образовательных учреждениях в курсе «Основы безопасности жизнедеятельности». – Екатеринбург: Издательство Дома учителя, 2000.

10. Вепренцова С. Ю. Особенности воздействия на подростков опыта волонтерской работы в программе тренинга «Ровесник – ровеснику» // Российский научный журнал. – 2011. – № 3(22). – С. 191-196.

ВОЕННО-КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ А. Ф. МОЖАЙСКОГО

УДК 371.26
ББК 74.58
Педагогика

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ВОЕННЫХ ВУЗАХ

С. М. Долгополов

В статье рассмотрены основные положения теории и практики адаптивного обучения и педагогического контроля применительно к совершенствованию подготовки курсантов военных вузов. Обоснована важная роль адаптивных дидактических тестов в процессе педагогической диагностики, педагогического контроля в военных вузах.

Ключевые слова
Адаптивное обучение, педагогический контроль, курсанты военных вузов, педагогическая диагностика, дидактические тесты

Реализация современных подходов и тенденций развития образования и военного дела, внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов, решение задач формирования нового перспективного облика Вооруженных Сил Российской Федерации, реформа системы военного образования, внедрение современных технологий обучения в вузах Министерства обороны вызывает необходимость совершенствования педагогической диагностики, контроля и оценки качества подготовки курсантов военных вузах. Знание качества достигаемых результатов обучения – непременное условие успешной работы, как педагогов, так и в целом учебных заведений. По оценкам исследователей педагогическая диагностика, педагогический контроль занимают до 40% в деятельности преподавателей и других участников учебного процесса [3, 4].

Вместе с тем, многими исследователями [3, 4, 5, 6] отмечается наличие противоречий между традиционной организацией педагогического контроля знаний и реализацией современного компетентностного подхода в образовании.

Закон Российской Федерации «Об образовании» и другие документы, посвященные развитию отечественного образования, выделяют в качестве одного из основных его принципов адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития обучающихся.

Адаптивность обучения предполагает и адаптивность мероприятий педагогической диагностики, педагогического контроля. При этом основными становятся показатели, отражающие динамику изменения обученнности (подготовленности), например, формирование компетенций.

Традиционно результатом педагогического контроля считалась оценка успевае-

мости, которая определяет соответствие деятельности обучающихся требованиям педагогической системы и в целом государства и общества.

Исходя из современных подходов, адаптивность образования предполагает определение соответствия деятельности конкретной педагогической системы возможностям и образовательным потребностям обучающихся.

Следует отметить, что проблемы педагогической диагностики и педагогического контроля рассмотрены в трудах ряда отечественных (В. С. Аванесов, В. П. Беспалько, В. И. Гинецинский, З. Д. Жуковская, В. И. Михеев, В. М. Полонский, Н. Ф. Талызина и др.) и зарубежных исследователей (Б. Блум, Д. Гилфорд, К. Ингенкамп, В. Оконь, Г. Раш и др.).

В современных условиях выполнены диссертационные исследования по педагогической диагностике знаний (Е. А. Аринкин, Т. С Веселкова, Т. И. Дормидонова, И. А. Гутник, О. Ю. Ефремов, Г. И. Кириллова, А. Б. Кузнецов, Е. А. Леонова, А. А. Мирошниченко, Е. А. Михайлычев, Е. Г. Полуаршинова, С. Р. Сакаева, И. Г. Салова, Л. А. Серебрякова, Т. А. Снигирева и др.).

В процессе обучения постоянно ощущается потребность в объективной оценке качества знаний обучающихся. Для этих целей в последнее время все чаще используются тесты, разработанные на основе параметрических методов современной теории педагогических измерений Item Response Theory (IRT), получившей широкое развитие в ряде западных стран (A. Birnbaum, M. Novick, G. Rasch, R. Hambleton, F. Lord и др.). К отечественным исследованиям последних лет в этом направлении относятся труды В. С. Аванесова, Е. Н. Лебедевой, А. Н. Майорова, А. А. Макарова, Ю. М. Неймана, А. О. Татура, В. А. Хлебникова, В. С. Черепанова, М. Б. Челышковой и др.

Одним из перспективных направлений решения проблемы повышения качества подготовки обучающихся является адаптивное обучение, основанное на адаптивных тестах и компьютеризации адаптивного тестирования (С. С. Андреев, В. А. Исаев, М. Б. Челышкова, Г. Ю. Ксензова, Т. И. Шамова, А. Г. Шмелев, Е. А. Ямбург и др.). Вопросы адаптивного тестирования исследовали зарубежные ученые (R. K. Hambleton, G. G. Kingsbury, W. A. Sands, J. Spray, R. Swets, P. H. Wainer, DJ. Weiss и др.). С начала 90-х годов XX века компьютерное адаптивное тестирование получило признание в практике образования.

Вместе с тем анализ научной литературы показывает, что в современном образовании и непосредственно в системе военного образования и в военной педагогике пока недостаточно разработаны теоретические и практические основы адаптивного обучения и педагогического контроля знаний курсантов военных вузов с применением адаптивных тестовых заданий в контексте реализации компетентностного подхода и внедрения федеральных государственных образовательных стандартов (стандартов третьего поколения).

Указанные положения обусловливают высокую актуальность и научно-практическую значимость научной задачи исследования вопросов развития и внедрения адаптивного обучения и педагогического контроля в военных вузах.

Тенденция гуманизации современного образования предполагает учет индивидуальных особенностей обучающегося, его возможностей в процессе обучения. Учет этих особенностей возможен в рамках реализации принципа индивидуализации в обучении, который означает осмысление и построение индивидуальной образовательной траектории, специфической для личности.

Одним из вариантов индивидуализации обучения является технология программированного обучения, которая представляет собой последовательную, разветвленную или адаптивную (изменение

сложности по мере усвоения) программу подачи порций информации и контроль обучения. В настоящее время эта технология получила развитие в виде компьютерных автоматизированных систем обучения (автоматизированных учебных комплексов, автоматизированных учебных систем).

В этой связи исследователи [5, 6, 7] отмечают наличие тенденции к объединению обучения с автоматизированным педагогическим контролем на протяжении всего образовательного процесса. Исследования в этом направлении позволили обосновать пути перехода к такой системе педагогической диагностики в процессе обучения, которая была бы в состоянии обеспечить оптимальную адаптацию к особенностям обучающихся.

Адаптивная система обучения, как отмечает А. С. Границкая [2], возникла на основе тенденций совершенствования учебного процесса под влиянием воздействия таких психолого-педагогических теорий как теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [1] и деятельностный подход к обучению А. Н. Леонтьева [8].

В современных условиях основными причинами развития и внедрения адаптивных систем обучения и педагогического контроля в системе военного образования являются следующие:

– активное внедрение современных психолого-педагогических концепций в военном образовании;

– компьютеризация образования, разработка и внедрение современных информационно-коммуникационных технологий обучения, позволяющие использовать обучающие и контролирующие программы с целью обеспечения педагогического контроля и самостоятельного учения обучающихся;

– возрастание значения определения и реализации индивидуальных образовательных траекторий в подготовке курсантов военных вузов в связи с переходом системы военного образования на компетентностную модель подготовки офицерских кадров, что предполагает выбор учебных дисциплин и курсов, учебных задач, тестовых заданий, необходимых для обучения и проверки подготовленности по соответствующим требованиям федеральных государственных образовательных стандартов.

Таким образом, современный процесс учения курсантов военных вузов становится преимущественно активной субъектной самостоятельной деятельностью обучающихся, управляемой посредством использования педагогического целеполагания, развивающих, контролирующих и диагностирующих мероприятий, предусматривающих учет динамики усвоения курсантами содержания образования и её корректировку, что обеспечивается, в том числе, применением технологии дидактического тестирования. Такой учебный процесс должен обладать возможностями адаптации к индивидуальным особенностям обучающихся в условиях коллективного обучения. При этом в процессе педагогического взаимодействия важно иметь инструмент для контрольного тестирования обученности, оценки усвоения курсантом как базового минимума содержания, так и его готовности к активной творческой и профессиональной деятельностью.

Анализ работ Н. П. Капустина [6], Г. Ю. Ксензовой [7], Т. И. Шамовой [9], Е. А. Ямбург [10] показывает, что адаптивная система обучения состоит из следующих взаимосвязанных компонентов:

– определения стандартов: обязательный уровень достижений и уровень повышенной подготовки, дифференцирующий выпускников по уровню и качеству подготовки;

– создания программ углубленного обучения для одаренных обучающихся;

– создания специальных программ дополнительного образования для обеспечения социальной и профессиональной

адаптации обучающихся.

Адаптивное обучение предполагает: адаптивную модель обучения; конкретизацию целей обучения; использование модульного принципа структурирования содержания; разработка эталонов усвоения учебного материала; создание системы адаптивных тестовых измерителей качества знаний обучающихся; выделение контролируемых характеристик для осуществления обратной связи; подготовка методов коррекции, основанных на диагностических данных.

В современном образовательном процессе особый смысл приобретает модульный принцип структурирования и освоения содержания обучения. Учебное занятие перестает быть основной единицей процесса обучения. Эта функция переходит к блоку (циклу) занятий, необходимых для изучения модуля учебного материала. То есть учебный процесс складывается из модулей (блоков), каждый из которых представляет цикл обучения по образовательному модулю. При этом необходимо, чтобы изучаемый материал закреплялся посредством решения учебных (профессиональных) задач и, соответственно эти решения оценивались (диагностировались). Условием перехода к последующему материалу является активная познавательная деятельность обучающихся. В процессе этого осуществляется дифференцированное и индивидуальное адаптивное обучению с диагностикой профессионального и личностного развития обучающихся.

В развитии и внедрении адаптивных систем обучения и педагогического контроля в системе военного образования особую роль играют современные информационно-коммуникационные технологии, которые оказывают существенное влияние на все этапы процесса обучения за счет моделирования обучающей среды, динамичного изменения и применения методов и форм обучения, адаптации обучения к индивидуальным характеристикам обучающихся за счет избирательности материала, учета индивидуальности, постоянного контроля и самоконтроля усвоения материала, индивидуального тестирования.

Соответственно, в связи с активным внедрением новых компьютерных технологий необходимо обосновать и реализовать диагностические аспекты использования активных методов и инновационных технологий обучения (ролевых игр, кейс стади, имитационного моделирования, анализ ситуаций и др.). Для этого преподаватели должны суметь перенести задания ролевых игр, имитационного моделирования и других приемов обучения в тестовую форму и построить их на диагностической основе.

Таким образом, в адаптивной технологии обучения педагогический контроль нацелен на выявление, оценку и прогнозирование развития каждого обучающегося и использование полученных результатов диагностики для проектирование учебного процесса в целом и непосредственно применительно к построению и реализации индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося. С учётом этого получение диагностической информации и реализация обратной связи в процессе адаптивного обучения является непрерывным процессом. Для этого содержание, формы и методы педагогического контроля должны полностью соответствовать функции учебного предмета, охватывать все его цели, при этом реализация одних целей может конкретизироваться более строго с использованием количественной оценки результатов (отметок, баллов), других – менее строго с использованием качественной оценки (сформированных компетенций). Необходимо отметить, что точность контроля и его объективность не может быть одинаковой для разных учебных предметов.

Совершенствование методов объективности и эффективности педагогичес-

кого контроля знаний в современных условиях в значительной степени связано с разработкой и применением дидактических тестов (тестовых заданий). Дидактическое тестирование, выполняя функцию контроля в ходе диагностирования образовательного процесса, используется одновременно как средство диагностики обученности обучающихся. С помощью педагогической диагностики анализируется учебный процесс и определяются результаты обучения. В педагогической диагностике выявляются индивидуальные данные учащегося, для того, чтобы понять его самого и приспособить дидактические методы к его индивидуальным качествам.

Анализ современной теории и практики военного образования показывает, что эффективность дидактического тестирования можно повысить, используя технологию компьютерного тестирования и адаптивный подход в обучении, т. е. предлагать учащимся задания соответствующие их подготовленности. В этом случае обучение ведется в зависимости от уровней способностей обучающихся по различным учебным программам. Такой переход на адаптивное компьютерное тестирование при опережающей методологической разработке его технологии позволит обеспечить учебный процесс военных вузов качественным диагностическим инструментарием.

Повышение качества обучения и качества педагогического контроля подготовки военных специалистов обусловлено эффективностью внедрения в образовательный процесс военных вузов технологий развивающего обучения, технологий дифференциации и индивидуализации обучения, основанных на сочетании возможностей адаптивного обучения и адаптивного тестового контроля с уровнями развития (подготовки) обучающихся. Смещение целей образовательного процесса военных вузов с традиционного формирования знаний, умений и навыков на развитие компетенций требует изменения системы оценивания. Таким образом, необходим поиск путей повышения качества тестовых технологий на основе адаптированных тестовых измерителей, обоснование критериев оценивания компетенций и результатов учебно-познавательной деятельности курсантов военных вузов.

Реализация адаптивного тестирования предполагает создание объективных индивидуальных измерителей, позволяющих автоматизировать процесс контроля, оптимизировать число заданий не в ущерб точности измерения. При адаптивном тестировании помимо количества заданий учитывается дополнительно их качество, необходимое для дифференцированной оценки тестируемого и точного определения позиции тестируемого с помощью измерения его латентных способностей. Теоретическим фундаментом для адаптивного тестирования служат теории педагогических измерений, педагогического диагностирования и тестология.

Адаптивный тест представляет собой систему тестовых заданий, формируемых применительно к особенностям подготовки обучающихся из специально подобранных заданий по трудности, дифференцирующей способности, содержательной валидности, оцениваемых корреляционным, факторным и латентно-стратегическим анализом. Задача адаптивного теста - создать условия, направленные на вхождение учащегося в другой уровень подготовленности адекватно его индивидуальным особенностям на соответствие достаточно формализуемому и адаптивному стандарту.

Разрабатываемые компьютерные программы для обработки результатов тестирования в исследованиях и экспериментах реализуют различные индивидуальные процедуры предъявления адаптивных тестовых заданий по их параметрам с переменным количеством вопросов для обучающихся. Однако отмечено, что в прак-

тике проверки содержательный анализ знаний обучающихся при таком подходе трудно осуществим. С другой стороны, как показывает практика обучения, групповое дидактическое тестирование экономично, эффективно, удобно как для текущего, так и итогового контроля, его достаточно легко организовать.

Основными проблемами создания и реализации адаптивных тестовых заданий: модульный принцип структурирования содержания изучаемого курса, выделение структурных единиц в виде дидактических единиц (дескрипторов), применение выбранной модели измерения, таксономии целей в области развития интеллектуальных способностей, повышение содержательной валидности тестовых заданий, надежности результатов тестирования обучающихся, возможности компьютерного тестирования. Недостатком адаптивного тестирования является трудность формирования банка тестовых заданий с определенными параметрами, т.к. при этом требуется эмпирическое апробирование на больших выборках обучающихся.

Вместе с тем, наиболее объективным и эффективным методом педагогического контроля качества знаний курсантов в военных вузах следует признать тестовый метод, основанный на объективированных дидактических тестовых материалах и на квалиметрическом подходе к разработке и реализации адаптивного обучения.

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что имеется потребность в адаптивном построении педагогического контроля подготовки курсантов военных вузов. Для повышения эффективности и качества педагогического контроля необходимо усиление его роли и диагностической функции в технологии адаптивного обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. – М.: МГУ, 1985. – 45 с.

2. Границкая А. С. Научить думать и действовать: Адаптивная система обучения в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 175 с.

3. Гутник И. Ю. Педагогическая диагностика образованности школьников: Автореф. … канд. пед. наук. – СПб., 1996.

4. Ефремов О. Ю. Педагогика. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.

5. Ефремов О. Ю. Теория и практика педагогической диагностики в высшей военной школе России. – СПб., 2001. – 400 с.

6. Капустин Н. П. Педагогические технологии адаптивной школы. – М.: ИЦ Академия, 2001. – 216 с.

7. Ксензова Г. Ю. Перспективные школьные технологии. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 224 с.

8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – 251 с.

9. Шамова Т. И., Давыденко Т. М. Управление образовательным процессом в адаптивной школе. – М.: Педагогический поиск, 2001. – 384 с.

10. Ямбург Е. А. Теоретические основы и практическая реализация модели адаптивной школы: Науч. докл. дис. ... д-ра пед. наук. – М: ИЦ РАО, 1997. – 50 с.

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 378
ББК 74.262+74.58
Педагогика

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

Т. Н. Казарихина

В статье рассматривается практический аспект реализации компетентностного подхода при подготовке будущего учителя математики на примере дисциплины по выбору «Мера и интеграл» в условиях перехода на федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения.

Ключевые слова
Учитель математики, компетентностный подход, компетентность

В последнее десятилетие в ходе модернизации российского образования традиционный подход к обучению сменяется компетентностным, – происходит резкий поворот в требованиях к оценкам результатов обучения от понятий «обученность», «подготовленность», «образованность» и т. д. к понятиям «компетенция», «компетентность» учащихся.

Так в ФГОС ВПО третьего поколения прописаны требования к структуре основных образовательных программ (ООП), условиям реализации ООП (финансовым, кадровым, материально-техническим, и т.д.), результатам освоения ООП. Главное отличие федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения от предыдущих заключается в отсутствии требований к обязательному минимуму содержания ООП и формулировке требований к результатам освоения ООП в понятиях «компетенция» и «компетентность».

Отметим, что тенденция перехода к компетентностному подходу в обучении носит общемировой характер. К примеру, в 1997 году в Лиссабонской конвенции «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» сформулирована концепция международного признания результатов образования, а также выдвинуты требования выработать общепонятные критерии такого признания. Сами критерии, связанные с понятиями «компетенция» и «компетентность» активно начали разрабатываться в ходе Болонского процесса, к которому Россия присоединилась в 2003 году через подписание Болонской декларации.

В данной статье мы не будем обсуждать вопрос своевременности и целесообразности перехода на новые стандарты, эта тема широко обсуждается и исследуется видными отечественными и зарубежными учеными, педагогами, методистами,

такими как В. И. Байденко, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, А. Г. Каспаржак, Дж. Равен, Ю. Г. Татур, Н. Хомский, А. В. Хуторской, и многими другими.

Есть мнение, что не следует компетентностный подход противопоставлять традиционному, основанному на знаниях, умениях и навыках, что их отношения сложнее, чем замена одного подхода другим (см. в обзорах [4, 9]). Целью любой реформы является улучшение состояния реформируемой сферы. Свою задачу мы видим в поиске и практической реализации благоприятной среды для обеспечения формирования профессиональных качеств будущих учителей математики в условиях перехода на новые образовательные стандарты.

В ходе анализа имеющейся литературы и исследований на предмет трактовки понятий «компетенция», «компетентность», «компетентностный подход» мы столкнулись с общим мнением, заключающемся в неоднозначности и сложности трактовки этих понятий.

Согласно словарю русского языка Д. Н. Ушакова «компетенция – 1) круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; 2) круг полномочий, область подлежащих чьему-нибудь ведению вопросов, явлений», «компетентный – осведомленный, являющийся признанным знатоком в каком-нибудь вопросе».

И. А. Зимняя под компетентностью понимает сложное личностное образование, включающее и интеллектуальные, и эмоциональные, и нравственные составляющие; основывающееся на знаниях интеллектуально и личностно-обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека (см. [4]).

Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сыманюк считают (см.[5]), что компетентности в отличие обобщенных, универсальных знаний имеют двойственный, практико-ориентированный характер, поэтому они включают теоретические знания, прикладные знания, а также когнитивную и операционально-технологическую составляющие, то есть компетентности это совокупность знаний в действии.

На международном учебно-методическом семинаре «Методология выработки общего понимания содержания образовательных программ (учебных планов) и результатов обучения», состоявшемся 19-21 октября 2006 г. в ГУ-ВШЭ с целью распространения и освоения методологии проекта TUNING (Настройка образовательных структур) были приняты определения компетенции, результатов обучения, оценки, критериев оценки и др. Так компетенция определяется как динамичное сочетание знания, понимания, навыков и способностей.

Компетенция, в рамках этого определения включает в себя (см. [1]):

1) когнитивную компетенцию, знания и понимание;

2) функциональную компетенцию (навыки), а именно то, что человек должен уметь делать в трудовой сфере, в сфере обучения или социальной деятельности;

3) личностные и профессиональные компетенции (способности).

Вслед за О. Е. Лебедевым (см. [6]) под компетентностным подходом мы будем понимать совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценку образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения:

– о смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся;

– осодержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познаватель-

ных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем;

– о смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования;

– о оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определенном этапе обучения.

Получается, что в рамках компетентностного подхода определение целей дисциплины должно предшествовать отбору его содержания, – отбор содержания производится согласно заявленным целям.

Согласно действующим ФГОС ВПО бакалавр по направлению подготовки 050100 – Педагогическое образование готовится к следующим видам профессиональной подготовки: педагогическая, культурно-просветительская и научно-исследовательская.

В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы (от 7 февраля 2011 года, № 163-р) отражено, что уровень развития отечественного образования не соответствует требованиям инновационного социально ориентированного развития страны. Результаты международных исследований показали – хотя российские школьники имеют сравнительно высокие знания по математике и естествознанию, они в отличие от своих сверстников из европейских стран не часто умеют их применять на практике. На наш взгляд, такая ситуация отчасти провоцируется определенным пробелом в программах и практике педагогических вузов.

Рассмотрим практический аспект реализации компетентностного подхода при подготовке будущего учителя математики на примере дисциплины по выбору «Мера и интеграл».

В процессе преподавания специального курса «Мера и интеграл», о котором идет речь, активизируются и используются знания и умения, сформированные в ходе изучения обязательных курсов «Математический анализ», и тех разделов теории функций, которые непосредственно к нему примыкают. Формирование исследовательских и профессиональных навыков, представления о преемственности вузовского курса математики со школьным курсом математики на примере избранных тем теории меры и интеграла у студентов являются целями курса. Они способны стимулировать интерес и к началу самостоятельных исследований.

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций (коды компетенций соответствуют ФГОС ВПО бакалавр по направлению подготовки 050100):

общекультурные компетенции (ОК):

– способен применять знания на практике (ОК-6);

– исследовательские навыки (ОК-7);

– способен приобретать новые знания, используя современные образовательные информационные технологии (ОК-8);

– умение находить, анализировать и контекстно обрабатывать научно-техническую информацию (ОК-10);

– фундаментальной подготовкой по основам профессиональных знаний и готовностью к использованию их в профессиональной деятельности (ОК-11);

профессиональные компетенции (ПК):

– определение общих форм, закономерностей и инструментальных средств предметной области (ПК-1);

– умение понять поставленную задачу (ПК-2);

– глубокое понимание сути точности точности фундаментального знания (ПК-13);

– контекстной обработкой информации (ПК-14);

– выделение главных смысловых ас-

пектов в доказательствах (ПК-16);

– умение точно представить математические знания в устной форме (ПК-27);

– основы педагогического мастерства (ПК-28);

– возможность преподавания физико-математических дисциплин в средней школе и средних специальных образовательных учреждениях на основе полученного фундаментального образования (ПК-29).

Основными задачами курса являются:

– углубить и дополнить знания студентов по отдельным разделам теории меры и интеграла,

– сформировать у студентов понимание роли и места теории меры и интеграла в системе математических дисциплин.

Основываясь на требованиях ФГОС ВПО к уровню подготовки будущего педагога содержание курса «Мера и интеграл», на наш взгляд должно быть следующим:

1. Введение в изучение курса. Связь курса «Мера и интеграл» со школьным курсом математики.

Связь теории меры и интеграла со школьным курсом математики. Площадь и объем в школьных курсах геометрии и алгебры и началах анализа, согласование этих понятий. Сравнительный анализ введения понятий площади и объема в различных школьных учебниках. Принцип Кавальери в школьном курсе математики.

2. Основы теории меры.

Мера Жордана и ее свойства. Мера Лебега и ее свойства. Общее понятие меры. Носитель меры. Меры на полукольце стрелок в терминах монотонных неубывающих функций. Функциональное уравнение Коши-Абеля и его решение в пространстве монотонных функций непрерывных слева. Инвариантные относительно сдвига меры на R, R2 (в общем случае, на Rn). Связь измеримости по Жордану и измеримости по Лебегу в случае инвариантности меры относительно сдвига в Rn. Борелевские меры. Связь измеримости по Борелю и измеримости по Лебегу. Произведения мер. Теорема Фубини. Принцип Кавальери.

3. Мера и вероятность.

Вероятность и аксиоматика Колмогорова. Вероятностная мера. Задача Бюффона. Метрика и мера. Лемма Картана в современном изложении.

4. Интеграл Стилтьеса.

Функции ограниченной вариации и их свойства, теорема о представлении функции ограниченной вариации, точки разрыва функции ограниченной вариации. Задачи приводящие к понятию интеграла Стилтьеса. Определение интеграла Стилтьеса и его свойства. Интегрирование по частям для интеграла Стилтьеса. Необходимые и достаточные условия существования интеграла Стилтьеса. Теорема Рисса о реализации непрерывных линейных функционалов в пространстве непрерывных функций. Тело кватернионов. Интеграл Стилтьеса для кватернионов.

5. Приложения теории меры и интеграла в школе.

Теорема Архимеда, исторические сведения. Многомерный вариант теоремы Архимеда для школьников.

Наш опыт показывает, что дополнение математических курсов в педвузе вопросами преподавания соответствующих тем в школьном курсе математики, использование активных форм проведения занятий, в которых студенты выступают исследователями,акцентирование на прикладном характере соответствующих тем повышает заинтересованность студентов к изучению таких курсов, такой подход соответствует концепции профессионально-педагогической направленности подготовки будущих учителей математики, разработанной А. Г. Мордковичем.

Я приношу искреннюю благодарность своим научным руководителям Р. М. Асланову и Е. А. Горину за постановку задач, постоянное внимание к моей работе и много давшие мне совместные проведения спецсеминаров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аналитическая записка по итогам семинара «Методология выработки общего понимания содержания образовательных программ (учебных планов) и результатов обучения» [Электронный ресурс] // Дата обращения: 27.06.11. Режим доступа: http://www.iori.hse.ru/tuning/materials/191006/analytical_note_191006.pdf.

2. Горин Е. А., Казарихина Т. Н. Программа дисциплины по выбору «Мера и интеграл». – М.: МПГУ, 2011.

3. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. – 2005. – №4. – С. 23-30.

4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования// Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. Режим доступа : http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm.

5. Компетентностный подход // Реферативный бюллетень РГГУ. – 2005.

6. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – №5. – С. 3-12.

7. Мордкович А. Г. Профессионально-педагогическая направленность специальной подготовки учителя математики в педагогическом институте: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1986.

8. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с анг. – М.: Когито-Центр, 2002.

9. Ширяева В. А. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://www.sgu.ru/files/nodes/46640/Shiriaeva.pdf. Дата обращения 25.06.2011.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.922.1
ББК 88.373+88.56
Социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

СООБРАЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ МОСКВЫ И ОМСКА О СОЗДАНИИ СЕМЬИ И О БУДУЩИХ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. Н. Орлова

В статье представлены результаты проведенного исследования по методике А. Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке». Полученные данные проанализированы с позиции социально-психологического подхода с целью выявления особенностей восприятия современными молодыми людьми брачно-семейных отношений, гендерных ролей в семье, выявления особенностей готовности молодёжи к семейной жизни.

Ключевые слова
Молодёжь, семейные отношения, психологическая готовность к семейной жизни, ролевые ожидания, ролевые притязания, функции семьи.

В последние десятилетия психологи многих стран все чаще и чаще поднимают в своих исследованиях вопросы, связанные с готовностью молодых людей к созданию семьи. Это связано с тем, что в современном обществе наблюдается трансформация брачно-семейного института, которая, несомненно, связана с экономическими, социальными, психологическими, культурными преобразованиями, происходящими в нашей стране и в мире в целом. Вместе с тем имеет место общемировая тенденция либерализации поведенческих норм и ценностей. Серьезной трансформации подверглись и семейные ценности практически во всех аспектах брачно-семейных отношений. Семья перестает быть основным способом включения молодого поколения в культурную традицию [1, 3, 4, 9].

По мнению исследователей-социологов перемены в брачно-семейных отношениях обусловливают два фундаментальных фактора социального развития общества. С одной стороны производственная функция семьи больше не является основной, а с другой – в современной семье из-за снижения уровня детской смертности, большую значимость приобретают функции эмоциональной поддержки, рекреативной функции и функции духовного общения в семье [2, 3, 9, 10]. В последние 20-25 лет происходит изменение структуры семьи в сторону уменьшения типов классической семьи, базирующейся на юридическом (узаконенном актом гражданского состояния) заключении брака. В связи с этим приходится учитывать, что семейная структура приобретает все более причудливые очертания, и некоторые современные исследователи расширяют понятие семьи, вклю-

чая в неё и т. н. «осколочные семейные формы», в соответствии со стихийно сложившимися в обществе представлениями о том, какой может быть современная семья [1, 2, 9, 10].

Среди факторов, определяющих стабильность молодых семей, многие исследователи выделяют психологическую готовность к браку [2, 9, 10]. Проблема исследования молодежи в рамках готовности к семейной жизни с каждым годом становится все более актуальной. Еще недавно считалось, что молодой человек по достижении определенного возраста уже полностью готов к созданию семьи. Однако многочисленные психологические, социологические и педагогические исследования показывают, что это не так. Готовность к созданию семьи – это система социально-психологических установок личности, определяющая эмоционально-психологическое отношение к образу жизни, ценностям супружества. Поэтому подготовка молодежи к вступлению в брак, к будущей семейной жизни должна стать неотъемлемой частью общей системы воспитания подрастающих поколений [9]. Необходимо осуществлять формирование в сознании юношей и девушек ориентаций и установок на вступление в брак. Поэтому важное место в вопросах социализации должно принадлежать и специальной подготовке молодых поколений к созданию в будущем своей семьи; к выполнению супружеских и родительских обязанностей. Всестороннее воспитание юношества должно осуществляться под воздействием различных социально-педагогических и социально-психологических факторов.

Среди множества аспектов формирования готовности современной молодежи к семейной жизни важное место занимает правильное понимание молодыми людьми роли семьи и брака в современном обществе. Степень нравственно-психологической подготовленности к браку означает готовность воспринимать целый комплекс требований, обязанностей и социальных норм поведения, связанных с семейной жизнью. Нравственно-психологическая готовность к браку представляет собой интегральную категорию, которая может быть охарактеризована и описана многими параметрами: готовность принять на себя обязанности по отношению к своему брачному партнеру, к будущим детям; понимание прав и достоинств других членов семьи; признание принципа равенства в человеческих отношениях; стремление к повседневному общению и сотрудничеству с членами семьи; умение приспособиться к привычкам и чертам характера другого человека и понимание его психических состояний [1, 2, 3, 6, 9, 10].

В рамках большой исследовательской работы, направленной на выявление когнитивных, эмоциональных и мотивационных особенностей межличностных отношений, формирующих готовность молодых людей к семейной жизни, нами было проведено психологическое обследование по методике А. Н. Волковой «Ролевые ожидания и притязания в браке». Данная методика позволяет выявить представления молодых людей о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личностной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнеров. Эти показатели составляют шкалу семейных ценностей. А так же о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций – шкала ролевых ожиданий и притязаний. Подшкала «ролевые притязания» отражает установку на собственную реализацию функций, исполнение обязанностей [7].

Мы осуществили подсчет по 7 обозначенным в данной методике шкалам и по степени выраженности каждого показателя (высокий (7-9 баллов), средний (3-6

баллов), низкий (0-2 балла) уровни) у респондентов всей нашей выборки в зависимости от пола, возраста и города проживания. Всего в исследовании приняли участие 180 человек. Все респонденты являются студентами московских и омского ВУЗов, очной (дневной) и очно-заочной (вечерней) форм обучения.

Респондентов мы условно разделили на две возрастные группы (от 18 до 21 года и от 22 до 25 лет), исходя из соответствия наших испытуемых общепринятым «возрастным периодам»: до 21 года – юность; 21-25 – молодость [4, 7]. Возраст от 18-ти лет до 21-го года имеют 161 человек, что составило 89,4% наших испытуемых. Возраст от 21-го года до 25-ти лет имеют 19 человек, что, соответственно составило 10,6%. Возрастное распределение неравномерно, однако характерно для студентов, получающих первое высшее образование.

Также всех опрошенных нами студентов можно разделить на две группы по признаку пола: девушки составили 67,2% (121 человек) опрошенных нами респондентов, а юноши, соответственно, 32,8% (59 человек).

Нам также представляется важным обратить внимание на особенности ответов респондентов в зависимости от регионального признака (место жительства/учебы). Исследование проводилось в Москве и Омске. Москва является самым большим и плотно населенным городом нашей страны, экономическим и культурным центром России, а Омск замыкает восьмерку крупнейших российских городов. Студенты-москвичи составили 59,4 % опрошенных (107 человек), студенты-омичи – 40,6% респондентов (73 человека).

Проведенный анализ результатов психодиагностического исследования респондентов по данной методике позволил нам выделить значимость, ожидания и притязания молодых людей по основным 7-ми шкалам семейных ценностей. На основе теста-методики А. Н. Волковой, можно сказать, что в наибольшей степени для молодых людей студенческого возраста значима эмоционально-терапевтическая функция семьи – высокий показатель ожиданий от партнера роли эмоционального лидера у 148 опрошенных (82,2% от общей выборки), средний показатель ожиданий у 31 респондента (17,2%), что в сумме составило более 99% всех опрошенных. В то же время сами респонденты готовы принимать эту функцию на себя – высокий уровень готовности показали 94 человека (52,2%) и средний – 85 (47,2%) опрошенных. Интересно отметить, что среди студентов-москвичей значимость эмоциональной функции брака несколько выше, чем среди студентов-омичей: из 107 москвичей (100% данной части выборки) высокие ожидания эмоционального лидерства от партнера продемонстрировали 92 человека, что составило 86% этой части выборки, а высокие собственные притязания имеют 60 человек, что составляет 56% столичных студентов. Тогда как среди омичей (73 человека, т. е. 100% этой части выборки) высокие ожидания имеют 56 человек (76,7% этой части выборки), а высокие притязания 34 опрошенных (46,6% этой части выборки). Хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что низкий уровень ожиданий по этой шкале выражен у 1 человека (0,6% всех опрошенных), низкий уровень притязаний по этой шкале так же имеет 1 человек. Оба они мужчины, жители Омска и относятся к первой возрастной группе (от 18 до 21 года). То есть, мы можем говорить о том, что для жителей столицы эмоционально-психотерапевтическая функция брака является более значимой, чем для жителей Омска. Для девушек эмоционально-психотерапевтическая функция семьи оказалась более значимой, чем для респондентов мужского пола: высокие показатели ожиданий по этой шкале имеют 85,1% женщин и 76,3% мужчин. Отметим также, что из всех рес-

пондентов, имеющих высокий показатель ожиданий от партнера роли эмоционального лидера (всего их 148 человек), почти все (89,9%) находятся в первом возрастном периоде. То есть, можно говорить о том, что молодые люди до 21 года в большей степени отмечают значимость психотерапевтической функции семьи.

Из анализа результатов по шкале «личностная идентификация с партнером» (и противоположная позиция – личностная автономия), также можно увидеть, что абсолютное большинство респондентов имеют установку на общность интересов и ценностей в семье, совместное времяпрепровождение: высокие показатели значимости имеют 88 респондентов (48,9%), средние – 86 респондентов (47,8%), что составляет с сумме 96,7% всех опрошенных. Личная автономия является приоритетной всего для 6 из 180 опрошенных, что составляет 3,3%. Здесь нам не удалось выявить значимых зависимостей оценок по этой шкале от пола или возрастной группы, – разница между показателями менее 0,5%. Что касается региона, то можем отметить, что 95,9% омичей и 97,2% москвичей имеют высокие и средние показатели значимости по этому параметру. На наш взгляд эта несущественная разница может быть компенсирована большим числом респондентов. Распределение оценок представлено равномерно. То есть, мы можем говорить о том, что молодым людям в общем представляется важным общность интересов в семье, потребностей, ценностей, а также совместное времяпрепровождение.

Интересно отметить и значимость для респондентов социальной активности в семейных отношениях, причем большую значимость и ценность имеет собственная социальная активность – высокие показатели значимости внесемейных ценностей для партнера готовы принять 72 человека (40% всех опрошенных), а высокие притязания демонстрируют 139 человек (77,2%). Здесь также распределение оценок равномерно по региональному и половому признакам, но представляется важным обратить внимание на тот факт, что низкий уровень притязаний на реализацию собственных внесемейных интересов имеют 3 человека (1,7% от общей выборки), и все они женщины. Т.е. можно утверждать, что мужчины в принципе не готовы посвятить себя только интересам семьи.

Для молодых людей значимой является и внешняя привлекательность партнера, а также собственная привлекательность. Высокие и средние показатели установки на привлекательность партнера показали в сумме 179 респондентов (99,4%), высокая и средняя степени значимости собственной привлекательности характерны в сумме для 172 (95,6%) опрошенных. Низкий уровень ожиданий в отношении внешнего облика партнера имеет 1 человек (0,6% от общей выборки), низкий уровень притязаний в отношении собственного внешнего вида имеют 8 человек (4,4% от общей выборки). Все эти респонденты находятся в первой возрастной группе (от 18 до 21 года).

В отношении родительско-воспитательной функции семьи абсолютно все опрошенные показывают высокие и средние уровни ожидания активности от партнера, и почти все респонденты (95,6%) демонстрируют высокие и средние показатели собственных притязаний на реализацию родительско-воспитательной функции в семье. Еще раз отметим, что ни один респондент не имеет низкого уровня ожиданий в отношении этой функции семьи, т.е. абсолютно все респонденты рассчитывают на то, что партнер (супруг) будет выполнять эту функцию в семье, однако 8 человек (4,4% всех опрошенных) респондентов имеют низкие притязания, т.е. не готовы разделить эти обязанности с супругом, причем 7 из них женщины в первой возрастной группе (от 18 до 21 года). Значимых различий в ожиданиях и притязаниях по этой шкале в зависимос-

ти от города не выявлено.

В отношении реализации хозяйственно-бытовой функции семьи, т. е. ожидание от партнера решения бытовых вопросов и готовность самому принять в этом активное участие, большинство наших респондентов демонстрируют средние показатели: средний уровень ожиданий – 122 человека (67,8%), средний уровень собственных притязаний – 102 человека (56,7%). Низкие показатели по уровню ожиданий по этой шкале имеют 4 человека (2,2% от общей выборки), причем все они женщины из первой возрастной группы (от 18 до 21 года), а низкий уровень притязаний 5 человек (2,8% от общей выборки), 4 человека из которых также относятся к первой возрастной группе. В целом можно отметить, что некий «средний респондент» нашей выборки готов делить бытовые обязанности с партнером.

По шкале значимости интимно-сексуальных отношений в семье также абсолютное большинство наших респондентов имеют средние показатели – 136 человек, что составляет 75,6% всех опрошенных, 18 человек (10% опрошенных) имеют высокий показатель по этой шкале и 26 (14,4%) респондентов недооценивают значимость сексуальных отношений в семье, т. е. имеют низкий показатель значимости по этому параметру. Из всех респондентов, отметивших высокую значимость интимно-сексуальных отношений в семье (всего их 18 человек), 10 мужчин и 8 женщин. Причем почти все – 17 человек – относятся к первой возрастной группе, т. е. имеют возраст от 18 до 21 года. Значимой разницы между респондентами по региональному признаку не выявлено. Что касается низкого уровня значимости по этой шкале, то сколь-нибудь значимых различий с учетом пола, возраста и региона не отмечено.

Итак, по результатам проведенного по данной методике обследования, можно сказать, что для юношей и девушек характерны некоторые различия в восприятии социально-психологических ролей в семье, в представлениях о семейной жизни, и эти представления во многом соответствуют существующим в обществе гендерным стереотипам отношения к семейной жизни. Семья по-прежнему является значимым институтом социализации для молодежи. По представленным ответам видно, что и юноши, и девушки в большинстве своем положительно относятся к исполнению социальных ролей в семье, достаточно высокий уровень притязаний на исполнение многих функций, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин.

Наиболее масштабное влияние на семью имеет возросшая эмансипация, особенно женщин, а так же обострение проблем, связанных с кризисом институтов традиционной семейной культуры, проявляющихся в трансформации гендерных ролей в семье и формировании эгалитарных отношений, изменении репродуктивных отношений, связанных с изменением роли женщины в семье и обществе [10]. Тем не менее, не смотря на радикальные сдвиги в ролевых и статусных позициях мужчин и женщин как системообразующих начал семейных отношений, а также универсализацию гендерных ролей, современное супружество представляет возможность современным молодым людям устанавливать гибкие, подвижные, удовлетворяющие интересы обоих полов отношения. И вполне можно говорить о том, что сама семья, ее устои не подвергаются разрушению, а лишь закономерно трансформируются, адаптируясь к существующим социальным, экономическим и культурным изменениям в обществе.

Современное супружество действительно предъявляет все более сложные социально-психологические требования к личностному взаимодействию членов семьи и людей, собирающихся заключить брачный союз. Обусловленность изменений семьи культурно-исторической динамикой общественных отношений предпо-

лагает необходимость специальной подготовки подрастающих поколений к жизни в семье [6, 9, 10]. Таким образом, для того, чтобы создать семью не достаточно просто хотеть вступить в брак и/или родить детей, – необходимо быть готовым к этому.

При разработке программ и курсов по подготовке молодых людей к семейной жизни особенно важно учитывать возрастно-психологические особенности молодежи, чтобы помочь каждому молодому человеку не только получить ответы на интересующие его вопросы, но и выработать идейно-нравственные убеждения, способствующие созданию крепкой семьи. Ведущей целью должно являться формирование готовности к вступлению в брак и воспитанию будущих детей. Подготовка молодежи к семейной жизни должен представлять собой комплекс всесторонних взаимодействий с родителями, психологами и педагогами, сверстниками и другими людьми, со средствами культуры и массовой информации, в результате которых происходит осознание особенностей брачно-семейных взаимоотношений, развитие соответствующих чувств, формирование представлений, взглядов, убеждений, качеств и привычек, связанных с готовностью к браку и к семейной жизни [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адмиральская И. С. Согласованность оценок и взаимовосприятие в парах, удовлетворенных и неудовлетворенных браком // Российский научный журнал. – 2008. – №6(7). – С. 87-96.

2. Андреева Т. В. Психология современной семьи. – СПб.: Речь, 2005.

3. Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Психология семьи. Хрестоматия. Редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара: «Бахрах-М», 2007.

4. Донцов А. И. Концепции социальных представлений во французской социальной психологии. – М.: МГУ, 1987.

5. Кон И. С. Ребенок и общество. – М.: «Академия», 2003.

6. Орлова И. Н. Психологическая подготовка к семейной жизни как часть школьного обучения и воспитания // «Социальные проблемы современной России: возможности психологической помощи». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2010.

7. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. – 2-е издание. – СПб: Питер, 2003.

8. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000.

9. Торохтий В. С. Психология социальной работы с семьей. – М.: Смысл, 1996.

10. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2007.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. КОЛОМНА

УДК 378
ББК 74.58
Общая педагогика



КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ)

С. А. Перекальский

В данной статье предложена авторская модель подготовки будущих учителей (студентов педагогического вуза) к инновационной деятельности и результаты ее апробации. Модель подготовки представлена целевым, содержательным, процессуальным и результативным компонентами, отражающими главные методологические ориентиры авторской концепции. Определены критерии и показатели готовности будущих учителей к инновационной деятельности, описана опытно-экспериментальная работа по реализации модели.

Ключевые слова
Педагогическая инноватика, подготовка будущих учителей к инновационной деятельности, модель подготовки будущего учителя к инновационной деятельности

Одним из важнейших достижений российской образовательной политики двух последних десятилетий является законодательно закрепленное право на свободу педагогического творчества (Закон РФ «Об образовании» ст. 55), что стало важнейшей предпосылкой становления педагогической инноватики как отрасли педагогической науки в нашей стране. Данные позитивные изменения способствовали смене традиционной исполнительской деятельности учителя, закономерному появлению новых представлений и направлений поиска в науке и практике, открыли возможность выбирать и использовать новые передовые или уже известные, но ранее не применяемые или запрещённые образовательные технологии. Учитель, не скованный идеологией и методическим арсеналом, получил возможность самовыражения и творческого поиска в профессии [2].

Проблемы педагогической инноватики в отечественной и зарубежной науке решались в следующих аспектах:

- общие вопросы теории педагогической инноватики (К.Ангеловски, М. В. Кларин, С. Д. Поляков, М. М.Поташник, А. И. Пригожин, В. А. Сластёнин, И. Д. Фрумин, О. Г. Хомерики и другие);
- различные направления исследований инновационной деятельности педагога (В. И. Загвязинский, В. А. Кан-Калик, А. К. Маркова, Н. Д. Никандров и другие);
- общепедагогические аспекты подготовки учителя к инновационной деятельности (Н. М. Анисимов, А. Ф. Бала-

кирев, В. И. Загвязинский, М. В. Кларин, Е. П. Морозов, П. И. Пидкасистый, Л. С. Подымова, В. А. Сластёнин, И. А. Щербакова, Н. Р. Юсуфбекова и др.)

Анализ литературы позволяет судить об определенной проработанности теоретических основ педагогической инноватики. Вместе с тем в педагогической науке остается недостаточно разработанной технология подготовки будущего педагога к инновационной деятельности (в, частности, к проектному обучению).

С точки зрения традиционного «знаниевого» подхода подготовка рассматривается как трансляция необходимой информации, формирование на её основе необходимых умений и навыков (ЗУН). Опора только на этот подход в вопросе подготовки будущего учителя к инновационной деятельности, с современных педагогических позиций представляется недостаточной, что заставляет искать более эффективные пути ее реализации [1].

Одной из важнейших задач нашего исследования является моделирование предполагаемой подготовки. Под моделью мы будем понимать некий идеальный образец, помогающий представить и оценить необходимый путь подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения). Разработанная нами модель включает в себя целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты.

Целевой компонент ориентирован на подготовку будущего учителя к инновационной деятельности с опорой на аксиологический, деятельностный и личностный подходы (идеи ценностной обусловленности инновационной деятельности учителя и его субъектности в процессе деятельности (подготовки)), принципы обучения (гуманизации, научности, доступности и нарастающей трудности, систематичности и последовательности, активности, самостоятельности, творчества и инициативы, связи теории с практикой, положительного эмоционального фона), а также условия подготовки, отражающие ценностный и личностный аспекты (субъект-субъектный характер взаимоотношений студентов и преподавателя; проблемный, эвристический и исследовательский характер обучения; предоставление учащимся права на точку зрения (мнение, анализ, оценка); эмоциональная выразительность педагога (необходимость продемонстрировать личное отношение по тем или иным вопросам данного курса); доверительность и уважительность в процессе обучения; организация самопознания и самооценки (использование профессиональной и личностной рефлексии и самооценки в структуре учебного курса)). *Содержательный компонент* включает в себя совокупность профессионально-значимых знаний (знание актуальности инноватики как современной отрасли педагогического знания, её исторических, теоретических и практических аспектов, проблем подготовки и готовности будущего учителя к инновационной деятельности, ценностных аспектов инновационной деятельности учителя, значение его субъектной позиции, знание технологии проектного обучения, её сущности, истории возникновения и перспектив использования), необходимых умений и навыков (владение умениями и навыками проектирования: умение определять концепцию, главную идею проекта, владение умениями поиска, анализа и оценки информации, представления результатов проекта); ценностных ориентаций (идеалы, убеждения и интересы личности в сфере инноватики) и субъектных качеств (активность, самостоятельность, инициативность, автономность, самоорганизация, способность к творчеству, рефлексивность) в рамках учебной программы курса «Основы подготовки к инновационной (проектной) педагогической деятельности». *Процессуальный компонент* раскрывается через совокупность форм (лекции, семинары, практические занятия, круглый

стол, консультации, конференция), методов (применяются три группы методов: по типу познавательной деятельности, методы стимулирования и мотивации интереса к учению, методы самовоспитания) и средств учебного процесса (официальные документы, учебная и научная литература, учебно-методические рекомендации для студентов, электронные и Интернет-ресурсы).

Оценочно-результативный компонент направлен на диагностику готовности будущего учителя к инновационной деятельности на основе когнитивного, ценностного и личностного критериев. В их содержание входят знания по основам инноватики и технологии проектного обучения, необходимые умения и навыки проектирования, ценностные ориентации и субъектные качества, которые требуются, на наш взгляд, для эффективного осуществления инновационной деятельности будущими специалистами. В зависимости от успешности подготовки нами выделяются три уровня готовности (высокий, средний и низкий), каждый из которых соответствует определённым показателям.

Для определения результативности апробируемой модели нами проектируются такие диагностические методы как наблюдение, анкетирование и экзамен в форме собеседования.

Графически модель для экспериментальной группы представлена далее (см. рис. 1).

Апробация модели проходила в Московском государственном областном социально-гуманитарном институте, в опытно-экспериментальной работе приняли участие 78 студентов, из которых были сформированы экспериментальная и контрольная группы.

На *констатирующем этапе* опытно-экпериментальной работы основной целью являлось определение исходного уровня подготовки студентов к осуществлению инновационной деятельности. Для этого нами использовались наблюдение и анкетирование, с помощью которых определялся уровень готовности к инновационной деятельности. Вопросы первой авторской анкеты, диагностирующей уровень готовности к инновационной деятельности, разработаны согласно выделенным критериям. В когнитивном блоке они посвящены теоретическим основам инноватики, исследовательской деятельности учителя и технологии проектного обучения. В практическом блоке представлены вопросы по организации проектной деятельности воспитанников, умениям и навыкам проектирования. Личностный блок анкеты затрагивает ценностные основы профессиональной деятельности, а также некоторые аспекты субъектности и его значению в инновационной деятельности будущего учителя.

Формирующий этап представлял собой непосредственно подготовку к инновационной деятельности, в ходе которой осуществлялась реализация специально разработанной авторской программы «Основы подготовки к инновационной (проектной) педагогической деятельности». Целью *контрольного этапа* являлось определение сформированного уровня готовности будущих специалистов к инновационной деятельности. Использовались следующие диагностические процедуры: повторное проведение анкеты, исследующей уровень готовности, дополнительное анкетирование, направленное на выявление сформированного отношения студентов к инновационной деятельности и пройденному учебному курсу, экзамен и наблюдение. Экзамен дал возможность проверить приобретённые студентами знания, а также продиагностировать ценностное осмысление информации и субъектное отношение к ней. Использование наблюдения дополняло рассмотренные диагностические методики и охватывало все этапы опытно-экспериментальной работы.

С целью систематизации полученных количественных результатов, мы предста-



Рис 1. Модель подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения)

Таблица 1

Результаты диагностики готовности

	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Авторская анкета (готовность к инновационной деятельности)		
• *когнитивный критерий*	+38,5%	+24,8%
• *деятельностный критерий*	+26,4%	+16,4%
• *личностный критерий*	+10,7%	+6,3%
Отражена положительная динамика, исходя из разницы результатов на констатирующем и контрольном этапах опытно-экспериментальной работы		
Авторская анкета (сформированное отношение)		
• *отношение к инноватике (+/-)*	«+» 92,3%	«+» 84,6%
	«-» 7,7%	«-» 15,4%
• *использование в будущем (+/-)*	«+» 84,6%	«+» 69,3%
	«-» 15,4%	«-» 30,8%
• *влияние курса (+/-)*	«+» 77%	«+» 38,5%
	«-» 23,1%	«-» 61,5%
Отражено положительное (+) и отрицательное (-) отношение по исследуемым аспектам на контрольном этапе опытно-экспериментальной работы		
Экзамен		
• *«отлично»*	48,7%	23,1%
• *«хорошо»*	38,5%	35,9%
• *«удовлетворительно»*	10,2%	30,8%
• *«неудовлетворительно»*	2,6%	10,2%
Отражено качество устных ответов испытуемых		
Наблюдение		
• *высокий уровень*	61,5%	23,1%
• *средний уровень*	23,1%	53,8%
• *низкий уровень*	15,4%	23,1%
Отражен уровень подготовки на основании критериев, уровней и показателей		

вили их в следующей таблице.

Количественные результаты *первой авторской анкеты* (готовность к инновационной деятельности) свидетельствуют о более выраженной положительной динамике у студентов экспериментальной группы. Наибольшая была зафиксирована по когнитивному блоку, устойчивая динамика по деятельностному, наименьшая – по личностному. Такие данные могут быть объяснены как начальными результатами, зафиксированными в ходе констатирующего этапа, где наибольший процент был получен по личностному критерию, меньший по деятельностному и когнитивному, так и тем, что изменения в личностной сфере более медленны и сложнее поддаются корректировке. Таким образом, знаниевая и

практическая части подготовки стали более продуктивными, в первую очередь, для экспериментальной группы. В целом для этих испытуемых свойственны более полные и многогранные ответы, использование не только информации, полученной в рамках специального курса, но и привнесение личностной, более частое использование примеров, сравнений и противоречий, связи теории с практикой, истории и современности.

Ответы на первые два вопроса *второй авторской анкеты* (сформированное отношение) в обеих группах в целом были одинаковы: отмечалось положительное отношение к новшествам в образовательном процессе, стремление к их использованию в дальнейшей профессиональной деятельности. Однако третий вопрос показал существенное отличие в ответах испытуемых. В контрольной группе мы зафиксировали *в два раза меньшее* влияние изученного курса на представления студентов о новшествах, инновационной деятельности учителя, на стремление в будущем использовать новинки в профессиональной деятельности.

Проведение *экзамена* показало, что качество ответов испытуемых в экспериментальной и контрольной группах имеет некоторые отличия. Студенты первой группы чаще демонстрировали не только знание информации, но и пытались соотнести её со своим жизненным опытом, вступить в диалог, привести пример, дать критическую оценку информации, выявить противоречия, при ответах демонстрировали большую уверенность и активность, стремясь высказать свои соображения по рассматриваемым вопросам учебного курса.

С помощью *наблюдения* мы выявляли ценностное осмысление информации и субъектные качества будущих учителей в процессе всех этапов подготовки. В экспериментальной группе нами была зафиксирована тенденция увеличения студентов, демонстрирующих сформированный высокий уровень готовности за счёт их перехода с начального среднего уровня. В контрольной группе данная тенденция не отмечалась и разница начальных и контрольных результатов оказалась незначительной, что позволяет утверждать о меньшей эффективности подготовки в данной группе.

Таким образом, полученные результаты позволяют констатировать эффективность разработанной модели и технологии подготовки будущего учителя к инновационной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дутикова Ю. С. Проблемы диагностики профессионально-личностной подготовки учителя начальных классов // Российский научный журнал. – 2009. – №4(11). – С. 165-170.

2. Мартишина Н. В. Становление и развитие творческого потенциала педагога: модели и технологии // Российский научный журнал. – 2008. – № 2(3). – С. 103-111.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.922.8
ББК 88.834+88.840
Педагогическая психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА

Р. Е. Прохоров

Статья посвящена проблеме психологических особенностей учащихся одиннадцатых классов и их влиянию на результаты выпускных экзаменов. В статье рассматриваются некоторые аспекты учебно-познавательной деятельности старшеклассников. Исследованы личностные особенности и предложена коррекционно-развивающая программа в период подготовки школьников к выпускным экзаменам.

Ключевые слова
Выпускной экзамен, тревожность, мотивация, уровень притязаний, самооценка

Актуальность исследования. Проблема психологических особенностей традиционна для психологии. Прогнозирование развития личности находило своё решение в рамках различных научных школ и подходов (У. Джеймс, А. Адлер, А. Маслоу, Х. Хекхаузен и др.). Отечественную психологию также всегда интересовало влияние психологических особенностей на процесс развития личности, что наиболее ярко проявлялось в изучении условии обучении и воспитании школьников (Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн и др.). Между тем, от индивидуально-психологических особенностей личности, таких как мотивация, уровень притязаний, самооценка зависит эффективность и успешность обучения (Л. И. Божович, Е. П. Ильин, А. М. Прихожан, Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн и др.). В связи с изменениями в системе образования, принятием новых стандартов, требованиями повышения качества полученных знаний, а равно, постепенным усложнением всего учебного материала и процедур контроля его усвоения, несомненно, становится важным изучения влияния вышеуказанных особенностей в период подготовки и сдачи выпускных государственных экзаменов. Вместе с тем, период выпускных государственных экзаменов приходится на период юности, когда перед выпускниками встают новые задачи, в решение которых происходит их психосоциальное развитие (И. В. Дубровина, В. В.Зацепин, А. М. Прихожан, В. С. Собкин, Н. Н. Толстых и др.). Поэтому при анализе результатов учебы актуальным является изучение психологических особенностей личности старшеклассников.

Целью нашей работы является исследование взаимосвязи и влияния индивидуально-психологических особенностей старших школьников на результаты их

учебной деятельности (выпускных экзаменов).

В соответствии с целью статьи нами были поставлены **следующие задачи**: – на основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы научно обосновать проблему исследования психологических особенностей учащихся;

– показать динамику развития тревожности, мотивации, уровня притязаний, самооценки, нервно-психической устойчивости выпускников;

– экспериментально изучить психологические особенности старшеклассников во время подготовки к выпускным экзаменам.

Объект исследования: аспекты учебно-воспитательной деятельности школьников (результаты выпускных экзаменов).

Предметом исследования является психологические особенности старшеклассников и их влияние на результаты итоговых экзаменов.

Гипотеза исследования: Переход к новому типу взаимоотношений с окружающими во время подготовки к экзаменам, смена деятельности при сдаче выпускных экзаменов старшеклассниками, опосредованные содержанием и формой общения могут вызвать напряжение у старшеклассников.

Методологическую и теоретическую основу статьи составили основные положения теорий В. М. Астапова, Л. И. Божович, И. С. Кона, Т. В. Дембо, И. В. Дубровиной, А. М. Прихожан, Д. Тейлор и др. Наряду с проблемами в интимно-личностной сфере в юношеском возрасте возникают проблемы, связанные с психологической боязнью экзаменов. Этот вопрос неразрывно связан с психологическими особенностями учащихся старших классов, которые проявляются в процессе подготовки и сдачи итоговых экзаменов.

Контингент и методики исследования. Для изучения психологических особенностей старших школьников в условиях подготовки к выпускным экзаменам проведено экспериментальное исследование учащихся 11-х классов 6-ти образовательных учреждений г. Москвы, среди которых две Средние общеобразовательные школы, три Центра образования, одна «Школа здоровья». В исследовании приняли участие всего 303 человека, из которых 151 девушка и 152 юноши в возрасте 16-17 лет (средний возраст 16,5 лет).

Время и условия проведения: исследование проводилось в течение периода подготовки к выпускным экзаменам – ЕГЭ (май).

Для изучения психологических особенностей учащихся старшего школьного возраста были использованы такие методы исследования как:

–- беседы с целью выяснения влияние экзаменационного стресса на обучающихся, установления контакта с детьми; определения того, как они понимают суть заданий, в чем испытывают затруднения; уточнение содержания выполненных заданий, а также в собственно диагностическом аспекте;

– наблюдение за поведением испытуемых. Метод наблюдения мы использовали для того, чтобы проследить за поведением учащихся, их реакциями на то или иное воздействие; за тем, как они выполняют задания, как к ним относятся;

– психодиагностика – тестирование.

Для проведения эксперимента были подобраны ряд методик, с помощью которых исследовали психологические особенности учащихся старшего школьного возраста. Использованы следующие методики: тест определения тревожности Д. Тейлор; тест-опросник изучения мотивации на успех и мотивации избегания неудач А. А. Реана; моторная проба К. Шварцландера, использовалась нами для исследования уровня притязаний учащихся; методика изучения самооценки Т. В. Дембо-С. Я. Рубинштейн, адаптированная А. М. Прихожан; методика «Направленность на отметку», предложеная Е. П. Ильиным и Н. А. Курдюмовой; методика

определения нервно-психической устойчивости в стрессе «Прогноз», разработанная В. Ю. Рыбниковым.

Результаты исследования.

Полученные с помощью различных методик данные изучались методами математической статистики и значением коэффициента t-Стьюдента. Показатели считали статистически достоверными при $p \leq 0,05$ [4, с. 124].

Проведённый математический анализ показал наличие следующей корреляционной зависимости: уровень тревожности и вероятностью успешности сдачи выпускных экзаменов – ЕГЭ (r=0, 537**, p=0,001); также установлена корреляционная связь между мотивацией достижения и возможностью успешной сдачи выпускных экзаменов (r=0,54**, p=0,01), что свидетельствует о наличии взаимозависимости результатов сдачи выпускных экзаменов и выраженностью мотивов достижения; при математической обработке установлена положительная корреляционная связь между сдачей государственного экзамена и уровнем притязаний (r=0,277**, p=0,001), что свидетельствует о зависимости этих показателей (r=-0,11, p=0,877); при этом установлена положительная корреляционная связь между значением самооценки и сдачей выпускного экзамена – ЕГЭ (r=0,278**, p=0,001). Таким образом, установлена взаимосвязь между всеми исследованными психологическими особенностями и успешностью сдачи выпускного экзамена. Необходимо отметить, что полученные нами данные совпадают с данными, полученными в исследованиях Л. Ю. Ерёминой, проведённых под руководством профессора Е. С. Романовой, что ещё раз подтверждает их надежность и статистическую достоверность [6].

Обсуждение.

Эмоциональное состояние старшеклассника во время подготовки и сдачи итоговых экзаменов во многом зависит от таких его индивидуальных особенностей, как доминирующая полушарие, мотивация, наличие внутриличностных и межличностных конфликтов, способности к управлению своим эмоциональным состоянием. Акцентировав внимание не столько на внешних факторах, как на их переживании и оценке, старшеклассник сам, создает эмоциональное напряжение, которое переживается как тревожность.

Таблица 1

Показатели уровня тревожности учащихся 11-х классов в период подготовки к выпускным экзаменам

Уровень тревожности	Число испытуемых, N	%
Высокий	55	18,2
средне-высокий	107	35,3
средне-низкий	129	42,6
очень низкий	12	4,0

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что большинство опрошенных школьников имеют средний уровень тревожности (77,9%) и только 18,2% – высокий. Наличие высокого уровня тревожности у части учащихся (18,2%) является показателем восприятия экзаменационной ситуации как угрозы и эмоциональной перегрузки.

Итак, данные, полученные по диагностике уровня тревожности старших школьников, показывают среднюю его выраженность, что, в принципе адекватно данному возрастному периоду. Вместе с тем, опираясь на взгляды Д. Филипса, Р. Мартина, М. Майерса о том, что тот или иной уровень тревожности вызывается той или иной формой стресса, можно зак-

лючить, что в предэкзаменационный период одинадцатиклассники испытывают стресс.

Длительное состояние внутреннего конфликта способствует сохранению и усилению тревожности личности [1]. Однако устойчивая тревожность, мешает нормальному развитию и продуктивной деятельности учащихся во время подготовки к экзаменам. Изученные нами результаты отечественных исследовании (В. М. Астапов, А. М. Прихожан, Л.Ю. Ерёмина и др.) позволили сделать вывод о значимости данного фактора в процессе подготовки и проведения выпускных экзаменов (ЕГЭ) в связи с тем, что данная ситуация повышает экзаменационную тревожность, создаёт риск снижения результативности и может привести к понижению полученных отметок, тем самым вызывая у выпускников 11-х классов стресс.

Мотивация достижения успеха и избегания неудач является существенным фактором, оказывающим влияние на процесс обучения в старших классах и результативность выпускных экзаменов. Это объясняется тем, что данные типы мотивации являются основными направленностями, влияющими на развитие мотивационной сферы человека и окрашивающими всю учебную деятельность. В связи с тем, что мотивация на достижения успеха относится к позитивной мотивации, от её преобладания учебной деятельности зависит качество полученных знаний старшеклассников, общий результат учёбы.

Исследование уровня мотивации на успех и мотивации избегания неудач показало, что в исследуемой группе учащихся большинство имеет выраженную мотивацию на успех (32%) и выраженное стремление к успеху (20%), что свидетельствует о позитивном настрое этих учащихся на достижение цели. Однако 24% старшеклассников продемонстрировали выраженную мотивацию на избегание неудач и 14% – мотивацию ожидания неудач, что является способом защиты от чувства неуспеха в процессе сдачи выпускных экзаменов. При подготовке к проведению выпускных экзаменов необходимо учитывать данный аспект.

Уровень притязаний является принципиально важным в процессе учебной деятельности и вопросе успешности сдачи любого экзамена. У подавляющего числа изученных нами учащихся отмечен средний уровень притязаний (48%). Треть учащихся исследуемой группы имеют высокий уровень притязаний (25%), что говорит о достаточно высокой оценке учащимися своих ресурсов. Обучающиеся с низким уровнем притязаний имеют менее выраженную потребность в достижении позитивных учебных результатов, поэтому в период подготовке к выпускным экзаменам на данную группу учащихся необходимо обращать дополнительное внимание. Отдельно необходимо выделить высокие показатели в обследуемой группе по адекватности и устойчивости уровня притязаний (62 и 82% соответственно). Это позволяет делать выводы о знаний учащимися своих психологических особенностей и возможности использовать свои знания в процессе сдачи выпускных экзаменов. Уровень притязаний является важным образованием личности и как её важнейшая характеристика неразрывно связан с самооценкой [4, с. 123].

Самооценка как личностная характеристика лежит в основе достижения позитивного результата в любой деятельности, так как адекватное оценивание своих возможностей и понимание своих результатов является основой успеха в деятельности. В учебной деятельности, а, особенно при сдаче выпускных экзаменов этот фактор принимает ещё большую значимость в связи с тем, что в этой ситуаций необходимо рассчитывать исключительно на свои силы и возможности. Поэтому уровень самооценки личности учащегося оказывается ведущим фактором в процессе выпускных экзаменов. Особенно важно

вовремя выделить учащихся с неадекватной самооценкой (завышенной или заниженной).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что в исследуемой выборке учащихся большинство из них имеют высокий (28%) и средний уровни самооценки (49%). Это характеризует учащихся как более уверенных в своих способностях. Низкий уровень самооценки (23%) может повлечь за собой обесценивание своих учебных знаний, умений и навыков. С учётом данных по уровню притязаний можно говорить о наличии у ряда опрошенных неадекватной самооценки. При неадекватной самооценке происходит снижение эффективности деятельности из-за постановки нереальных целей учащихся или отсутствии убеждённости в своих силах.

Изучение направленности выпускников на отметку проводилось нами по методике Е. П. Ильина и Н. А. Курдюмовой. Полученные результаты показывают отсутствие значительного отрыва по уровню направленности на отметку. Подавляющее большинство выпускников (44%) высоко ориентированы на отметку. Это совпадает с возрастными особенностями, когда ведущей является ориентация на получение отметки, достаточной для поступления в высшей или средне профессиональное учебное заведение. Средний и низкий уровни направленности на отметку имеют 32% и 24% соответственно. Высокая направленность на отметку предполагает высокий уровень активности учащихся в учебно-воспитательном процессе. Однако данная активность направлена в большей степени на итоговый результат, нежели, на процесс получения знаний. Средний уровень направленности на отметку характеризует учащихся как достаточно активных в процессе обучения, интересующихся содержанием выставляемой им отметки. В связи с этим можно утверждать, что направленность учащихся на отметку является одним из доминирующих факторов, определяющих успешность деятельности в экзаменационной период.

Изучения уровня нервно-психической устойчивости учащихся-выпускников 11-х классов проведено по методике «Прогноз». Нервно-психическая устойчивость показывает риск дезадаптации личности в условиях стресса, то есть тогда, когда система эмоционального отражения функционирует в условиях, вызываемых стрессовыми факторами. В соответствии с данными, полученными по методике можно прогнозировать адаптационные возможности человека.

В данном случае наблюдается иная картина – обследованным школьникам свойственен в большей мере низкий (36,3%) и средний (41,6) уровни нервно-психической устойчивости.

Таблица 2

Показатели уровня нервно-психической устойчивости старших школьников

Уровень нервно-психической устойчивости	Число испытуемых, N	%
высокий	67	22,1
средний	126	41,6
низкий	110	36,3

Проведённая диагностика позволяет достаточно определенно судить о проявлении основных психологичесих особенностей личности во время экзаменационного периода. По результатам исследования можно выделить две группы обучающихся. В сложных ситуациях (подготовки и сдачи итоговых экзаменов) для учащихся первой группы является стремление к утверждению собственной позиции

без учета интересов других участников процесса. Вторая группа учащихся демонстрирует широкий спектр поведения пассивно-адаптивной направленности, неспособность к самостоятельному принятию и реализации решение. В данном случае можно предположить динамику психологических особенностей старшеклассников на экзаменах, ее связи с уровнем их тревожности и нервно-психической устойчивостью.

Таким образом, в ходе работы обнаружено, что достижение личностью надлежащей успешности в учебной деятельности (например, сдача государственных экзаменов) становится возможным при условии сформированности у нее комплекса образований, обеспечивающих ее общую способность к собственной активности, которая связана с личностными особенностями, в частности, с жизненными целями. С этой целью была разработана коррекционно-развивающая программа, направленная на преодоление различных стрессовых ситуации через использование внутренних резервов самих выпускников. Результаты её использования свидетельствуют о том, что программа помогает учащимся реализовать свой качества жизнестойкости и личности, весь свой личностный потенциал в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Астапов В. М. Тревожность у детей / В. М. Астапов. – М.: ПЕР ЭС, 2001. – 156 с.

2. Дубровина И. В., Прихожан А. М., Зацепин В. В. Возрастная и педагогическая психология. Хрестоматия / И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. – М.: Академия, 2008. – 368 с.

3. Ерёмина Л. Ю. Психологические особенности личности школьников и их влияние на успешность сдачи итогового школьного экзамена (на материале ЕГЭ и традиционного экзамена): Дис. ... канд. психол. наук / Л. Ю. Ерёмина. – М., 2007. – 222 с.

4. Кузьмин Т. А. Теоретические и методические проблемы исследования уровня притязаний личности / Т. А. Кузьмин // Российский научный журнал. – 2008. – №4(5). – С.120-126.

5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М., Смысл, 2006. – 63 с.

6. Рыбакова Т. Т. Психологические особенности ожидаемых оценок у старшеклассников: Автореф. ... дис. канд. психол. наук / Т. Т. Рыбакова. – М., 1982. – 16 с.

7. Прохоров Р. Е. Влияние стресса на особенности поведения в старшем школьном возрасте // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2011. – №1(15). – С. 106-112/

8. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс, К. Долджин. – СПб.: Питер, 2011. – 816 с.

9. Смирнов Б. А., Долгополова Е. В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях / Б. А. Смирнов, Е. В. Долгополова. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 290 с.

10. Тепеницына Т. И. К некоторым особенностям мыслительной деятельности детей подросткового и юношеского возраста // Вопросы психологии познавательной деятельности. – М., 1977. – 177 с.

11. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности / Д. И. Фельдштейн. – М.: МПСИ, Флинта, 1999. – 672 с.

12. Экспериментальная психология / Под общей ред. Е. С. Романовой. – СПб.: Питер, 2007. – 496 с.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 81-119
ББК 81. 02
Медиалингвистика

филология

ФУНКЦИИ КАТЕГОРИИ РЕТРОСПЕКЦИИ В МЕДИАЛИНГВИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ ГЕРМАНИИ)

Кандидат филологических наук Т. А. Ленкова

В статье впервые предпринята попытка рассмотрения текстообразующей категории «ретроспекция» в рамках письменного массмедийного дискурса. Автор предлагает, во-первых, несколько по-иному взглянуть на роль ретроспекции в публицистике, и, во-вторых, на обсуждение выносится авторский вариант классификации функций указанной категории в письменном дискурсе СМИ.

Ключевые слова
Ретроспекция, ретрокогниция, медиадискурс

В последние десятилетия многие вопросы языкознания заново переосмысливаются и начинают рассматриваться значительно шире, чем это было ранее, а именно, на междисциплинарном уровне. Само название «медиалингвистика» указывает на междисциплинарное происхождение, отношение, как к филологии, так и к журналистике. Стремительное развитие медиалингвистики связано с аккумуляцией знаний не только «наук-прародительниц», но и таких сфер, как психология, психолингвистика, когнитология. Именно в этой связи и будет предпринята попытка описания текстообразующей категории ретроспекции в медиатексте.

Категория ретроспекции многократно подвергалась исследованию, но, в основном, на материале художественной литературы [1, 9]. Я. А. Чиговская-Назарова предприняла попытку описания вышеуказанной категории в научном тексте [8]. Категория ретроспекции, по мнению Я. А. Чиговской-Назаровой, несёт ответственность в тексте как за понятийно-интерпретационный план, так и за осознание адресатом взаимообусловленности содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, высвечивает зависимость и взаимосвязь дискретных частей целого, тем самым способствует адекватности понимания авторской концепции, нового знания [8].

Категория ретроспекции применима, на наш взгляд, к любому функциональному стилю. Не теряя своей сущности, она будет проявляться по-новому, служить достижению тех целей, которые свойственны данному конкретному функциональному стилю. Обращение к ретроспекции в текстах средств массовой информации

представляется новым и актуальным, поскольку практически не существует работ, посвящённых именно этой тематике.

В словарях по психологии ретроспекция раскрывается, во-первых, как «припоминание и анализ лично наблюдавшихся событий, собственных действий и переживаний, рассказ о них», во-вторых, как особый метод наблюдения (с фиксацией фактов по памяти) и самонаблюдения, причём существует точка зрения, что самонаблюдение (интроспекция) всегда в той или иной степени ретроспекция [10], в-третьих, как мысленное выстраивание в определённый временной ряд прошедших событий жизни [11]. Интересным представляется упоминание в большом изотерическом справочнике синонима к термину «ретроспекция» – «ретрокогниция» [12]. Занимающая нас категория может быть разделена на две части (для нас это именно разные части одного целого, а не синонимы): «ретроспекция» имеет большее отношение к автору материала, ведь это именно он «заглядывает» в прошлое с тем, чтобы читатель с помощью «ретрокогниции», то есть познания прошлого, смог полнее проникнуть в замысел журналиста.

И. Р. Гальперин справедливо полагает, что текст большого объёма, развёртываясь во времени и пространстве, не всегда выдерживает строгую последовательность в изложении фактов и событий. Поэтому текст не может избежать прерывистости. Не будем забывать о том, что, прежде всего, имеется в виду художественный текст, мы же фокусируем внимание на медийном тексте, как правило, разительно отличающемся от художественного и объёмом, и сравнительно небольшим разбросом во времени и пространстве. Следовательно, если в художественном тексте категория ретроспекции используется для структурирования композиции, то в текстах массмедиа правомерно предположить несколько иные функции данной текстообразующей категории.

Практически каждый текст основан на ретроспекции, так как последовательное накопление информации невозможно без удержания в памяти информации, полученной ранее. Ретроспекция как категория текста предполагает целенаправленное действие со стороны автора. В его власти заставить читателя вызвать из памяти факты, которые должны быть актуализованы.

Мы предполагаем, что относительно текстов средств массовой информации ретроспекция несёт не только структурирующую функцию, но и призвана служить более глубокому и точному проникновению в смысл высказывания.

При восприятии текстов СМИ возникает, как правило, одна серьёзная проблема. Ещё несколько десятилетий назад мир не был так сильно глобализирован, как мы наблюдаем это сейчас. В современном обществе сотрудники ведущих качественных изданий должны помнить о том, что их продукция входит в международный медиапоток. Это касается не только Интернет-изданий, но и традиционной печатной прессы. Таким образом, автор при создании материала вынужден ориентироваться как на среднестатистического представителя своей этнической группы, так и на иностранного читателя.

Язык СМИ «устаревает» быстрее, чем язык художественной литературы. Таким образом, даже внутри своей родной культуры возможен разрыв, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения не помнят, не знают и не понимают культуры своих предков. Чем разительнее перемены, тем нужнее специальный комментарий, восполняющий пробелы в культурных знаниях. Именно категории ретроспекции, на наш взгляд, и отводится эта функция – «помочь вспомнить и помочь понять».

Относительно текстов массмедиа целесообразно, вероятно, говорить о том, что такие текстовые категории, как вертикальный контекст / фоновые знания, интертекстуальность, а также прецедентные

тексты, служат источниками ретроспекции. В соответствии с этим можно было бы дифференцировать ретроспекцию несколько иначе, чем это было принято ранее, а именно на ретроспекцию вертикального контекста или фоновых знаний, ретроспекцию интетекстуальности и ретроспекцию прецедентности.

Надрегиональная германская газета Frankfurter Allgemeine Zeitung, начиная с марта текущего года, публикует множество материалов, посвящённых землетрясению в Японии и связанными с этим последствиям. 12 мая 2011 года редакция опубликовала на своих страницах в разделе «Дебаты» сразу две статьи на тему недавно произошедшей аварии на атомной станции в Японии «Fataler Optimismus» и «Sie nennen es Hysterie». Статьи имеют подзаголовки Die Welt nach Fuku-shima и Fukushima und die Deutschen. Материалы следуют непосредственно один за другим, связаны тематически. Учитывая предыдущие выпуски газеты, можно говорить о несомненной интертекстуальности.

В первой статье проблема аварии рассматривается более широко, так сказать, на мировом уровне. Ретроспективные элементы (D?dalus und Ikarus – легенда о Дедале и Икаре), используемые автором, конечно, не только с целью ретроспекции, но и с целью сопоставления произошедших событий, показывают, какое огромное значение придаётся катастрофе на атомной станции в мире. Пример, приведённый ниже, является, на наш взгляд, ретроспекцией прецедентности, так основан на памятнике мировой культуры.

Пример 1. Mit dem bemuhten Bild von D?dalus und Ikarus und dem daraus gezogenen Schluss, bei der Weiterentwick- lung der regenerativen Energien «zwischen Meer und Sonne die richtige Mitte zu halten», konnte Radkau nicht uberzeugen.

Во втором материале внимание сосредоточено на последствиях взрыва на станции Фукусима – 1 для Германии, ретроспекция в этом случае более «приземлённая» по сравнению с вышеупомянутой, максимально приближена к нашему времени – Tschernobyl (Чернобыль). Данный вид ретроспекции относится к ретроспекции фоновых знаний.

Пример 2. Nach Tschernobyl wurde jeder, der anderer Meinung war, sofort einem politischen Interessen-Lager zugerechnet. … Das gut dialektische Gefuhl der meisten Menschen, die sich nicht auf eine Seite schlagen wollten, sagte ihnen, dass sich aus dem Konflikt der beiden Welten die Synthese ergebe.

Д. С. Лихачёв писал о том, что литературные произведения воспринимаются на фоне реальности и в связи с ней, реальность – это комментарий к произведению, его объяснение [6]. Для целостного и адекватного восприятия текста необходимы вертикальный контекст или фоновые знания. И. В. Гюббенет отмечала, что вертикальный контекст – это весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения, знание которых необходимо для того, чтобы произведение могло бы быть воспринято читателями разных стран и эпох [2].

В текстах СМИ ретроспекция наиболее часто представлена нераспространёнными элементами, как Tschernobyl. Однако встречаются и более распространённые ретроспективные вкрапления:

Пример 3. Die Deutschen wurden nicht nach 9/11 hysterisch, und sie wurden es nicht, als im Laufe der Finanzkrise Josef Acker- mann von einer «drohenden Kernsch- melze» sprach, obwohl mit der Angst um das Geld eine der tiefsten Traumatisierungen ihrer Geschichte angesprochen wurde.

В современной научной литературе всё чаще и чаще обосновывается необходимость объяснения социокультурного фона классических произведений [7]. Социокультурный комментарий имеет своей целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог. На наш взгляд, о социокультурном ком-

ментарии уместно говорить не только применительно к художественной литературе, но и относительно языка СМИ. Подобный комментарий необходим и полезен не только иностранному читателю, но и отечественному. Так, например, не только иностранные читатели, но и некоторые коренные немцы, особенно представители молодого поколения, не смогут понять, что подразумевалось автором статьи «Sie nennen es Hysterie», когда он проводил ретроспективное сравнение и указывал на события *nach 9/11*, говорил о финансовом кризисе и упоминал Йозефа Акермана. Сейчас у всех на слуху Фукусима, но далеко не все читатели ответят, зачем понадобилось писать о Чернобыле.

Общество стремительно развивается и вместе с ним культура: место прежних фоновых знаний постепенно занимают другие, то же относится и к прецедентным текстам. К сожалению, с бурно развивающимся техническим прогрессом в обществе наблюдается тенденция к постепенному снижению общего образовательного уровня. Объём хрестоматийной, энциклопедической информации, общезначимой для всего или почти всего общества, уменьшается с каждым годом. «Национальная память», запечатлённая в прецедентных текстах неуклонно падает: это относится и к классическим литературным произведениям, и к театральным представлениям, кино, даже к сказкам.

С одной стороны, жаль терять элементы культурного наследия, но, с другой стороны, видимо, без этого не обойтись. В каждый историко-временной период существуют свои прецедентные тексты, наиболее значимые именно на данном этапе развития социума. Вероятно, в какой-то момент они обретают абсолютную прецедентность (если о таковой можно говорить), то есть в определённый промежуток времени они известны большинству членов общества.

Из всего сказанного следует единственно возможный вывод о том, что категория ретроспекции всегда будет востребована, авторы будут возвращаться к ней снова и снова, чтобы помочь читателю постичь смысл произведения и донести свою авторскую позицию. Если сегодня журналист, не задумываясь пишет о недавнем противостоянии двух мировых держав (*...aus dem Konflikt der beiden Welten...*), то пройдёт ещё каких-нибудь десять лет и без обращения к ретроспективному комментарию будет просто не обойтись, иначе автор потерпит коммуникативное фиаско.

В научной литературе встречаются классификации категории ретроспекции, но они не относятся напрямую к языку СМИ. Мы предпринимаем одну из первых попыток подобной классификации именно на материале массмедийных текстов, не претендуя на абсолютную правильность и завершённость.

В основу классификации, как было уже упомянуто ранее, может быть положен источник ретроспекции. В соответствии с источником ретроспекция может быть интертекстуальной, прецедентной и ретроспекцией фоновых знаний.

Следующий критерий – объём ретроспективной информации, согласно которому ретроспекция подразделяется на не распространённую и распространённую.

Третьим критерием для классификации категории ретроспекции мы предлагаем считать пространственно-временное отношение преподносимой информации к моменту действительности, то есть насколько удалена / приближена ретроспекция к нашим дням и нашим интересам.

Пример 4. Das klingt nach Weimar.

Es gibt einen sehr wichtigen Unterschied: Die deutsche Gesellschaft der Weimarer Republik war noch keine moderne, sozio- logisch demokratische Gesellschaft. Das ist in Ungarn ganz anders. Die heutigen Ungarn sind pluralistisch, urban, modern, gebildet genug, um eine moderne demokratische Verfassung zu tragen. Die gegenwartige Situation hangt mit ideologischen Anachro- nismen zusammen, auf

beiden Seiten, aber vor allem bei der Rechten.

В примере 4 вводится не распространённая ретроспекция, отсылающая как граждан Германии, так и Венгрии в недавнее общее прошлое. Автор материала считает уместным и в настоящее время сравнить конституцию, принятую в прошлом веке, с современной, так как упоминание о Веймарской республике вызывает чаще всего негативные ассоциации, а Венгрия стремится стать сильным и самостоятельным государством. В данном случае ретроспективная информация удалена от нас примерно на сто лет, в примере с Чернобылем автор возвращает читателя на 25 лет назад. Однако ретроспективное вкрапление по поводу принимаемой венгерской конституции, её сравнение с конституцией прошлого века имеет, несомненно, разное значение для читателей – для венгра и немца (может быть) это актуально и насущно, а американский читатель не придаст подобному ретроспективному экскурсу ни малейшего значения.

Следующий критерий классификации – форма выражения – является, на наш взгляд, особенностью языка средств массовой информации. Соответственно форме выражения ретроспекция может быть либо вербальной, либо иконической, либо синтезом этих двух форм. Вербальная форма выражения категории ретроспекции привычна и традиционна. Газета же обладает возможностью «напомнить» читателю о тех или иных событиях с помощью иллюстраций, фотоснимков, схем. Подобная ретроспекция почти никогда не нуждается в дополнительном социокультурном комментарии, она чрезвычайно доходчива, экспрессивна и экономична. Возможность использования иконической ретроспективной вставки, несомненно, привилегия текстов массмедиа.

Так в выпуске газеты Die Zeit от 11 декабря 2008 года прошёл материал под названием *Dieses Jahrzehnt begann in Manhattan (Этот век начался на Манхэттене)*. После печально известных событий 11 сентября прошло уже довольно много лет, вербальная часть статьи посвящена последствиям взрыва, сегодняшним настроениям американцев. Иконическая же составляющая отправляет нас непосредственно к моменту трагедии, читатель видит клубы дыма над башнями, перекошенные ужасом лица убегающих людей. Подобный вид ретроспекции мгновенно освежает фоновые знания читателя и наилучшим образом готовит к восприятию вербального текста.

К сожалению, при создании материалов, особенно информационных жанров и потенциально предназначенных не только и не столько для своей аудитории, возникают моменты клишированной подачи сообщения, ситуации манипулирования собственной аудиторией и идеологически обусловленного преподнесения противоположной стороны. В этом случае ретроспекция сама является «поставщиком» штампов и клише для газетных полос.

Т. Г. Добросклонская упоминает о лингвомедийных технологиях создания образов и стереотипов [3]. Одним из результатов взаимодействия культур в сфере массовой информации является распространение устойчивых образов и стереотипов о жизни других стран и народов. Технологии подобного рода тесно связаны с концепцией информационной цепочки, для создания которой огромное значение имеет первое звено – отбор фактов для последующего освещения. Отбор фактов всегда обусловлен и определённой идеологией, и особенностями национального мировосприятия. В чужой культуре мы ищем то, что соответствует нашему традиционному знанию о той или иной стране.

Исследовательница предлагает выделение в концепции культурологического контекста следующих уровней [3]:

1. денотативного, когда культурозначимые сведения выражены в прямой эксплицитной форме;

2. коннотативного, на котором культуроспецифичная информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях;

3. ассоциативного, когда культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических и фразеологических единиц;

4. метафорического, объединяющего культуроспецифичные сведения, отражённые в метафорах, сравнениях, образах, присущих тому или иному языковому коллективу.

Для нас в предложенной системе наиболее заинтересовали денотативный и метафорический уровни.

Денотативный культурологический аспект представлен словами и словосочетаниями, обозначающими реалии, свойственные той или иной культуре, это могут быть имена известных людей, исторических мест, памятников архитектуры. Значение подобных лексических единиц, относящихся к денотативному уровню, разъясняется в страноведческих словарях, составляя основу знания о быте того или иного этноса. Понимание одних культуроспецифических единиц в текстах масс-медиа не вызывает затруднений, на них часто базируются, например, новостные или рекламные ролики. Другие же слова и словосочетания могут быть адекватно поняты только при наличии соответствующего фонового знания. Попадая в сферу международного медиапотока, некоторые лексические единицы денотативного уровня снабжаются разъяснениями, предназначенными именно для международной аудитории.

Метафорический культурологический контекст наиболее сложен для понимания. Он объединяет культуроспецифичные единицы, заимствованные из текстов, ставших неотъемлемой частью национальной культуры: цитаты из литературных произведений, фразеологические обороты, слова из песен и так далее. Тексты СМИ содержат огромное количество единиц такого рода. Их можно встретить почти во всех типах медийных текстов, за некоторым исключением новостных. У культуроспецических единиц метафорического уровня есть одна очень интересная особенность – они способны передавать основную идею в сравнительно короткой и яркой, запоминающейся форме. Это свойство используется журналистами в заголовках, разного рода слоганах. Одна, однажды удачно написанная фраза, может мгновенно распространиться на огромное число медийных материалов и использоваться в совершенно разных контекстах, абсолютно отличных от «оригинала».

На наш взгляд, денотативные лексические единицы находятся в процессе вхождения в категорию ретроспекции, а метафорические единицы уже стали её частью.

Подводя итоги, следует подчеркнуть следующее. В средствах массовой информации категория ретроспекции проявляется несколько иначе, чем в художественной и научной литературе. Ретроспекция служит как структурированию данных, так и связанному с этим более глубокому проникновению в замысел автора. Ретроспекция в СМИ делает информацию понятной не только отечественному читателю, но и доступной иностранному реципиенту. Иными словами, ретроспекция информирует, образовывает и глобализирует.

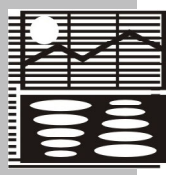
«Экскурс в прошлое», на наш взгляд, можно считать оправданным и успешным, если сошлись воедино две его составляющие – ретроспекция и ретрокогниция, – если ретроспективный комментарий действительно способствовал познанию.

В статье предпринята попытка классифицировать ретроспекцию именно в рамках языка СМИ, но данная классификация не является бесспорной и нуждается в дальнейшей доработке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2007. – 144 с.
2. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественных текстов. – М., 1991. – С. 39.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М., 2008. – 264 с.
4. Ленкова Т. А. Интерпретирующий язык креолизованных текстов: семиотический аспект (на материале современной прессы Германии) // Вестник ЧелГУ. – 2010. – Вып. 42. – № 11. – С. 74-77.
5. Ленкова Т. А. Полидискурсивность как специфика печатного репортажа // Российский научный журнал. – 2010. – №3(16). – С. 109-116.
6. Лихачёв Д. С. О филологии. М., 1987. – С. 221.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2008. – 352 с.
8. Чиговская-Назарова Я. А. Текстообразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 6. – С. 31-34.
9. Федотова О. С. Соотношение проспекции, ретроспекции и интроспекции // Российский научный журнал. – 2010. – №3(16). – С. 123-130.
10. www.psyhodic.ru/re
11. www.psychologist.ru/...
12. www.ezoero.ru/...3896.html

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, г. РОСТОВ-НА-ДОНУ



УДК 339.564+339.9.012.23
ББК 65.59

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

М. А. Афанасьев

В статье раскрываются значение и роль государственного информационно-аналитического сопровождения предприятий национального внешнеэкономического комплекса (ВЭК), а также анализируются зарубежные механизмы сопровождения деятельности предприятий ВЭК. Зарубежный опыт представляет значительный интерес для разработки оптимальной модели государственного информационно-аналитического сопровождения предприятий национального внешнеэкономического комплекса.

Ключевые слова
Сопровождение национального бизнеса за рубежом, взаимодействие государства и бизнеса, государственная поддержка экспорта, зарубежный опыт информационного сопровождения экспорта, внешнеэкономический комплекс

Начавшийся в 2008 г. мировой финансовый и экономический кризис ускорил изменение парадигмы конкурентоспособности, связанное в первую очередь с изменением характера глобализации и становлением глобального информационного общества, а также оказал существенное влияние на архитектуру внешнеэкономических связей мирового рынка товаров и услуг [1. С. 9]. В масштабах России, волны кризисных явлений в мировой экономике и сохраняющаяся высокая нестабильность увеличили отставание страны по таким экономическим показателям, как ВВП на душу населения, уровень производительности труда, обострили проблему низкой инвестиционной привлекательности страны [2], а также выявили острую необходимость модернизации национальной экономики, повышения её конкурентоспособности в условиях меняющейся мировой экономической конъюнктуры.

Как в период наиболее острых кризисных явлений в экономике, так и в более благоприятные периоды сохраняется стремление России к переходу на инновационный путь развития, оперативному решению задач догоняющего и опережающего развития. В частности, политическое руководство страны ставит перед собой задачу качественно изменить структуру экспорта, расширить его номенклатуру и рассматривает поддержку экспорта в качестве долгосрочного стратегического ориентира для повышения конкурентоспособности России на мировых рынках. Создание институциональных усло-

вий для выхода российских предприятий на зарубежные рынки и содействие их успешной внешнеторговой деятельности рассматривается на государственном уровне как важный фактор повышения конкурентоспособности национальной экономики.

В последнее время повышенное (однако, по-прежнему, недостаточное) внимание уделяется налаживанию взаимодействия органов исполнительной власти с предприятиями, входящими в национальный внешнеэкономический комплекс. Важность данной задачи для долгосрочного экономического развития России отражена в государственных доктринах и стратегических концепциях экономического и социального развития [3]. Говоря об институциональной структуре, следует отметить создание в 2008 г. при Правительстве Российской Федерации Совета по конкурентоспособности и предпринимательству, одной из задач которого является укрепление конкурентных позиций российских организаций на внешнем и внутреннем рынках.

Однако, несмотря на наличие стратегических ориентиров государственной экономической политики и соответствующих институтов, масштабы и эффективность взаимодействия государства и бизнеса в указанной сфере пока не соответствует заявленным задачам. В экономической науке также ощущается отсутствие достаточной теоретической базы в отношении инструментов, позволяющих государству эффективно оказывать содействие укреплению конкурентных позиций национальных экономических агентов за рубежом. Логично предположить, что систематизация опыта ведущих мировых стран-экспортеров является первичной задачей на пути к разработке и внедрению на национальном уровне эффективного инструментария государственной поддержки предприятий, входящих в национальный экономический комплекс.

Представляется, что помимо действующего организационно-правового механизма государственной поддержки и защиты интересов российских экспортеров на внешних рынках такого рода инструментарий должен включать также и механизм информационно-аналитического сопровождения национальных экономических агентов за рубежом, важнейшей функцией которого стало бы обеспечение предприятий национального экономического комплекса актуальной конкурентной информацией и аналитикой на постоянной основе.

Очевидно, что формирование указанного механизма должно происходить на основе эффективной модели взаимодействия государственных органов исполнительной власти и предприятий, входящих в российский внешнеэкономический комплекс, а также малых и средних предприятий, имеющих экспортный потенциал и стремящихся выйти на внешние рынки. В этом контексте зарубежные механизмы информационно-аналитического сопровождения бизнеса на внешних рынках, а именно опыт решения указанной задачи в развитых странах, занимающих лидирующие позиции в Индексе глобальной конкурентоспособности [4] и являющихся ведущими странами-экспортерами [5], представляют особый интерес.

В ходе исследования был проведен анализ опыта разработки и внедрения механизмов информационного и аналитического сопровождения внешнеэкономической деятельности национальных предприятий в более чем 30 государствах, занимающих лидирующие позиции в вышеуказанных рейтингах. Проведенный анализ учитывал результаты исследования Всемирного банка (2006) [6. С. 16], согласно которому государственные программы содействия экспорту в целом имеют «сильное и ощутимое с точки зрения статистики влияние на объемы экспорта», а также принимал во внимание влияние мирового экономического кризиса на показатели экспорта. Среди стран-лидеров

указанных рейтингов были выявлены наиболее эффективные механизмы информационно-аналитического сопровождения национальных экономических агентов за рубежом, объединенные общей моделью. В частности, особого внимания заслуживают государственные программы, разработанные и внедренные в Германии, Швейцарии и США.

Германия представляет собой один из примеров эффективного взаимодействия органов исполнительной власти с экспортоориентированными предприятиями. В федеральном правительстве преобладает точка зрения, что содействие национального бизнеса за рубежом необходимо и способно улучшить стартовые условия и долгосрочные конкурентные позиции предприятий при выходе на внешние рынки.

Германское правительство и национальный бизнес находятся в постоянном тесном сотрудничестве, позволяющем успешно содействовать продвижению компаний за рубежом, что находит свое отражение в национальной внешнеэкономической политике (на уровне государственных программ, деятельности министерств и ведомств).

В частности, в ФРГ на федеральном уровне реализуется межведомственная государственная стратегия содействия внешнеэкономической деятельности. В рамках стратегии Министерством иностранных дел и Министерством экономики и труда Германии осуществляется программа *Weltweit Aktiv* [7], в рамках которой предприятия внешнеэкономического комплекса ФРГ получают необходимую организационную, правовую и информационную поддержку при выходе на внешние рынки и в ходе внешнеэкономической деятельности. Информационно-аналитическую поддержку компаниям за рубежом оказывают как уполномоченные государственные органы, так и отраслевые ассоциации, специализированные некоммерческие организации.

Тремя основными столпами системы государственного содействия внешнеэкономической деятельности ФРГ являются:

- загранучреждения МИД ФРГ;
- германские торгово-промышленные палаты за рубежом, представительства Министерства промышленности и торговли ФРГ;
- Государственное бюро по торговле и инвестициям (GTaI mbH).

Каждая из перечисленных организаций присутствует на ключевых экспортных рынках мира.

Важнейшей задачей загранучреждений Министерства иностранных дел Германии (220 посольств и генеральных консульств по всему миру) состоит в представлении интересов Германии, в том числе в экономической сфере. Зарубежные представительства активно консультируют германские компании, оказывают им необходимое содействие в установлении деловых контактов и поддержку во взаимодействии с органами власти на различных уровнях, а также помогают упростить доступ на внешние рынки. В каждом посольстве и консульстве существует, по меньшей мере, одно контактное лицо, с которым представители бизнеса могут связаться в целях получения поддержки по вопросам внешней торговли, а также работают сотрудники других министерств, задача которых заключается в оказании экспертной помощи в таких областях как экономика, сельское хозяйство, наука и образование, устойчивое развитие, финансы или социальная сфера. Заинтересованные в выходе на внешний рынок компании могут напрямую связываться с загранучреждениями или обращаться в центральный аппарат МИД ФРГ.

Вышеперечисленные особенности существенно отличают загранучреждения и центральный аппарат МИД Германии от министерств иностранных дел и торговых представительств многих других развитых и развивающихся стран, где указанные учреждения демонстрируют значительную информационную закрытость, отсут-

ствие оперативности в обработке входящей информации, отсталость в сфере информационных технологий, отсутствие и закрытость баз данных внешнеэкономической информации, отсутствие в штате загранучреждения узких специалистов из других национальных министерств, формальный подход к обращениям предприятий национального внешнеэкономического комплекса, ограниченность возможностей консультирования бизнеса стандартными форматом упрощенных и зачастую устаревших информационных справок, высокую степень бюрократизации процессов, а также сопротивление изменениям.

Говоря о роли торгово-промышленных палат, германские ТПП за рубежом и Министерство промышленности и торговли Германии также занимаются содействием внешней торговле и оказывают необходимую поддержку как членам ТПП, так и любым неассоциированным с ними национальным предприятиям. В технологический инструментарий поддержки внешней торговли со стороны торгово-промышленных палат Германии за рубежом входит платный информационный сервис *DEinternational* [8], дающий немецким компаниям доступ к широкому спектру информационных и аналитических материалов по различным тематикам. Таким образом, для немецких компаний в поиске новых возможностей ведения бизнеса за рубежом государством создаются дополнительные преимущества.

Следует особо отметить, что в Германии относительно недавно появился новый институт сопровождения национального бизнеса за рубежом – Бюро по торговле и инвестициям GTaI (Germany Trade and Invest mbH), преобразованное из бывшего федерального агентства Министерства экономики и технологий в компанию со стопроцентным государственным участием. С 1 января 2009 г. Бюро предоставляет немецким компаниям любые виды бизнес-информации, позволяющей им быстрее находить новые рынки и выходить на них со своей продукцией. Указанная структура обеспечивает предприятия ВЭК Германии доступом к различным информационно-аналитическим системам конкурентной информации, сформированным при участии десятков институтов внешней торговли ФРГ, и предлагают доступ к колоссальным объемам информации о закупках и тендерах, аналитическим докладам об экономической ситуации в странах и о положении дел в отраслях, анализу рынков, правовой информации об импорте зарубежной продукции. Все указанные, а также другие специализированные виды информации и аналитические материалы крайне востребованы германскимии предприятиями и организациями, занятыми в сфере внешней торговли.

Весь перечисленный инструментарий активно используется Бюро в целях информационно-аналитической поддержки германских компаний, в особенности малых и средних предприятий, на этапе выхода на зарубежные рынки, а также в целях повышения инвестиционной привлекательности Германии за рубежом.

Аналогичная модель информационно-аналитической поддержки национального бизнеса за рубежом действует в Швейцарии, где она фактически имеет статус отдельного направления государственной экономической политики. В частности, помимо 150 загранучреждений Федерального департамента иностранных дел (ФДИД), обеспечивающих информационной и консультативной поддержкой национальные компании, в Швейцарии существует своего рода аналог немецкой GTaI – организация OSEC Business Network Switzerland [9]. Создание OSEC стало попыткой на федеральном уровне повысить координацию в сфере содействия внешнеэкономической деятельности и поднять инвестиционную привлекательность Швейцарии за рубежом, по-

этому решением парламента Швейцарии от 1 января 2008 г. OSEC стала структурой, основная задача которой состоит в содействии внешнеэкономической деятельности компаний-резидентов Швейцарии, оказание им информационно-аналитической, правовой и иной поддержки при выходе на внешние рынки, а также повышение инвестиционной привлекательности Швейцарии за рубежом.

В частности, в рамках представительств OSEC за рубежом предприятиям предлагается широкий перечень услуг, включающих информационную и аналитическую поддержку бизнеса, организацию встреч с зарубежными деловыми партнерами, посреднические и др. Представительства в перманентном режиме собирают, анализируют и предоставляют национальным экономическим агентам Швейцарии за рубежом актуальную информацию о состоянии зарубежных рынков, следят за изменениями законодательства, способными повлиять на конкурентную ситуацию. При этом подавляющее большинство представительств OSEC за рубежом интегрированы в структуру официальных представительств ФДИД Швейцарии, что позволяет ещё больше повысить эффективность взаимодействия государства и бизнеса, позволяя избавиться от бюрократизации. В целом, весь комплекс мер информационного, аналитического и правового обеспечения швейцарских компаний направлен на содействие их успешному выходу на зарубежные рынки, при этом особое внимание, так же как и в Германии, уделяется малым и средним предприятиям, имеющим экспортный потенциал.

В свою очередь, в Соединенных Штатах Америки в рамках Национальной экспортной инициативы [10], представленной Президентом Б. Обамой в январе 2010 г. в ежегодном Послании Конгрессу США, оказание содействия национальным предприятиям, в первую очередь малому и среднему бизнесу, в выходе на внешние рынки было сформулировано как одна из важнейших государственных задач и одновременно перспективная антикризисная мера. Важно отметить, что помимо финансовых и правовых инструментов стимулирования экспорта Инициатива включила в себя планы по совершенствованию механизма предоставления доступа к внешнеторговой информации и консультированию: первым из пяти ключевых направлений Инициативы Президента США называются организационные и консультативные методы содействия экспорту [11].

В США в настоящее время на уровне министерств и ведомств осуществляется разработка и внедрение на национальном уровне механизма оказания информационной и консультативной помощи компаниям-резидентам в связи с выходом на внешние рынки, содействия им в поиске новых клиентов и партнеров, а также расширения их сбытовых сетей и обеспечения их интересов за рубежом. Роль загранучреждений Госдепартамента США в рамках Инициативы заключается в сборе и предоставлении критически важной для бизнеса информации о национальных рынках, содействии в разрешении коммерческих и инвестиционных споров и оказании консультативной поддержки компаниям при выходе на новые рынки. Показательно также и то, что в 2010 г. при Президенте США был создан Совет по содействию экспорту, который регулярно отчитывается перед Б. Обамой об успехах Инициативы.

В своем отчете 31 марта 2011 г. Президент США подвел промежуточные итоги Инициативы: согласно статистике [12. С. 1], приведенной в отчете, в США значительно повысились эффективность продвижения экспорта и международного экономического сотрудничества. Примечательно, что Президент США особо отметил, что «экспорт не может расти сам по себе». Данный факт подчеркивает особое и нетипично высокое для США вни-

мание к государственной поддержке экспорта и внешнеэкономической деятельности страны в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что руководство США в настоящее время рассматривает информационно-аналитическое сопровождение внешнеэкономической деятельности как важнейший элемент содействия экспорту национальной продукции, существенный фактор экономического роста и важный инструмент повышения национальной конкурентоспособности.

Приведенные выше механизмы информационно-аналитического сопровождения внешнеэкономического комплекса, безусловно, имеют организационные отличия. В Германии функционирует самостоятельная государственная стратегия, в Швейцарии – направление внешнеэкономической политики и долгосрочных государственных программ по стимулированию экспорта, в США – президентская Инициатива. При этом соответствующий механизм информационно-аналитической поддержки экспорта в каждой из стран сформирован на основе схожих моделей.

Все перечисленные национальные программы содействия экспорту имеют аналогичные функции – это информационно-аналитическая и организационно-методическая поддержка экспортоориентированных предприятий, в особенности малого и среднего бизнеса, при выходе на зарубежные рынки и в ходе осуществления экономической деятельности за рубежом. Следует особо отметить, что важнейшими чертами указанных национальных программ в ведущих странах-экспортерах являются высокая степень координации работы министерств и ведомств в целях обеспечения экономической экспансии на зарубежные рынки, наличие комплексных стратегий и механизмов содействия экспорту и экономической деятельности национальных предприятий за рубежом.

Таким образом, в странах-экспортерах, ведущих борьбу за лидерство в Индексе глобальной конкурентоспособности, сформированы, внедрены и постоянно совершенствуются организационно-методические механизмы поддержки внешнеэкономической деятельности, включающие информационно-аналитическое сопровождение национальных экономических агентов при выходе на внешние рынки и в ходе осуществления внешнеэкономической деятельности за рубежом. Очевидно, что путем создания такого рода инициатив и программ национальные правительства реагируют на вызовы глобализации и изменения в архитектуре внешнеэкономических связей, в том числе порожденные мировым финансово-экономическим кризисом и сохраняющейся глобальной нестабильностью.

В условиях повышенного внимания высшего политического руководства России [13] к продвижению российской продукции и услуг на мировых рынках анализ зарубежного опыта может быть полезен для разработки механизма информационно-аналитического сопровождения национального внешнеэкономического комплекса России, создающего возможности для повышения международной конкурентоспособности российской экономики через содействие повышению конкурентоспособности национальных предприятий, осуществляющих или планирующих экспансию своих товаров и услуг на зарубежные рынки.

В частности, в России для этого имеются организационные (Совет по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ и др. структуры), функциональные (система загранучреждений МИД России, система торговых представительств Минэкономразвития, представительства ТПП и РСПП за рубежом и др. структуры), правовые (Концепция долгосрочного социального и экономического развития до 2020 г.) основы.

Представляется, что России необходи-

ма разработка комплексного, институционального механизма информационно-аналитического сопровождения и содействия внешнеторговой деятельности предприятий, входящих в национальный внешнеэкономический комплекс.

Достижение указанной цели потребовало бы значительного повышения координации деятельности МИД России, Минэкономразвития, Торгово-промышленной палаты России и Российского союза промышленников и предпринимателей – и создания на основе их функциональных возможностей и с учетом оптимальной модели эффективного, современного механизма информационно-аналитического сопровождения российских предприятий при их выходе на зарубежные рынки и ведении внешнеэкономической деятельности за рубежом. При этом разработка указанного механизма на государственном уровне не должна сводиться исключительно к формальному совершенствованию программных средств и систем внешнеэкономической информации, но осуществляться в рамках комплексного подхода.

Эта задача представляется особенно актуальной в контексте того, что ведущие представители российского бизнеса все чаще говорят о необходимости совершенствования в России организационно-функционального механизма взаимодействия государства и бизнеса во внешнеторговой деятельности. В деловых кругах широко признается, что в экспансии на внешние рынки должны быть заинтересованы и государство, и бизнес.

В то же время, в работах российских ученых государственная поддержка экспорта и ВЭД в целом традиционно рассматривается как аспект финансово-кредитной политики государства, а совершенствование системы традиционно сводится к тарифным методам. При этом государственной информационно-аналитической поддержке экспорта и ВЭД в целом незаслуженно уделяется незначительное внимание.

Необходимо также отметить, что важнейшей концептуальной основой для продвижения российский продукции и услуг на мировых рынках может служить уже существующая внешнеэкономическая стратегия страны. Несмотря на наличие определенных организационных и функциональных основ для решения вышеуказанной задачи, в настоящее время в России отсутствует комплексный механизм информационно-аналитического сопровождения национального бизнеса за рубежом.

Представляется, что разработка и внедрение указанного механизма на уровне внешнеэкономического комплекса смогли бы наполнить Стратегию внешнеэкономической деятельности России дополнительным реальным содержанием, помочь России повысить свою международную конкурентоспособность, расширить масштабы внешнеторговой деятельности, а также создать основу для внешнеторговой экспансии посткризисной России на зарубежные рынки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Платонова И. Н. Формирование новой архитектуры внешнеэкономических связей в условиях глобального финансово-экономического кризиса // Совершенствование архитектуры внешнеэкономических связей и повышение международной конкурентоспособности России: материалы международной научно-практической конференции. МГИМО (У) МИД России / Под общ. ред. И. Н. Платоновой. – С. 9.

2. Стенограмма расширенного заседания Экспертной группы № 20 по актуальным проблемам концепции долгосрочного развития страны до 2020 года по направлению «Международная позиция России: экономические ориентиры». 15.04.2011. – URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=0b7d9262-9445-4524-b56e-f81fae5d4e5e&print=1

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009). – URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009

4. Global Competitiveness Report 2010-2011, World Economic Forum. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf

5. World Trade Organization International Trade Statistics.WTO 2010 Press Release 598. 26 March 2010. – http://www.wto.org/english/news_e/pres10_e/pr598_e.htm

6. Export promotion agencies: what works and what doesn't http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IW3P/IB/2007/03/23/000016406_20070323095724/Rendered/PDF/wps4044.pdf

7. В переводе с нем. «Глобальная [экономическая] активность».

8. Информационный портал DEinternational. – URL: http://www.deinternational.de

9. Информационный портал OSEC Business Network Switzerland. – URL: http://www.osec.ch

10. Executive Order of the President of the United States – National Export Initiative. The White House. Office of the Press Secretary. March 11, 2010. – URL: http://www.whitehouse. gov/the-press-office/executive-order-national-export-initiative

11. Remarks by the President in State of the Union Address. The White House. Office of the Press Secretary. January 27, 2010. – URL: http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-state-union-address

12. Progress Report on the National Export Initiative. – URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/exports_progress_report.pdf

13. «Нам нужно координировать действия по привлечению инвестиций, в том числе и для создания в России центров ведущих технологических компаний мира, и по продвижению российской продукции и услуг на мировых рынках». Президент Российской Федерации Д. А. Медведев. Выдержка из стенографического отчета о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. Санкт-Петербург, 19 июня 2010 г. – URL: http://news.kremlin.ru/transcripts/8110

**РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА
КАФЕДРА ЭПИДЕМИОЛОГИИ**

медицина

УДК 159.9+614.4+616.89
ББК 51.90+56.14+88.48

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ ЭПИДЕМИОЛОГИИ Ч. 2. ДИНАМИКА ДУХОВНОЙ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

(Эпидемиологический анализ и математическое моделирование на примере преступности военнослужащих)

Кандидат медицинских наук В. И. Власов

В статье приведены результаты практического применения базовых теоретических положений эпидемиологии информации (духовной эпидемиологии) и эпидемиологического метода к изучению преступности как духовной заболеваемости населения по опубликованным в открытой печати данным официальной регистрации. Рассмотрена многолетняя динамика эпидемического процесса преступности военнослужащих Вооруженных Сил бывшего СССР как особо опасной формы духовной заболеваемости криминального характера специально организованных групп населения, зарегистрированная в период 1949-1991 гг. Исследована многолетняя динамика основных видов преступности военнослужащих суммарно при их одновременном распространении. Показано, что она имеет циклический характер со сложным набором ритмов с разными периодами колебаний и потому в силу выраженной волнообразности течения на протяжении нескольких десятков лет не имеет тенденции к устойчивому снижению в перспективе.

Ключевые слова
Классическая эпидемиология, духовная эпидемиология, духовная заболеваемость, динамика, тенденции, цикличность, инфекция, информация, дух, душа, тело, социальная патология, патогенность информации, медицина, психология, педагогика, криминология

Вводные замечания к проблеме

Актуальной проблемой криминологии, которой не придают должного значения представители этой науки, является **динамика преступности,** прежде всего, **цикличность** ее процесса. Преступность рассматривается нами как специфическая форма **социальной патологии** и как вид **духовной заболеваемости**, которая поражает не анатомическое тело внешнего человека, а саму суть его **природы**, заключенную во **внутреннем человеке**, представленном его душой и духом[1].

Преступность рассматривается нами как вид **духовно заразной** заболеваемости, имеющей эпидемическое распространение[2]. **Источником** духовной заразы как криминогенной **инфекции** является человек, сердце которого насыщено **крими-но-**

генной информацией, а внутренне убеждение и совесть[3] принимают преступный образ жизни как единственно верный по причине **духовной слепоты**. *Ибо из сердца человека исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления, – это оскверняет человека*[4].

Этот набор пороков составляет **«устойчивое ядро преступности: убийства, кражи, насилия, преступления против нравственности, против государства, против правосудия и ряд других»**[5]. В обществе, продолжает академик В. Н. Кудрявцев, через причинные связи **передается** не **материя** или **энергия**, как это имеет место в неживой природе, а главным образом **информация**. Причинные взаимосвязи здесь всегда проходят через **сознание** людей, что ведет к их **усложнению, …искажению, преобразованию**[6]. Очень верная мысль выдающегося российского криминолога.

А информация, в том числе, криминогенная **передается** в обществе по законам **духовной эпидемиологии**. **Передача** криминогенной информации от ее источников восприимчивым к ней людям формирует **«такие явления общественной жизни, которые порождают преступность, поддерживают ее существование, вызывают ее рост или снижение»**[7]. Рост и снижение преступности во времени формирует волнообразную динамику ее показателей, которая может иметь периодический (циклический) характер своего проявления. В эпидемиологии **явление** возникновения, распространения, течения и угасания заболеваемости в пространстве, времени и организмах (персональных и социальных) называется **эпидемическим процессом**. Он является основой самого существования любых заразных болезней в природе как вида патологии. С прекращением движения эпидемического процесса в пространстве, времени, организмах (персональных и социальных) прекращается передача возбудителей инфекции от ее источника реципиентам, прекращаются вызываемые ими болезни, исчезают сами возбудители как вид живого в природе, а вызываемая ими болезнь исчезает как нозологическая форма патологии человека (животных, растений, микроорганизмов). Таков закон репродукции живого вещества, энергии, информации, лежащий в основе соответствующего типа эпидемического процесса.

Интуитивно ощущая наличие **«таких явлений общественной жизни»** в криминологии, которые подобны явлению эпидемического процесса заразных болезней телесного состава человека в биологии и медицине, академик В. Н. Кудрявцев справедливо называет их **«причинами преступности»**[8].

Действие этих «явлений общественной жизни» осуществляется в рамках **педагогической формы эпидемического процесса** криминогенной **информации**[9] и вызывает «**рост** или **снижение**» уровней преступности, формируя динамику ее эпидемического процесса, о которой и ведется речь в данной статье.

С учетом изложенных соображений преступность следует рассматривать как особо опасную форму духовной заболеваемости населения, а **процесс** ее возникновения, распространения, течения и угасания в пространстве, времени, организмах (персональных и социальных) – как **эпидемический процесс преступности**. При этом динамика уровней преступности является итоговым выражением активности ее эпидемического процесса и важнейшим индикатором этой активности. В доступной нам криминологической литературе мы не нашли специальных исследований о **преступности** как **духовной заболеваемости** населения, **эпидемическом процессе преступности** как способе ее существования, **динамике эпидемического процесса преступности.**

В монографии выдающегося криминолога современности В. В. Лунеева[10], наи-

более полно отражающей мировую, союзную и российскую криминальную статистику, нет специального раздела, посвященного динамике преступности, ее цикличности, периодичности, математическому моделированию ее динамики. Хотя названная работа насыщена показателями динамики различных видов преступности за 30 и более лет, дающими обширный материал для такого рода исследований. При описании отдельных видов криминальных деяний вопросы их динамики освещаются без применения строгих вычислительных процедур анализа, моделирования и прогнозирования, учитывающих и выявляющих возможную цикличность этой формы духовной заболеваемости.

В современных учебниках криминологии также нет разделов, посвященных динамике преступности как информационно заразной формы духовной заболеваемости населения, углубленному математическому анализу, моделированию и прогнозированию этой патологии с учетом характера ее возможной цикличности[11]. В лучшем случае излагаются и применяются простейшие понятия, виды, методы прогнозирования линейных тенденций преступности как таковые.

В криминологии нет учения о **норме** и **патологии духовных** состояний **человека** и **общества**, о специальных объективных **процессах** возникновения, распространения, течения, угасания в пространстве, времени и организмах (персональных и социальных) различных форм криминальной патологии, важнейшей из которых является **преступность**. Видимо, поэтому нет понимания преступлений как результата активности **процесса** возникновения и распространения **информационно (духовно)** заразных болезней **внутреннего человека** как **личности**, характерных для популяционного уровня организации жизни, т. е. **эпидемического процесса преступности** (криминогенного эпидемического процесса). А из-за отсутствия понимания преступности как особой формы духовной заболеваемости населения и результата активности педагогической формы эпидемического процесса криминогенной информации, затруднено понимание ее истинной природы, анализ, моделирование и прогнозирование криминальной динамики и организация рациональной борьбы с ней.

Между тем проблема цикличности эпидемического процесса криминальной заболеваемости населения актуальна и в наши дни. Достаточно напомнить, например, что в 1960 г. преступность в Вооруженных Силах СССР (920,63%$_{000}$) возвратилась к уровню 1955 г. (946,73%$_{000}$) и в 1,2 раза превысила показатель смежного 1959 года. После этого в 1966 г. показатель преступности достиг очередного максимума (592,93%0$_{00)}$, превысив показатель смежного года (438,33%$_{000}$) в 1,4 раза. Все это происходило при одинаковой степени контакта военнослужащих между собою и с гражданским населением в указанные и смежные с ними годы в условиях однородной уголовной политики в отношении преступности в Советской Армии (рис.1).

Последнее обстоятельство свидетельствует, что данные подъемы могли быть связаны с характерными особенностями именно этих лет. Не исключено, что эти условия по-разному сказываются в различных группах гражданского населения и военнослужащих при разных видах преступности. Так, в конце 80-х годов и особенно в 1991 г. – после длительного затишья – вновь произошло серьезное увеличение показателей преступности в Вооруженных Силах СССР перед самым распадом Советского Союза.

Причины этих изменений не осознанны с эпидемиологических позиций. Поэтому создается впечатление, что недоучитываются серьезные факторы циклической природы, обеспечивающие, в противовес системе борьбы и профилактики, возвраты преступности, позволяя ей тем самым периодически перешагивать

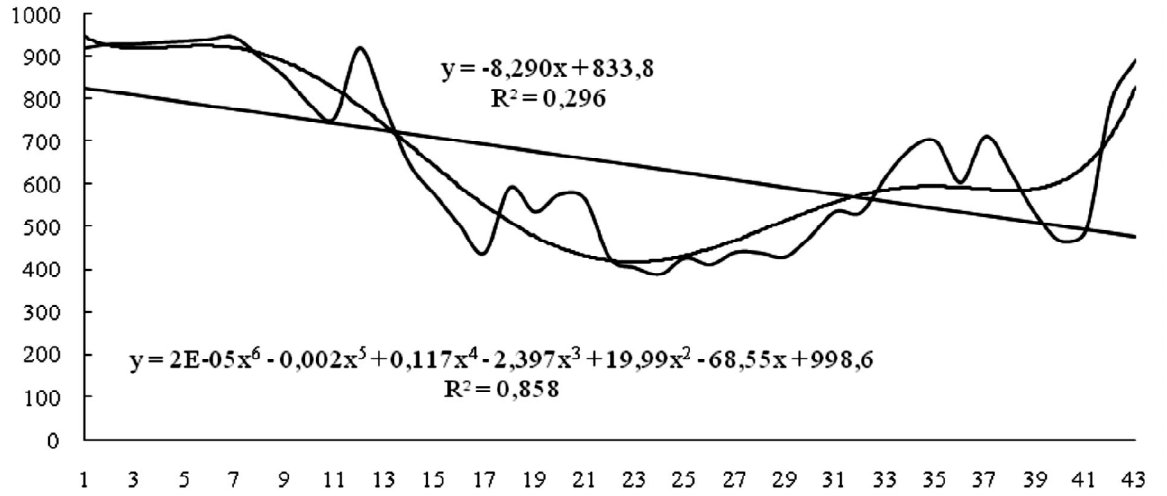


Рис.1 Динамика эпидемического процесса всей преступности суммарно в Вооруженных Силах СССР в период 1949-1991 гг.

противоэпидемический барьер. Такое положение должно вызывать обоснованную тревогу, так как не может быть устранено только экстенсивным наращиванием дорогостоящих и трудоемких профилактических мероприятий. В этой связи особое значение приобретает изучение глубинных особенностей динамики преступности как эпидемического процесса особо опасной формы духовной заболеваемости населения, главным образом его цикличности. Знание этих вопросов позволит концентрировать усилия по борьбе с преступностью в период ее очередного прогнозируемого эпидемического подъема.

1. Описательный анализ многолетней динамики эпидемического процесса преступности военнослужащих

Для движения преступности во времени характерно чередование подъемов и спадов ее показателей в отдельные годы или группы лет. Об этом свидетельствует обширная статистика этого явления[12]. Изучение этого вопроса при отдельных видах преступности имеет и научный, и практический интерес, как основа для рационального планирования эффективных мероприятий по профилактике и борьбе с преступностью.

2. Проявления эпидемического процесса преступности в многолетней динамике

Характер изменения уровней заболеваемости в многолетней динамике определяется сочетанным действием множества разнообразных факторов (причин). По закономерности проявления активности во времени эти причинные факторы разделяются на три основные группы[13].

Первую группу составляют факторы, действующие постоянно на протяжении многих лет. Они определяют основное направление изменений интенсивности эпидемического процесса (рост, стабилизация, снижение), или многолетнюю эпидемическую тенденцию.

Вторая группа факторов действует периодически с тем или иным ритмом, достигая максимума и минимума активности через одно и то же число лет. Иногда ритмически действующие факторы могут проявлять свою активность через различное число лет одновременно. В таком случае имеет место многоритмичность их действия на эпидемический процесс, проявляющаяся набором колебаний с различными периодами, фазами и амплитудами. Обусловленные действием этих факторов изменения эпидемического процесса на-

зывают периодическими или цикличес-кими колебаниями, либо просто цикличностью. Отличительным признаком данной формы проявления эпидемического процесса является в определенной мере упорядоченная волнообразность колебаний уровня регистрируемой заболеваемости относительно линии многолетней тенденции (рис.1).

Третья группа – это множество случайных факторов, не имеющих упорядоченного действия во времени и вызывающих нерегулярные колебания (случайные вариации) эпидемического процесса. Нерегулярно действующие причинные факторы отклоняют реально наблюдаемую заболеваемость в большую или меньшую сторону от теоретического уровня (оптимальной математической модели динамики эпидемического процесса), который был бы возможен только в результате наложения строго периодических волнообразных колебаний на многолетнюю тенденцию многолетней динамики эпидемического процесса. Нерегулярные колебания заболеваемости нередко сводят к эпизодическим вспышкам. Понятие нерегулярных вариаций включает в себя не имеющие строгой периодичности подъемы и спады заболеваемости под влиянием нерегулярно (случайно) действующих факторов.

В изученные годы (1949-1991) динамика эпидемического процесса преступности военнослужащих отличалась выраженной волнообразностью (рис. 1). В 1949-1955 гг. наблюдались ее наивысшие показатели, с постепенным нарастанием от 920,22%ооо до 946,73%ооо в течение 6 лет. В дальнейшем отмечалось неуклонное снижение показателей преступности на протяжении 4-х лет (1956-1959 гг. с 900,56%ооо до 755,15%ооо) с новым подъемом в 1960 г. до 920,63%ооо. Затем снова наблюдалось неуклонное и еще более выраженное снижение показателей преступности на протяжении 1961-1965 гг. (от 783,77%ооо до 438,33%ооо). В 1966-1969 гг. вновь отмечался всплеск показателей преступности с колебаниями в течение 4-х лет от 592,93 до 565,93%ооо. Затем наступила очередная серия лет снижения показателей преступности (от 425,6%ооо в 1970 г. до 387,68%ооо в 1973 г.), сменившаяся серией лет ее постепенного, неуклонного роста в 1975-1985 гг. от 439,74%ооо до 713,02%ооо с незначительными ступенчатыми провалами в отдельные годы.

Очередная серия лет снижения показателей преступности отмечалась в 1986-1988 гг. (от 627,48%ооо до 466,59%ооо). И вновь ее сменила новая серия лет неуклонного роста преступности в 1989-1991 гг. от 492,14%ооо до 893,14%ооо.

Данное обстоятельство затрудняет мысль о том, что в унисон с динамикой эпидемического процесса преступности военнослужащих также резко и волнообразно колебалась **теория преступности**, согласная с ней и вытекающая из нее **уголовная политика** и **правоохранительная деятельность**. А если это не так, то возникают вопросы: 1) какие факторы порождают периодические изменения активности эпидемического процесса преступности во времени? 2) Какова природа этих факторов? 3) Каков механизм активизации ими процесса движения преступности? Вопросы далеко не праздные.

Обращает внимание, что интервал числа лет снижения преступности, предваряющий ее очередной подъем колебался от 4-х до 5 лет. А интервал числа лет, на протяжении которых показатели преступности повышались, колебался в пределах от 1 года до 4-х и даже 11 лет. Это указывает на наличие периодичности в динамике эпидемического процесса всех форм преступности суммарно в Вооруженных Силах СССР в период 1949-1991 гг. Периодические колебания уровней преступности трудно связать с ослаблением мероприятий государства по профилактике и борьбе с нею, которое должно было бы столь же периодично изменять свои уси-

лия в этой сфере.

Выраженный волнообразный характер динамики **криминальной заболеваемости** военнослужащих свидетельствует о неодинаковой активности эпидемического процесса преступности на протяжении изученного периода, несмотря на наличие среднемноголетней линейной тенденции к ее снижению на протяжении 47 лет (рис. 1). Эту тенденцию отражает уравнению линейной регрессии вида: ***У=-8,29+833,28 t.*** Уравнение показывает, что ежегодное снижение среднемноголетнего уровня преступности в течение изученного периода происходило с темпом в 8,29%ооо в год. Но было ли на самом деле такое снижении? И достоверно ли оно?

Математическое моделирование динамики эпидемического процесса преступности по методу Чебышева показало, что ее хорошо аппроксимирует полиномом 6-й степени. Полученное уравнение модели динамики эпидемического процесса преступности в Вооруженных Силах СССР имеет вид:

$$y=2E^{-0,5}x^6-0,0025x^5+0,1179x^4-2,3978x^3-68,558x+998,62$$

Коэффициент корреляции между исходной (эмпирической) кривой динамики преступности и ее полиномиальной моделью оказался очень высоким: $R=0,926 \pm 0,03$. Коэффициент детерминации составил $R^2=0,858$. Это значит, что ***85,8%*** всех изменений характера многолетней динамики эпидемического процесса преступности советских военнослужащих объясняется воздействием факторов, имеющих волнообразную временную организацию во времени, близкую полиному шестой степени. Отсюда есть основания полагать, что в структуре многолетней динамики эпидемического процесса всей преступности в целом действительно должны присутствовать статистически значимые скрытые периодичности с порядковым номером, близким 6-ти, и кратные ему как в большую, так и в меньшую сторону. Можно сказать, что факторы, формирующие многолетнюю тенденцию преступности, действовали на протяжении анализируемого периода с неравномерной интенсивностью, а эффект их действия то постепенно нарастал, то уменьшался. Поэтому основная тенденция движения преступности приобрела криволинейную форму. Полиномиальная модель динамики эпидемического процесса преступности показывает, что эффект сочетанного действия ее **теории, уголовной политики** и **правоохранительной деятельности** в отношении всей преступности военнослужащих Вооруженных Сил СССР был неоднородным на протяжении изученного периода (рис.1). Он был стабильно низким в 1949-1958 гг. (7 лет плато на высоком уровне); затем постепенно повышался в 1959-1971 гг. (22 года снижения преступности) с ее периодическими подъемами в 1960,1967,1970 гг.; потом он снова был стабильным в 1971-1977 гг. (6 лет плато на низком уровне); после чего неуклонно снижался в 1979-1991 гг. (12 лет подъема с резким спадом преступности в 1988-1989 гг. и столь же резким ее ростом в 1990-1991 гг.).

Волнообразный характер динамики эпидемического процесса преступности на протяжении 43 лет изученного периода свидетельствует о слабой управляемости преступности теми средствами, которые предлагает ее теория, вытекающая из нее уголовная политика и построенная на последней правоохранительная деятельность.

3. Проявления цикличности в динамике социальных процессов

Известно, что в данных социального характера могут наблюдаться периодические компоненты, характеризующие процессы принципиально неодинаковой длительности, которые формируются под действием факторов различной природы. Так, кроме годичных колебаний процессов в

экономике, существуют циклы длительностью около 11 лет, детально иссле-дованные А. Л. Чижевским[14]. Описаны малые (3,5 лет), средние (7-11 лет) и большие (около 50 лет) **капиталистические циклы** экономических показателей (циклы Кондратьева)[15] и даже более длительные.

Еще в позапрошлом веке на основе статистического анализа временных рядов было отмечено, что колебания показателей работы **промышленности** так периодичны, что их неоднократно удавалось предсказывать заранее. Так, Джевонс в XIX веке отметил усиление спекуляции и расстройства **торговли** в Англии в 1711, 1721, 1732, 1763, 1773, 1783, 1793, 1805, 1815, 1825, 1836-39, 1847, 1857, 1866, 1878 годах, на основе чего рассчитал среднюю продолжительность цикла между соответствующими годами, равную 10,47 лет. Он сопоставил эту величину с периодами смены количества **солнечных пятен**, которые в среднем составляют 10,45 лет. Тем самым было положено начало исследованиям, в которых **экзогенные факторы** считаются задающими ритмичность процессов **социальной природы**, прежде всего, экономических.

Однако работами Тинбергена и Калецкого было показано, что допущений об экзогенных влияниях совсем не требуется, чтобы получить экономический цикл. Нужно лишь учесть инерционность производственных процессов. В реальных условиях могут проявляться влияния на колебания характеристик экономических[16] как внутренних, так и внешних факторов[17].

Изучая динамику **исторического процесса**, В. И. Пантин показал его выраженный **циклический характер**[18]. Этот автор дал общее представление о **циклах** и **волнах истории**, рассмотрел **повторяемость** и **сходство** в историческом развитии, **синхронизацию** в **природе** и **обществе**, многообразие **циклов** и **волн** в **истории**. Он исследовал циклы эволюции **международного рынка**, известные **циклы коньюнктуры** Н. Д. Кондратьева, их структуру и продолжительность, общую систему циклов эволюции международного рынка.

В. Е. Новичков провел междисциплинарное изучение вопросов прогнозирования преступности в современной России на основе эмпирических сопоставлений без применения математических методов («на глазок»). В результате этот автор отметил, что «*...с 7-ми летней солнечной активностью совпадает рост преступности в различные годы, а с наиболее сильными 3-х летними возмущениями солнца совпадают интенсивные процессы роста количественно-качественных показателей преступности,... а после 3-х годового роста, наблюдается последующее снижение преступности и ее относительная 3-4-летняя стабилизация*»[19].

Бельгийский исследователь А. Кетле (1796-1874) отметил регулярность совершения преступлений и постоянство их числа. Он писал: «*Существует бюджет, который выплачивается поистине с ужасающей аккуратностью и правильностью. Это – бюджет тюрем, рудников и эшафотов... Мы можем с полной достоверностью предвидеть, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений; мы можем это сделать с такой же точностью, с какой мы предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год*»[20].

Таким образом, многие социальные процессы, включая социально-патологические (преступность) обнаруживают выраженный периодический (циклический) характер, заслуживающий детального изучения как возможная исходная информационная база для математического моделирования и прогнозирования этих процессов.

4. Проявления цикличности в динамике эпидемий, эпизоотий и в динамике неинфекционной заболеваемости

Вопросы появления и угасания эпидемий во времени всегда вызывали особый интерес. При этом высказывались разные взгляды на основные типы изменений эпидемического процесса во времени. Нами изучена обширная литература по этой и смежным проблемам[21].

Так, А. Готштейн и И. Добрейцер отмечали *волнообразные колебания* трех порядков: 1) в связи с *сезонным влиянием*, 2) в течение *жизни одного поколения*; 3) *вековые эпидемические периоды*[22]. При этом *все типы изменений эпидемического процесса* рассматривались авторами, как *периодические*. К. О. Сталлибрасс выделял те же типы изменений динамики эпидемического процесса, но ввел понятие *эпидемической тенденции*[23]. I. Taylor, J. Knowleden[24] различали четыре типа колебаний заболеваемости во времени: 1) *вековые колебания*, 2) *возвраты эпидемий с интервалами в несколько лет*, 3) *сезонные изменения*, 4) *остро колеблющуюся инцидентность*. Сезонную периодичность и периодичность в ходе эпидемии на протяжении более или менее одинаковых отрезков времени, превышающих годичный срок, отмечали основоположники советской эпидемиологии В. А. Башенин[25] и Л. В. Громашевский[26].

Допускается существование, по крайней мере, *трех видов факторов (природного, биологического и социального)*, в результате действия которых могут иметь место *все вышеуказанные типы изменений эпидемического процесса, включая вековые*. При этом динамика заболеваемости может иметь *ту* или *иную тенденцию*, на фоне которой проявляются *периодические* (*сезонные* и *циклические*) и *апериодические изменения* ее *уровней*[27]. Д. Сепетлиев указывает, что динамика эпидемического процесса проявляется в виде *тенденций*, *циклов* и *случайных вариаций*[28].

В современной литературе есть указания на цикличность эпизоотий чумы[29], холеры[30], природно-очаговых инфекций[31], шигеллезов[32], гипертонических кризов[33], наследственных заболеваний человека[34] и других заразных и незаразных болезней. Думается, что преступность как специфическая форма **духовной заболеваемости** различных групп населения не составляет исключения из этого правила.

Впервые проблему солнечно-земных связей на научную основу поставил выдающийся русский ученый А. Л. Чижевский в начале прошлого века[35]. Он собрал и обобщил огромное количество фактических данных по движению эпидемий чумы, холеры, тифов, скарлатины, дифтерии, малярии и других инфекционных болезней. Методом наложения эпох он показал четкую корреляцию возникновения, распространения и угасания эпидемий с солнечной активностью.

А. Л. Чижевский первый отметил влияние возмущений Солнца на урожайность сельскохозяйственных культур, на колебание популяций диких животных, вспышки массового размножения насекомых. Он впервые высказал смелую гипотезу о корреляции пиков солнечной активности со всплесками социальных бурь и общественных потрясений. В настоящее время широко изучается влияние солнечной активности на атмосферу, гидросферу, литосферу, биосферу Земли, на погоду и, особенно, здоровье человека и диких животных[36, 37, 38, 39].

В период повышенной солнечной активности, особенно во время мощных вспышек, ускоряется образование тромбов в кровеносных сосудах, увеличивается число инфарктов миокарда, мозговых инсультов и гипертонических кризов, в том числе с летальным исходом[40 и др.]. Уменьшается скорость адекватной реакции нервной системы на внешние раздражители, появляются «немотивированные» сбои поведения. В периоды подъема солнечной активности возрастает частота преждевременных родов, самопроизвольных абортов, токсикозов, младенческой смертности. Причины этих явлений да-

леко не изучены[41], а главное, не осознаны с эпидемиологических позиций.

Мы разделяем мнение[42], что решающим обстоятельством проявления «земного эха солнечных бурь» является «…наличие неустойчивостей в целом ряде электромагнитных процессов на Земле, в земной атмосфере; а изменение солнечной активности играет роль своеобразного «спускового крючка», дающего толчок развитию этих неустойчивостей, которые в свою очередь оказывают непосредственное влияние на биосферу Земли». Есть основания считать, что преступность как специфическое социальное проявление духовной патологии **внутреннего человека** как **личности**, носящее черты **эпидемического процесса**, не составляет исключения из этого правила.

Мы не будем углубляться в обширную литературу по этой проблеме. Приведенные источники – убедительное свидетельство объективности ритмической организации во времени всех процессов мироздания. Наша задача показать неслучайный характер периодичности проявлений эпидемического процесса преступности, которая не составляет исключения из упомянутого правила. С этой целью проведено математическое моделирование многолетней динамики эпидемического процесса всех форм преступности военнослужащих суммарно в Вооруженных Силах СССР за 43 года (1949-1991). Задачей исследования было определение спектральной характеристики исследуемого процесса, построение с учетом его характера математической модели динамики эпидемического процесса преступности, пригодной для компьютерного эксперимента с ней и долгосрочного прогнозирования по ней.

5. Материал и методы исследования

Исходным материалом для данного исследования послужили официально опубликованные сведения о движении показателей всей преступности суммарно в Вооруженных Силах СССР за период 1949-1991 гг.[43] (рис.1, 2).

В работе использован широкий набор математических методов, в том числе последовательный спектральный анализ в рамках схемы линейных селективных преобразований[44, 45]. Выявление скрытых периодичностей как распознавание спектральной структуры реальных процессов по результатам их измерений во времени является важной проблемой теории математической обработки наблюдений. Возникнув еще в конце XVIII века в связи с запросами астрономии и геофизики, эта проблема продолжает развиваться. Главной областью приложения методов выявления скрытых периодичностей является изучение **вибрационных явлений** в технике. Анализ полученных **виброграмм** позволяет выявлять важнейшие **периодические** компоненты **деструктивного** характера, обнаруживать основные **источники «патогенных» вибраций**, осуществить правильную **методику виброиспытаний**, без которого не обходится создание ни одного изделия новой техники.

Эпидемический процесс биологически заразных (инфекционных) болезней телесного состава **внешнего человека** как **организма**, эпидемический процесс преступности как духовно (информационно) заразного проявления патологии **внутреннего человека** как **личности**, имеет все черты **социально-патогенной «вибрации»** жизни общества и страны под действием факторов природного, социального и иного характера. Применение методов выявления скрытых периодичностей к изучению динамики классического эпидемического процесса оправдало себя получением замечательных результатов в плане выявления важнейших **источников колебаний заболеваемости** во времени и организации на этой основе эффективных профилактических и противоэпидемических мероприятий.

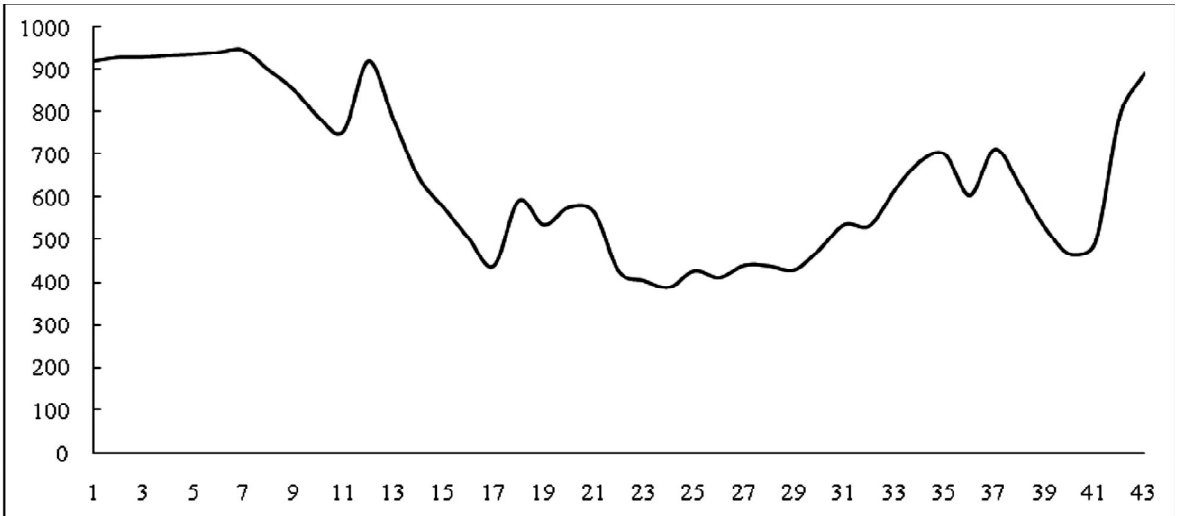


Рис.2 Динамика эпидемического процесса всей преступности суммарно в Вооруженных Силах СССР в период 1949-1991 гг.

Анализ динамики биологически и духовно (информационно) заразных болезней человека и общества и других проявлений социальной патологии методами **выявления скрытых периодичностей** есть важный элемент системного эпидемиологического анализа **«социальных виброграмм»**, который позволяет выявлять в них **важнейшие периодические компоненты** и обнаруживать (эпидемиологически диагностировать) основные **источники социальных «вибраций»**. Без знания этого вопроса невозможно разработать и осуществить правильную **теорию, политику** и **практику (методику)** построения и организации жизни общества в соответствующей области путем **устранения** из нее, или **нейтрализации** воздействия на нее, наиболее опасных **«вибраций» физического, социального, политического, экономического** или иного характера.

Динамика эпидемического процесса преступности военнослужащих не составляет исключения из этого правила системного анализа, ибо носит в себе все черты **социально опасной «вибрации»** жизни общества и страны под действием **специфических факторов**, заслуживающих углубленного изучения на предмет выявления **криминогенных источников** такого рода «социальных вибраций». Подобное эпидемиологическое исследование преступности как особо опасной формы духовной заболеваемости населения и итогового выражения активности социально-патологических состояний **внутреннего человека** как **личности** и **государства** (общества – В. В.) на популяционном уровне организации жизни проводится впервые.

Выявление скрытых периодичностей методом последовательного спектрального анализа в рамках схемы линейных селективных преобразований – строгая вычислительная процедура. Она позволяет разложить последовательность значений изучаемой переменной на ряд составляющих ее колебаний и отделить от них случайную компоненту. Установление числа гармоник и их параметров осуществляется с помощью специального графика – периодограммы. Для его построения на оси абсцисс откладываются пробные периоды, а на оси ординат – некоторая величина, имеющая максимальное значение при совпадении пробного периода с реальным периодом, скрыто присутствующим в изучаемом процессе. Преобразование, производимое по алгоритму последовательного спектрального анализа в рамках схемы линейных селективных преобразования имеет вид

$$x^{(1)}(t) = \int_{-\infty}^{\infty} h(\tau)x(t-\tau)d\tau$$

где $h(\tau) = \frac{1}{2k+1} \sum_{l=-k}^{k} \delta(\tau + lT)$

Вес $h(\tau) = \frac{1}{2k} \sum_{l=-k}^{k-1} \sigma(\tau(l + \frac{1}{2})T)$

и является четной функцией τ. Соответствующая частотная характеристика выявленной $R(\omega) = \frac{\sin r\lambda}{r \sin \lambda}$ одичности исследуемого т вид:

$$\lambda = \frac{\omega T}{2} \quad ,$$

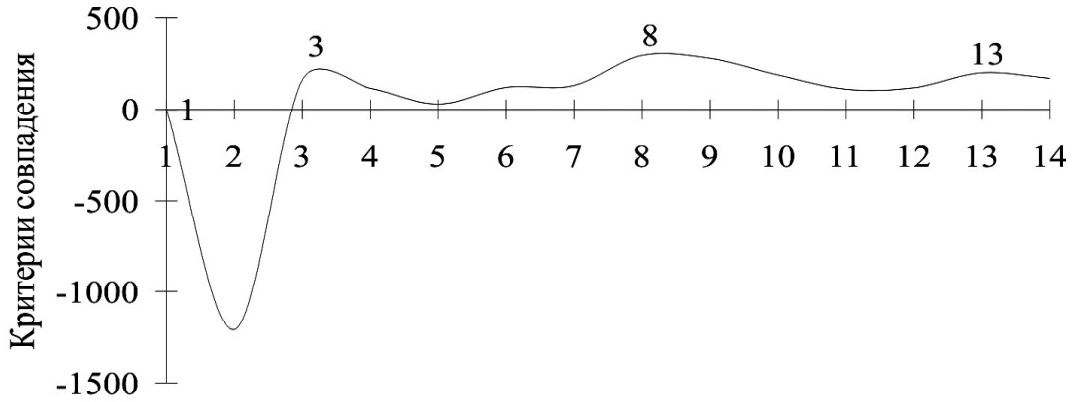
где

Данная вычислительная процедура напоминает гармонический анализ, но отличается от него значительной гибкостью и адаптивностью алгоритма к исследуемому процессу. В ней число гармоник в процессе исследования может изменяться сообразно с реальной характеристикой изучаемого временного ряда. Данная методика позволяет построить уравнение изучаемого процесса, которое включает наиболее существенные циклы (скрытые периодичности), реально присутствующие в структуре его динамики. Она позволяет аппроксимировать исходный процесс с высокой точностью, построить математическую модель, пригодную для углубленного изучения, идентификации, машинного экспериментирования и прогнозирования динамики эпидемического процесса изучаемой нозологической формы социальной патологии.

Впервые в классической эпидемиологии последовательный спектральный анализ в рамках схемы линейных селективных преобразований с целью выявления скрытых периодичностей динамики эпидемического процесса дизентерии в Рязани применен нами в 1982 г.[46] В 2007 г. подобное исследование автор впервые выполнил на криминологическом материале. Настоящая работа углубляет исследование ранее опубликованных данных[47, 48] с целью получения уточненной математической модели динамики эпидемического процесса преступности, пригодной для долгосрочного прогноза. Результаты изучения многолетней динамики преступности как особо опасной формы духовной заболеваемости населения, возникающей и распространяющейся в пространстве, времени, организмах (персональных и социальных) в форме и посредством педагогической формы эпидемического процесса криминогенной информации доложены автором на Международной научно-практической конференции 29 ноября 2007 г. в Рязанском институте управления и права.

6. Результаты и обсуждение

Математический анализ динамики эпидемического процесса всех форм преступности военнослужащих Вооруженных Сил СССР суммарно подтвердил ее многоритмический характер, отмеченный ранее[49, 50]. Обнаружено несколько ритмов с разными периодами колебаний. В общей структуре колебаний уровней преступности преобладали ритмы с периодами *3, 8, 13 лет*, которые объективны и реально присутствуют в исследуемом временном ряду уровней преступности. Ниже приведена периодограмма, содержащая выявленные гармоники скрытых периодов колебаний динамики эпидемического процесса всех форм преступности военнослужащих суммарно. На ней отчетливо видны пики скрытых периодичностей, выявленных в ходе проведенного математического анализа исходного временного ряда показателей всей преступности военнослужащих, соответствующие 3, 8 и 13-летней цикличности, реально присутствующей в исследуемом процессе. Именно в рамках такого набора гармоник с учетом его причудливого нелинейного сочетания и переплетения между собой происходило формирование итоговой кривой духовной заболеваемости криминального



Пробные периоды колебаний всей преступности в в.с. СССР, совпавшие с реальными (1949-1991 гг.)

характера советских военнослужащих.

Приведенные данные свидетельствуют о наличии определенной, четко выявляемой **цикличности** многолетней динамики эпидемического процесса всех форм преступности военнослужащих Вооруженных Сил СССР суммарно в изученный период. Она представлена краткосрочными (3 года), и долгосрочными (8 и 13 лет) циклами подъема и спада уровней духовной заболеваемости военнослужащих криминального характера.

Фактическая значимость 13-летнего цикла колебаний преступности может быть отражением 11-летнего цикла солнечной активности и других природных факторов глобального характера. В то же время она может отражать сходные по длительности колебания социальных и экономических процессов, описанных В. И. Пантиным, Н. Д. Кондратьевым и др. Выявленная цикличность динамики эпидемического процесса всех форм воинской преступности проявлялась на фоне бесспорного наличия систематических изменений ее уровней (линейных тенденций), которые обычно связывают с влиянием социальных факторов.

Выводы

1. Многолетняя динамика основных видов преступности в Вооруженных Силах бывшего СССР суммарно, при их одновременном распространении, имела циклический характер со сложным набором ритмов с разными периодами колебаний:

– краткосрочными (3-летний период);

– средне- и долгосрочными (8-ми и 13-летний периоды).

2. Выявленные математическими методами циклы развития эпидемического процесса всех форм преступности военнослужащих Вооруженных Сил СССР суммарно имеют объективный характер.

3. Они могут быть обусловлены сочетанным влиянием факторов природного, социального, экономического и духовно-нравственного порядка, действие которых заслуживает специального углубленного изучения методами эпидемиологического анализа.

4. Циклический (волнообразный) характер многолетней динамики преступности связан с одновременным и последовательным участием в ее формировании нескольких групп разнородных факторов, относительная роль которых в отдельные отрезки времени не остается постоянной. Так, волнообразность динамики преступности может быть связана также с постепенным изменением абсолютного эффекта действия комплекса триады таких факторов, как «**теория преступности**, **уголовная политика**, **правоохранительная деятельность**», либо с социально обусловленной периодичностью существенных изменений качества регистрации и учета преступности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. Общество любителей православной литературы. – Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2002.

2. Власов В. И. Теоретические основы духовной эпидемиологии: Ч.1. Духовные аспекты заразности в патологии человека и общества (Взгляд на проблему с позиций теоретической эпидемиологии и Христианской антропологии и психологии) // Российский научный журнал. – 2011. – № 4(23). – С. 246-263.

3. Кульков В. В., Власов В. И. К вопросу о совести в уголовном судопроизводстве // Труды Рязанского института управления и права. Вып.11. Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Том 2. Материалы международной научно-практической конференции, 29 ноября 2007 года. – Рязань, 2008. – С. 66-70.

4. Мф.15,19-20.

5. Кудрявцев В. Н. Криминология. – М.: «НОРМА», 2000. – С. 11.

6. Кудрявцев В. Н. Указ соч. – С. 178. (Выделение наше. – В. В.)

7. Цит. по указ соч. – С. 178.

8. Цит по указ. соч. – С. 178.

9. Власов В. И. Основы учения о педагогическом процессе как эпидемическом процессе информации. Сообщение 1. Информация как инфекция в широком смысле слова и ее значение в педагогике // Труды РИУП, вып. 14. Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. Материалы международной конференции 4 декабря 2010 г. – Рязань: Узорочье, 2011. – С. 243-248.

10. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и Российские тенденции. – Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

11. См., например, учебник д. ю. н., профессора С. М. Иншакова, под общей ред. д. ю. н., профессора лауреата гос. премии РФ В. В. Лунеева «Военная криминология». – М., 2000. – 921 с.

12. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и Российские тенденции. – Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 759.

13. Дегтярев А. А. Основы эпидемиологического анализа. Учебное пособие / Под редакцией академика АМН СССР В. Д. Белякова. – Л., 1982. – 278 с.

14. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976.

15. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – С. 24.

16. И связанных с ними социальных процессов (прим. автора).

17. Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. – Т. I, II. – Соцэкгиз, 1959. Т. III. – М.: Мысль, 1964. Цит. по В. И. Кузьмин, В. А. Половников, А. И. Новиков. Методы научно-технического прогнозирования. Учебное пособие. – М., 1980. – С. 4-5.

18. Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. – Рязань, 1996. – 154 с.

19. Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России: Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 35 с.

20. Quetelet A. Sur L'Ohomme et le developpement de ses focultes, ou essai de physigue sociale. – Bruxelles, 1835. – P. 17.

21. Власов В. И. Цикличность основных проявлений эпидемического процесса дизентерии в климатических условиях нечерноземной зоны РСФСР: Дис. ... канд. мед. наук. – Рязань, 1983.

22. Готштейн А., Добрейцер И. Учение об эпидемиях. – М., Госмедиздат. 1933. – 312 с.

23. Сталлибрасс К. О. Основы эпидемиологии. Пер с англ. – М.-Л.: Биомедгиз, 1936.

– 561 с.

24. Taylor I., Knowleden J. Колебания заболеваемости во времени // Избранные вопросы эпидемиологии. – М., 1964. – С. 67-109.

25. Башенин В. А. Курс частной эпидемиологии. – Л.: Медгиз, 1956. – 556 с.

26. Громашевский Л. В. Общая эпидемиология. – М.: Медицина, 1965. – 290 с.

27. Цит. соч. – С. 10-11.

28. Сепатлиев Д. Статистические методы в научных медицинских исследованиях. – М.: Медицина, 1968. – 418 с.

29. Попов Н. В., Рогаткин А. К., Козлова Т. А., Букаева И. Н. Цикличность эпизоотий чумы в регионе Северо-Западного Прикаспия и факторы ее определяющие. – Астрахань, 1999. – 111 с.

30. Арутюнов Ю. И., Мишанькин Б. Н., Ломов Ю. М. Холера: цикличность эпидемических осложнений на континентах и их гелиообусловленность // Эпидемиология и инфекционные болезни. – 2002. – №4. – С. 8-11.

31. Карцев А. Д. Цикличность заболеваемости некоторыми природно-очаговыми инфекциями в Российской Федерации. // Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 2002. – №1. – С. 23-27.

32. Власов В. И., Новиков А. И., Замотин Б. А. Проявления цикличности в эпидемическом процессе дизентерии //Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1982. – №5. – С. 26-30.

33. Агулова Л. П., Наумова А. Г., Стукс И. Ю., Цыплухин К. А. Гипертонические кризы в Туве: околосуточная, многодневная, сезонная и многолетняя периодичность динамики // Кардиология. – 1995. – Т. 35. – №12. – С. 78.

34. Выборнов Ю. Наследственная периодичность заболеваний человека // Врач. – 1997. – №8. – С. 44.

35. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1976.

36. Андронова Т. И., Деряпа Н. Р., Соломатин А. П. Гелиометеотропные реакции здорового и больного человека. – Ленинград: Медицина, Ленингр. отд-ние, 1982. – 226 с.

37. Выборнов Ю. Лунно-солнечная цикличность и периодичность заболеваний // Врач. – 1998. – №9. – С. 39-40.

38. Арутюнов Ю. И., Мишанькин Б. Н., Рыжков В. Ю., Заботин Н. А. Чума: цикличность эпидемических проявлений и активность солнца // Эпидемиология и инфекционные болезни. – 1998. – №4. – С. 42-46.

39. Арутюнов Ю. И., Мишанькин Б. Н., Ломов Ю. И. Холера: цикличность эпидемических осложнений на континентах и их гелиообусловленность //Эпидемиология и инфекционные болезни. – 2002. – №4. – С. 8-11.

40. Шульц Н. А. О влиянии солнечной активности на численность белых кровяных телец // Земля во Вселенной. – М.: Мысль, 1964. – С. 382-399.

41. Михайлов А. И., Лисин Т. Г. Самочувствие по Солнцу // «Свет» («Природа и человек»). Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал. – 1991. – №7. – С. 30-31.

42. Михайлов А. И., Лисин Т. Г. Указ. соч. – С. 30-31.

43. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и Российские тенденции. – Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 759.

44. Серебренников М. Г., Первозванский А. А. Выявление скрытых периодичностей. – М.: Наука, 1965. – 241 с.

45. Дженкинс, Ваттс Д. Спектральный анализ и его приложения. – М.: Мир, 1971. – Вып.1. и 2.

46. Власов В. И., Новиков А. И., Замотин Б. А. Проявления цикличности в эпидемическом процессе дизентерии //Журн. микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. – 1982. – №5. – С. 26-30.

47. Власов В. И., Шилов А. И. Проявления цикличности в многолетней динамике преступности (опыт системного эпидемиологического анализа и диагностики) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Т. 2. Материалы международной научно-практической конференции, 29 ноября 2007. – С. 37-40.

48. Власов В. И., Шилов А. И. Многолетняя динамика преступности как показатель эффективности ее теории, уголовной политики и правоохранительной деятельности государства (опыт системного эпидемиологического анализа и диагностики) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Т. 2. Материалы международной научно-практической конференции, 29 ноября 2007. – С. 40-48.

49. Власов В. И., Шилов А. И. Указ соч. №45. – С. 37-40.

50. Власов В. И., Шилов А. И. Указ соч. №46. – С. 40-48.

51. Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М.: Московский философский фонд, 1997. – 184 с.

52. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – С. 24.

**ФГУЗ «ПРИЧЕРНОМОРСКАЯ ПРОТИВОЧУМНАЯ СТАНЦИЯ»
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ
ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ, г. НОВОРОССИЙСК**

УДК 614.38
ББК 55.142.25+51.942.25
Медицина и биология

медицина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЛЕГИОНЕЛЛЕЗА, СВЯЗАННОГО С ПУТЕШЕСТВИЯМИ (Системный подход, оценка риска и практические рекомендации)

Кандидат биологических наук Н. Д. Темежникова

В обзоре обсуждаются вопросы проведения оценки риска заражения легионеллезом, связанным с путешествиями, с целью разработки и внедрения методов профилактики этого заболевания. На обширном материале современных отечественных и зарубежных публикаций рассмотрены основные проблемы, связанные с профилактикой легионеллеза при проектировании, строительстве и эксплуатации гостиниц, кемпингов, оздоровительных центров и организации спортивных и иных массовых мероприятий. Особое внимание уделено практическим аспектам оценки риска, методологии и интерпретации ее результатов. Сделан вывод о перспективности внедрения стандартизованных комплексных систем оценки риска с целью повышения эффективности профилактических мер и снижения финансовых и трудовых затрат.

Ключевые слова
Легионеллез, профилактика, оценка риска, стандартизация эпидемиологических исследований

Введение

Легионеллез представляет собой острое сапронозное инфекционное заболевание, возбудителями которого являются микроорганизмы рода Legionella. Основными эпидемиологическими группами легионеллеза у человека по характеру его приобретения являются внебольничная инфекция легионеллезной этиологии (эпидемические вспышки и спорадические случаи), нозокомиальный легионеллез (внутрибольничная инфекция) и легионеллез, связанный с путешествиями [6. С. 13]. На долю последнего приходится более четверти всех случаев легионеллеза, регистрируемых в Европе [10. С. 14].

Несмотря на то, что вклад легионеллеза, связанного с путешествиями, в общую картину заболеваемости растет незначительно, обшее количество случаев этой формы заболевания за последние 10 лет в европейских странах выросло более чем в два раза и составило в 2008 году 1227 случаев. Наиболее часто случаи легионеллеза, связанного с путешествиями, регистрируются в Великобритании, Италии, Франции и Нидерландах.

В Российской Федерации первая вспышка легионеллеза была зарегистрирована в г. Армавир в 1987 году. С тех пор случаи этого заболевания регистрируются ежегодно, причем в 2003-2005 гг. еже-

годно регистрировалось от 18 до 26 случаев легионеллезной пневмонии. В 2007 г в г. Верхняя Пышма (Свердловская область) произошла крупнейшая на сегодняшний день вспышка внебольничного легионеллеза в России, при этом диагноз был лабораторно подтвержден у 168 человек, пятеро из которых скончались [3. С. 13]. В 2003, 2004, и 2007 годах в России также регистрировались случаи легионеллеза, связанного с путешествиями.

Значительно усилившая за последние годы трудовая и профессиональная миграция населения, многократное возрастание количества зарубежных поездок, а также более широкое вовлечение населения в спортивные и другие массовые мероприятия, безусловно, увеличивает риск заражения легионеллезом, связанным с путешествиями. Актуальность изучения эпидемиологии и разработки новых способов профилактики этого заболевания особенно возрастает в связи с планируемым проведением в Российской Федерации Зимних Олимпийских Игр 2014 года в Сочи и Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

Основным путем передачи легионеллеза является вдыхание аэрозолей, образующиеся при разбрызгивании воды, контаминированной легионеллами [6. С. 13; 13. С. 14]. Источником заражения в большинстве случаев служат аэрозоли, образующиеся при работе систем кондиционирования и промышленного охлаждения (градирни), а также вода из душа или вихревой ванны («джакузи»), плавательных бассейнов, аквапарков, фонтанов, систем орошения и иных искусственных резервуаров с водой при температуре 25-40 °С. Очевидно, что сочетание перечисленных факторов встречается именно при деловых путешествиях и поездках на отдых, а также при посещении массовых спортивных и иных мероприятий. Именно в связи с этим профилактика легионеллеза, связанногос путешествиями, приобретает особое значение.

Основные составляющие системного подхода

Современный уровень развития медицины характеризуется системным (и систематическим) подходом к решению практических задач диагностики, лечения и профилактики заболеваний, основанным на результатах крупномасштабных стандартизованных исследований, позволяющих в значительной степени устранить влияние случайных факторов и выявить основные закономерности. Такой подход в полной мере применим и к задачам профилактики легионеллезной инфекции, особенно к легионеллезу, связанному с путешествиями.

К настоящему времени в России и за рубежом накоплен значительный опыт проведения профилактических мероприятий при проектировании, строительстве и эксплуатации гостиниц, кемпингов, оздоровительных центров и организации спортивных и иных массовых мероприятий. Неоценимый вклад в разработку стратегии профилактики легионеллеза внесла подготовка к проведению Летних Олимпийских Игр 2000 и 2004 гг. в Сиднее и Афинах, на основании чего были разработаны комплексы профилактических мер [8, 9. С. 13]. Настоящая статья является первой в отечественной литературе попыткой обобщить накопленный опыт и предложить рекомендации по практическому внедрению профилактических мер.

Оценка риска заражения легионеллезом

Оценка риска (risk assessment) является важнейшей составляющей программ противоэпидемических и профилактических мероприятий при легионеллезе [12. С. 14]. Для практического выполнения оценки риска необходимо привлекать организации, прошедших необходимую подготовку и сертифицированные для выполнения подобного рода работ. Ответственность за привлечение компетентных лиц и/или

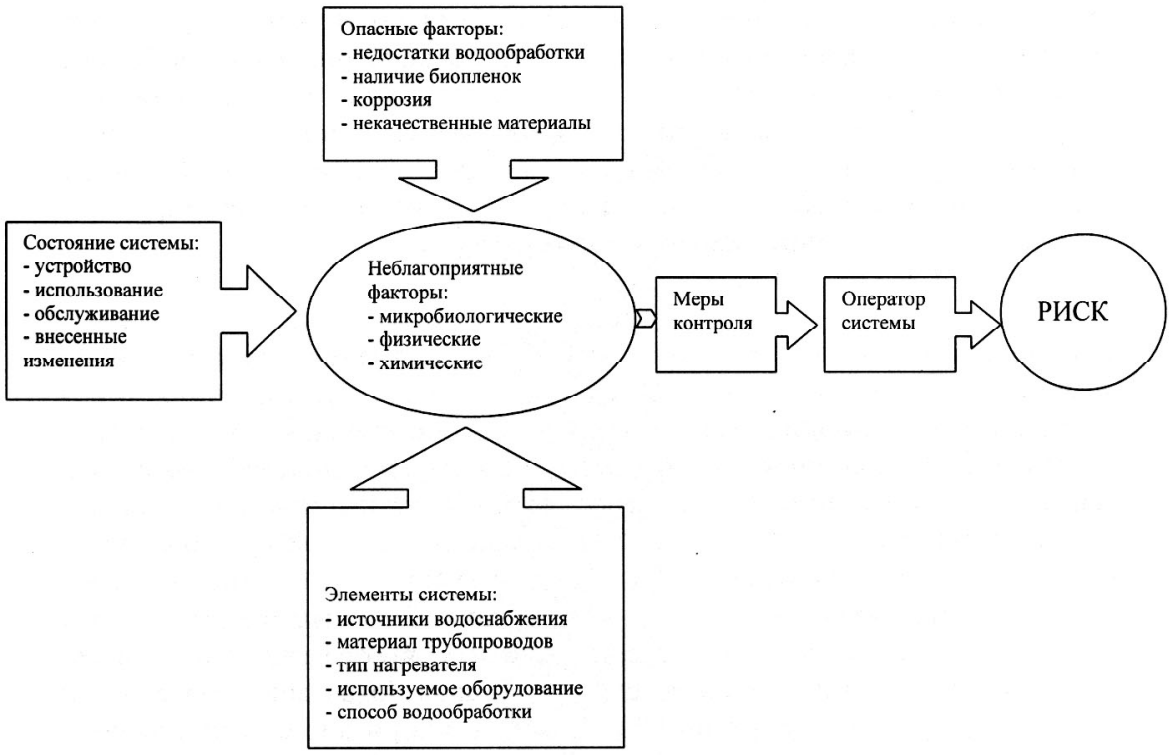
организаций для выполнения оценки риска лежит на руководителе предприятия.

При проведении оценки риска необходимо различать понятия опасности (hazard – неблагоприятного для здоровья фактора, в данном случае легионеллы) и риска (количественной характеристии опасности, а именно вероятности наступления обстоятельств, при которых возможно заражение). Существует множество методологий оценки риска и его количественного выражения [8. С 13; 12. С. 14]. Регулярное проведение оценки риска заражения легионеллезом обязательно для всех типов сооружений, представляющих повышенную опасность в плане заражения этой инфекцией, а именно систем кондиционирования, холодного и горячего водоснабжения, оздоровительных комплексов, бассейнов и фонтанов. На основании оценки риска составляются планы управления риском, т. е. разрабатываются меры по предотвращению заражения в соответствии с действующими нормами и правилами применительно к каждому конкретному сооружению. Тщательное проведение мероприятий по оценке риска обусловлено требованиями действующего законодательства.

Основными задачами оценки риска заражения легионеллезом (в частности, связанным с путешествиями) являются (Рис. 1):

– определение собственно риска заражения, т. е. вреда здоровью, возникающего

Рис. 1. Соотношение между опасностью и риском. Схема проведения оценки риска и основные факторы, учитываемые при оценке риска заражения легионсллезом



от опасного фактора при НЕСОБЛЮДЕНИИ определенных превентивных мер;

– идентификация необходимых профилактических мер, направленных на снижение риска до безопасных значений.

При выполнении оценки риска заражения легионеллезом должны учитываться следующие основные факторы:

– присутствие Legionella spp. в пробах воды, биопленок и т. д., отобранных и исследованных в соответствии с действующими в Российской Федерации нормами и рекомендациями [2, 4, 5. С. 13];

– наличие условий, способствующих

формированию биопленок и размножению легионелл в системе, например, соответствующая температура воды (25... 50°С), химический состав воды и наличие загрязнений, включая рост водорослей, наличие ржавчины, накипи, ила и иных отложений на стенках труб систем водоснабжения;

– наличие условий, способствующих формированию мелкодисперсных аэрозолей и условий их вдыхания (душ, спа-бассейны, ванны-джакузи с циркуляцией воды, фонтаны, системы орошения и кондиционирования и т. д.);

– присутствие людей, их количество и возможная длительность экспозиции с учетом индивидуальных факторов риска их здоровью (пожилые люди, дети, пациенты либо люди находящиеся в процессе реабилитации после заболеваний). Оценка риска для этих групп людей особенно важна именно при профилактике легионеллеза, связанного с путешествиями и при проведении массовых мероприятий.

При проведении оценки риска необходимо учитывать особенности устройства и эксплуатации исследуемых систем в каждом конкретном сооружении; именно поэтому так важна компетенция лиц либо организаций, проводящих оценку риска. Для облегчения проведения оценки риска и последующего ее документирования рекомендуется составление простейшей схемы устройства систем (кондиционирования, водоснабжения, подачи воды в бассейн, ее смены и т. д.) с указанием источника водоснабжения, возможных источников загрязнения, характеристик системы (период действия, частота смены воды, диапазон температур и т. д.). В оценку риска необходимо также включить факторы, которые потенциально могут возникнуть при авариях и нештатном функционировании систем. По результатам оценки риска составляется отчет, который является основой разработки и внедрения мероприятий по безопасной экслуатации системы.

Оценка риска должна проводиться не реже одного раза в два года. На практике оценку риска рекомендуется проводить чаще в связи с изменившимися обстоятельствами, среди которых важнейшими являются:

– изменение конфигурации системы водоснабжения и/или кондиционирования в результате ее ремонта, усовершенствования и т.д.;

– изменение предназначения здания (офисное – жилое; детское сооружение – сооружение для всех возрастов и т.д.)

– получения новой информации о степени риска (в результате получения новых данных микробиологического, физико-химического исследования воды и т. д.)

– получения информации о том, что существующие меры безопасности более не обеспечивают эффективных мер контроля;

– случай легионеллеза, при котором подтвержденным источником заражения является данная водная система.

Количественный подход к оценке риска заражения легионеллезом

Одним из важнейших требований к оценке риска заражения легионеллезом является использование стандартизованных методик и унифицированных подходов как к выполнению оценки, так и к рекомендациям для устранения существующих недостатков и проведения необходимых профилактических мер [8, 9. С. 13]. В настоящее время, к сожалению, в Российской Федерации отсутствуют общепринятые методы количественного выражения риска заражения.

В мировой практике с начала 2000-х гг. начала утверждаться балльная система учета результатов инспекций и оценки риска в оздоровительных комплексах, бассейнах, системах кондиционирования и водоснабжения отелей, впервые предложенная при подготовке к Олимпийским Играм в Сиднее (Австралия, 2000) и значительно усовершенствованная и успеш-

но апробированная при подготовке и проведении Олимпиады 2004 года в Афинах (Греция) [8. С. 13; 11, 12. С. 14]. Основными составляющими данной системы являются следующие:

– обязательная регистрация потенциально опасных в эпидемиологическом плане сооружений и географическое районирование;

– использование стандартизованных регистрационных форм и опросников (в настоящее время предпочтительно использование регистрации через Интернет и специализированные вебсайты с созданием индивидуальных «кабинетов»);

– классификация возможных рисков на «критичные» и «некритичные» и присвоение определенного количества баллов за удовлетворительное или неудовлетворительное состояние и экслуатацию системы;

– подведение итогов инспекции и составление отчета по факторам риска с учетом количества баллов и стандартизованных форм оценки.

К числу критичных факторов относятся следующие:

А. При оценке риска в плавательных бассейнах, аквапарках, спа-салонах и т. д.:

– поддержание концентрации свободного хлора на уровне 0.5-1.0 мг/л;

– водоснабжение из централизованного безопасного источника;

– выполнение микробиологических анализов воды на регулярной основе в соответствии с действующими методическими указаниями [2, 5. С. 13];

– регулярная смена фильтров и эффективная рециркуляция воды через фильтры;

– регулярный (в соответствии с требованиями МУ 3.1.2.2412-08 и МУК 4.2.2217-07 [1, 2, 5. С. 13] мониторинг показателей остаточного хлора и pH воды;

– наличие достаточного количества душей и туалетов для посетителей бассейна;

– правильное ведение документации о проведенных мероприятиях по дезинфекции, очистке и мониторингу состояния системы.

Б. При оценке риска в системах водоснабжения:

– отсутствие накипи и иных отложений на распылителях душа;

– температура холодной воды в системе постоянно ниже +25°С;

– температура горячей воды в системе не ниже +50°С

– разница температур на выходе из системы водоснабжения не превышает 10°С после открытия кранов в течение одной минуты;

– еженедельное открытие кранов и промывка точек водоразбора при нерегулярном пользовании ими;

– проведение очистки и дезинфекции системы водоснабжения при ее неиспользовании в течение одного месяца и более;

– поддержание концентрации свободного хлора на уровне 0.2-0.5 мг/л;

– выполнение микробиологических анализов воды на регулярной основе (не реже одного раза в шесть месяцев) в соответствии с Методическими указаниями МУ 3.1.2.2412-08 и МУК 4.2.2217-07 [2, 5. С. 13];

– проведение полной дезинфекции и очистки системы не реже одного раза в год;

– правильное ведение документации о проведенных мероприятиях по дезинфекции, очистке и мониторингу состояния системы.

Невыполнение критических требований, перечисленных в пунктах А и Б, влечет за собой снятие баллов (минус три балла из общей оценки за невыполнение каждого из критических требований) и, соответственно, снижение общей оценки. Важно отметить, что, помимо непосредственной практической оценки риска, балльная система позволяет выявить наиболее важные (часто встречающиеся) нарушения в проведении профилактики леги-

онеллеза, что является важным для разработки новых и совершенствования существующих мер профилактики. Так, важнейшими факторами риска, ассоциированными с неблагоприятными бактериологическими показателями воды в системах кондиционирования и водоснабжения, являлись прежде всего отсутствие либо неправильное (неполное) ведение документации, невыполнение требований по открытию кранов и промывке точек водоразбора и поддержанию температуры горячей воды не ниже 50°С. Для систем промышленного охлаждения главными факторами риска являлись несвоевременная очистка системы от отложений и биопленок и нерегулярный мониторинг системы на наличие аэробных микроорганизмов. В плавательных бассейах и оздоровительныхз комплексах (включая спа-бассейны) основными факторами риска являлись снижение концентрации свободного хлора в воде ниже рекомендуемых концентраций (0.5-1.0 мг/л), нерегулярное проведение биохимических тестов, нерегулярное проведение медицинских осмотров и лечения спортсменов с инфекциями кожных покровов, а также отсутствия информирования посетителей о необходимости приема гигиенического душа перед использованием бассейна. Во всех типах систем водоснабжения и кондиционирования одним из важнейших критических факторов являлось отсутствие сотрудников, персонально ответственных за разработку и внедрение профилактических мероприятий в отношении заражения легионеллами.

Количественная оценка риска позволяет в значительной степени снизить затраты на проведение профилактических мероприятий путем классификации потенциальных источников заражения по степени эпидемиологической опасности и идентификации наиболее проблемных участков, учреждений и организаций, в которых необходимо проведение инспекций и разработка дополнительных мер профилактики. Полученные в ходе количественной оценки риска сведения в дальнейшем применяются для проведения инспекций либо усовершенствования стандартов мониторинга состояния систем [7-9. С. 13].

Заключение

В связи с тем, что легионеллезная инфекция не передается от человека к человеку воздушно-капельным или иными путями, традиционные подходы, основанные на проведении соответствующих противоэпидемических карантинных мероприятий, не актуальны для ее профилактики. Разработка вакцин против легионеллеза, начатая еще в конце 1980-х гг, в настоящее время не вышла за рамки лабораторных экспериментов. Таким образом, основные направления профилактики легионеллеза должны быть сконцентрированы на идентификации потенциально опасных для человека искусственных водных систем, надзором за их правильной эксплуатацией в соответствии с существующей нормативной документацией, организации их регулярного микробиологического мониторинга и проведении необходимых дезинфекционных мероприятий.

Проведение оценки риска колонизации водных систем легионеллами и заражения человека на основании обследования систем специалистами, описанные в настоящей статье, являются неотъемлемыми компонентами профилактика легионеллеза. Данные оценки риска в дальнейшем должны использоваться органами Государственного санитарно-эпидемиологического надзора для проведения эпидемиологического надзора, планирования и осуществления мероприятий по контролю за легионеллезной инфекцией. Системный подход к проведению оценки риска и профилактических мероприятий позволит значительно снизить стоимость, повысить эффективность профилактики и, в конечном итоге, предотвратить распро-

странение инфекции и случаи легионеллеза, связанного с путешествиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. МУК 4.2.1018-01 «Методические указания по санитарно-микробиологическому анализу питьевой воды». – Москва, 2001.

2. МУК 4.2. 2217-07 «Методические рекомендации по выявлению бактерий Legionella pneumophila в объектах окружающей среды». – Москва, Роспотребнадзор, 2007.

3. Тартаковский И. С., Гинцбург А. Л., Михайлова Д. О., Бобылева З. Д., Романенко В. В., Карпова Т. И., Аляпкина Ю. С., Омон Е. П., Романова Ю. М., Воронина О. Л., Лунин В. Г., Яцишина С. Б., Шипулин Г. А., Дронина Ю. Е. 2007. Применение стандартов лабораторной диагностики легионеллёза во время эпидемической вспышки пневмоний в городе Верхняя Пышма Свердловской области // Клин Микробиол Антимикроб Химиотер 9:361-368.

4. Профилактика легионеллеза. Санитарно-эпидемиологические правила СП 3.1.2.2626-10. – Москва, Роспотребнадзор, 2010.

5. Эпидемиологический надзор за легионеллезной инфекцией. Методические указания МУ 3.1.2.2412-08. – Москва, Роспотребнадзор, 2008.

6. Fields, B. S., R. F. Benson, and R. E. Besser. 2002. Legionella and Legionnaires' disease: 25 years of investigation // Clin Microbiol Rev 15:506-26.

7. Goutziana, G., V. A. Mouchtouri, M. Karanika, A. Kavagias, N. E. Stathakis, K. Gourgoulianis, J. Kremastinou, and C. Hadjichristodoulou. 2008. Legionella species colonization of water distribution systems, pools and air conditioning systems in cruise ships and ferries // BMC Public Health 8:390.

8. Hadjichristodoulou, C., G. Goutziana, V. Mouchtouri, C. Kapoula, A. Konstantinidis, E. Velonakis, A. Vatopoulos, and J. Kremastinou. 2006. Evaluation of standardized scored inspections for Legionnaires' disease prevention, during the Athens 2004 Olympics // Epidemiol Infect 134:1074-81.

9. Hadjichristodoulou, C., V. Mouchtouri, V. Vaitsi, C. Kapoula, A. Vousoureli, I. Kalivitis, J. Chervoni, P. Papastergiou, A. Vasilogiannakopoulos, V. D. Daniilidis, and J. Kremastinou. 2006. Management of environmental health issues for the 2004 Athens Olympic Games: is enhanced integrated environmental health surveillance needed in every day routine operation? // BMC Public Health 6:306.

10. Joseph, C. A., K. D. Ricketts, R. Yadav, and S. Patel. Travel-associated Legionnaires disease in Europe in 2009 // Euro Surveill 15:19683.

11. Mouchtouri, V., E. Velonakis, A. Tsakalof, C. Kapoula, G. Goutziana, A. Vatopoulos, J. Kremastinou, and C. Hadjichristodoulou. 2007. Risk factors for contamination of hotel water distribution systems by Legionella species // Appl Environ Microbiol 73:1489-92.

12. Mouchtouri, V. A., G. Goutziana, J. Kremastinou, and C. Hadjichristodoulou. Legionella species colonization in cooling towers: risk factors and assessment of control measures // Am J Infect Control 38:50-5.

13. Steinert, M., U. Hentschel, and J. Hacker. 2002. Legionella pneumophila: an aquatic microbe goes astray // FEMS Microbiol Rev 26:149-62.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ



УДК 612.386
ББК 52.527,3

НУТРИТИВНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ В ПАТОГЕНЕЗЕ ПИЩЕВОЙ НЕПЕРЕНОСИМОСТИ У ДЕТЕЙ

Доктор медицинских наук Т. А. Шуматова
Кандидат медицинских наук Н. Г. Приходченко

С целью изучения клинических и патогенетических особенностей формирования пищевой непереносимости (ПН) у детей первого года жизни было проведено комплексное клинико-иммунологическое, биохимическое и функциональное обследование в динамике 36 детей с ПН в возрасте от 0,5 до 12 месяцев. Установлено, что формирование пищевой непереносимости у детей сопровождается сочетанным нарушением белкового и липидного обмена, дисрегуляцией обмена веществ, формированием эндотелиальной дисфункции и нарушением кишечной проницаемости.

Ключевые слова
Пищевая непереносимость, нутритивный статус, муко-эпителиальный барьер, нарушение кишечной проницаемости

Широкая распространённость и неуклонный рост количества заболеваний, ассоциированных с желудочно-кишечным трактом у детей, остаются одной из наиболее обсуждаемых тем педиатрии и современной гастроэнтерологии. Пищевая непереносимость (ПН) в настоящее время занимает ведущее место среди причин развития хронической патологии в детском возрасте, ведет к нарушению нутритивного статуса ребенка и способствует формированию иммунологической несостоятельности естественных барьеров организма [2, 3, 13].

Как известно, детский организм формируется под сочетанным влиянием генетически детерминированной программы развития и факторов внешней среды. Последние не только влияют на степень реализации генетической программы, но в раннем возрасте нередко могут существенно модифицировать эту программу [5, 8, 10, 13]. Среди этих факторов наиважнейшим является нутритивный статус ребенка (НС). Как свидетельствуют исследования последних лет, нарушения НС оказывают прямое воздействие на структурно-функциональные и метаболические процессы, происходящие в организме человека, а также на его гомеостаз и адапта-

Работа выполнена в рамках в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2012 годы» по лоту шифр «2011-1.2-512-021» «Разработка методов неонатального скрининга и/или персонифицированной терапии» по теме: «Разработка методов неонатального скрининга морфо-функциональных нарушений почек и кишечника» (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ № 16.512.11.2072)

ционные резервы [2, 12]. Пищевая интолерантность оказывает значительное влияние на нутритивный статус ребенка за счет нарушения переваривания, всасывания и афферентной регуляции массы тела посредством гормонов и пептидов, вырабатывающихся в желудочно-кишечном тракте [1, 6, 11]. В свою очередь нарушения нутритивного статуса могут способствовать возникновению моторных и секреторных нарушений в органах пищеварения, создавая так называемый «порочный круг», усугубляя патологические гастроинтестинальные проявления пищевой непереносимости.

К настоящему времени накопились фундаментальные исследования о механизме биологической активности биоэлементов в обмене веществ витаминов, белков и отдельных аминокислот, как структурных компонентов клеток организма, участвующих в регуляции иммунных процессов [6, 7, 9]. Несмотря на многочисленные исследования в области физиологии процессов кишечного всасывания, в настоящее время в литературе имеется дефицит сведений о роли нарушений нутритивного статуса в процессах формирования пищевой толерантности и его состоянии при развитии пищевой непереносимости, не разработаны алгоритмы коррекции пищевой непереносимости у детей с учетом современных возможностей диетотерапии.

Цель исследования. Изучение клинико-патогенетических аспектов формирования пищевой непереносимости у детей с учетом нутритивного статуса.

Материал и методы

Нутритивный статус был обследован у 36 детей от 2 недель до 12 месяцев (20 мальчиков и 16 девочек) с явлениями пищевой непереносимости, симптомами нарушения кишечного всасывания. Все дети находились на грудном вскармливании. 8 детей получало терапию у аллерголога по поводу пищевой непереносимости и явлений гастроинтестинальной аллергии. До поступления в стационар все дети в течение имели персистирующую диарею, у всех отсутствовал эффект от проводимой амбулаторно терапии. Группу сравнения (II группа) составили 20 детей, не имеющих симптомов пищевой непереносимости в анамнезе. Всем детям осуществлено клинико-иммунологическое, биохимическое и функциональное обследование в динамике. С помощью комплекса клинических и антропометрических (рост, масса тела, окружность груди, окружность плеча, суммарная толщина кожных складок) данных оценивался нутритивный статус (НС) пациента. Для комплексной оценки нутритивного статуса обследуемых, состояния висцерального пула белка, кроветворения и иммунного статуса также использовали лабораторные методы исследования (определение содержания в сыворотке крови общего белка, альбумина, креатинина, мочевины, холестерина, преальбумина, ферритина, трансферрина, ретинолсвязывающего белка; в периферической крови – абсолютного количества лимфоцитов). 16 пациентам в периоде выраженных клинических проявлений для исключения наследственных заболеваний ЖКТ была проведена эзофагогастроеюноскопия с энтеробиопсией. Биопсийный материал получали через рабочий канал фиброгастроскопа PENTAX FG 24V при помощи фарцепта из тощей кишки до связки Трейца. Полученный биопсийный материал фиксировали в параформальдегиде и использовали для приготовления срезов с последующей окраской их гематоксилином и эозином. Оценка морфологических данных проводилась с помощью световой и электронной микроскопии. Оценку полученных результатов и комплексный системный анализ данных проводили методом вариационной статистики с вычислением средней арифметической (M), ошибки средней арифметической (m), доверительного коэффициента Стьюдента (t) при заданном уровне значимости (p). Результаты статистического анализа принимались за недостоверные ($p>0,05$), достоверные ($p<0,05$), достоверные с высокой степенью ($p<0,001$). Статистическую обработку

материала выполняли с помощью специализированных пакетов прикладных программ для исследований («Excel-2003» и «Statstica 5.0» for Windows).

Результаты исследования

При исследовании нутритивного статуса были выявлены следующие изменения: 64,1% (n=22) составили дети, имеющие соответствующие возрасту средние антропометрические показатели, медианные параметры индекса массы тела (Кетле II) и гармоничное развитие подкожно-жировой клетчатки. 38,9% (n=14) детей составили пациенты с признаками белково-энергетической недостаточности. Степень белково-энергетической недостаточности определялась согласно критериальным шкалам объединенной классификации недостаточности питания (Gomez F., Waterlow J. C., 1996 г). Центильные коридоры оценки ИМТ, суммы кожных складок в 4 точках, массы по росту коррелируют в 92% случаев. Эти данные подтверждают высокую информативность ИМТ как показателя развития жировой массы тела у детей с пищевой непереносимостью.

При изучении иммунобиохимических параметров были выявлены изменения основных параметров метаболизма у всех обследуемых больных (табл. 1).

При изучении биохимических показателей крови у детей с ПН (I группа), было выявлено достоверное снижение уровня преальбумина (0,16±0,02г/л) и трансферина (2,1±0,19 г/л), дислипидемические нарушения.

При эндоскопическом исследовании в периоде выраженных клинических прояв-

Таблица 1

Показатели метаболизма в сыворотке крови у детей, X+x

Показатели	Группы		Достоверность
	I группа, n=36	II группа, n=20	
Общий белок, г/л	64,43±4,71	66,54±4,32	P>0,05
Альбумин, г/л	44,01±1,21	45,51±3,12	P>0,05
Креатинин, мкмоль/л	44,29±2,63	44,61±2,56	P>0,05
Мочевина, ммоль/л	4,21±0,37	4,84±0,35	P>0,05
Холестерин, ммоль/л	3,8±0,3	4,1±0,3	P<0,05
ЛПНП, ммоль/л	3,45±0,26	3,21±0,24	P<0,05
ЛПВП, ммоль/л	1,38 ±0,23	1, 71±0,31	P<0,05
В-липопротеиды, ед.	53,46±2,8	48,24±2,9	P<0,05
Преальбумин, г/л	0,16±0,02	0,24±0,02	P<0,05
Ферритин, г/л	2,453±0,761	2,336±0,224	P>0,05
Трансферрин, г/л	2,1±0,19	2,97±0,34	P<0,05
Ретинолсвязывающий белок, г/л	119,1±10,7	117,8±9,3	P>0,05
Абсолютное количество лимфоцитов, тыс. в мкл	4,8±0,3	5,3±0,6	P <0,05

лений ПН изменений слизистой оболочки пищевода не выявлено ни одного пациента, в 43,75% (7) случаев выявлены воспалительные изменения слизистой оболочки желудка. У 31,25% отмечалась повышенная кислотообразующая функция желудка. Отсутствие структурных изменений слизистой оболочки пищевода подтверждено выборочными биопсиями, в которых определялся многослойный плоский неороговевающий эпителий без признаков воспаления. Воспалительные изменения в биоптатах желудка были выявлены у 4 (25,0%) пациентов.

Эндоскопическое исследование слизистой оболочки тонкой кишки показало наличие у 9 (56,25%) пациентов очаговой гиперемии и отека, 8 (50,0%) детей имело дополнительно изменения, описанные в виде симптома «манной крупы», проявление которого усиливалось в дистальном направлении. Гистологическое изучение СО тонкой кишки у 16 больных на фоне клинических проявлений ПН не выявило существенных изменений структуры кишечных ворсин и энтероцитов. У 5 (31,25%) больных отмечалось небольшое уменьшение длины ворсин до 487,8+2,0 мкм, без углубления крипт (171,8+6,6 мкм). Соотношение длины ворсин к глубине крипт соответствовала 2,83+0,01. Специфических изменений структуры кишечных ворсин и энтероцитов при ПН выявлено не было.

В собственной пластинке слизистой оболочки при гистологическом исследовании отмечалось нарастание клеточной плотности за счет межэпителиальных лимфоцитов и плазматических клеток (рис. 1).

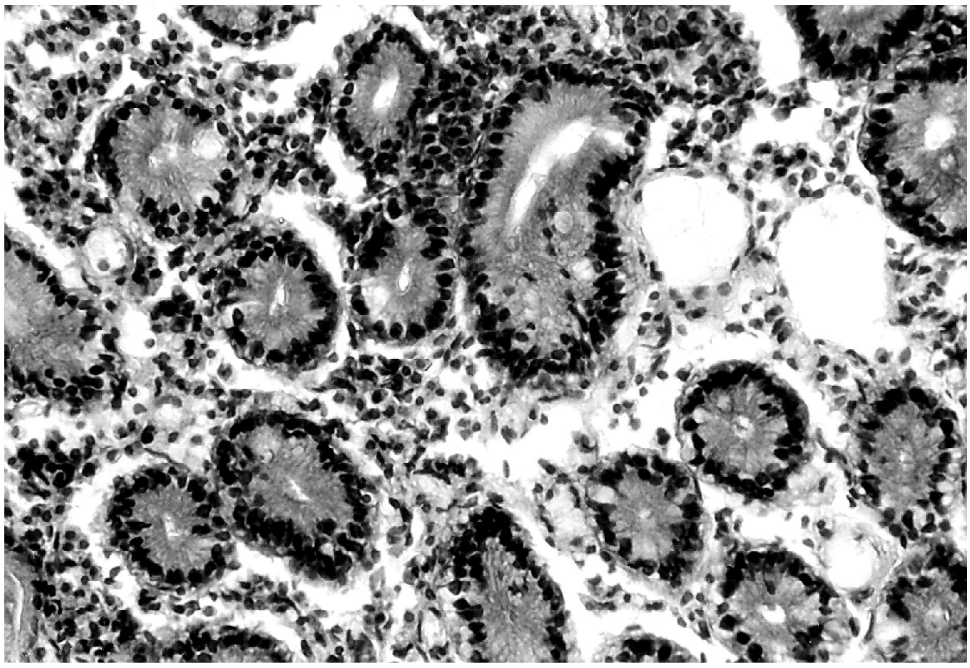


Рис. 1. Слизистая оболочка тонкой кишки при пищевой непереносимости, период выраженных клинических проявлений. Окраска гематоксилином и эозином; об. 20х, ок. 10х

Исследование структурных особенностей слизистой тонкой кишки выявило энтероциты, в цитоплазме которых определяется большое количество митохондрий, рибосом, эндоплазматичекого ретикулума (рис. 2).

Обсуждение полученных результатов

Участие в осуществлении основных метаболических и барьерных функции, поддержании межорганных и межсистемных связей определяет важную роль кишечника в адаптационных реакциях организма. Одним из важнейших условий развития пищевой интолерантности является нарушение пищеварительного барьера, селективно за-

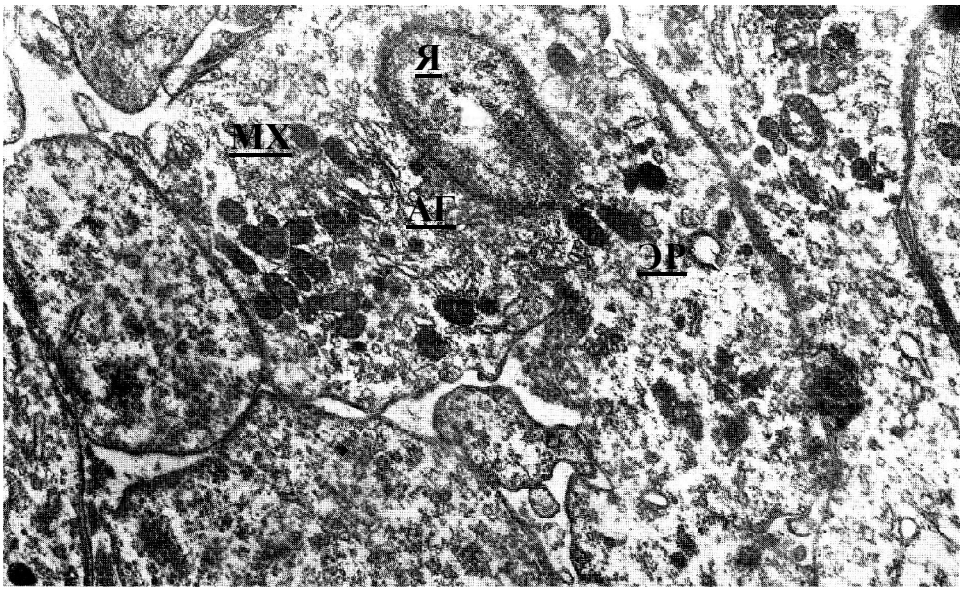


Рис. 2. Эпителиальная клетка кишечника при пищевой непереносимости (Я– ядро, МХ – митохондрии, ЭР – эндоплазматический ретикулум, АГ – аппарат Гольджи). Электронограмма, х7000.

щищающего организм от антигенных субстанций. В этой защите играют большую роль анатомо-функциональная состоятельность эпителиального барьера и напряженность местного иммунного ответа. Полученные нами данные убедительно свидетельствуют о наличии структурных изменений различных отделов желудочно-кишечного тракта. Согласно современным представлениям, в механизмах формирования пищевой толерантности могут участвовать не только клетки слизистой оболочки тонкой кишки, решающая роль в развитии толерантности принадлежит процессу взаимодействия Т-клеток с АГ-презентирующими клетками (АПК) и присутствию при этом взаимодействии ко-стимулирующих молекул. Наше исследование показало, что в механизмах компенсации происходящих нарушений принимают участие некоторые мембранные, лизосомальные и митохондриальные ферменты, локализованные в энтероцитах. Обнаруженное при гистологическом исследовании собственной пластинки слизистой оболочки нарастание клеточной плотности за счет межэпителиальных лимфоцитов и плазматических клеток, выявление энтероцитов с большим количеством митохондрий, рибосом, эндоплазматичекого ретикулума свидетельствует о компенсаторной реакции и большой физиологической нагрузке клеток. Вероятно, процесс распознавания и представления антигенов на фоне измененной СОТК, повышения проницаемости кишечной стенки, сопровождающийся повышением выработки моноцитами провоспалительных цитокинов, оказывает влияние и на усиление синтеза гепатоцитами острофазных белков. В ходе первичного иммунного ответа изменяется белковосинтетическая функция печени, о чём свидетельствует снижение сывороточного уровня преальбумина, трансферрина. Традиционные показатели белкового обмена, такие как уровень общего белка и альбумина, оказались малочувствительными для оценки нарушений белкового обмена у детей с ПН, а определение содержания в крови преальбумина и трансферрина позволяют выявить эти изменения у большинства пациентов с данной патологией и обосновать рациональную коррекцию. Преальбумин играет в основном транспортно-элиминационные функции, которая и нарушается в условиях снижения его концентрации в сыворотке крови. Падение уровня

трансферрина приводит к увеличению содержания свободного сывороточного железа, кроме того, изменяется обмен ди- и тривалентных ионов металла, а также транспорт железа в ткани депо. Учитывая тот факт, что его внесосудистый пул весьма незначителен, а период полураспада, по сравнению с альбумином, короче, то снижение его концентрации в сыворотке позволяет выявить более ранние изменения белкового питания. Установлено, что уровень холестерина в крови снижен у детей с ПН, а при изучении его фракций выявлено повышение ЛПНП и β-липопротеидов, что указывает на значимые нарушения в соотношении отдельных фракций липидов. Выявленное нами сочетание нарушений белкового и липидного обмена свидетельствует о дисрегуляции обмена веществ, формировании эндотелиальной дисфункции и нарушении кишечной проницаемости.

Таким образом, развитие нутритивной недостаточности влияет на состояние желудочно-кишечного тракта у детей, способствуя развитию явлений пищевой непереносимости. Поэтому такие нарушения у детей раннего возраста должны быть корригированы своевременно, применением в лечении антиоксидантов, стабилизаторов клеточных мембран, молочных смесей, обогащенных сывороточным белком и полиненасыщенными жирными кислотами (ПНЖК). Оптимизация рационов должна проводиться врачом в соответствии со степенью выраженности нарушений питания, индивидуально для каждого пациента.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дашивеч В. В., Андреев А. А., Олендарь В. В. Особенности развития пищеварительной системы и усвоения липидов у недоношенных детей // Вопросы современной педиатрии. – 2006. – Т. 5. – № 5. – С. 51-55.

2. Лазарева Т. С. Нутритивная поддержка детей с заболеваниями желудочно-кишечного тракта // Трудный пациент. – 2009. – №1-2. – С. 73-75.

3. Лусс Л. В., Сидорович О. И., Успенская К. С. Пищевая аллергия и пищевая непереносимость: принципы диагностики и терапии // Лечащий врач. – 2007. – №4. – С. 16-20.

4. Луфт В. М., Ткаченко Е. И Диагностика трофологической недостаточности // Рос. мед. журн. – 1992. – № 3. – С. 13-17

5. Cho H. N, Hong S., Lee S. H., Yum H. Y. Nutritional status according to sensitized food allergens in children with atopic dermatitis // Allergy Asthma Immunol Res. – 2011. – №3. – P. 53-57.

6. Vieira M. C., Morais M. B., Spolidoro J. V. A survey on clinical presentation and nutritional status of infants with suspected cow' milk allergy // BMC Pediatr. – 2010. – №4. – P. 10-25.

7. Oh S. Y., Chung J., Kim M. K., Kwon S. O., Cho B. H. Antioxidant nutrient intakes and corresponding biomarkers associated with the risk of atopic dermatitis in young children // Eur J Clin Nutr. – 2010. – № 64. – P. 245-252.

8. Somers L. Food allergy: nutritional considerations for primary care providers // Pediatr Ann. – 2008. – № 37. – P. 559-68.

9. Hosoyamada T. Clinical studies of pediatric malabsorption syndromes // Fukuoka Igaku Zasshi. – 2006. – № 97. – P. 322-350.

10. Dowdee A, Ossege J. Assessment of childhood allergy for the primary care practitioner // J Am Acad Nurse Pract. – 2007. – Vol. 19. – №2. – P. 53-62.

11. Halken S. Prevention of allergic disease in childhood: clinical and epidemiological aspects of primary and secondary allergy prevention // Pediatr Allergy Immunol. – 2004. – № 15. – Suppl. 16. – P. 9-32.

12. Waddell L. Food allergies in children: the difference between cow's milk protein allergy and food intolerance // J Fam Health Care. – 2010. – № 20. – P. 104.

13. Walker S, Wing A. Allergies in children // Fam Health Care. – 2010. – № 20. – P. 24-26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛЬМАНАХЕ «ГУМАНИТАРНО-ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ВЕСТНИК»

Первый номер «Гуманитарно-пенитенциарного вестника» вышел в 2006 г. Его тематической осью являются проблемы истории государства и права, социально-философских, политологических и культурологических особенностей деятельности уголовно-исполнительной системы. Издателем альманаха выступает Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России.

Очередной тематический выпуск альманаха посвящен исключительно проблемам истории пенитенциарной системы России. Предлагается весь круг публикаций разделить на 2 тематических блока:

1 – Система исполнения наказаний в древней, средневековой Руси и самодержавной России;

2 – Карательная система советской России и СССР;

1 блок – должен отражать события:

X – первая половина XVII в.:

– положения «Русской правды», Уставной Двинской грамоты 1397 г., Судебника 1550 г., Соборного уложения 1649 г. и т. п.;

– наказания по составам преступлений государственных и религиозных;

– влияние на карательную систему Руси татаро-монгольского ига;

– применение смертной казни.

Вторая половина XVII – XVIII вв.:

– Виды расправ и наказаний, применявшихся в период правления Петра Великого (в т. ч. анализ документов);

– зарождение каторги;

– особенности правоприменительной практики в период дворцовых переворотов;

– планы Екатерины II по реформированию тюрем и их реализация;

– военные и монастырские тюрьмы.

XIX – начало XX в.:

– преобразования тюремной системы в 1-й половине XIX в. (разновидности мест лишения свободы, первые пенитенциарные учреждения, тюрьмы особого режима);

– формирование и развитие конвойной стражи;

– деятельность Общества попечительного о тюрьмах;

– реализация положений Общей тюремной инструкции (1831) и «Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных» (1845);

– развитие судебной и административной ссылки, реализация положений Устава о ссыльных (1822), Закона «Об отмене ссылки на житие и ограничении ссылки на поселение» (1900) и др.;

– последствия судебной реформы 1864 г. для тюремной системы;

– российская каторга в XIX – начале XX в.;

– создание Главного тюремного управления и последовавшие реформы.

2 блок – должен отражать события:

1917 – 1934 гг.

– тюремная реформа Временного правительства;
– первые документы и меры Советской России по созданию новой системы мест лишения свободы в регионах;
– перевод мест лишения свободы в НКВД РСФСР (1922 г.);
– Соловецкий лагерь особого назначения;
– Зарождение ГУЛАГа;
– общие места лишения свободы в составе Наркомюста (1930-1934 г.);
– становление лагерной системы (история ИТЛ, лагпункта).

1934 – 1954 гг.

– Образование НКВД СССР, спектр главков, содержащих заключенных;
– развитие лагерной системы и ее перевод из поставщика рабочей силы в основного производителя работ на «великих стройках социализма»;
– обзор деятельности крупнейших лагерей; образование «шарашек»;
– «ежовщина» как пик репрессий в СССР;
– ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны;
– система штрафбатов, лагерей фильтрационных и для военнопленных;
– возвращение к репрессивным формам управления в послевоенный период, место тюремно-лагерных учреждений в этих процессах;
– многоотраслевой характер хозяйственной деятельности исправительно-трудовой системы;
– смерть И. В. Сталина и последовавшие за этим преобразования (передача ГУЛАГа из МВД в Минюст СССР, крупнейшая амнистия 1953 г.).

1956 – 1997 г.

– Ликвидация ГУЛАГа;
– Реформирование ИТУ в 60-80-е годы;
– Распад СССР и становление пенитенциарной системы новой России;
– Реформирование УИС России на рубеже XX-XIX в.;
– Подготовка кадров, наука и международное сотрудничество.

Технические требования к публикациям: Ранее не опубликованные статьи предоставляются в печатном и электронном виде. Шрифт – Times New Roman, размер кегля – 14, междустрочный пробел – 1,5 интервала, отступ – 1,25 см., сноски внизу страницы (размер кегля – 12), нумерация начинается в каждом разделе (постатейно). Поля: слева, справа, сверху и снизу – 2 см. Указывается фамилия и имя, должность, ученая степень и научное звание, а также адрес автора. Желательна краткая аннотация статьи (для международной регистрации ISBN). Рисунки и фотографии принимаются размером не менее 9х12 см. Статьи подписываются авторами. **Публикация бесплатная.**

Уважаемые коллеги! Желающие принять участие в подготовке публикаций для альманаха могут направить их по адресу:

390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Академия ФСИН России,
кафедра философии и истории. E-mail: reent2@yandex.ru
Главный редактор – Реент Юрий Арсенович.

SUMMARY

Ryndin I. Y. Russian Principalities in the First Third of the 15th Century during the Government of Vitovt and Vasiliy the Dark (1400-1430) [Part 17] // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 3 – 13. [0,9 п. л.]

Key words

Khan's tag, the great reign, princely corporation, great princely domain, Moscow princely House, Great Lithuanian principality, Moscow state, maiorat, right of primogeniture

Summary

Rewiew of political situation in Rus (Russia) after the battle at the Vorskla and till the death of the great prince Vitovt Keistutovich. The rights analysis of the succession to the throne of Yuri Dmitrievich Zvenigorovskiy and his nephew Vasili Vasilievich the Dark.

Golovina N. V. The Ryazan Eparchy's Cloister Landowning during the Independence of the Ryazan Pprincipality by Acts XIV– the first quarter of the XVI centuries // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 14 – 20. [0,6 п. л.]

Key words

Historical sources, acts, cloister landowning, the Ryazan eparchy

Summary

This article is dedicated to the cloister landowning in the Ryazan eparchy XIV - first quarter XVI centuries. The exploration is based on a wide circle of acts, which reveal its main peculiarities and representative traits. The analysis also shows the great meaning of this kind of historical sources in a scientific research the medieval Ryazan eparchy's history.

Yevstratov A. Ye. Introduction of City Regulations on June 16, 1870 in Ryazan // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 21 – 26. [0,5 п. л.]

Key words

City reform, Municipal duma, Town council, Mayor, the Governor, the State Council

Summary

This article discusses the process of introducing the new Institute of Public Administration of the City Duma in the Ryazan Province. The work highlights the progress of municipal reform, 1870. As the development of social and political system. This issue is relevant because these changes have laid the foundation for the evolutionary development of the country.

Pronchatova V. P. «Russian Education» of T. I. Fillippov // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 27 – 32. [0,4 п. л.]

Key words

Collection «Russian Education», the problem of upbringing and education in Russia, the church split, the motion single faith, Christian values, the Orthodox faith

Summary

Tertiy Ivanovich Fillipov (1825-1899) – social activist, thinker and writer, a representative of the conservative social movement of the second half of XIX century. In 2008, after more than century-long break, his major works were reprinted and amounted to a collection entitled «Russian education».

This article reviewed the contents of the collection, analyzed the milestones of life path of Filippov and his ideas, which to date are particularly relevant.

Rafalyuk O. E. Problem of Formation of System of Values of Russian Writers-Modernists on Boundary XIX-XX Centuries (Theoretical and Methodological Substantiation) // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 33 – 38.[0,5 п. л.]

Key words

Intelligency, writers-modernists, system of values, consciousness, culture, transitive epoch,

cultural and historical era, «self-concept», personal history, cultural practices, psychobiography

Summary

In article presents a theoretical and methodological substantiation of studying of system of values of Russian intellectual elite on an example of writers-modernists of boundary XIX-XX centuries. The article examines the major factors influencing process of formation of a picture of the world of Russian creative intelligency.

Kovalev I. G. Cross-party struggle during drafting the Bill of Parliament of 1911 // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 39 – 50. [1,0 п. л.]

Key words

House of Lords Reform, Conservative party, Liberal Party, Parliament bill 1911, suspensory veto, peers created, Constitutional Conference, Royal guarantees

Summary

This article explores the confrontation between the Conservative and Liberal parties in the UK according the House of Lords reform during the preparation of the draft Act of Parliament of 1911. A link of this issue with other relevant aspects of social, financial and constitutional-legal policy is identified. The causes of the inter-party dialogue beginning, the secret talks in the Constitutional Conference, the circumstances surrounding the inability of party leaders to reach an agreement are analyzed.

Sokolov E. N. Adoption of the Budget of the RSFSR of July-December 1919 // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 51 – 55. [0,4 п. л.]

Key words

Budget, the People's Commissariat of Finance, revenues, expenditures, deficiency

Summary

Article is devoted to the peculiarities of drawing and adoption the budget of the Soviet republic for July-December 1919. Disclosed problems faced Bolshevik government while working on the fourth revolutionary budget.

Sokolov E. N. Attempt to Introduce a Single Progressive Income-Property Tax and Its Outcome // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 56 – 61. [0,5 п. л.]

Key words

Taxes, the People's Commissariat of Finance, decree, money

Summary

This article discusses the Bolshevik attempt to reform the system of direct taxation. The focus is on preparing the introduction of the single progressive income-property tax. The reasons for the refusal of the Soviet government from the tax reform.

Glukharev N. N. Activity of Scientific Committee at the CEC of the USSR on Regulation of the International Scientific Communications (1930-1936) // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 62 – 68. [0,6 п. л.]

Key words

Science, the international scientific communications, the Soviet science, Scientific Committee at the Central Executive Committee of the USSR

Summary

In article the author reveals the mechanism of regulation of the international scientific communications of the USSR in 1930-1936 and a place in it of Scientific Committee at the Central Executive Committee of the USSR. In development of scientific communications of the USSR during the given period inconsistent tendencies are observed: from expansion of the international contacts and increase of authoritativeness of the Soviet science in the world – before strengthening of its isolation.

Mostyaev Yu. N. Participation of the Indian Forces in the Arakan Offensive Operation «Anakim» // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 69 – 75. [0,6 п. л.]

Key words

Second World War, Indo-China-Burma's front, Great Britain, Arakan, Indian forces, Japanese, battles, chindits

Summary

This article is devoted to the fighting actions of the Indian forces during the Second World War. In particular to the participation in the operation «Anakim», what have to help in defeating Japanese army in Burma.

Safronov B. V. The Forum Asia-Pacific Economical Cooperation (APEC) in Posen (Republic Korea) in November 2005 year // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 76 – 81. [0,5 п. л.]

Key words

Association, renewal, system, trade, inventions, process, road carte, individual plan action

Summary

The given article devoted to work of the Forum Asia – Pacific Economical Community (which took place in November 2005 took place in Piscine (Republican Korea). The Forum touched upon questions connected with further development of the organization strengthens economic connection and bilateral relationship. Very important event of the Forum was adoption of the document «Posen road map».

Khramchihin A. A. Chinese Migration to Russia Problem in Aspect of China Living Space Expansion // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 82 – 88. [0,6 п. л.]

Key words

China, Russia, migration, expansion, demographic balance

Summary

The Chinese migration in the Russian Federation has absolutely special character distinguishing it from migratory streams from any other country. It is spent under the control of Chinese government and can potentially provide creation in territory of the Russian Federation of «the fifth column».

Anisimova S. G. Social Psychological Aspects of Deviation in the Anomy Society: Trends and Displays // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 89 – 97. [0,7 п. л.]

Key words

Anomia, deviancy, trends, transformation, cognitive dissonance, social agnosia, mythologization, psychic neurotization

Summary

The article is dedicated to the problems of anomia, the social conditions, at which take place a transformation of value and normative system, social institutes and social interaction. The author makes sociological analysis of trends, to which the attention is paid by researches of modern Russian society – differentiation, specialization, «uncharming», individualization, reflexivity, abstracting and rationalizing. Besides, the author points out the trends of mythologization – «charming» and psychic neurotization, having become one of the most important reasons of displaying of the deviant behaviour in the conditions of anomia.

Agapov Yu. V. Culture of Education: Identification of Subject Domain and the Concept Maintenance // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 98 – 103. [0,5 п. л.]

Key words

Culture, education, culture of education and educational culture, subjects of educational

activity, carriers and subjects of culture of education

Summary

In the article various approaches to allocation of subject domain and definition of concepts «culture of education» and «educational culture» are considered. The phenomenon of culture of education reveals from positions of genesis and development of the maintenance of cultural values and the norms, that regulate thinking, behavior and activity of subjects of an education sphere.

Ilkevich B. V., Nikonov V. V. The Artistic-Industrial Education in Gzhel Region // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 104 – 109. [0,5 п. л.]

Key words

Artistic-industrial education, folk artistic craft Gzhel

Summary

The article is devoted to the history of artistic-industrial education formation on the territory of the traditional existance of the Russian folk craft Gzhel ceramics. The archives materials which have never been published before show that the Soviet government even in the early years of its existance paid a great attention to the problems of folk craft development and to the reproduction of the artistic-industrial specialists.

Mitina L. M., Kuzmenkova O. V. Intrapersonal Contradictions of Professional Development of Teachers // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 110 – 117. [0,6 п. л.]

Key words

Professional development of the teacher, intrapersonal contradictions of professional development of the teacher, professional consciousness, «an image of I (me)»

Summary

The article considers the problem of professional development of the teachers from the point of view of determinacy is put by intrapersonal contradictions. Authors conceptually prove internal discrepancy of professional consciousness and the empirical proof of a specific parity between its components at teachers is presented.

Vasilenko T. D. Infertility Situation as the Factor of Transforming the Personality Life Perspective // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 118 – 123. [0,5 п. л.]

Key words

Infertility, personality life way, meaning sphere, reflexivity, time perspective, mother's social role

Summary

In the article women personality life way in the infertility situation is regarded including pregnant women with diagnosis of infertility in the anamnesis. Negative alterations of different aspects of personality life way are revealed including emotional sphere, meaning and reflective processes, time perspective and accepting of mother's social role.

Denisova T. N. Image of Time in Persons after Retirement Who Proceed with Their Labour Activity // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 124 – 128. [0,4 п. л.]

Key words

Crisis of retirement age, time, the past, the present, the future, concept of time, temporal tasks, time perspective

Summary

The Article is devoted to an empiric study of image of time and its constituents in persons after retirement (100 tested) in dependence on whether they proceed with their labour activity or not. It shows that retention of employment is bound to more positive image of time as

such, and also of the past, the present and the future.

Konstantinov S. A. Complex Technology of Patriotic Education in the Education System // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 129 – 134. [0,5 п. л.]

Key words

Parenting, technology education, patriotic education, education system, educating young people in education

Summary

The article considers the main provisions of the author teaching the concept of integrated technology and patriotic education of young Russians in the domestic education system. Substantiates the importance of patriotic education in the educational process of schools in shaping the identity of the citizen of Russia.

Kopylova T. U. Peculiarityies of Development of Important for Profession Personality's Qualities of Students who Learn Technical Specialties // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 135 – 140. [0,5 п. л.]

Key words

Important for profession personality's qualities, productive motivation, ability for self-government, student's age

Summary

In article are considered the results of research of student's notions about the level of development they have some important for profession personality's qualities. Conducted comparison of these notions with the success of students in educational activity. The results of research witness about expediency of formation of installation on development of productive motivation and more adequate concepts about the capacity to self-government of students for increase their academic and professional success. For the effective decision of this problem is necessary realization of psychological and pedagogical support of educational process.

Kopysova L. A. Concept of Motivation in Professional Activities of Medical Students // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 141 – 146. [0,5 п. л.]

Key words

Medical schools. Training of health personnel. Studeny medical schools. Motivation. The development of professional motivation

Summary

The article considers the main provisions of the author teaching the concept of motivation in professional activities of medical students. Substantiates the importance of the process of education, development of motivation in the professional training of medical staff in ensuring the health of the population of Russia.

Kochetkova S. V. Psychical Self-Regulation in Extreme Types of Activity // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 147 – 152. [0,5 п. л.]

Key words

Self-control, «sandwich» model, the status, intersystem and intersystem communication, sportsmen-arrows, pilots

Summary

Questions of regulation of mental processes in extreme kinds of activity are considered. Various models of the analysis of processes of mental self-control are resulted. The author offers three-layer, three system conceptual model. On an example of sports shooting and flight activity results of research of professionally important qualities within the limits of the developed conceptual model of self-control are presented.

Markov A. C., Syrkin L. D., Usov V. M. The Comparative Characteristic of Risk Factors

to Mental Health of Students and Cadets // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 153 – 162. [0,8 п. л.]

Key words

Mental health, risk factors to mental health, a method of expert estimations, programs savings health

Summary

Research of risk factors to mental health various genesis taking into account duration and intensity of their influence on functional reserves and personal adaptable potential of students and the cadets trained in higher educational institutions (high schools) is carried out. Studying of risk factors was carried out at the training initial stages in high schools of various profiles by a method of expert estimations in interests of drawing up of the individualised programs savings health.

Oslon V. N. Peculiarities of Psychosocial Development of Orphaned Adolescents in Care // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 163 – 170. [0,6 п. л.]

Key words

Adolescents in care, foster families, pubertal crisis, trauma, affective personal sphere, «an orphan's symptoms complex», family dysfunctions

Abstract

The article provides the results of empirical research of peculiarities of psychosocial development of orphaned adolescents in kinship and non-kinship care. Comparative analysis is implemented as the main approach to investigation of the problem. Comparison of the data obtained in the groups of adolescents with the experience of group care and adolescents growing up in extended biological families since birth showed that adolescents without the experience of group care demonstrate higher level of well-being and are less prone to deprivational development disorders then group care alumni. The influence of family trauma on kinship guardians' family functioning as well as the character of relationships between guardians and adolescents are discussed. The reasons for disintegration of adolescents from family systems in kinship and non-kinship care are described.

Razdorskaya O. V. Didactic Drama as a Technology of Development the Students' Introspective and Creative Skills // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 171 – 176. [0,5 п. л.]

Key words

Didactic drama, creative skills, pedagogical of the process of creativity's development, English for special purposes (English for medicine)

Summary

The author describes the technology of didactic drama as the means of the medical students' creative potential revealing in the process of studying a foreign language. Methodically based and practically approved scenarios of the didactic dramas for medical students of different specialties are worked out. Communicative abilities and introspective and creative skills obtained by the students while preparation and staging the didactic drama have been systematically analyzed.

Simonenko I. A. Study of Attachment and its Influence on Mental Development at Early Age Children // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 177 – 182. [0,5 п. л.]

Key words

Attachment, type of attachment, quality of attachment, «Unknown situation», mental development, self-actualization, self-confidence

Summary

On the basis of author's modification of M. Ainsworth method «Unknown situation» behavior

of early age children in a new situation, their attachment to mother, attachment types and their influence on child mental development, also effect of personality's peculiarities on formation a certain type of attachment were studied. Such characteristics of mother's personality as self-actualization level and self-confidence were regarded. 64 dyads «mother-child» take part in the study.

Sokolov V. N., Koroteyev G. L. Methodological Questions of the Estimation of Quality Group Activity on Training Apparatus // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 183 – 190. [0,6 п. л.]

Key words

A training apparatus, group preparation, factors of group activity, value judgment

Summary

Article is devoted questions of methodology of an estimation of quality of preparation of group activity of operators on training apparatus. The method of the formalized value judgment on a database formed by a training apparatus that allows to define level of preparation of operators is offered and to correct the subsequent programs of training.

Ouroubkova L. M. Contributing to Understanding and Getting Knoledge in Translation // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 191 – 209. [1,5 п. л.]

Key words

Interpretation of one's own self, constructing one's own self, culture, spirit, intuition, attention, personality of a translator

Summary

Relations between communication partners in translation are based on broadening knowledge, coordination of purposes, actions, interests, understanding of a different vision of the world, ways of interpretation, objective character of the experience of a man. A translator and communication partners develop such relations if they realize that cognition is first of all understanding oneself, if they can realize opportunities in communication that develop cognitive, emotional, human qualities of the communication partners. A skill of a translator to contribute to the development of such relations includes knowledge about communication, an ability to use knowledge of notions that render most general meanings in all languages that make communication possible. One of the main aims in the formation of a translator's skills is the development of a personality, development of attention.

Aborina M. V. Social and Psychological Factors in Types of Interaction Subject-Subject // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 210 – 217. [0,6 п. л.]

Social Psychology

Key words

Type of interaction, value and moral component, confidence, focus

Summary

The article deals with social and psychological factors that determine the types of professional interaction management trading companies with customers, according to ecopsychological approach. The system of psychological regulation combines different levels of interaction and different order determinants, among which play an essential role of values and moral characteristics and personal orientation.

Veprentsova S. Features of the Impact of Older Teens on the Effectiveness of Primary Prevention of Substance Use Younger Adolescents // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 218 – 223. [0,5 п. л.]

Key words

Psychoactive substances, socio-psychological training, teens, volunteers, prevention of substance use

Summary

The article discusses the features of the program «Teenager – teenager» as a means of primary prevention of adolescents substance use; examines the selection criteria of younger teenagers as participants in this program; investigate the effectiveness of the program «Teen-teen» as a means of primary prevention of substance abuse.

Dolgopolov S. M. Theory and Practice of Teaching and Learning Adaptive Control in the Military Academies // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 224 – 229. [0,5 п. л.]

Key words

Adaptive learning, pedagogical control, the cadets of military schools, educational diagnosis, teaching tests

Summary

The article deals with the basic tenets of the theory and practice of adaptive learning and pedagogical control with respect to improving the training of cadets of military schools. Substantiates the importance of teaching adaptive tests in the diagnostic teaching, teacher control in the military academies.

Kazarikhina T. N. Implementing of Competence Approach in Preparing Future Math Teachers // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 230 – 234. [0,4 п. л.]

Key words

Math teacher, the competence approach, competence

Summary

The article deals with the practical aspect of implementing the competence approach in preparing future teachers of mathematics as an example of discipline on the choice of «Measure and integral» in the transition to the federal state educational standards of the third generation.

Orlova I. N. Considerations of Moscow and Omsk students about family life and future marriage relations // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 235 – 240. [0,5 п. л.]

Key words

Youth, students, social and psychological readiness to family life, role-expectations, role-pretension, functions of family

Summary

The article presents the results of the study «Role-expectations and role-pretensions in a marriage» by A. Volkova. The obtained data has been examined from the social and psychological point of view to reveal the characteristics of perceptions of modern youth about family relations, gender roles in the family, to reveal the peculiarities of readiness of youth to family life.

Perekalsky S. A. Conceptual Model of the Future Teacher Preparation to Innovative Activity (on the Example of the Project Education Technology) // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 241– 246. [0,5 п. л.]

Key words

Pedagogical innovation, preparation of future teachers to innovative activity, the model of preparation future teachers to innovative activity

Summary

In this article the author's model of the preparation of future teachers (students of the pedagogical university) to innovative activity and the results of its approbation are represented. The model of preparation consists of target, content, process and result parts that reflect the main methodological points of author's conception. Criteria and indicators of future teachers'

readiness for innovative activity are defined, experimental work of the model realization is described.

Prokhorov R. E. Psychological Features of Senior Student and their Influence on the Results of State Exams // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 247 – 252. [0,5 п. л.]

Key words

Final Exam, anxiety, motivation, level of aspiration, self-esteem

Summary

This article is devoted to the psychological characteristics of students eleventh grades and their influence on the results of final examinations. The article discusses some aspects of learning and cognitive activity high school students. Investigated personality traits in the run-up to the final and proposed new methods of prevention.

Lenkova T. A. The function of retrospection in medialinguistics // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 253 – 259. [0,6 п. л.]

Key words

Retrospection, retrocognition, massmedia-discourse

Summary

The author makes the first try to explain the use and the role of retrospection in the written massmedia-discourse. The author deals with his own classification of retrospection.

Afanasyev M. State Information and Analysis Support of the National Foreign Economic Complex: Searching for the Optimal Model // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 260 – 267. [0,6 п. л.]

Key words

Information and analysis support, state-business cooperation, state support of exports, international best practices of exports support, foreign economic complex

Summary

The article goes into the role of state information and analysis support of national exporters, and studies the best international practices, with particular reference to the external economic promotion strategies of the world's leading exporters. International experience gives an insight into the optimal model for state information and analysis support, suitable for Russia's foreign economic complex, as well as further contributes to designing a mechanism for effective promotion of Russian exports.

Vlasov V. I. Theoretical Basis of Spiritual Epidemiology. P. 2. Dynamics of Spiritual Morbidity Case of Criminal Nature (Epidemiological Analysis and Mathematical Modeling: on the Example of Servicemen Crime) // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 268 – 282. [1,2 п. л.]

Key words

Classical epidemiology, spiritual epidemiology, spiritual morbidity, dynamics, tendency, cyclicity, infection, information, spirit, soul, body, social pathology, information pathogenicity, medicine, psychology, pedagogics, criminology

Summary

The article describes the results of practical usage of basic theoretical points of information epidemiology (spiritual epidemiology) and epidemiological method to study crime as a **spiritual morbidity** case of the population according to the published data of official registration. We studied the epidemic process dynamics of servicemen crime in Armed Forces of ex USS republics. It is considered as a dangerous special form of **spiritual case morbidity** of criminal nature in specially organized groups of the population, registered from 1949 till 1991. We examined and summed up the dynamics of main kinds of servicemen crime in its simultaneous

spreading. We noticed that it has a cyclic nature with a difficult set of rhythms with different periods of hesitations. So, due to the expressed wavelike course of the disease case for the period of many years it has no tendency to stable decreasing in perspective.

Temezhnikova N. D. Update on Prevention of Travel-Associated Legionnellosis // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 283 – 289. [0,6 п. л.]

Key words

Legionellosis, preventative measures, risk assessment, standard methods in epidemiological investigations

Summary

In the review article various aspects of the risk assessment in the development and implementation of travel-associated legionellosis prevention schemes are being considered. Main problems related to the prevention of Legionellosis in the design, construction and operation of hotels, recreational and fitness facilities as well as organization of major sport and entertainment events are being discussed. Specific attention was paid to practical aspects of risk assessment methodology and results interpretation. Conclusions on practical importance and feasibility of standardized approaches in risk assessment aimed on improvement of efficacy and cost-effectiveness of Legionellosis prevention have been made.

Shumatova T. A., Prikhodchenko N. G. Nutritional Deficiency in Food Intolerance Pathogenesis in Children // Russian Scientific Journal. – 2011. – № 5(24). – PP. 290 – 295. [0,5 п. л.]

Key words

Food intolerance, nutritive status, mucous epithelial barrier, breach of intestine permeability

Summary

To date all pathogenic mechanisms of food intolerance development in children are unexplored. To study the clinical and pathogenic particularities of the food intolerance shaping in infant with food intolerance (FI) it was organized complex clinic-immunological, biochemical and functional examinations of 36 children with FI at age from 0,5 to12 months old. It is installed that food intolerance shaping lead to breach all stage of the digestion with change the combined breach of protein and lipid exchange, metabolism deregulations, shaping of endothelial dysfunctions and breach of intestine permeability.

АВТОРЫ (AUTHORS)

АБОРИНА Марина Владимировна – преподаватель кафедры общей и социальной психологии факультета психологии Самарской гуманитарной академии
Контактная информация: E-mail: aborinamv@mail.ru; тел. 89198002248

АГАПОВ Юрий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой методологии управления Рязанского областного института развития образования
Контактная информация: E-mail: agapov-u@mail.ru; тел. 8-(4912)36-73-39

АНИСИМОВА Светлана Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Республика Саха (Якутия), г. Якутск), докторант кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: fomas2003@list.ru; тел. 8-(826)-273-40-56

АФАНАСЬЕВ Максим Анатольевич – аспирант кафедры экономики факультета управления в экономических и социальных системах Таганрогского технологического института Южного федерального университета (ФУЭС ТТИ ЮФУ)
Контактная информация: E-mail: afanasyev.maxim@gmail.com; тел. +7-918-5000-119

ВАСИЛЕНКО Татьяна Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, декан факультетов клинической и специальной психологии Курского государственного медицинского университета
Контактная информация: E-mail: tvasilenko@yandex.ru; тел. 8-(4712)-58-81-30

ВЕПРЕНЦОВА Светлана Юрьевна – педагог-психолог Центра психолого-педагогической реабилитации «На Снежной» (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: 715@bk.ru; тел. 8-(499)-903-54-65

ВЛАСОВ Вячеслав Иванович – кандидат медицинских наук, советник по социальной экологии и управлению, доцент кафедры эпидемиологии Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: vlasov_vi_rgmuscience@list.ru; тел. 8-(4912)-25-38-01

ГЛУХАРЕВ Николай Николаевич – аспирант кафедры истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета
Контактная информация: E-mail: GluharevN@yandex.ru; тел. 8-926-801-88-11

ГОЛОВИНА Наталья Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: ivi_1809@mail.ru; тел. 8-906-545-95-74

ДЕНИСОВА Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой практической психологии Вологодского государственного педагогического университета
Контактная информация: E-mail: tnd2@mail.ru; тел. 8-(8172)-57-20-163

ДОЛГОПОЛОВ Сергей Михайлович – старший помощник начальника учебного отдела военного института Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского
Контактная информация: E-mail: oe64@rambler.ru; тел. 8-9119920126

ЕВСТРАТОВ Александр Евгеньевич – аспирант кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: ryazan.aleksandr@mail.ru; тел. 8-920-953-33-44

ИЛЬКЕВИЧ Борис Владимирович – доктор педагогических наук, профессор, ректор Гжельского государственного художественно-промышленного института (Московская область, Раменский р-н, п. Электроизолятор)
Контактная информация: E-mail: ilk_bv@mail.ru; тел. +7-916-839-96-28

КАЗАРИХИНА Татьяна Николаевна – доцент кафедры математического анализа Московского педагогического государственного университета (МПГУ), соискатель ученой степени кандидата педагогических наук по кафедре математического анализа МПГУ
Контактная информация: E-mail: tn_k@hotbox.ru; тел. 8-916-785-38-29

КОВАЛЕВ Игорь Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе факультета мировой экономики и мировой политики Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ, г. Москва)
Контактная информация: E-mail: ikovalev@hse.ru; тел. +7-(495)-772-95-90*2205

КОНСТАНТИНОВ Сергей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, начальник управления по воспитательной работе Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения
Контактная информация: E-mail: voronkovserg@mail.ru; тел. 8-(952)-387-26-18

КОПЫЛОВА Татьяна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии Юго-Западного государственного университета (г. Курск)
Контактная информация: E-mail: asd-swsu@mail.ru; тел. 8-(4712)-50-44-11

КОПЫСОВА Лариса Анатольевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, проректор по управлению качеством образования Кировской государственной мед. академии
Контактная информация: E-mail: kopysova@kirovgma.ru; тел. 8-(8332)-37-49-15

КОРОТЕЕВ Геннадий Леонидович – кандидат технических наук, заместитель главного конструктора учебно-тренировочных средств Центрального конструкторского бюро аппаратостроения (г. Тула)
Контактная информация: E-mail: ssfpost@mail.ru; тел. 8-(0872)-558-722

КОЧЕТКОВА Светлана Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории психолого-педагогического обеспечения подготовки курсантов-летчиков Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков (военного института)
Контактная информация: Тел. 8-909-45-84-434, +7-952-85-79-150

КУЗЬМЕНКОВА Ольга Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Оренбургского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой возрастной и педагогической психологии ОГПУ
Контактная информация: E-mail: olgakuzmen@yandex.ru; тел. 8-(9033)-60-14-66

ЛЕНКОВА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: talenk@yandex.ru; тел. 8-(4912)-36-43-86

МАРКОВ Алексей Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: markoff.ac-50@mail.ru; тел. 8-(4966)-13-72-78

МИТИНА Лариса Максимовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии профессионального развития личности Психологического института Российской академии образования
Контактная информация: E-mail: mitinalm@mail.ru; тел. 8-(916)-555-61-30

МОСТЯЕВ Юрий Николаевич – доцент кафедры политологии Рязанского государственного радиотехнического университета
Контактная информация: E-mail: LM682005@yandex.ru; тел. 8-910-908-97-78

НИКОНОВ Вадим Вадимович – младший научный сотрудник отдела учебно-экспериментальных работ Гжельского государственного художественно-промышленного института (Москвская область, Раменский р-н, п. Электроизолятор)
Контактная информация: E-mail: nikonova-box2009@yandex.ru; тел. +7-926-511-10-40

ОРЛОВА Ирина Николаевна – аспирант-соискатель факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета
Контактная информация: E-mail: orlevich@bk.ru; тел. 8-915-181-16-76

ОСЛОН Вероника Нисоновна – кандидат психологических наук, заведующая лабораторией психолого-социальных проблем профилактики безнадзорности и сиротства Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ)
Контактная информация: E-mail: osl-veronika @ yandex.ru; тел. 89261783292

ПЕРЕКАЛЬСКИЙ Сергей Александрович – ассистент кафедры педагогики, ассистент кафедры начального дошкольного образования Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Московская обл., г. Коломна)
Контактная информация: E-mail: perekalsky@mail.ru; тел. 8-903-522-10-23

ПРИХОДЧЕНКО Нелли Григорьевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии с курсом иммунологии и аллергологии ФПК и ППС Владивостокского государственного медицинского университета
Контактная информация: E-mail: prikhodchenko_n@mail.ru; тел. 8-924-521-30-67

ПРОНЧАТОВА Валентина Павловна – аспирант кафедры истории Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
Контактная информация: E-mail: pronchatova-86@mail.ru; тел. 8-905-501-39-43

ПРОХОРОВ Руслан Евгеньевич – аспирант кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений Московского городского педагогического университета, заместитель директора по безопасности, учитель ОБЖ средней общеобразовательной школы №498 г. Москвы
Контактная информация: E-mail: RusProkhorov@gmail.com; тел. 8-909-638-23-68

РАЗДОРСКАЯ Олеся Владимировна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, старший преподаватель кафедры педагогики Курского государственного медицинского университета
Контактная информация: E-mail: razdorski@yandex.ru; тел. 8-(4712)-39-25-09

РАФАЛЮК Оксана Евгеньевна – аспирант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
Контактная информация: E-mail: oksana_rafalyuk@mail.ru; тел. 8-(916)-352-13-05

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории проблем регионализации образования Рязанского областного института развития образования (НИЛ ПРО РИРО)
Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

САФРОНОВ Борис Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.
Контактная информация: E-mail: safronis @ yandex.ru; тел. 8-(4912)-76-56-22

СИМОНЕНКО Ирина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии Курского государственного медицинского университета, директор Психологического центра «Доверие»
Контактная информация: E-mail: irinalik2004@mail.ru; тел. 8-(4712)-58-65-39

СОКОЛОВ Валерий Николаевич – кандидат технических наук, заместитель генерального директора по учебно-тренировочным средствам Центрального конструкторского бюро аппаратостроения (г. Тула)
Контактная информация: E-mail: Sokolov@cdbae.ru; тел. 8-(0872)-558-722

СОКОЛОВ Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, докторант кафедры новейшей истории отечества Московского педагогического государственного университета (МПГУ)
Контактная информация: E-mail: sen1966@yandex.ru; тел. 8-910-909-31-66

СЫРКИН Леонид Давидович – кандидат медицинских наук, доцент, руководитель центра практической психологии и социально-гуманитарных инициатив психологического факультета Московского государственного областного социально-гуманитарного

института, участник ликвидации аварии на ЧАЭС
Контактная информация: E-mail: syrkinld@mail.ru; тел. 8-926-353-38-71

ТЕМЕЖНИКОВА Надежда Дмитриевна – кандидат биологических наук, микробиолог Федерального государственного учреждения здравоохранения «Причерноморская противочумная станция» Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (ФГУЗ Причерноморская ПЧС Роспотребнадзора)
Контактная информация: E-mail: tnd_ru@hotmail.com; тел. (8617)-22-45-98

УРУБКОВА Лидия Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова
Контактная информация: E-mail: kafedra1@bk.ru; тел. 8-(4912)-75-42-38

УСОВ Виталий Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский испытательный центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина»
Контактная информация: E-mail: khoper.1946@gmail.com; тел. 8-926-725-24-68

ХРАМЧИХИН Александр Анатольевич – заместитель директора Института политического и военного анализа (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: hrmndanot@mail.ru; тел. 8-903-261-06-28

ШУМАТОВА Татьяна Александровна – доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой педиатрии с курсом иммунологии и аллергологии ФПК и ППС Владивостокского государственного медицинского университета
Контактная информация: E-mail: shumatov@mail.ru; тел. 8-423-257-81-65

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»

1. Правила оформления научных статей:
набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта – 14; междустрочный интервал –1,5; формат бумаги – А4; отступ – 5, поля – 20. Объём статьи – не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** – в конце статьи. Ссылки в тексте – в квадратных скобках, первая цифра – номер ссылки в концевом списке Примечаний, вторая цифра – номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи – прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке – фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электроннному адресу: rosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России –100 руб.; по странам СНГ – 250 руб.; стран дальнего зарубежья – определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия полжна быть заверена надлежащим образом.

7.Автору статьи высылается один бесплатный экземпляр журнала.

8. Наш почтовый адрес:
119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2. «Российский научный журнал».

9. Наши банковские реквизиты:
Наименование получателя платежа:
ИП Нагорнов Валентин Павлович
Р/счет № 40802810990350448401
в Ярославском филиале ОАО «Промсвязьбанк» г. Ярославль
ИНН 622900425707, БИК 047888707,
к/с 30101810800000000707 в ГРКЦ ГУ Банка России по Ярославской области
Назначение платежа – целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – – ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: ИП Нагорнов Валентин Павлович.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119313, Москва, Ленинский пр., 89, оф. 2

Тел./факс: (4912) 25-45-74, моб. 8-910-505-45-43
E-mail: rosnauka@mail.ru
http: // www.rnjournal.narod.ru

Сдано в набор 31.07.2011.
Подписано в печать 31.07.2011.
Тираж 1 200 экз.
Заказ № 583.
Отпечатано в ООО «Полиграфия».
390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.